C 109341

120=

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

3 ТМО Т. 3600000 З. 1425—91

74.9
150

74.9
Л50

СЕМЕЙНОЕ

ВОСПИТАНІЕ РЕБЕНКА

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

П. ЛЕСГАФТА.

С
1093416

ЧАСТЬ I. Школьные типы.

(Шестое изданіе).

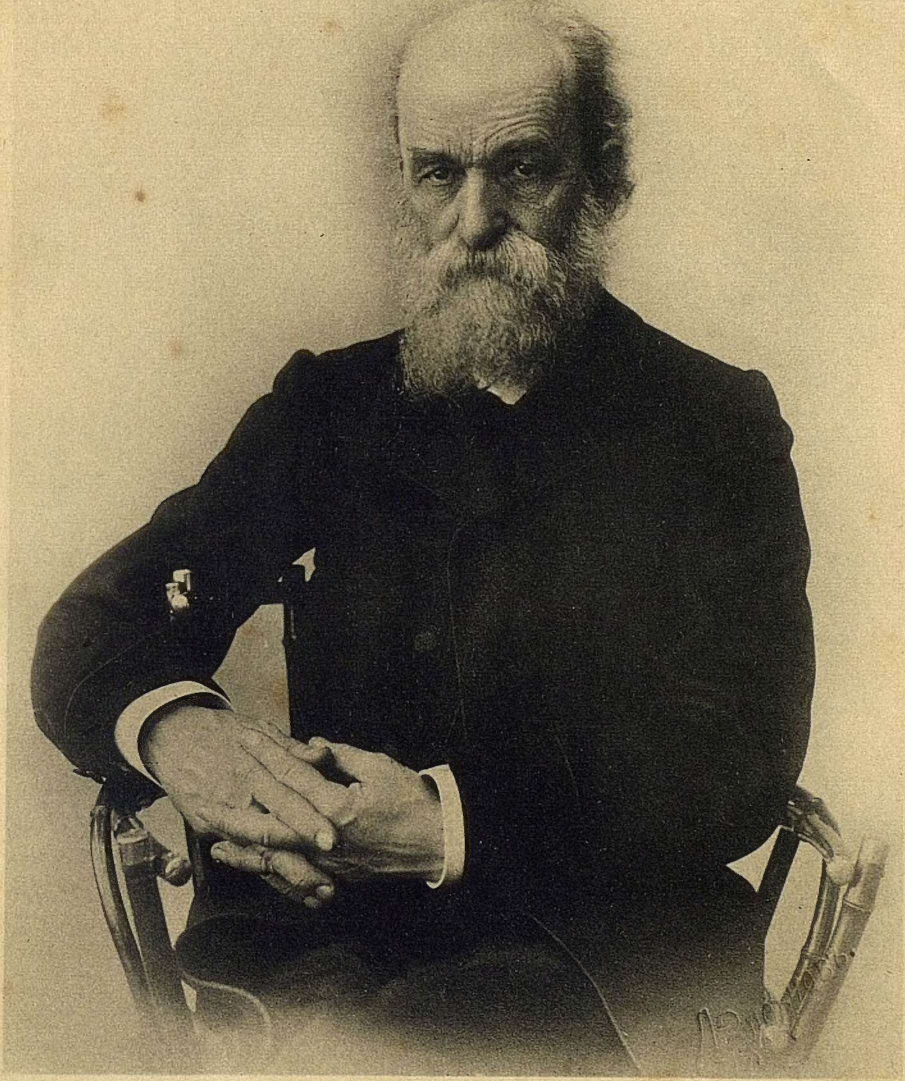
ЧАСТЬ II. Основныя проявленія ребенка.

(Пятое изданіе).

Посмертное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Бенке, Новый переулокъ, 2.
1910.

БЕЛГОРОДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА



П. Лесгафтъ.

Предисловіе.

Въ настоящемъ изданіи „Школьныхъ типовъ“ и „Основныхъ проявленій ребенка“ нѣсколько дополнены прежнія наблюденія и просмотрѣнъ разборъ послѣдняго отдѣла. Во второй части выпущенъ отдѣлъ о наслѣдственности потому, что вопросъ этотъ болѣе умѣстенъ въ третьей части этого сочиненія, при разборѣ послѣдовательнаго хода развитія ребенка со времени рожденія его на свѣтъ и до поступленія въ школу. Теоретическій же разборъ этого вопроса будетъ помѣщенъ во второй части „Основъ теоретической анатоміи“. Цѣль даннаго сочиненія — выяснить связь, существующую между условіями семейной жизни ребенка и его проявленіями, а также выяснить условія, въ зависимости отъ которыхъ устанавливаются темпераментъ, типъ и характеръ человѣка. Обыкновенно приписываютъ самому ребенку всѣ замѣчаемыя у него неблагопріятныя явленія, говорятъ даже иногда о врожденной его злостности, не думая и не подозрѣвая, что качества ребенка являются отраженіемъ качествъ окружающихъ его лицъ. Врожденными у ребенка можно считать только явленія, связанныя съ его темпераментомъ, т. е. только степень силы и быстроты его размышленій и дѣйствій. Затѣмъ онъ переживаетъ имитаціонный періодъ, во время котораго у него складываются его рѣчь, всѣ главные его привычки и обычаи, вообще, всѣ типичныя его явленія. На самомъ дѣлѣ ребенокъ долженъ являться серьезной причиной совершенствованія представителей семьи, въ особенности относительно ихъ правдивости, искренности и прямоты: если любящая мать озабочена развитіемъ своего ребенка и изъ наблюденія знаетъ, какъ качества

послѣдняго слагаются изъ дѣйствій и разсужденій окружающихъ его лицъ, то она несомнѣнно станетъ зорко слѣдить за всякимъ своимъ дѣйствіемъ и словомъ, избѣгать всякаго произвола и всегда щадить личность своего ребенка; этимъ она несомнѣнно будетъ содѣйствовать собственному своему совершенствованію, а полнымъ соотвѣтствіемъ между своимъ словомъ и дѣломъ непремѣнно пріучитъ и ребенка къ правдивости, непосредственности и искренности и этимъ положитъ вѣрное основаніе для развитія нравственнаго характера человѣка. При изученіи человѣка и условій его образованія всего глубже складывается убѣжденіе, насколько сильно вліяютъ не слова, а дѣйствія близкихъ лицъ на развивающагося ребенка, и насколько любовь къ труду, работа и правдивость воспитателя содѣйствуютъ нравственному развитію ребенка. Собранный въ этой книгѣ матеріалъ долженъ привести къ такимъ именно выводамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ показать, какое значеніе должна имѣть умная, толковая, правдивая, любящая мать. Степень совершенствованія общества всего вѣрнѣе опредѣляется степенью сознательнаго участія въ заботахъ о дѣтяхъ и ихъ благѣ, а это достигается только образованіемъ и связаннымъ съ нимъ нравственнымъ развитіемъ женщины. Если эта книга хотя нѣсколько будетъ содѣйствовать уменьшенію произвола при обращеніи съ ребенкомъ и укажетъ на крайнюю необходимость признавать его личность при его воспитаніи, то цѣль ея будетъ вполнѣ достигнута.

Въ заключеніе я долженъ высказать искреннюю благодарность Ѳ. И. Чентуковой за ея участіе при изданіи этой книги, вслѣдствіе чего она много выиграла во внѣшней своей обработкѣ.

П. Лесгафтъ.

28 Января 1900 г.
С.-Петербургъ.

Предисловіе къ 5-му изданію.

Это изданіе „Семейнаго воспитанія ребенка и его значенія“ выходитъ безъ измѣненія. Несмотря на то, что въ прежнихъ изданіяхъ разошлось уже болѣе 10000 экземпляровъ, и что одно изданіе вышло въ Парижѣ на французскомъ языкѣ, до сихъ поръ еще въ литературѣ не обсуждался вопросъ о значеніи типа ребенка, какъ одного изъ основныхъ проявленій его на ряду съ темпераментомъ и характеромъ человѣка. Темпераментъ человѣка, т. е. сила и быстрота его проявленій, есть въ первоначальномъ видѣ, несомнѣнно, явленіе наслѣдственное и находится въ связи со степенью энергіи производителей и экономическими условіями жизни лица. Типъ ребенка зависитъ отъ вліянія среды, въ которой онъ растетъ, и находится въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ его развитіемъ, его отношеніемъ къ правдѣ; это проявленіе дано ему извнѣ. Характеръ человѣка есть продуктъ зародившейся у него мысли и проявляется самостоятельными его дѣйствіями. Всѣ эти проявленія еще вездѣ смѣшиваютъ; точно также сбиваются при выясненіи вопроса объ ихъ происхожденіи, принимая ихъ постоянно за явленія наслѣдственныя. На самомъ дѣлѣ только проявленія темперамента могутъ быть наслѣдственными, проявленія же типа принадлежатъ вліянію среды, въ которой ребенокъ живетъ, а проявленіе характера зависитъ вполнѣ отъ степени самодѣятельности лица и развитія у него общихъ образовъ и пріемовъ, дозволяющихъ ему лично проявляться, проявлять свою волю. Только тогда, когда эта воля направлена правдою, истиною, выработанною самимъ лицомъ и признаваемою всѣми остальными, можно говорить

о нравственномъ характерѣ лица. Всѣ эти положенія еще мало выяснены въ литературѣ и не явились еще достояніемъ педагогики, не ложатся еще въ основаніе воспитанія ребенка. Понимая значеніе типа ребенка, приходится постоянно думать о своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ и строго дисциплинировать себя, такъ какъ то, что не желаешь видѣть у ребенка, не слѣдуетъ дѣлать самому. Характеръ же человѣка развивается *только* тогда, когда онъ имѣетъ возможность самостоятельно разсуждать и дѣйствовать, или когда онъ самъ это себѣ отвоевываетъ. Выясненіе этихъ условій, пониманіе ихъ заставятъ воспитателя относиться къ ребенку серьезнѣе, мягче и добрѣе, никогда не допустятъ прибѣгать къ какимъ-либо мѣрамъ наказанія или репрессіямъ, а заставятъ относиться съ бо́льшимъ вниманіемъ и любовью къ ребенку, чѣмъ это наблюдается теперь въ семьѣ и школѣ. Содѣйствовать этому и есть задача издаваемой книги, желательно только встрѣтить больше критики и обсужденія изложенныхъ здѣсь положеній.

П. Лесгафтъ.

12-го Ноября
1905 года.

Оглавленіе.

Предисловіе. стр.

Часть I. Школьные типы.

Введеніе 1
Лицемѣрный типъ 10
Честолюбивый типъ 23
Добродушный типъ 45
Мягко-забитый типъ 67
Злостно-забитый типъ 87
Угнетенный типъ 111

Часть II. Основныя проявленія ребенка и ихъ значеніе. 131

Темпераментъ 135
Типъ 161
Методъ 192
Характеръ 202

Введеніе.

Самое существенное требованіе, какое необходимо предъявить воспитателю и учителю, берущему на себя обязанность руководить ребенкомъ, вступающимъ въ школу, это, чтобы онъ понималъ ребенка, его психическія отправленія, а равно и его индивидуальныя свойства, такъ какъ, не зная условій психическаго развитія ребенка, воспитатель можетъ ежеминутно стать втупикъ передъ проявленіемъ той или другой черты нрава воспитанника, не сумѣетъ найти основной причины даннаго поступка и упуститъ изъ виду тѣсную связь индивидуальныхъ особенностей ребенка съ его до-школьною обстановкою и семейною дисциплиною.

Не менѣе необходимо для каждаго воспитателя отдавать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ требованіяхъ, которыя ставятъ ребенку въ стѣнахъ школы, и строго слѣдить за тѣмъ вліяніемъ, какое оказываетъ на ребенка школьный порядокъ. Сплошь и рядомъ приходится наблюдать, что какъ родители въ семьѣ, такъ и воспитатели въ школѣ воздѣйствуютъ на ребенка, совершенно не отдавая себѣ отчета, почему именно слѣдуетъ примѣнять къ нему тѣ или другія воспитательныя мѣры; а вѣдь подобное *безсознательное* руководство личностью ребенка никогда не проходитъ безъ серьезныхъ послѣдствій и отзывается иногда на всей его послѣдующей жизни.

Большинство воспитателей, въ случаѣ неудачи своихъ педагогическихъ мѣропріятій, охотно сваливаетъ все на пресловутую „наслѣдственность“, на „прирожденную испорченность“ дѣтской *натуры* или же, въ утѣшеніе себѣ и другимъ, ссылается на какія-то неуловимыя вліянія, которыхъ будто бы нельзя ни предусмотрѣть, ни избѣжать.

Привыкнувъ въ обыденной жизни къ очень поспѣшнымъ заключеніямъ, когда приходится указывать причину того или

другого поступка взрослаго человѣка, обыкновенно ограничиваются только обвиненіями и порицаніями также и тогда, когда спрашиваютъ: гдѣ искать причины дурныхъ привычекъ или безнравственныхъ поступковъ ребенка, едва достигшаго школьнаго возраста?

Однако эти обвиненія и порицанія ровно ничего не уясняютъ, а только доказываютъ, что педагогъ не желаетъ взять на себя трудъ выяснить тѣ психическіе мотивы, которые составляютъ подкладку каждаго человѣческаго поступка. Вслѣдствіе недостатка вниманія, а главное вслѣдствіе незнанія, обыкновенно спѣшатъ допустить существованіе *врожденныхъ* дурныхъ наклонностей, краснорѣчиво толкуютъ о „неисправимоиспорченныхъ“ дѣтяхъ, точно эта испорченность явилась сама по себѣ, и за нее отвѣтственъ самъ ребенокъ! Вліяніе руководства взрослыхъ какъ-то всегда остается въ тѣни; и вѣрить не хотятъ, что „испорченность“ ребенка школьнаго или дошкольнаго возраста есть результатъ системы воспитанія, за которую расплачивается все-таки одинъ воспитанникъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ не прирожденная тупость (нравственная или умственная) ребенка, а педагогическія ошибки подготовляютъ ребенку горькую будущность, оставляя на его личныхъ проявленіяхъ и привычкахъ неизгладимые слѣды нравственной порчи и умственнаго безсилія.

Кому не извѣстно, что все дѣло воспитанія (и въ семьѣ, и въ школѣ) зачастую сводится къ тому, что ребенка нужно „*учить*“, при чемъ подъ словомъ „учить“ нерѣдко подразумѣваютъ: „*взыскать*“, „*наказать*“, „*пригрозить*“ и т. д. Да иначе и быть не можетъ, пока будутъ поступать совершенно слѣпо, по рутинѣ, не отдавая себѣ отчета въ каждомъ шагѣ; если не „познать себя“, не пріучиться связывать причину со слѣдствіемъ, то рутинные педагогическіе пріемы принудительнаго характера попрежнему будутъ царить въ стѣнахъ школы, какъ и въ семейномъ быту.

Въ настоящемъ этюдѣ представлены главные типы дѣтей, которые приходится наблюдать при появленіи ихъ въ школѣ, и, по возможности, выяснена связь, существующая между наблюдаемыми типичными проявленіями и условіями, при которыхъ дѣти развиваются въ семьѣ. Результаты приводимыхъ наблюденій еще очень неполны, и если они представлены въ видѣ антропологическаго этюда, то только для того, чтобы вызвать дальнѣйшія наблюденія и провѣрки и, такимъ образомъ,

общими усиліями выяснить развитіе и значеніе типовъ, встрѣчаемыхъ въ школѣ и въ семьѣ. Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію и выясненію этихъ типовъ, необходимо установить значеніе нѣкоторыхъ употребляемыхъ здѣсь выраженій, чтобы придать имъ, по возможности, точный и опредѣленный смыслъ.

Самый простой актъ, вызываемый раздраженіемъ какой-либо части чувствительной поверхности тѣла, есть отраженный (рефлекторный), при чемъ подъ словомъ „чувствительность“ слѣдуетъ разумѣть способность воспринимать раздраженія, дѣйствующія на какую-нибудь часть живого организма. Актъ этотъ состоитъ изъ раздраженія чувствительной поверхности (кожа, всѣ ткани и органы тѣла), передачи этого раздраженія по проводнику, идущему отъ этой поверхности, а именно, отъ той части, на которую непосредственно подѣйствовало раздраженіе, къ мѣсту, гдѣ проводникъ оканчивается (сѣрое вещество задней части спинного мозга, наружной части верхней поверхности продолговатаго мозга, мозжечка, узловъ основанія головного мозга и узловъ симпатической системы). Мѣсто это представляетъ центральный конецъ проводника. Распространяясь дальше по выходящимъ отсюда проводникамъ до ближайшихъ центровъ (сѣрое вещество передней части спинного мозга, внутренней части верхней поверхности продолговатаго мозга и тѣхъ же мозговыхъ центровъ, какъ и въ первомъ случаѣ), раздраженіе переходитъ отсюда на дальнѣйшіе проводники, достигаетъ до мышечнаго тѣла и вызываетъ въ немъ сокращеніе, заканчивая такимъ образомъ этотъ простѣйшій психическій актъ. Такой актъ по существу своему нецѣлесообразенъ, такъ какъ эффектъ раздраженія будетъ представлять собой рядъ движеній, не достигающихъ опредѣленной цѣли, и только степень движенія будетъ зависѣть отъ степени раздраженія. Только въ томъ случаѣ, если дѣйствующее на чувствительную поверхность возбужденіе или раздраженіе доходитъ до центровъ сознательной дѣятельности и при повтореніи становится привычнымъ, появляющееся опытно-рефлекторное дѣйствіе и становится цѣлесообразнымъ. Такія дѣйствія наблюдаются у человѣка въ видѣ, такъ называемыхъ, инстинктивныхъ дѣйствій. Все только что сказанное вполнѣ подтверждается при совершенно объективномъ наблюденіи надъ новорожденнымъ ребенкомъ, но теперь не будемъ останавливаться надъ доказательствами этого положенія; послѣ, при изученіи новорожден-

наго, прослѣдимъ шагъ за шагомъ за всѣми замѣчаемыми у него явленіями и тогда убѣдимся въ вѣрности сказаннаго. Необходимо еще замѣтить, что всѣ проводники и упомянутые выше центры совершенно индифферентны къ передаваемому раздраженію, и если они обыкновенно проводятъ раздраженіе *только* въ одну сторону, то это зависитъ отъ тѣхъ частей, которыми они начинаются и оканчиваются. Первыя части, т. е. начала проводниковъ, способны только воспринимать раздраженія, а окончанія проводниковъ могутъ только передать это раздраженіе тѣмъ органамъ, въ которыхъ они оканчиваются; такими органами, повидимому, бываютъ однѣ только мышцы. Если весь этотъ актъ объективной передачи раздраженія вызываетъ безцѣльныя (отраженныя) дѣйствія, то онъ остается безсознательнымъ и субъективно не воспринимается; если же движенія, вызываемыя имъ, цѣлесообразны, то они составляютъ повтореніе бывшихъ въ сознаніи и субъективно воспринятыхъ раздраженій. Отдѣльными моментами этого акта будутъ, слѣдовательно, раздраженіе, которое доходитъ до центра объективнаго воспріятія, затѣмъ передача раздраженія центрамъ объективной дѣятельности и, наконецъ, проявленіе его въ видѣ движенія, дѣйствія.

Но раздраженіе можетъ при постепенномъ и послѣдовательномъ дѣйствіи передаться по проводникамъ дальше, къ периферіи большихъ полушарій мозга, къ сознательнымъ, или субъективнымъ центрамъ, являясь здѣсь въ видѣ ощущенія или чувствованія (удовольствія или страданія), и выразится уже въ видѣ желанія или хотѣнія. Для осуществленія этого сознательнаго акта опять же необходимо раньше всего периферическое раздраженіе (кожа, всѣ ткани и органы тѣла), затѣмъ передача полученнаго раздраженія центрамъ объективнаго воспріятія (сѣрое вещество спинного мозга, продолговатаго мозга, мозжечка и узловъ основанія головного мозга) и дальнѣйшая передача раздраженія центрамъ субъективнаго воспріятія, гдѣ оно проявляется въ видѣ ощущенія или чувствованія. Послѣднія составляютъ, слѣдовательно, послѣдствіе или результатъ передачи раздраженія сознательнымъ центрамъ (корковый слой головного мозга). Вліяніе разновременныхъ или различныхъ по степени и качеству раздраженій вызываетъ въ центрѣ субъективнаго воспріятія сравненіе, порождающее мысль, или сужденіе. Далѣе, раздраженіе, передаваясь центрамъ субъективной дѣятельности (психомоторнымъ центрамъ), является

здѣсь въ видѣ желанія или хотѣнія, которое обнаруживается движеніемъ. Необходимо опять же помнить, что раздраженія обыкновенно передаются по всѣмъ указаннымъ проводникамъ только въ одномъ направленіи и ни въ какомъ случаѣ не обратно. Проводникъ, идущій отъ узла и оканчивающійся въ мышцѣ, передавая сюда раздраженіе, можетъ вызвать только мышечное сокращеніе. Проводники же, идущіе отъ поверхности большихъ полушарій мозга къ узламъ и отъ послѣднихъ къ мышцамъ, получаютъ свое раздраженіе отъ существующихъ на этой поверхности органовъ сознательнаго дѣйствія (психомоторныхъ центровъ), съ дѣятельностью которыхъ и связаны мышечныя ощущенія. Опредѣленіе Н. Грота [1]), что инстинктъ есть „такое психическое преемство, въ которомъ моментъ субъективнаго воспріятія вполнѣ поглощается моментомъ субъективнаго движенія“, является, на основаніи всего сказаннаго, опредѣленіемъ, которое трудно связать со строеніемъ и отправленіемъ органовъ, въ которыхъ такая дѣятельность происходитъ.

Въ сознательныхъ центрахъ необходимо отличать центръ разсудка отъ центра разума. *Разсудокъ* есть, по Канту, способность сужденія (Vermögen der Urtheile), т. е. способность сравнивать отношенія различныхъ представленій, наглядно или непосредственно воспринятыхъ; результатомъ этого сравненія являются знаніе субъективно усвоенныхъ представленій и опытность, которыя, слѣдовательно, вырабатываются дѣятельностью разсудка. Знаніе и опытъ могутъ вызвать въ центрѣ субъективной дѣятельности (психо-моторномъ) желаніе или хотѣніе, но дѣятельность эта будетъ во всѣхъ отношеніяхъ подражательная, а не самостоятельная, творческая, такъ какъ она ничего не прибавляетъ къ характеру тѣхъ образовъ и представленій, которые служатъ ей матеріаломъ, а, руководясь сравненіемъ, дѣлаетъ изъ нихъ только выборъ, соотвѣтствующій той или другой цѣли. Органомъ, или сѣдалищемъ *разсудка*, можетъ быть признана область поверхности большихъ полушарій мозга, извѣстная подъ названіемъ *органа наглядnаго воспріятія*. Часть области, лежащая выше Сильвіевой борозды, составляетъ органъ *наглядnаго воспріятія пространственныхъ соотношеній* (Organ der Raumanschauung—Flechsig), а часть, лежащая ниже этой борозды, будетъ органомъ *наглядnаго вос-*

[1]) Психологія чувствованій. Спб. 1880, стр. 440.

пріятія соотношеній по времени.—*Разумъ* есть способность выводить заключенія изъ посылокъ или ясныхъ представленій, данныхъ разсудкомъ (Vermögen der Schlüsse), т. е. способность устанавливать основныя различія и сходства этихъ посылокъ или мыслей, лежащихъ въ основаніи послѣднихъ. Это уже будетъ не знаніе, а пониманіе на основаніи анализа и синтеза получаемыхъ посылокъ. Дѣятельность разума проявляется исключительно отвлеченнымъ мышленіемъ. Эта способность, видимо, развивается при медленномъ и настойчивомъ, постепенномъ и послѣдовательномъ разборѣ усвоенныхъ знаній и мыслей. Дѣятельностью разума изъ частныхъ посылокъ создаются общія идеи и истины, и, наоборотъ, послѣднія разлагаются на элементы или представленія, служащія имъ основаніемъ. Такимъ образомъ, разумомъ провѣряются идеи и выводятся *истины*, т. е. ясно сознанныя идеи, строго соотвѣтствующія характеру образовъ, легшихъ въ основаніе при возникновеніи ихъ. Только разумомъ вызывается волевая дѣятельность, самостоятельная, творческая, указывающая на видоизмѣненія въ проявленіи усвоенныхъ идей и истинъ. Органомъ, или сѣдалищемъ *разума*, могутъ быть признаны области поверхности большихъ полушарій мозга, лежащія спереди, подъ и позади области, занимаемой органомъ разсудка. Стѣнки Сильвіевой борозды, а въ особенности извилина Брока, служатъ, повидимому, органомъ, имѣющимъ отношеніе къ рѣчи. Разумомъ человѣкъ отличается отъ животныхъ, у которыхъ можно наблюдать развѣ только разсудочныя проявленія. Дѣятельность разума развивается только при извѣстныхъ условіяхъ; человѣкъ можетъ прожить всю свою жизнь, не развивъ у себя этой способности.

Подобно тому, какъ раздраженіе дѣйствуетъ на внѣшнюю чувствительную поверхность, на отдѣльныя части органовъ движенія, вообще на всѣ органы животной жизни, оно дѣйствуетъ и на органы растительной жизни (пищеваренія, дыханія, выдѣленія и воспроизведенія). Здѣсь встрѣчается только больше препятствій, которыя приходится преодолѣть, чтобы передать раздраженіе отъ органовъ растительной жизни сознательнымъ центрамъ, гдѣ оно также выражается чувствованіемъ, которое можетъ возрасти до страсти, если эти чувствованія не будутъ задерживаться отправленіями разума. Страсть есть назойливое или укоренившееся желаніе. Важность этихъ ощущеній видна изъ нижеслѣдующаго разбора.

Признаки жизнедѣятельности ткани состоятъ въ питаніи, движеніи и чувствительности. Первое явленіе, въ свою очередь, состоитъ изъ постоянной траты и накопленія матеріала и усиливается при раздраженіи и дѣятельности ткани или органа. Усиленная дѣятельность ткани, суммируясь, производитъ раздраженіе, которое дойдя до сознательныхъ центровъ, проявляется здѣсь въ видѣ чувствованія, и именно, въ видѣ *удовольствія* или *страданія*. Чувствованіе, слѣдовательно, есть такое состояніе сознанія, которое вытекаетъ изъ субъективной оцѣнки ощущеній. „Основою для образованія различныхъ чувствованій, говоритъ Н. Гротъ, должно считать отношеніе работы какой-нибудь ткани организма къ ея энергіи. Всякое возбужденіе нашихъ тканей съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, какія оно за собой влечетъ, называется *работою этихъ тканей*. Всякое состояніе ихъ, предшествующее этой работѣ, принято разсматривать въ отношеніи къ послѣдней съ точки зрѣнія силы или энергіи, какую эти ткани могутъ обнаруживать во время работы: въ этомъ смыслѣ состояніе тканей равносильно присущей имъ энергіи“ [1]).

Эти чувствованія соотвѣтственно дѣленію, приводимому Гротомъ, могутъ быть положительныя и отрицательныя.

Положительное удовольствіе сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе между тратою матеріала и предшествовавшимъ ей накопленіемъ его. Оно выражается наслажденіемъ — чувствованіемъ, сопровождающимъ посильную работу.

Отрицательное удовольствіе сопровождаетъ всякое накопленіе вещества соотвѣтственно предшествовавшей ему тратѣ. Оно выражается отдыхомъ, возстановленіемъ.

Положительное страданіе сопровождаетъ всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ предшествовавшимъ ему накопленіемъ. Оно выражается усталостью, истощеніемъ и даже изнуреніемъ.

Отрицательное страданіе сопровождаетъ всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою. Оно вызывается лишеніемъ привычнаго раздражителя и выражается потребностью дѣятельности.

Что касается до внѣшнихъ выраженій чувствованій и въ особенности выраженія лица, то ихъ общій характеръ опредѣляется слѣдующимъ общимъ положеніемъ: „пріучаясь от-

[1]) L. c., стр. 189.

носить сокращенія мышцъ, окружающихъ органы чувствъ, къ получаемымъ впечатлѣніямъ, обыкновенно производятъ такія же сокращенія подъ вліяніемъ чувствованій, соотвѣтствующихъ этимъ впечатлѣніямъ, при чемъ степень сокращенія и число участвующихъ мышечныхъ группъ прямо пропорціональны силѣ впечатлѣнія“ [1]). Здѣсь приводится только общее положеніе, которое можно примѣнять при выясненіи каждаго отдѣльнаго выраженія, при чемъ это общее положеніе болѣе выясняется на частныхъ примѣрахъ. Внѣшнія выраженія всѣхъ душевныхъ волненій, или эмоцій, составляютъ только повторенія движеній и выраженій, производимыхъ первоначально подъ вліяніемъ дѣйствующихъ непосредственно на тѣло возбужденій и раздраженій, а также подъ непосредственнымъ вліяніемъ ощущеній, сопровождающихъ отправленія всѣхъ органовъ животной и растительной жизни. Мышечныя ощущенія и ощущенія, связанныя съ дѣятельностью органовъ чувствъ, могутъ быть признаны (Бэнъ) за первичныя, или основныя, чувствованія, а эмоціи, или душевныя волненія, за вторичныя, производныя, или сложныя, чувствованія. Согласно съ этимъ и внѣшнія выраженія послѣднихъ всегда должны соотвѣтствовать реальнымъ чувствованіямъ первыхъ, какъ ихъ элементамъ. Поэтому, внѣшнія выраженія душевныхъ волненій, или эмоцій, по качеству и степени должны состоять изъ движеній, сопровождающихъ тѣ простыя, или основныя, чувствованія, изъ которыхъ данныя эмоціи складываются, или которымъ онѣ соотвѣтствуютъ.

Относительно вліянія внѣшнихъ впечатлѣній можно сказать: „всякое возбужденіе или раздраженіе непремѣнно переходитъ или непосредственно въ мышечное сокращеніе, или въ умственную работу“. Въ послѣднюю оно переходитъ только въ томъ случаѣ, если предыдущею послѣдовательною и постепенною дѣятельностью были устранены препятствія на пути къ сознательнымъ центрамъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, если уже проложены пути къ этимъ центрамъ.

---

[1]) П. Лесгафтъ. О генетической связи между выраженіемъ лица и дѣятельностью мышцъ, окружающихъ органы высшихъ чувствъ. Москва. 1881. Извѣстія Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

I. Школьные типы.

(Антропологическій этюдъ).

Соотвѣтственно постепенному и послѣдовательному ходу развитія умственныхъ способностей у ребенка нормальнаго типа можно бы различать при его развитіи слѣдующіе періоды.

1) *Хаотическій* періодъ, въ которомъ находится новорожденный ребенокъ.

2) *Рефлекторно-опытный*, продолжающійся главнымъ образомъ до появленія рѣчи, слѣдовательно, приблизительно до начала второго года послѣ появленія ребенка на свѣтъ.

3) *Подражательно-реальный*—до школьнаго періода.

4) *Подражательно-идейный*—школьный періодъ до 20-лѣтняго возраста.

5) *Критико-творческій* періодъ, къ которому собственно долженъ принадлежать взрослый, зрѣлый возрастъ съ различными подраздѣленіями.

Эти періоды при выясненіи идеальнаго, нормальнаго типа ребенка будутъ прослѣжены только до школьнаго періода. Прежде же всего посмотримъ, въ какомъ видѣ ребенокъ является въ школу, и какая связь существуетъ между его прежнею семейною жизнью и тѣмъ типомъ, къ которому его можно отнести, наблюдая его при появленіи въ школѣ.

Самые характерные изъ замѣченныхъ типовъ слѣдующіе:

1) Типъ лицемѣрный.
2) „ честолюбивый.
3) „ добродушный.
4) „ забитый—мягкій.
5) „ забитый—злостный.
6) „ угнетенный.

Прослѣдимъ теперь эти типы въ частности.

1. Лицемѣрный типъ.

Ребенокъ лицемѣрнаго типа при появленіи въ школѣ отличается обыкновенно своею скромною внѣшностью; въ играхъ онъ подвиженъ и веселъ. Вначалѣ онъ очень привѣтливъ и внимателенъ ко всѣмъ окружающимъ, а потомъ болѣе къ тѣмъ, отъ которыхъ что-либо зависитъ. Онъ сближается съ ними всего болѣе, угождаетъ имъ и даже внимательно предупреждаетъ различныя ихъ желанія. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ ласкается къ своимъ учителямъ и воспитателямъ, цѣлуетъ ихъ (въ особенности дѣвочки) и конфузливо указываетъ на свою привязанность къ нимъ. Онъ охотно говоритъ съ ними о добрѣ и не пропускаетъ случая высказывать самыя ходячія правила нравственности, заученныя имъ наизусть, смотря при этомъ прямо въ глаза наставнику, къ которому обращается. Для этого онъ въ особенности пользуется случаемъ, когда замѣченъ какой-нибудь проступокъ товарища. Иногда онъ является съ виду такимъ простодушнымъ или откровенно-добродушнымъ ребенкомъ, что всѣ къ нему относятся съ участіемъ. Въ классѣ онъ всегда старается быть скромнымъ и только своею высокоподнятою подвижной рукой показываетъ учителю свою готовность отвѣчать или рѣшать задачу. Отвѣты его, не всегда удачные, чаще всего содержатъ въ себѣ слова учителя, которыя онъ успѣлъ запомнить. Такой ребенокъ вначалѣ обыкновенно учится хорошо и примѣрно исполняетъ все, что отъ него требуется, но это продолжается недолго.

Вскорѣ оказывается, что этотъ прелестный ребенокъ нелюбимъ своими товарищами; это часто поражаетъ наставника, который, однако, сначала объясняетъ себѣ это явленіе кознями худыхъ учениковъ, тѣмъ болѣе, что неудовольствіе и является раньше всего со стороны учениковъ, нелюбимыхъ учителемъ. Мало-по-малу этотъ ребенокъ все болѣе отдаляется отъ своего класса, оставаясь однакоже часто любимцемъ учителя, который, видя его угнетеннымъ и преслѣдуемымъ, еще болѣе покровительствуетъ ему. При этомъ сближеніи съ наставникомъ ребенокъ передаетъ, то какъ бы случайно въ разговорѣ, а то и прямо всѣ дѣйствія товарищей и ихъ проступки.

Въ отношеніяхъ своихъ къ низшимъ, а въ особенности къ прислугѣ онъ всегда отличается большою важностью, даже грубостью и хвастовствомъ. Стараясь унизить другихъ, онъ

постоянно чѣмъ нибудь хвастаетъ: богатствомъ, родовитостью, значеніемъ родныхъ или знакомыхъ, связями, знакомствами съ именитыми и высокопоставленными и авторитетными лицами, выдумывая при этомъ всевозможныя небылицы, и попрекаетъ другихъ низкимъ происхожденіемъ и дурными качествами. Хвастовство принадлежитъ вообще къ очень обычнымъ явленіямъ у ребенка лицемѣрнаго типа. Вмѣстѣ съ этимъ такія дѣти часто обожаютъ, преклоняются и охотно унижаются передъ выдающимися въ обществѣ лицами. Они часто ведутъ даже цѣлыя записи и дѣлаютъ свои замѣтки о встрѣчѣ, случайномъ словѣ или газетномъ извѣстіи о такихъ лицахъ, постоянно замѣчая и слѣпо повторяя все ими у нихъ подмѣченное. Во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ не замѣтно ни умственнаго, ни душевнаго участія, а только одно слѣпое поклоненіе и хвастливое повтореніе всего ими внѣшне воспринятаго.

Лицемѣрный ребенокъ часто пользуется хорошимъ расположеніемъ наставниковъ, чтобы подъ различными предлогами отдѣлываться отъ своихъ занятій. То ребенокъ прямо высказываетъ нерасположеніе заниматься, дѣйствуя при этомъ своею откровенностью, то у него являются различныя страданія, мѣшающія ему заниматься, при чемъ онъ даже самъ заявляетъ свое сожалѣніе, что долженъ пропускать свои занятія, и часто кажется, что онъ, дѣйствительно, озабоченъ и огорченъ этимъ.

Вообще онъ часто прибѣгаетъ къ различнымъ болѣзнямъ, которыми онъ якобы страдаетъ; ими онъ желаетъ разжалобить окружающихъ и тѣмъ достигнуть удовлетворенія своихъ желаній. Мнимыя страданія въ видѣ кашля, кровохарканья, которое онъ вызываетъ, растравляя себѣ десны до крови, притворная слабость, нервные и даже психическіе припадки составляютъ излюбленныя средства, къ которымъ такой ребенокъ очень часто и охотно прибѣгаетъ.

Наблюдался случай, гдѣ подобный ребенокъ, желая освободиться отъ предстоящихъ экзаменовъ, еще болѣе чѣмъ за два мѣсяца до нихъ сталъ заявлять своему воспитателю, что онъ плохо видитъ. Онъ постоянно сталъ натыкаться на различные предметы и на людей, въ особенности, когда при этомъ было много свидѣтелей, и, наконецъ, заявилъ, что ничего не видитъ. Его водили къ врачамъ, совѣтовались съ ними; эти послѣдніе, изслѣдовавъ его, заявили, что въ этомъ случаѣ страданіе можно допустить, какъ слѣдствіе его слабости и ма-

локровія и т. д. Обо всемъ этомъ сообщили родственникамъ, которые, однако, знали ребенка и наказаніемъ сдѣлали его зрячимъ.

Въ школѣ часто случаются пропажи мелкихъ вещей у товарищей, которыя также часто находятся у этого любимца. Онъ какъ будто не отличаетъ имущества другихъ отъ своего, при чемъ свое все же тщательно хранитъ и въ этомъ отношеніи отличается нѣкоторою скупостью, а иногда даже жадностью. Часто онъ собираетъ совершенно негодныя и ненужныя ему вещи, а если что ему нравится своимъ видомъ, блескомъ, цвѣтомъ или вкусомъ, то онъ почти что не въ состояніи удержать себя отъ присвоенія этой вещи. Нуждаясь въ чемъ нибудь, онъ обыкновенно предпочитаетъ заполучить необходимую ему вещь скорѣе тайкомъ, чѣмъ открытымъ путемъ.

Всѣ эти качества, открытыя наставникомъ, измѣняютъ нѣсколько его отношеніе къ ребенку, онъ начинаетъ къ нему присматриваться болѣе объективно и видѣть его недостатки. Ребенокъ же, не находя болѣе для себя никакой выгоды въ приспособленіи къ старшимъ, какъ бы махнетъ на все рукою и явится уже въ настоящемъ своемъ видѣ. Только подъ опасеніемъ наказанія онъ исполняетъ требованія старшихъ, а всего того, за что онъ, по своему мнѣнію, наказанію не подвергнется, онъ не исполняетъ. Онъ отдѣлывается, гдѣ только возможно, самой беззастѣнчивой ложью, говоря часто неправду, иногда даже безъ всякой нужды, съ совершенно невиннымъ и откровеннымъ видомъ. Подозрѣваемый или даже уличенный во лжи, онъ никогда не сознается, въ особенности если не предвидитъ наказанія. Всѣми средствами, а иногда и рядомъ небылицъ онъ старается оправдаться, и если ничто не помогаетъ, онъ, заливаясь слезами, горько будетъ жаловаться на несправедливость и пристрастное отношеніе къ нему окружающихъ. Ложь составляетъ вообще характерное явленіе у такого ребенка.

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствуется только личною выгодою и совершенно безучастенъ къ требованіямъ или страданіямъ другихъ, даже самыхъ близкихъ ему лицъ. Только что увидѣвъ страданія и мученія, причиненныя имъ другимъ, онъ можетъ спокойно заснуть безмятежнымъ сномъ, какъ будто онъ тутъ ни при чемъ. Онъ ни къ кому и ни къ чему не привязанъ и даже охотно мѣняетъ свои связи и

условія жизни, такъ какъ при новой обстановкѣ и среди новыхъ людей опять пользуется прежними выгодами и дѣлается на время любимымъ ребенкомъ. Если новые окружающіе его люди окажутся добрыми, мягкими и ненастойчивыми, то онъ будетъ выказывать замѣчательную самоувѣренность; оказывается, что онъ все знаетъ; онъ будетъ учить даже взрослыхъ и всегда будетъ пользоваться ими для своей выгоды; вскорѣ онъ такъ безцеремонно и увѣренно будетъ всѣмъ распоряжаться, что сдѣлается властелиномъ и тираномъ окружающихъ, при чемъ всегда будетъ отличаться своею требовательностью и безсердечіемъ. Ни малѣйшей скромности или деликатности у него нѣтъ; онъ знаетъ, какъ уже сказано, только свою выгоду и исключительно ею руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ. Привязанность его къ другому можетъ выразиться только въ томъ, что онъ не дастъ чужому сдѣлать что либо невыгодное этому близкому лицу или что нибудь взять у него, при чемъ самъ вскорѣ можетъ нанести этому же лицу гораздо большій вредъ, если это для него самого будетъ выгодно.

Между товарищами онъ всегда нелюбимъ; часто онъ еще находитъ себѣ приверженцевъ въ мягко-забитыхъ дѣтяхъ, которыми онъ распоряжается по-своему, обыкновенно одѣляя ихъ имъ же принадлежащимъ имуществомъ или же заставляя ихъ дѣлать и отвѣчать за себя. Эта „жила“ или „лисичка“ въ классѣ всегда преслѣдуется всѣми остальными учениками. Онъ всегда отличается своимъ хвастовствомъ и надменностью въ отношеніи слабыхъ и низшихъ, лестью и трусостью въ отношеніи сильныхъ и старшихъ. Клевета, сплетня, наговоръ, доносы, ложь дѣлаютъ его какъ невозможнымъ товарищемъ, такъ и вообще невозможнымъ сожителемъ.

Если такого ребенка исключатъ изъ школы за лѣность или другія подобныя качества, или если школа на него вообще мало повліяетъ, то онъ является въ обществѣ либо съ внѣшнимъ видомъ кроткаго и сострадательнаго благотворителя, разыгрывающаго роль отца и благодѣтеля, либо въ видѣ мнимаго страдальца или ханжи, — этихъ вредныхъ паразитовъ общества, не пропускающихъ ни одного выгоднаго для себя случая, чтобы не воспользоваться имъ, — либо въ видѣ того нахальнаго и самоувѣреннаго человѣка, для котораго нѣтъ ничего святого, и который знаетъ только личную свою выгоду и удовлетвореніе своихъ животныхъ стремленій и потребностей.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ могъ развиться такой типъ въ семьѣ и дойти иногда еще внѣ школы до такихъ твердо установившихся формъ, какія приходится встрѣчать тамъ? Какія условія могли создать такого ребенка, какую связь и значеніе имѣютъ всѣ тѣ явленія, которыя у него наблюдаются?

Случаи, гдѣ можно было прослѣдить за условіями, при которыхъ такія дѣти росли до появленія ихъ въ школѣ, даютъ возможность предположить, что развитію такого типа болѣе всего способствуютъ: ложь и лицемѣріе со стороны старшихъ, окружающихъ ребенка, чисто практическое направленіе домашней жизни, постоянный мелкій расчетъ и стремленіе къ легкой наживѣ, отсутствіе всякой заботы о дѣтяхъ, оставленныхъ на собственномъ ихъ попеченіи или на произволъ судьбы; всякая ложь и лицемѣріе, требуемыя отъ дѣтей, а также соблюденіе различныхъ внѣшнихъ обрядовъ, значеніе которыхъ не объяснено ребенку или даже недоступно его пониманію; отсутствіе условій, возбуждающихъ вниманіе ребенка и вызывающихъ его на размышленіе, или даже стараніе окружающихъ устранить такія разсужденія; удовлетвореніе тѣхъ желаній ребенка, исполненія которыхъ онъ стремится достичь ласкою, смиреннымъ видомъ и выпрашиваніемъ; участіе ребенка во всевозможныхъ расчетахъ и развлеченіяхъ взрослыхъ, какъ, напр., карты, угощенія, попойки и т. д.; требованіе только внѣшняго приличія въ выраженіяхъ и въ разговорѣ съ другими при общей распущенности всего окружающаго ребенка, почему онъ и усваиваетъ себѣ только одни выраженія и фразы; вообще, всѣ тѣ случаи, гдѣ ничто не возбуждаетъ ребенка къ мышленію, и гдѣ онъ окруженъ ложью и лицемѣріемъ, въ какомъ бы то ни было видѣ. Ребенокъ, то остающійся безъ всякаго призора и вниманія, то принимающій участіе въ расчетахъ и развлеченіяхъ взрослыхъ, научается цѣнить эти послѣднія и потомъ старается уже прибѣгать ко всевозможнымъ пріемамъ, чтобы только ими пользоваться.

Прослѣдимъ теперь связь между этими условіями и явленіями, замѣчаемыми у ребенка впослѣдствіи, при появленіи его въ школѣ.

При объективномъ наблюденіи за новорожденнымъ легко убѣдиться, что у него существуютъ только нецѣлесообразныя рефлекторныя явленія и нѣтъ ни единаго, такъ называемаго,

опытно-рефлекторнаго дѣйствія. Изъ всѣхъ этихъ хаотическихъ рефлекторныхъ движеній младенецъ очень скоро начинаетъ выдѣлять движенія, удовлетворяющія его или удаляющія причины, вызвавшія эти рефлекторныя явленія. Если наблюдать безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, то не трудно убѣдиться, что новорожденный не умѣетъ сосать, но что онъ очень быстро пріучается къ этому, выдѣляя изъ хаотическихъ движеній тѣ, которыя подъ вліяніемъ болѣе непосредственнаго раздраженія, вслѣдствіе соприкосновенія съ соскомъ и истекающимъ оттуда молокомъ, скорѣе удовлетворяютъ причину раздраженія. Младенецъ первоначально совершенно не въ состояніи приспособить свои руки къ захватыванію или удерживанію предметовъ, но при частомъ соприкосновеніи съ ними онъ скоро выдѣляетъ болѣе цѣлесообразныя движенія и вскорѣ въ состояніи захватывать и удерживать, напр., грудь при сосаніи. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ уже участвуетъ сознательная дѣятельность; это не что другое, какъ цѣлесообразныя рефлекторныя явленія, выдѣленныя изъ хаотическихъ движеній на основаніи сознательнаго воспріятія болѣе рѣзкихъ впечатлѣній и раздраженій и частаго повторенія соотвѣтственныхъ дѣйствій, или, иначе говоря, на основаніи опыта.

Впослѣдствіи, при всѣхъ быстрыхъ, сильныхъ и неожиданныхъ раздраженіяхъ или впечатлѣніяхъ появляются и повторяются именно эти *опытно-рефлекторныя*, или, какъ ихъ иначе называютъ, *инстинктивныя*, движенія, Далѣе, уже со времени появленія рѣчи, младенецъ подъ вліяніемъ слуховыхъ и зрительныхъ впечатлѣній начинаетъ *воспроизводить*, *имитировать* замѣчаемыя имъ явленія, переходя при этомъ отъ самыхъ простыхъ и однородныхъ къ болѣе сложнымъ явленіямъ. Изъ этихъ имитаціонныхъ дѣйствій онъ опять же чаще повторяетъ и очень быстро усваиваетъ себѣ тѣ, которыя легче и выгоднѣе для него, т. е., скорѣе удовлетворяютъ его чувствованіямъ. Если при этомъ онъ подвергается прибавочнымъ, болѣе сложнымъ раздраженіямъ или впечатлѣніямъ, которыя удовлетворяютъ тѣмъ или другимъ его чувствованіямъ, то потомъ безъ этихъ раздраженій онъ уже не такъ скоро успокоится, а для его успокоенія придется не только повторять эти раздраженія, но, какъ увидимъ послѣ, даже постоянно усиливать ихъ. Носите безъ особенной надобности младенца на рукахъ, качайте однообразно, чтобы скорѣе его усыпить, произносите или пойте

съ этою цѣлью самые однообразные звуки, пріучайте его къ этому, и онъ потомъ не будетъ засыпать иначе. Однообразіе качанія и звуковъ скорѣе утомитъ его (загипнотизируетъ), и онъ затѣмъ безъ этого прибавочнаго раздраженія (безъ этой папироски у взрослаго) ужъ не заснетъ. Если взять молоко матери, прибавить къ нему сахару и напоить младенца, то послѣ онъ откажется сосать грудь и можетъ быть принужденъ къ этому только голодомъ.

Періодъ имитаціонный продолжается у ребенка довольно долго, и въ это время устанавливаются главные его привычки и способы дѣйствій. Оставленный безъ вниманія, онъ не получаетъ никакого разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, на которые натыкается, а они обыкновенно являются у дѣтей въ большомъ количествѣ, и поэтому не пріучается задумываться и разсуждать о нихъ. Первоначально онъ плачемъ старается достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей, но, когда видитъ, что это приводитъ его только къ непріятнымъ для него ощущеніямъ, и что ему скорѣе удается достигнуть такого удовлетворенія ласкою или выпрашиваніемъ, онъ на основаніи этого опыта вскорѣ начинаетъ постоянно прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ. Если онъ, кромѣ того, видитъ, какъ окружающіе его въ глаза говорятъ одно, а за глаза другое, при чемъ иногда даже хвастаютъ ловкимъ достиженіемъ своей выгоды, то все это онъ подмѣчаетъ, легко усваиваетъ и примѣняетъ самъ. Обыкновенно предполагаютъ, что ребенка можно и обмануть: вѣдь, онъ глупъ, не разберетъ; а между тѣмъ различіе правды и неправды у него слагается именно такимъ образомъ, что онъ пріучается провѣрять слышанное имъ видимымъ и осязаемымъ. Если ему говорятъ, что „мамы нѣтъ дома“, а онъ случайно увидитъ ее, то онъ при первомъ удобномъ случаѣ, если ему что не понравится, заявитъ, что его самого нѣтъ дома. Чѣмъ чаще его обманываютъ, и чѣмъ болѣе онъ встрѣчаетъ въ семьѣ несоотвѣтствіе слова съ дѣломъ, тѣмъ менѣе выясняются для него признаки правды, и тѣмъ легче онъ начинаетъ говорить только то, что ему выгоднѣе. Необходимо твердо помнить, что ребенокъ первоначально только и знаетъ впечатлѣнія, получаемыя органами его чувствъ, онъ только имъ и повинуется и дѣйствуетъ исключительно на основаніи этихъ чисто реальныхъ впечатлѣній; онъ непремѣнно дѣлаетъ только то, что ему пріятно, и избѣгаетъ всего, что ему въ какомъ-либо отно-

шеніи непріятно. Отъ ребенка имѣютъ обыкновеніе все скрывать, но, если онъ видитъ, что окружающіе пользуются чѣмъ-нибудь, а ему не даютъ, то и онъ при первомъ же удобномъ случаѣ непремѣнно присвоитъ интересную для него вещь, разъ она плохо лежитъ, и затѣмъ во всякомъ подобномъ случаѣ не преминетъ повторить то же самое. Будучи пойманъ въ своихъ проступкахъ и за это наказанъ, онъ опять же на опытѣ видитъ, что необходимо быть осторожнѣе, и что выгоднѣе пользоваться всякимъ случаемъ такъ, чтобы этого не видѣли и не знали; онъ старается быть умникомъ и пользуется удобными случаями уже осторожнѣе, болѣе скрытно. Наказаніе не можетъ выяснить ему объективныхъ признаковъ правды, оно только покажетъ ему, что не попадаться — *добро*, а попадаться — *зло*, и, имѣя возможность сдѣлать кому-нибудь зло, онъ именно такъ и поступитъ, какъ съ нимъ поступали при наказаніи.

Приходилось видѣть семейство, гдѣ мать очень неохотно занималась своими дѣтьми, которыхъ у нея было не мало, и не слѣдила за ними. Дѣти то терпѣли голодъ и всякіе недостатки, то вдругъ, напротивъ, ихъ надѣляли всякими лакомствами и прихотливыми игрушками. Въ особенности охотно держали ихъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ они могли дѣлать, что хотѣли. Если они бывало ужъ слишкомъ расшумятся тамъ, то наиболѣе шумливыхъ раздѣвали совсѣмъ и клали въ постель, гдѣ имъ предоставлялось кричать до тѣхъ поръ, пока не заснутъ; если же это не помогало, и крикъ продолжался, то подносили ребенка къ водопроводу и обливали его голову водой прямо изъ-подъ крана, хотя бы это было зимой. Дѣти знали часто всѣ счеты и расчеты матери и даже иногда принимали участіе въ совѣтахъ, какъ бы добыть то или другое болѣе легкимъ способомъ; пользовались также подарками, приносимыми по временамъ матери, и всегда охотно у каждаго все просили и выпрашивали. Совершенно бездушная и въ сущности безучастная мать часто хвастала передъ дѣтьми своимъ будущимъ богатствомъ и состояніемъ. Дѣти ея отъ 5 до 14-лѣтняго возраста представляютъ характерные лицемѣрные типы, съ которыхъ можно было бы прямо списывать всѣ черты этого типа.

Если всматриваться и спокойно наблюдать за всѣми дѣйствіями лицемѣрнаго ребенка, то легко убѣдиться, что дѣйствія

БЕЛГОРОДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
093416

его большею частью опытно-рефлекторныя. Онъ рѣшительно ни надъ чѣмъ не останавливается и не задумывается, а дѣйствуетъ большею частью непосредственно, порывисто, случайно. При всякой возможности онъ старается прямо присвоить себѣ болѣе блестящія вещи рѣзкихъ цвѣтовъ, вообще все, что производитъ болѣе сильное и пріятное впечатлѣніе на его зрѣніе и вкусъ; если же этого сдѣлать нельзя, то онъ возьметъ ихъ тайкомъ. Пойманный, онъ отдастъ назадъ взятую вещь, будетъ высказывать сильное горе и плакать; скажетъ, что брать безъ спроса и вообще чужое нехорошо, и пообѣщаетъ никогда болѣе такъ не поступать; его горе и раскаяніе будутъ выказываться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ знаетъ на основаніи опыта, что этимъ минуетъ наказанія; но потомъ тутъ же, рядомъ, онъ поступитъ опять совершенно такъ же. Если же онъ не опасается никакихъ наказаній, то даже пойманный на мѣстѣ ни за что не признается въ своей винѣ и будетъ, противорѣча себѣ на каждомъ шагу, настойчиво доказывать, что онъ тутъ ни при чемъ. При простомъ подозрѣніи онъ обидится и разыграетъ самую трогательную сцену, стараясь доказать, что его оскорбили ни на чемъ неоснованнымъ и несправедливымъ подозрѣніемъ. Все это онъ дѣлаетъ безъ всякаго дурного замысла, безъ сознанія или, лучше сказать, безъ пониманія своего поступка, а между тѣмъ постоянно вводитъ окружающихъ въ заблужденіе. Сосредоточивать свое вниманіе, мысленно разбирать какой-либо предметъ или явленіе онъ положительно не въ состояніи и опять же легко вводитъ въ заблужденіе своего учителя тѣмъ, что, запоминая слова и главныя части предшествовавшаго объясненія или чтенія, онъ ихъ повторяетъ даже въ той формѣ и въ такомъ же оборотѣ, какъ ихъ слышалъ. Онъ скоро усваиваетъ себѣ внѣшніе пріемы и на основаніи ихъ рѣшаетъ данныя ему задачи, но, стоитъ только видоизмѣнить вопросъ, потребовать выясненія связи и значенія производимыхъ имъ дѣйствій, и онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать это. Поэтому, такой ребенокъ то радуетъ своего учителя хорошимъ исполненіемъ или рѣшеніемъ поставленнаго вопроса, то приводитъ его въ ужасъ глубиною своего незнанія. Легко усваивая вообще внѣшнія проявленія, онъ можетъ достигнуть нѣкотораго успѣха въ ремеслахъ и искусствахъ, но и здѣсь онъ въ состояніи только повторять и подражать, да и то безъ всякой настойчивости. Представить кого-либо, вообще

все видѣнное имъ онъ можетъ очень точно, иногда до мелочей. При разговорѣ онъ неохотно останавливается надъ какимъ-нибудь однимъ явленіемъ, въ это время глаза его перебѣгаютъ съ одного предмета на другой, какъ бы отыскивая новыя впечатлѣнія; при этомъ онъ не упуститъ ничего, что обѣщаетъ ему какую-нибудь выгоду. Поэтому у такихъ дѣтей, въ особенности же у болѣе взрослыхъ, глаза постоянно подвижны, постоянно бѣгаютъ и очень рѣдко смотрятъ въ лицо собесѣдника,—явленіе очень характерное для этого типа.

Всякія внѣшнія проявленія, которыми такъ богаты дѣти лицемѣрнаго типа, какъ, напр., ихъ стремленіе часто показываться въ обществѣ, наряжаться, украшаться, хвастать, всего болѣе подтверждаютъ мнѣніе, что они не разсуждаютъ и не задумываются надъ своими дѣйствіями, а что, напротивъ того, схватываютъ и неизмѣнно повторяютъ въ своихъ дѣйствіяхъ все болѣе рѣзко на нихъ вліяющее. На нихъ вполнѣ подтверждается то общее положеніе, что чѣмъ менѣе внутреннихъ достоинствъ, тѣмъ болѣе склонности къ внѣшнему блеску и вообще внѣшнимъ проявленіямъ; они охотно наряжаются, чтобы болѣе обратить на себя вниманіе внѣшнимъ своимъ видомъ; они хвастаютъ, кичатся своими связями, чтобы мнимыми своими качествами и достоинствами другихъ возвысить свое значеніе.

Память у ребенка лицемѣрнаго типа относительно слабо, односторонне развита; онъ нисколько не привыкъ сосредоточивать свое вниманіе надъ получаемыми впечатлѣніями, чтобы болѣе основательно усвоить ихъ; онъ усваиваетъ главнымъ образомъ то, что внѣшне сильнѣе дѣйствуетъ, и то, что легче дается по разнообразію впечатлѣній. Область отвлеченныхъ идей лежитъ за предѣлами прямыхъ впечатлѣній, отъ которыхъ она отдѣлена настойчивымъ трудомъ разсудка, развивающимъ способность комбинировать и разъединять реальныя представленія и обогащающимъ человѣка знаніями; только требующая еще большей настойчивости работа разума, которой достигается возможность подвергать строгому анализу и синтезу пріобрѣтенныя уже знанія и ихъ результаты, вводитъ въ область отвлеченныхъ понятій и идей. Здѣсь, слѣдовательно, долженъ происходить уже сложный психическій процессъ, къ которому лица этого типа тѣмъ менѣе способны, что даже и надъ прямыми впечатлѣніями, какъ сказано выше, они не въ

состояніи сосредоточить свое вниманіе. Нерѣдко приходится видѣть взрослыхъ, которые изъ чтенія литературныхъ произведеній выносятъ только внѣшнія реальныя формы этихъ произведеній и совершенно неспособны уловить общіе типы выведенныхъ лицъ или идеи, лежащія въ ихъ основаніи. Поэтому они не въ состояніи найти этотъ же типъ, эту же идею въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ въ жизни [1]).

О нравственныхъ качествахъ молодого человѣка лицемѣрнаго типа и говорить нечего. Идеаловъ у него нѣтъ, къ пониманію идеи правды и любви онъ не подготовленъ, у него нѣтъ вѣры, нѣтъ ничего святого. Сдерживать его можетъ только физическая сила, передъ чѣмъ онъ преклоняется и даже унижается, и боль, чего онъ болѣе всего опасается. Какъ эгоистъ, знающій только свою выгоду, такой человѣкъ не гостепріименъ; онъ можетъ только угостить на счетъ другого, да и то только тогда, когда уже вполнѣ удовлетворитъ самого себя. Привязанности—ни къ кому; при удаленіи его изъ родной семьи, нельзя замѣтить даже признака грусти, въ особенности если существуетъ надежда на жизнь при болѣе выгодныхъ условіяхъ. Ему чужды чувства уваженія и исполненія долга, какъ и вообще всякое глубокое и искреннее чувство. Это, впрочемъ, составляетъ прямое послѣдствіе уже раньше разобранныхъ его качествъ, его отношенія къ правдѣ, къ добру и злу.

---

[1]) Насколько внѣшняя обрядность можетъ совершенно замѣнить внутренній смыслъ явленій, можно убѣдиться изъ наблюденій надъ жизнью нѣкоторыхъ народовъ, какъ, напр., китайцевъ, у которыхъ существуютъ на всякій возможный случай готовыя молитвы, которыя поражаютъ своею реальностью и отсутствіемъ всякой отвлеченной идеи. Въ подтвержденіе приведу здѣсь образецъ такихъ молитвъ. При брачномъ обрядѣ у нихъ существуетъ слѣдующая форма молитвы (Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. С.-Петербургъ. 1858. Т. III); „Такого-то года, мѣсяца и числа такой-то сынъ или внукъ осмѣливается откровенно донести такому-то умершему предку о важнѣйшемъ обрядѣ брачнаго союза, составляющемъ единственный источникъ для поддержанія нашего потомства. Мой родной сынъ, по имени такой-то, вступилъ такого-то числа въ законный бракъ, и его молодую жену, по имени такую-то, осмѣливаюсь представить при семъ на воззрѣніе предковъ. Благоговѣйно умоляю обратить на нее милостивое вниманіе и благословить ее счастіемъ и долгоденствіемъ, хранить ея домъ и родственниковъ и возвеселить ее видѣніемъ многочисленнѣйшаго потомства, о чемъ смиренно доношу“.

Этого образчика, надо думать, достаточно

Лицемѣрный типъ ребенка только и развивается при измѣнчивости, шаткости и лжи въ окружающей его средѣ. Такой ребенокъ не привыкъ задерживать свои дѣйствія и направлять ихъ, руководясь какимъ-либо твердымъ и постояннымъ основаніемъ; у него нѣтъ того глубокаго слѣда, который долженъ былъ остаться, если бы онъ пріучился неотступно держаться правды. Что раньше въ жизни чаще и сильнѣе вліяетъ на ребенка, не на словахъ, а на дѣлѣ, то оставляетъ въ его сознательной жизни наиболѣе глубокій слѣдъ. Только то, что связано съ глубокими и сильными ощущеніями, и что пріобрѣтено поступками и размышленіями человѣка, только то становится главнымъ основаніемъ въ его нравственной жизни; ни книги, ни заученныя слова, никакія внушенія такого слѣда не дадутъ, онъ есть только плодъ пережитого и прочувствованнаго. Если поэтому въ имитаціонномъ періодѣ развитія ребенка онъ на дѣлѣ кругомъ встрѣчаетъ только ложь, шаткость и противорѣчія, то откуда же ему пріучиться къ правдѣ, понять правду и руководствоваться ею въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ? Ложь, внѣшній блескъ и хвастовство составляютъ поэтому наслѣдіе той среды, въ которой ребенокъ росъ и воспитывался; они составляютъ прямое послѣдствіе недостатка внутреннихъ достоинствъ и слабаго умственнаго его развитія.

Теперь спрашивается, можно ли винить такого ребенка? Можно ли винить мать или тѣхъ лицъ, въ семьѣ которыхъ онъ выросъ?

Понятно, что нельзя: ребенокъ можетъ вырости при данныхъ условіяхъ, прожить весь свой вѣкъ и умереть, не отдавши себѣ никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Мало того, такія лица всегда очень увѣрены въ своихъ дѣйствіяхъ и очень довольны собой. Такъ проходитъ вся жизнь, исключительно животная и всегда вредная для человѣческаго общества. Мать или лица, въ средѣ которыхъ ребенокъ выросъ, во всякомъ случаѣ дѣйствовали такъ не намѣренно, не вполнѣ сознательно. Ихъ точно такъ же нельзя винить, какъ какую-нибудь крысу, которая можетъ или вскормить, или же съѣсть своихъ собственныхъ крысятъ. По крайней мѣрѣ, болѣе тщательныя наблюденія обыкновенно показываютъ, что, кромѣ безучастнаго внѣшняго отношенія матери къ своимъ дѣтямъ, здѣсь нѣтъ ничего другого. Если бы такія лица не были

такъ трусливы, то они, задушивъ другого, спали бы спокойнымъ сномъ.

Горе, если взрослый установившагося лицемѣрнаго типа займется школьнымъ дѣломъ или воспитаніемъ дѣтей. Въ святое дѣло вводится ложь, показная внѣшность, безграничная самоувѣренность и нахальство. Приходилось нерѣдко наблюдать подобныхъ представителей школы. Кругомъ была ложь, хлопотали только о внѣшнемъ эффектѣ и о томъ, чтобы спрятать концы тамъ, гдѣ дѣло и слово расходятся. Но, такъ какъ лицемѣрный типъ плохо умѣетъ даже хоронить концы, то, понятно, они вездѣ выступаютъ, и стоитъ только объективно и тщательно всмотрѣться, чтобы найти ихъ. У такихъ людей всѣ явленія и дѣйствія рефлекторныя, имитаціонныя и опытно-рефлекторныя; ихъ собственныя мысли у нихъ отыскать трудно, а понятій и слѣдовъ нѣтъ. Здѣсь можно не касаться сознательнаго лицемѣрія, синонимомъ котораго иногда является дипломатія или іезуитизмъ; это не имѣетъ отношенія къ школьнымъ типамъ и семейному воспитанію.

Наказаніе и преслѣдованіе ребенка-лицемѣра сдѣлаетъ его забитымъ и совершенно апатичнымъ. Исключать его изъ учебнаго заведенія значитъ лишать его именно того, что для него нужно, такъ какъ только школа и доброе товарищество могутъ дать условія для его исправленія. Педагогъ, лишающій такого ребенка образованія, отказывается отъ исполненія трудной задачи, требующей отъ него только бо̀льшаго анализа, сдержанности и настойчивости. Въ такихъ-то случаяхъ и необходимо его вліяніе, иначе онъ только покажетъ незнаніе и непониманіе своихъ обязанностей и своего дѣла.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что характеристическими признаками ребенка лицемѣрнаго типа будутъ: ложь во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, непривычка разсуждать, способность улавливать внѣшнюю сторону предметовъ и явленій, хвастовство, хитрость, отсутствіе какихъ-либо глубокихъ чувствованій и понятія о правдѣ, исключительное соблюденіе личной выгоды. Дѣйствія его преимущественно опытно-рефлекторныя (инстинктивныя) и имитаціонныя, направленныя исключительно къ удовлетворенію минутнаго требованія и къ достиженію всего того, что на основаніи опыта оказывается выгоднымъ въ отношеніи удовлетворенія животныхъ его потребностей.

2. Честолюбивый типъ.

Дѣти этого типа всегда отличаются внѣшнимъ своимъ видомъ, выраженіемъ чувства собственнаго достоинства, что можно замѣтить при первомъ ихъ появленіи въ школѣ. Обыкновенно чистый и опрятный ребенокъ смотритъ прямо, увѣренно, спокойно присматриваясь къ окружающему и не выскакивая впередъ. Онъ внимательно слѣдитъ за всѣми дѣйствіями учителя и наставника, стараясь не пропустить ни единаго ихъ объясненія или замѣчанія. Онъ спокойно предоставляетъ лицемѣру лѣзть впередъ и охотнѣе выражаетъ свое желаніе отвѣтить тогда, когда другіе не могли или же не выказали намѣренія отвѣчать. Сначала онъ очень остороженъ, сдержанъ и, прежде чѣмъ отвѣтить, старается побольше и поточнѣе разспросить, при чемъ охотно выражаетъ свои сомнѣнія въ вѣрности сказаннаго другими. Ребенокъ постоянно сосредоточенъ надъ разъясненіями учителя, почти исключительно занятъ ученіемъ, хотя при случаѣ не прочь показать, что знаетъ свое дѣло, и что все это ему дается легко; поэтому онъ рѣдко занимается при другихъ въ классѣ, у него, по возможности, все разсчитано и приготовлено заранѣе. Онъ можетъ настойчиво заниматься и готовиться наединѣ, чтобы потомъ блистать при всѣхъ. Если онъ чего-нибудь не умѣетъ дѣлать или не знаетъ, то наотрѣзъ откажется отъ исполненія обращенныхъ къ нему требованій и сдѣлаетъ или рѣшитъ только то, къ чему успѣлъ приготовиться, такъ какъ сильнѣе всего онъ желаетъ отличиться и не быть простымъ смертнымъ. Къ товарищамъ онъ сначала обращается съ вопросами, при чемъ старается выказать свои знанія, затѣмъ относится къ нимъ поощрительно, охотно рѣшая для нихъ болѣе трудные вопросы и задачи, если его просятъ объ этомъ. Всякая неудача приноситъ такому ребенку много горя, которое онъ не скоро забываетъ, и которое сначала совершенно лишаетъ его энергіи; но вскорѣ онъ снова и даже съ большимъ рвеніемъ берется за занятія, всякими мѣрами стараясь исправить дѣло, отличиться передъ товарищами и ни въ какомъ случаѣ не уступить соперникамъ. Похвала и отличіе составляютъ наибольшее его удовольствіе, и онъ, сіяющій, съ торжествующимъ видомъ осматриваетъ всѣхъ окружающихъ, какъ бы наслаждаясь ихъ слабостью и невѣжествомъ. При спорахъ онъ неохотно соглашается съ мнѣніемъ другихъ и нелегко

отступаетъ отъ своего. Замѣчаній и въ особенности порицаній не терпитъ и не забываетъ, часто сильно реагируя на нихъ. Приходилось наблюдать одну уже взрослую дѣвицу, которой стоило только сказать, что она не знаетъ или не умѣетъ хорошо сдѣлать то или другое, чтобы вызвать у нея горючія слезы, довести до безсонныхъ ночей и заставить избѣгать всякихъ встрѣчъ со своимъ оскорбителемъ: такимъ образомъ можно было сдѣлаться даже вѣчнымъ ея врагомъ. Если же замѣчанія были сдѣланы въ рѣзкой формѣ и при чужихъ, то могли превратить даже друга во врага съ полною невозможностью возстановить добрыя отношенія. Оскорбленіе или наказаніе, особенно если въ нихъ существуетъ хотя бы тѣнь несправедливости, могутъ заставить ребенка этого типа совершенно бросить дѣло, впасть въ полную апатію и даже дойти до самоубійства. Мститъ онъ обыкновенно страстно и всегда злорадствуетъ неудачѣ противника. Главное стремленіе такого ребенка — отличиться, быть первымъ въ своемъ классѣ и распоряжаться другими. Товарищи сначала хорошо относятся къ такимъ ученикамъ, а затѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, отъ нихъ удаляются. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ этотъ типъ иногда обожаютъ. Въ играхъ такія дѣти стараются, по возможности, распоряжаться и любятъ, чтобъ ихъ выбирали въ распорядители и судьи. Однако, они не годятся для этой роли, такъ какъ относятся обыкновенно пристрастно къ своимъ противникамъ и вообще ко всѣмъ непризнающимъ ихъ первенства. Они часто образуютъ партіи и враждуютъ съ лицами лицемѣрнаго типа, но, впрочемъ, скоро ихъ одолѣваютъ, такъ какъ послѣднія не особенно стойки.

Они охотно занимаются искусствами, музыкою и живописью, въ особенности, когда есть какой-либо успѣхъ, и когда они видятъ, какія овацiи приходятся на долю артистовъ. Одна четырнадцатилѣтняя дѣвочка, которая умѣла еще быть откровенной, признавалась, что она занимается музыкой главнымъ образомъ для того, чтобы давать впослѣдствіи концерты съ возможно большимъ успѣхомъ; что она и теперь охотно ѣздитъ въ оперу и концерты и при этомъ всегда сильно аплодируетъ, мысленно представляя себя на мѣстѣ артиста. Она была первою ученицею въ классѣ и съ большимъ удовольствіемъ всегда говорила о тѣхъ наградахъ, которыя надѣялась получить при выходѣ изъ учрежденія.

Такія дѣти и юноши рѣшительны, чувствуютъ сильно и легко увлекаются всѣмъ, что содѣйствуетъ ихъ прославленію или униженію ихъ противниковъ, не признающихъ ихъ достоинствъ и преимуществъ. Ихъ идеалъ—сила, могущество и власть. Какъ хорошіе ученики, они пользуются всегда различными льготами, что, понятно, портитъ товарищескія отношенія. Они любятъ, чтобы при общихъ дѣлахъ, если это не грозитъ ихъ репутаціи, ихъ выбирали ходоками передъ начальствомъ; они могутъ быть, впрочемъ, и героями, но только при надеждѣ на славу. Вообще же они хорошіе исполнители, съ сильно развитою памятью, но самостоятельно примѣнять своихъ знаній они обыкновенно не могутъ. Мало-по-малу они сосредоточиваютъ всю свою дѣятельность только надъ тѣмъ дѣломъ, которымъ думаютъ отличиться, забываютъ все и всѣхъ вокругъ себя и, развившись въ полный типъ, уже не останавливаются ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Соперниковъ не терпятъ и всѣми мѣрами устраняютъ ихъ, а если возможно, то и уничтожаютъ; для большаго контраста они окружаютъ себя лицами забитаго типа и даже явными лицемѣрами. Обыкновенныхъ людей они вообще мало цѣнятъ и, по возможности, пользуются ими для выполненія своихъ замысловъ и потребностей, по достиженіи же своей цѣли они оставляютъ ихъ безъ всякаго вниманія. Разговоры ихъ всегда типичны, они всегда спорятъ чужими словами, все рѣшаютъ изреченіями авторитетовъ. Несмотря на то, что у нихъ обыкновенно нѣтъ собственныхъ мнѣній, и что они совершенно не въ состояніи творчески проявляться, они очень любятъ блеснуть мудрымъ словомъ или изреченіемъ, которыя удержаны только памятью, но высказываются ими съ большимъ апломбомъ и якобы самостоятельно.

Становясь взрослымъ и являясь общественнымъ дѣятелемъ, честолюбецъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть внѣшне-дѣловымъ, исполнительнымъ, знающимъ человѣкомъ, всегда отличающимся самоувѣренностью, отсутствіемъ оригинальности и творческихъ идей. Это—хорошій буржуа, дѣйствующій по расчету и высоко цѣнящій свою дѣятельность: онъ живетъ для себя и въ свое удовольствіе и отвлеченными идеалами не задается. Дальнѣйшее развитіе этого типа достаточно выяснено и воспроизведено въ литературѣ, такъ что надъ этимъ останавливаться нечего.

При какихъ же условіяхъ развивается этотъ типъ въ семьѣ?

Честолюбивый типъ развивается, повидимому, при двухъ различныхъ условіяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе соревнованія, это собственно и есть болѣе чистый типъ; во-вторыхъ, вслѣдствіе постоянныхъ похвалъ и восхищенія достоинствами ребенка. Понятно, что и послѣдствія будутъ различны, смотря по тому, при какомъ изъ этихъ условій ребенокъ выросъ.

Въ одной и той же семьѣ иногда встрѣчаются дѣти совершенно различныхъ типовъ; это легко выяснить себѣ при объективномъ наблюденіи. Одного ребенка мать ласкаетъ, постоянно предупреждаетъ всѣ его желанія и требованія и не можетъ наглядѣться на него; другого ребенка она оставляетъ почти безъ вниманія, не преслѣдуя его, но и не заботясь особенно о его благосостояніи и только удовлетворяя главныя его требованія; наконецъ, въ третьемъ ребенкѣ мать видитъ только одни дурныя качества; она его не только оставляетъ безъ вниманія, но даже либо удаляетъ, по возможности, отъ себя, либо заставляетъ развлекать и исполнять желанія своего любимца и примѣняетъ къ нему различныя мѣры, часто даже совершенно произвольно и несправедливо. При такихъ условіяхъ могутъ явиться три типа, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга. Первый ребенокъ можетъ быть честолюбиваго или мягко-забитаго типа, второй ребенокъ будетъ честолюбиваго типа въ томъ случаѣ, если его не стѣсняютъ, не преслѣдуютъ, но только меньше обращаютъ на него вниманія, при чемъ превозносятъ или восхваляютъ и поощряютъ наградами умственныя и физическія качества перваго; третій же явится ребенкомъ злостно-забитаго типа. Что же касается этого перваго, то, если ему предоставляютъ нѣкоторую свободу и не предупреждаютъ всякое его движеніе, всякое желаніе, а только восхищаются его способностями, умственными и физическими его качествами, и изъ него разовьется честолюбивый типъ, только нѣсколько отличающійся отъ второго. Этотъ ребенокъ будетъ честолюбивымъ вслѣдствіе постоянныхъ восхищеній и восхваленій, а второй — вслѣдствіе соревнованія. Различіе между ними состоитъ въ томъ, что первый изъ нихъ, хотя по виду мягче и добрѣе, но зато болѣе избалованъ и менѣе стоекъ, между тѣмъ какъ второй будетъ расчетливымъ и холоднымъ ребенкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ настойчивымъ и постояннымъ, жадно и внимательно слѣдящимъ за дѣйствіями и успѣхами своихъ соперниковъ и то-

варищей. Собственно различіе это наблюдается болѣе при поступленіи ребенка въ школу; впослѣдствіи оно сглаживается, и изъ обоихъ одинаково развивается вышеописанный характерный типъ, который можетъ дойти до Шекспировскаго „Макбета". Второй типъ чаще встрѣчается въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а первый въ женскихъ; въ послѣднихъ развитію этого типа нерѣдко содѣйствуютъ тѣмъ, что обращаютъ большое вниманіе на красоту и внѣшнія формы.

Въ семьѣ первый типъ является ея „кумиромъ", или „божкомъ"; на немъ сосредоточено все вниманіе, имъ восторгаются, его превозносятъ, выражаясь картинно, носятъ на рукахъ и видятъ въ немъ будущаго генія. Что же касается ребенка, развивающагося подъ вліяніемъ соревнованія, то о немъ обыкновенно говорятъ, что онъ умникъ и не пропадетъ, что о немъ нечего хлопотать, онъ самъ себѣ проложитъ дорогу, или мать гордится и хвастаетъ имъ; но все же на него не молятся и не восторгаются имъ. Такой видъ можетъ развиться въ семьѣ и безъ присутствія другого ребенка, если имъ рано начали заниматься, за всякій успѣхъ—будетъ ли то въ наукахъ, или искусствахъ—хвалили, щедро награждали подарками и отличіями и ставили въ примѣръ другимъ дѣтямъ; при этомъ, однако, необходимо то условіе, чтобы все это дѣлалось безъ страстности и увлеченія, чтобы ограничивались болѣе внѣшнимъ признаніемъ его достоинствъ, внѣшнимъ поощреніемъ: если нѣтъ поощреній въ видѣ отличій или наградъ, то нѣтъ и стараній со стороны ребенка. Точно также и ребенокъ перваго вида этого типа можетъ быть единственнымъ въ семьѣ, гдѣ страстная, увлекающаяся или просто безтолковая мать или родители восхваляютъ и восторгаются своимъ ребенкомъ, всѣми его проявленіями и дѣйствіями какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Особенно чистымъ и рѣзкимъ является честолюбивый типъ, когда ребенокъ развивается при соревнованіи и борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни, съ бѣдностью, съ лишеніями, не забивающими, однако, въ немъ энергіи къ занятіямъ, когда является желаніе, при помощи настойчивой работы, выйти изъ своей среды, добиться отличія отъ другихъ, а впослѣдствіи земныхъ благъ и почестей.

Постараемся теперь выяснить связь между только что приведенными условіями и типичными явленіями, наблюдаемыми у ребенка этого типа при появленіи его въ школѣ.

Только что было сказано, что условія для развитія честолюбиваго типа могутъ быть различны, но не трудно замѣтить въ нихъ и общія черты, это—постоянное постороннее возбужденіе ребенка къ занятіямъ либо соревнованіемъ, либо словеснымъ или матеріальнымъ поощреніемъ его. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ возбуждаютъ у ребенка чувствованія, которыя и подстрекаютъ его къ занятіямъ; это—главная характерная черта, замѣчаемая при развитіи честолюбиваго типа. Чтобы понять то, что происходитъ у такого ребенка, стоитъ только вспомнить, какія чувствованія являются у человѣка, какъ скоро ему что-либо особенно удалось, или онъ увѣренъ въ предстоящемъ успѣхѣ, когда онъ предвкушаетъ тѣ плоды, которые надѣется собрать, и такою удачею разсчитываетъ возвыситься надъ всѣми окружающими. Чувствованіе это при благопріятныхъ условіяхъ сильно растетъ и, наконецъ, до такой степени завладѣваетъ человѣкомъ, что освободиться отъ него или справиться съ нимъ становится уже не подъ силу. Ребенокъ, окруженный лицами занятыми, направленный матерью или, наконецъ, возбуждаемый успѣхами другого ребенка, обыкновенно начинаетъ учиться очень рано; въ особенности онъ начинаетъ рано запоминать различные стихи и басни, содержаніе которыхъ ему часто совершенно непонятно; за это его не мало хвалятъ, заставляя его при каждомъ случаѣ повторять заученное. Похвала и отличіе поощряютъ его еще болѣе къ настойчивому заучиванію, чтобы поразить своими знаніями и блеснуть ими передъ другими. Чрезмѣрное количество пріобрѣтаемыхъ знаній не позволяетъ ему спокойно остановиться надъ ними и, по возможности, обсудить и обдумать ихъ; онъ старается главнымъ образомъ усвоить все памятью, чтобы лучше и тверже владѣть тѣмъ, что доставляетъ ему похвалу и удивленіе другихъ. Успѣхъ, отличіе, подарки возбуждаютъ его и вызываютъ у него чувствованія, подстрекающія его къ дальнѣйшей дѣятельности. Вскорѣ онъ старается не только показать при каждомъ случаѣ свои знанія, но также и то, что они даются ему легко, и что онъ все усваиваетъ безъ труда. Поэтому онъ старается усердно заучивать то, что ему нужно, наединѣ, а при другихъ казаться бездѣйствующимъ, но знающимъ. Убѣдившись въ своихъ успѣхахъ и превосходствѣ надъ другими, онъ при случаѣ охотно начинаетъ ихъ поучать и относиться къ нимъ поощрительно, вскорѣ даже и высокомѣрно. Заучиваніе развиваетъ въ ребенкѣ

память; онъ не останавливается надъ усвоеннымъ, не переваривает его и не разсуждаетъ надъ нимъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ слѣдитъ за всякимъ поученіемъ и объясненіемъ учителя и воспитателя, стараясь запомнить всякое слово, все ими сказанное. Онъ не пріучается примѣнять на дѣлѣ усвоенное памятью и поэтому только имитируетъ внѣшніе пріемы, рѣчь, выраженіе лица, все то, что замѣчаетъ у лицъ, признаваемыхъ имъ авторитетными. Важность и внѣшняя недоступность родителя или учителя очень скоро усваиваются имъ и выражаются даже въ болѣе рѣзкихъ формахъ.

Къ крайнему сожалѣнію, до настоящаго времени существуетъ только исторія педагогики, а нѣтъ научно-обоснованной педагогики. До сихъ поръ нѣтъ даже эмпирической педагогики, которая указывала бы на вліяніе всѣхъ пріемовъ, примѣняемыхъ школой. Педагогика до настоящаго времени слишкомъ мало выяснила значеніе поощреній и наказаній въ школѣ. Есть страны, какъ, напр., Франція, въ которой издавна вся школьная система покоится главнымъ образомъ на поощреніи, и вмѣстѣ съ этимъ здѣсь честолюбіе является національной чертой. Какъ съ физіологической, такъ и въ особенности съ психологической точки зрѣнія никакихъ поощреній и никакихъ наказаній въ школѣ и допустить нельзя, они не согласуются съ главными задачами школы. Хвалебное слово, отмѣтки, подарки и вообще всякія отличія пріучаютъ ребенка дѣйствовать только съ личной эгоистической цѣлью, между тѣмъ какъ задача школы какъ разъ противоположна: она должна при посредствѣ возможно большаго развитія отвлеченнаго мышленія развивать стремленіе приблизиться къ идеалу человѣка. Всякое искусственное поощреніе требуетъ постепеннаго его усиленія, поэтому хвалебное слово должно перейти въ отличную отмѣтку, отмѣтка въ награду, а награда должна все усиливаться по степени и разнообразію, иначе ребенокъ понижаетъ свою дѣятельность, становится вялымъ, апатичнымъ и мало впечатлительнымъ. Слѣдовательно, вмѣсто возвышенія дѣятельности ребенка, усиленія его впечатлительности и постепеннаго совершенствованія его, дѣятельность его понижается, и ребенка приходится искусственно возбуждать, чтобы вывести изъ апатіи и дать возможность исполнять поставленныя ему требованія. На этомъ основаніи, кромѣ простого, всегда искренняго и правдиваго слова, не могутъ быть допущены ни въ семьѣ, ни въ школѣ никакія

поощренія, никакія наказанія. Обыкновенно пріучаютъ ребенка къ искусственному прибавочному раздраженію съ самаго появленія его на свѣтъ и этимъ содѣйствуютъ пониженію его впечатлительности и препятствуютъ нормальному ходу его развитія. Младенца носятъ на рукахъ, его качаютъ, усыпляютъ различными однообразными напѣвами, его цѣлуютъ, поддѣлываются подъ произносимые имъ звуки,—все это оказывается искусственными раздражителями. Позже его кормятъ сахаристыми, пряными веществами, нерѣдко даютъ ребенку даже пиво, вино и различные возбуждающіе напитки; украшаютъ его роскошной одеждой, водятъ по театрамъ и различнымъ публичнымъ зрѣлищамъ и собраніямъ, даже устраиваютъ особенные дѣтскіе балы, для которыхъ безумно украшаютъ дѣтей и этимъ пріучаютъ ихъ къ роскоши и соревнованію. Когда послѣ всего этого начинается ученье, ребенокъ оказывается вялымъ, апатичнымъ, лѣнивымъ; на него жалуются за безучастность его къ занятіямъ, между тѣмъ какъ все сдѣлано, чтобы именно понизить его жизнедѣятельность, чтобы сдѣлать его апатичнымъ и вялымъ. Чтобы возбудить его къ ученію, опять прибѣгаютъ къ искусственнымъ возбудителямъ въ видѣ похвалы, отмѣтокъ, подарковъ и наградъ. Развившаяся при такихъ условіяхъ апатія вызываетъ у молодого человѣка погоню за перемѣной впечатлѣній; кондитерская оказывается преддверіемъ къ винному погребку и кутежамъ точно такъ же, какъ отмѣтки и поощренія развиваютъ стремленіе къ различнымъ спортамъ, карточной игрѣ и т. п. Человѣка заѣдаетъ нестерпимая скука, онъ готовъ насладиться всякою травлей и грубымъ чувственнымъ развлеченіемъ, чтобы только заглушить угнетающее его чувствованіе. У него нѣтъ внутренней жизни, онъ не возбуждается мыслью и не занятъ умственнымъ своимъ совершенствованіемъ. Молодого человѣка укоряютъ за его грубый и развращенный нравъ, совершенно упуская изъ виду причины, содѣйствовавшія его развитію, забываютъ, что только условія его семейной и школьной жизни могли способствовать развитію тѣхъ типичныхъ явленій, которыя у него наблюдаются, что ими убита идейная жизнь, и развиты одни животныя проявленія.

Понятно, что разсуждающая умная мать или разумный учитель не будутъ поощрять зазубриванія ребенка, не будутъ возбуждать его къ дѣятельности и занятіямъ подарками, отличіями и тому подобными искусственными мѣрами; если ребенокъ

имѣетъ дѣло не съ такими лицами, а видитъ вокругъ себя людей, усвоившихъ себѣ неестественно-гордую внѣшность и надутую чванливость, ему, по необходимости, приходится имитировать этихъ знающихъ, но не всегда понимающихъ лицъ. Интеллигентная часть общества, какъ, напр., профессора, учителя, артисты, художники, ученые техники и т. д., даетъ обильный контингентъ представителей этого типа; они обыкновенно своими „знаніями“ и проложили себѣ путь; они развили своими усидчивыми спеціальными занятіями свою память и вмѣстѣ съ этимъ усвоили себѣ также опредѣленный внѣшній видъ и осанку. Такой человѣкъ ходитъ, смотритъ и говоритъ не какъ простой смертный, а всѣми внѣшними проявленіями всегда старается показать свою важность и превосходство надъ всѣми окружающими. Типъ ученаго и учителя, особенно распространенный среди нѣмцевъ, такъ рѣзокъ и характеренъ, что опредѣлить его и узнать не трудно. Да и у насъ стоитъ лишь прослѣдить за офицеромъ, только что произведеннымъ, за молодымъ ученымъ, получившимъ званіе профессора, или за человѣкомъ, повышеннымъ въ чинѣ, чтобы замѣтить, какъ онъ первое время пыжится и усиленно старается придать себѣ опредѣленную осанку, пока не приметъ надлежащаго вида и внѣшности, свойственной извѣстному типу, не усвоитъ манеры, соотвѣтствующей его новому положенію. Здѣсь вполнѣ примѣнимо то общее основаніе, которое имѣетъ значеніе при мимикѣ лица и вообще при всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ человѣка, и которое состоитъ въ томъ, что *всякое впечатлѣніе или раздраженіе непремѣнно переходитъ либо въ непосредственное мышечное сокращеніе, либо въ умственную работу*, и потому, чѣмъ менѣе человѣкъ умственно образованъ, чѣмъ менѣе у него внутреннихъ душевныхъ проявленій, тѣмъ болѣе у него внѣшнихъ проявленій и украшеній.

То, что наблюдается, и что всегда можно прослѣдить надъ взрослыми, встрѣчается и у дѣтей, которыя съ нихъ, именно, и берутъ примѣръ.

Только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи умственной дѣятельности прокладываются пути къ центрамъ, связаннымъ съ этою дѣятельностью, и вырабатывается такимъ образомъ способность разсужденія; тогда только получается возможность, какъ говорится, переваривать впечатлѣнія, чувствованія и мысли, и подражательная дѣятельность замѣняется

самостоятельною, творческою, представляющею уже результатъ дѣятельности разума. Только разсуждая, разбирая или анализируя появившееся чувствованіе превосходства, можно убѣдиться въ субъективности и обманчивости этого чувствованія, ослабить его напряженность и не поддаться его вліянію, напротивъ, даже замѣтить все несоотвѣтствіе между дѣятельностью и отличіями, которыя за ней слѣдуютъ. Можно убѣдиться, что, чѣмъ большую умственную работу вызываютъ всѣ вліяющія на человѣка впечатлѣнія и появляющіяся у него чувствованія, тѣмъ меньше онъ будетъ подражать непосредственно окружающимъ, и тѣмъ, слѣдовательно, самостоятельнѣе, вѣрнѣе и справедливѣе будутъ его дѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ меньше обращать вниманія на внѣшность и отличаться большею простотою. Воспитатель, всего менѣе знакомый съ своимъ дѣломъ, совершенно не понимающій ребенка и руководящійся только простою формулою „бди да жарь“, всегда отличается видомъ мудреца и напускною серьезностью, которая и имитируется ребенкомъ, въ особенности если онъ только внимательно слѣдитъ и быстро, такъ сказать, безъ разсужденія перенимаетъ всѣ дѣйствія наставника. Ребенокъ, привыкшій разсуждать, не поддается чувствованіямъ, которыя возбуждаются соревнованіемъ и наградами, если они развиты въ немъ лишь въ такой степени, что онъ въ состояніи еще съ ними справиться. Но и въ послѣднемъ случаѣ они, какъ это увидимъ послѣ, вызываютъ у него отрицательныя дѣйствія; онъ прямо таки отвергаетъ всякое отличіе и похвалу, убѣгаетъ и прячется отъ нихъ. Слѣдовательно, всѣ внѣшніе пріемы, появляющіеся у честолюбиваго ребенка, будутъ непремѣнно имитаціонные, заученные; замѣчаемыя у него опрятность и аккуратность опять же объясняются либо просто имитаціей, либо желаніемъ обратить на себя вниманіе окружающихъ, отличиться отъ другихъ, а также заслужить признаніе его достоинствъ и вознагражденіе отъ старшихъ. Измѣните условія, въ которыхъ находился ребенокъ честолюбиваго типа, относитесь къ нему совершенно одинаково, какъ ко всѣмъ другимъ, не отличайте ничѣмъ, не давайте никакихъ подарковъ, наградъ, не восхваляйте его, и онъ перестанетъ заниматься попрежнему и можетъ сдѣлаться совершенно апатичнымъ, неряшливымъ и нерадивымъ ученикомъ.

То, что сказано о чувствованіи превосходства или величія относится и ко всѣмъ другимъ однороднымъ чувствованіямъ,

т. е., такимъ, которыя развиваются исключительно подъ вліяніемъ однихъ опредѣленныхъ условій. То же самое апатичное состояніе наблюдается и въ томъ случаѣ, когда дѣтей очень рано подвергаютъ довольно сильнымъ впечатлѣніямъ, возятъ по различнымъ странамъ, одѣваютъ ихъ въ самые разнообразные и, по возможности, разноцвѣтные, яркіе и блестящіе костюмы; послѣднее особенно часто приходится наблюдать при воспитаніи дѣвочекъ. Ихъ берутъ на вечера, балы, въ театры, или устраиваютъ для нихъ особенно шумные спектакли. Окружаютъ ихъ всевозможною роскошью, даютъ имъ лучшія блюда, сласти, всевозможные напитки и т. д., слѣдовательно, искусственно всѣми возможными средствами и впечатлѣніями возбуждаютъ у ребенка различныя чувствованія. А между тѣмъ необходимо помнить, что всякое чувствованіе, развитое у насъ, требуетъ для своего возбужденія все большаго и большаго раздраженія, ибо, на основаніи психо-физическаго закона, „*степень раздраженія должна расти въ геометрической прогрессіи, если нужно, чтобы степень ощущенія росла въ ариѳметической прогрессіи*, или *ощущеніе растетъ пропорціонально логариѳму раздраженія*“ [1]). То, что сегодня вызвало извѣстное опредѣленное чувствованіе, завтра дѣйствуетъ уже слабѣе, поэтому необходимо возвысить раздраженіе даже для того только, чтобы получить прежній эффектъ. Это повышеніе раздраженія пріятно возбуждаетъ человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызываемое имъ чувствованіе способно мало-по-малу перейти въ страсть и, наконецъ, такъ завладѣть имъ, что всѣ его стремленія и желанія будутъ сосредоточены надъ возбужденіемъ и удовлетвореніемъ этого чувствованія. Если, напр., качать ребенка въ люлькѣ съ тѣмъ, чтобы скорѣе усыпить его, то въ скоромъ времени онъ такъ привыкаетъ къ этому, что иначе не можетъ заснуть; затѣмъ и этого становится мало, его приходится уже брать на руки и качать еще сильнѣе, чтобы добиться прежняго результата. Приходилось наблюдать одну барыню, которая сначала имѣла скромную привычку супруга помѣщицы Коробочки,— любила, чтобы горничныя чесали ей пятки; вскорѣ это уже не удовлетворяло ее, мало-по-малу пришлось увеличивать поверхность раздраженія, а затѣмъ и силу его: отъ чесанія

[1]) См. W. Wundt. Grundzüge der phisiologischen Pshychologie. Leipzig. 1887, стр. 356 и 388.

перешли къ растиранію и, наконецъ, дошли до того, что наняли двухъ здоровенныхъ мужиковъ, которые содержались на хорошихъ харчахъ, и исключительное занятіе которыхъ состояло въ растираніи жесткими щетками различныхъ поверхностей тѣла. Чувствованіе развивалось, росло и дошло до такихъ размѣровъ, что требовались самыя сильныя мѣры для поддержанія и болѣе сильнаго его возбужденія, безъ чего потребность въ удовлетвореніи его была настолько сильна, что не давала покоя и заставляла относиться съ крайнимъ раздраженіемъ ко всему окружающему. Для нормальныхъ физіологическихъ ея отправленій требовались непремѣнно искусственные сильные возбудители.

Еще пришлось встрѣтить одну 9-лѣтнюю дѣвочку, родители которой чуть не молились на нее; они уже успѣли побывать съ ней почти во всей западной Европѣ, показать ей всевозможныя рѣдкости и художественныя произведенія, возили ее въ театры, на балы и на различные спектакли. Она говорила наизусть стихи и якобы импровизировала, а отецъ, восхищаясь ею, записывалъ за ней эти импровизаціи. Она принимала участіе въ живыхъ картинахъ и различныхъ фантастическихъ представленіяхъ. Чтобы отпраздновать день ея рожденія, иллюминовали особенно изящно домъ въ деревнѣ, гдѣ они тогда жили, а она съ балкона, въ фантастическомъ костюмѣ, при освѣщеніи бенгальскими огнями, въ присутствіи всей деревни декламировала и импровизировала стихи. Родители сдѣлали все, чтобы удовлетворить и развеселить своего кумира, между тѣмъ этотъ молодой кумиръ подъ конецъ торжества обращается къ своей матери съ грустнымъ восклицаніемъ: „какъ все это скучно!“ Когда ее отдали въ школу, то она часто убѣгала изъ класса, гдѣ шли уроки, и со слезами на глазахъ говорила, что не можетъ дѣлать все такъ, какъ другія, и только тогда пойдетъ въ классъ, когда научится всему тамъ требуемому. Она не въ состояніи была написать нѣсколько словъ подъ рядъ и уже на второмъ или третьемъ словѣ нетерпѣливо ставила черточки или просто проводила волнообразную линію. Сосредоточить на нѣкоторое время свое вниманіе надъ какимъ-либо дѣломъ она была положительно не въ состояніи. Этотъ несчастный ребенокъ часто доходилъ до галлюцинацій.

Въ другомъ случаѣ страстная мать ревновала дѣтей ко всѣмъ, даже къ отцу, и развила чувствованія своего сына до

того, что онъ совершенно не былъ годенъ къ занятіямъ; молодой человѣкъ не въ состояніи былъ сосредоточиться надъ какимъ-либо дѣломъ; у него являлись галлюцинаціи; онъ нигдѣ не рѣшался пить или ѣсть, такъ какъ у него сейчасъ же являлись различныя ощущенія и потребности со стороны органовъ выдѣленія, требовавшія немедленнаго удовлетворенія, такъ какъ онъ совершенно не могъ противостоять имъ; между тѣмъ самыя тщательныя изслѣдованія всѣхъ этихъ органовъ не показывали никакихъ органическихъ измѣненій. Онъ не былъ въ состояніи воздерживаться въ какомъ бы то ни было отношеніи; часто онъ принимался за самый тяжелый физическій трудъ, желая довести себя до крайняго утомленія и избавиться такимъ образомъ отъ гнетущихъ его чувствованій. При всемъ этомъ онъ полагалъ, что нѣтъ такого сознательнаго цѣнителя искусствъ, какъ онъ.

Наконецъ, можно было прослѣдить за двумя дѣтьми, которыхъ повезли заграницу для воспитанія. Въ заграничныхъ, въ особенности французскихъ, женскихъ пансіонахъ стараются развить главнымъ образомъ чувствованія ребенка; для этого его вводятъ, по возможности, въ фантастическій поэтическій міръ; изученіе исторіи состоитъ въ восхищеніи героическими поступками такихъ лицъ, передъ силою и могуществомъ которыхъ все преклонялось. Въ литературѣ все то же преклоненіе передъ силою ума и страсти. Вмѣстѣ съ тѣмъ ребенка, въ особенности дѣвочку, еще въ до-школьномъ періодѣ такъ начиняютъ тамъ различными обычаями, обрядами и приличіями, что сильныя средства, примѣняемыя школою, не такъ рѣзко вліяютъ на мало впечатлительную и часто апатичную ученицу, развивая развѣ только нѣкоторую романическую мечтательность. На болѣе впечатлительныхъ дѣтей такія школы должны вліять, понятно, гораздо сильнѣе, что въ данномъ случаѣ и подтвердилось вполнѣ. По возвращеніи на родину одна изъ дѣвочекъ является страстною поклонницею Цезаря и въ особенности Наполеона; ея комната была украшена бюстами и портретами послѣдняго, окруженными вѣнками изъ иммортелей; противъ этихъ личностей, ея „идеаловъ“, при ней никто не смѣлъ и заикнуться. Вольтеръ, Дидро, Шекспиръ были ея самые любимые и почти единственно почитаемые писатели. Грубый Гоголь, по ея мнѣнію, былъ просто отвратителенъ и циниченъ. Встрѣтивъ въ деревнѣ пастушку, она была поражена

отсутствіемъ въ ней поэтическихъ стремленій и интереса къ своему дѣлу. Она старалась доказать пастушкѣ, что въ такомъ случаѣ ей слѣдовало бы лучше всего отказаться отъ своего дѣла. Она мечтала только о славѣ и блестящихъ успѣхахъ на драматическомъ или какомъ-либо другомъ поприщѣ. Отсутствіе всего этого и первыя неудачи привели ее къ самоубійству. Другая дѣвочка знаетъ только себя и со слезами на глазахъ почти галлюцинируетъ о предстоящихъ ей шумныхъ и всемірныхъ овацiяхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ развившееся чувствованіе вполнѣ завладѣло людьми, и всѣ стремленія у нихъ были направлены только къ его удовлетворенію. Всѣ отправленія въ организмѣ какъ бы понижаются, если нѣтъ привычнаго для него прибавочнаго раздражителя. Апатія, появляющаяся при недостаткѣ этого раздражителя, угнетаетъ человѣка и дѣлаетъ его совершенно негоднымъ къ какой-либо дѣятельности. Описанная выше молодая дѣвушка, кончившая жизнь самоубійствомъ, занималась однажды переводомъ, но была разсѣяна и никакъ не могла сосредоточиться, такъ что дѣло совсѣмъ не шло. Когда ей выразили свое удивленіе, что она такъ плохо владѣетъ собой и не можетъ сдѣлать такую для нея простую вещь, она заявила, что сейчасъ дѣло пойдетъ хорошо, взяла красный колпакъ, надѣла его на лампу, такъ что въ комнатѣ получился довольно рѣзкій красный свѣтъ, и работа пошла успѣшно. Требовался, слѣдовательно, прибавочный возбудитель, чтобы исполнить извѣстное дѣло; она объясняла это особенною страстностью своего темперамента, и, чтобы лучше заниматься, какъ она сама говорила, она всегда прибѣгала къ какимъ-либо яркимъ цвѣтамъ или блестящимъ предметамъ.

Историческіе факты указываютъ на совершенно такое же явленіе и у цѣлыхъ народовъ. Когда богатства и роскошь Римской Имперіи стали принимать все большіе размѣры, народъ пересталъ интересоваться общественными дѣлами; въ погонѣ за наживой различные авантюристы и честолюбцы, желая привлечь на свою сторону возможно большее число голосовъ, старались вліять на большинство гражданъ различными пріятными развлеченіями, возбуждающими ихъ и выводящими изъ того апатичнаго состоянія, въ которомъ они находились. Для развлеченія гражданъ возводили грандіозныя постройки и здѣсь давали самыя невѣроятныя представленія, все болѣе и

болѣе возбуждавшія чувствованія присутствующихъ. Сначала простыя военныя игры удовлетворяли зрителей; затѣмъ требованіе все большаго и большаго эффекта превратило эти игры малу-по-малу въ настоящую бойню, которая стоила жизни многимъ людямъ. Далѣе начались зрѣлища истребленія животныхъ: львовъ, слоновъ, тигровъ, медвѣдей, волковъ, которыхъ собирали сотнями изъ различныхъ частей свѣта, чтобы устраивать между ними травлю или выпускать ихъ на борьбу съ людьми для удовольствія зрителей. Объ Августѣ пишутъ, что онъ съ этою цѣлью собиралъ въ circus Flaminius до тридцати шести крокодиловъ; Калигула набиралъ будто бы до четырехсотъ львовъ и такое же число другихъ дикихъ звѣрей. Для публичнаго зрѣлища выводили на арену цирка приговоренныхъ къ борьбѣ съ дикими животными (ad bestias damnati). Выраженіе christianos ad leones сдѣлалось поговоркою. Но всего этого было еще мало: явились гладіаторы, исключительнымъ занятіемъ которыхъ была подготовка къ тому, чтобы красиво умереть; такія публичныя убійства подносились народу въ видѣ дара (munera gladiatoria), чтобы добыть расположеніе большинства. Народъ, наконецъ, впалъ въ такую апатію, что для возбужденія его только и можно было предложить ему такія страшныя зрѣлища; онъ самъ страстно желалъ и требовалъ только „panem et circenses“. Это было передъ полнымъ распаденіемъ Римской Имперіи.

Уже между 8—9-лѣтними дѣтьми, приводимыми въ школу, приходится встрѣчать лица съ рѣзко выраженнымъ честолюбивымъ типомъ. Нужда, неудачи, борьба съ неблагопріятными семейными условіями при пробудившемся соревнованіи содѣйствуютъ тому, что чувствованіе ребенка болѣе сосредоточивается на одномъ: на желаніи возвыситься надъ другими и доказать имъ свое превосходство; но зато это желаніе тѣмъ интенсивнѣе, рѣзче и страстнѣе проявляется. Въ такомъ случаѣ развивается холодный, расчетливый, самоувѣренный эгоистъ, жадно слѣдящій за удовлетвореніемъ своего чувствованія, легко переходящаго въ страсть и даже въ манію величія. При развитіи этого типа подъ вліяніемъ восхваленій, поощреній и при мягкомъ добромъ отношеніи и ребенокъ является болѣе мягкимъ, съ большимъ участіемъ и вниманіемъ относящимся къ окружающимъ; но все-таки мало-по-малу чувствованіе превосходства завладѣваетъ все болѣе ребенкомъ, и онъ начинаетъ

холодно и эгоистично относиться къ людямъ. Въ первомъ случаѣ чувствованіе какъ будто интенсивнѣе вслѣдствіе рѣзкаго контраста съ другими проявленіями и вслѣдствіе того, что различныя препятствія заставляютъ надъ нимъ еще болѣе сосредоточиваться. Является большая увѣренность въ своей силѣ, въ своемъ превосходствѣ и даже величіи.

Впослѣдствіи могутъ явиться еще и другія чувствованія, которыя завладѣваютъ молодымъ человѣкомъ настолько, что онъ, не будучи въ состояніи противостоять имъ, страстно предается имъ всѣмъ своимъ существомъ; такъ, напр., у него можетъ появиться: половое возбужденіе, переходящее или въ порокъ, или въ половыя излишества; употребленіе наркотическихъ веществъ въ видѣ куренья или питья; усиленное количественное или качественное удовлетвореніе чувства голода и т. д. Всѣ эти чувствованія, доведенныя до страсти, лишаютъ человѣка возможности сознательно относиться къ своей дѣятельности, дѣлаютъ его слѣпымъ и глухимъ ко всѣмъ остальнымъ жизненнымъ интересамъ, кромѣ велѣній своихъ чувствованій, которыя владѣютъ имъ, какъ деспотъ своимъ рабомъ. Изъ наблюденій надъ отправленіями нервной системы извѣстенъ фактъ, что, если вслѣдствіе раздраженія периферическаго конца какой-либо вѣтви первнаго ствола появятся болевыя ощущенія, то они заглушаются при болѣе сильномъ раздраженіи конца другой вѣтви того же ствола. Такъ, напр., боль зубовъ нижней челюсти можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ совершенно не чувствоваться, если раздражать кожу височной области больной стороны. Усиленное раздраженіе одного проводника какъ будто понижаетъ проводимость по всѣмъ остальнымъ проводникамъ того же ствола. При этомъ однакожъ, оказывается, что, если сегодня боли исчезли вслѣдствіе раздраженія въ другомъ мѣстѣ горчичникомъ, то завтра для достиженія той же цѣли придется употребить болѣе сильное средство и мало-по-малу, такимъ образомъ, можно дойти до каленаго желѣза. Совершенно тѣ же явленія можно замѣтить и примѣнить только что сказанное къ чувствованіямъ. Всѣ они очень важны при воспитаніи, поэтому къ выясненію ихъ нужно относиться, по возможности, объективнѣе. Къ нимъ придется еще часто возвращаться, и можно будетъ доказать, что здѣсь часто впадаютъ въ большую ошибку, смѣшивая „чувствованія“ съ „впечатлительностью“, или способностью чутко субъективно воспринимать всѣ вліяю-

щія на человѣка раздраженія какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, и развиваютъ одно — пагубное на счетъ другого въ высшей степени цѣннаго качества человѣка.

Выше было уже сказано, что старательнымъ и настойчивымъ заучиваніемъ ребенокъ набираетъ себѣ знанія, запасомъ которыхъ онъ и старается отличиться передъ всѣми товарищами. Быстрымъ, жаднымъ схватываніемъ и усвоеніемъ знаній упражняется память, и развивается, главнымъ образомъ, дѣятельность разсудка, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе быстрые и безостановочные отвѣты или рѣшенія различныхъ задачъ требуются отъ воспитанника. Запоминая извѣстныя представленія и мысли, ребенокъ передаетъ ихъ опять въ такомъ же видѣ, какъ получилъ ихъ самъ. Производимыя имъ дѣйствія или движенія будутъ, слѣдовательно, также только точнымъ воспроизведеніемъ этихъ представленій. Представленія, полученныя путемъ настойчивыхъ и повторныхъ усиленныхъ возбужденій, порождаютъ въ сознаніи человѣка образы и мысли, которые или удерживаются памятью, или же проявляются въ видѣ желанія или хотѣнія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наблюдаются исключительно одни разсудочные акты. Вызываемыя ими чувствованія могутъ быть пріятныя (удовольствіе) или непріятныя (страданіе); поэтому привычка руководствоваться при своихъ дѣйствіяхъ чувствованіями заставляетъ человѣка судить о получаемыхъ впечатлѣніяхъ, пріятны или непріятны они для него, и сообразно съ этимъ поступать. „Мы хотимъ“, „намъ нравится“, — если пріятно, и наоборотъ. Въ такомъ случаѣ при помощи этого критерія ребенокъ такого типа различаетъ даже добро и зло: пріятно, нравится — добро, непріятно, не нравится — зло. Все только что сказанное вполнѣ подтверждается при изученіи честолюбиваго типа, въ особенности при появленіи такого ребенка въ школѣ; иногда впрочемъ подобные рѣзкіе типы наблюдаются и по выходѣ изъ школы. Все у нихъ заучено, ничего не провѣрено и не усвоено, и поэтому они не могутъ примѣнять пріобрѣтенныя знанія иначе, какъ только шаблонно, по извѣстному способу. Ребенокъ твердо заучиваетъ различные стихи, басни, поученія, правила, названія и числа; онъ пріучается усваивать все памятью, чтобы затѣмъ при случаѣ быстро и отчетливо все вылить наружу.

Значеніе привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ раннемъ возрастѣ, громадно, отдѣлаться отъ нихъ впослѣдствіи очень трудно, а

иногда и не подъ силу взрослому. Обычными въ наше время настойчивыми упражненіями развивается всего болѣе память, ею воспринимаются самыя сложныя формулы, цѣлыя рѣчи, нравственныя правила и философскія ученія. Какъ часто предполагаютъ, что ребенку привили эстетическія чувствованія, если онъ декламируетъ стихи, при чемъ интонируетъ по масштабу и подходящими внѣшними пріемами усиливаетъ впечатлѣніе. Въ большей части случаевъ все это подмѣчено и заучено безъ всякаго представленія выражаемыхъ здѣсь образовъ, безъ всякаго пониманія идеи произведенія, безъ всякаго выясненія причинной связи описываемыхъ явленій. „Намъ однажды случилось спорить, говоритъ Льюисъ [1]), съ однимъ химикомъ, и мы никакъ не могли убѣдить его, что законъ: каждое событіе имѣетъ свою причину — универсаленъ. Онъ не только считалъ возможнымъ, что на лунѣ дѣло идетъ иначе, но принималъ нашъ аргументъ за бездоказательное предположеніе. Разгадка этой странности заключалась въ томъ, что онъ никогда не читалъ никакихъ метафизическихъ сочиненій и обладалъ слабой способностью мышленія". Это послѣднее совершенно вѣрно, но только способность мышленія достигается не чтеніемъ метафизическихъ книгъ, а размышленіемъ и разсужденіемъ надъ усваиваемымъ знаніемъ, что даже и у ученыхъ не всегда бываетъ. Человѣкъ, жадно и настойчиво усваивающій большія знанія и даже отличающійся краснорѣчивымъ изложеніемъ ихъ, нерѣдко отличается малымъ пониманіемъ усвоеннаго и неумѣньемъ примѣнять собранную имъ ученую кладь. Ученый споръ такого человѣка чрезвычайно характеренъ: онъ никогда не опровергаетъ мнѣнія противника логическимъ анализомъ и синтезомъ высказанной мысли, а всегда словами различныхъ авторитетовъ, и поражаетъ всегда и всѣхъ изобиліемъ цитатъ и приведеніемъ чужихъ мнѣній. Если у него какія-либо идеи дѣйствительно проявляются, то онѣ у него также заученныя, чужія, свои же принципы и идеалы у него не выработаны. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ нерѣдко руководствуется правиломъ, что цѣль оправдываетъ средства, въ особенности когда они способствуютъ удовлетворенію преобладающаго у него чувствованія. Такія лица бываютъ хорошими компиляторами, очень искусно реферируютъ чужія работы, но ни самостоятельной

[1]) Исторія философіи. С.-Петербургъ. 1865, стр. 690.

критики, ни отвлеченныхъ понятій, ни цѣльности, ни связи въ научныхъ и этическихъ взглядахъ у нихъ нѣтъ. Предположенный въ нихъ геній такъ и не проявляется, нѣтъ у нихъ никакихъ творческихъ силъ. Въ сущности у нихъ происходятъ, главнымъ образомъ, сложные рефлекторно-опытные акты. Такія лица собственно компрометируютъ науку, заставляя предполагать, что теорія трудно согласуется съ практикою и не можетъ служить основаніемъ послѣдней.

Постоянное зазубриваніе уроковъ и желаніе отличиться передъ другими приводитъ только къ развитію обширной памяти. Часто приходится теперь встрѣчать молодыхъ людей, окончившихъ общее свое образованіе, съ замѣчательно развитою памятью: они все знаютъ, обо всемъ говорятъ съ большою увѣренностью и апломбомъ; нѣтъ вопроса, котораго они не рѣшили бы безъ всякаго затрудненія, и все по слышаннымъ и заученнымъ фразамъ. Къ какому-либо дѣлу или фактической провѣркѣ они совершенно не подготовлены и не въ состояніи исполнить самаго простого, обыденнаго дѣла; самостоятельнаго анализа и критики у нихъ нѣтъ, и всегда они все разрѣшаютъ заученными фразами, часто съ поразительною увѣренностью и даже нахальствомъ. Вслѣдствіе того, что они все воспринимаютъ памятью и легко ею же и усваиваютъ полученное, они не видятъ затрудненій ни въ чемъ и полагаютъ, что все можно рѣшить и сдѣлать; поэтому на словахъ они за все берутся и на все рѣшаются. Нравственныя ихъ качества очень мало развиты: они все готовы защищать и все находятъ возможнымъ; чувствуя себя оскорбленными, обиженными, они обыкновенно предпочитаютъ защищаться кулакомъ и пощечиной. Умственныя занятія и удовольствія для нихъ не существуютъ; поэтому они стремятся только къ чувственнымъ развлеченіямъ и забавамъ. Отвлеченное мышленіе у нихъ совершенно не развито, и къ самостоятельной умственной дѣятельности они не подготовлены и даже поразительно умственно ограничены. Творческихъ проявленій у нихъ совершенно не замѣчается. Отсутствіе всего святого и идеальнаго, узкій эгоизмъ, безхарактерность, нахальство, грубость, разгулъ и дѣтская безпомощность при всякомъ новомъ дѣлѣ, требующемъ провѣрки и видоизмѣненія привычныхъ дѣйствій, это—главныя и характерныя ихъ проявленія. Въ школѣ они привыкли только все выучивать наизусть и не подготовились вовсе къ какому-либо другому болѣе сложному

умственному и физическому труду. Гармонія дѣятельности ихъ организма настолько нарушена, что развились только однѣ животныя потребности; нѣтъ и не видно въ нихъ человѣка. У лицъ честолюбиваго типа обыкновенно даже находятъ много отвлеченной мысли и изящество въ ихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, но всѣ эти явленія только кажущіяся. Сильно развитая память, которую они, главнымъ образомъ, упражняли, содѣйствовала тому, что они легко усвоили внѣшнія формы отвлеченной мысли, умныя слова и изящныя дѣйствія другихъ, но все же это не результатъ ихъ собственнаго размышленія и умѣнья самостоятельно проявляться. Отвлеченное мышленіе человѣка слагается только изъ ясныхъ представленій, которыя непремѣнно требуютъ послѣдовательнаго логическаго разсужденія и возможно разнообразной провѣрки воспринимаемаго. Набранныя знанія, какъ бы они ни были обширны, все же не слагаются въ общія положенія и понятія безъ строгаго ихъ обсужденія и всесторонней провѣрки. Какъ часто приходится наблюдать все это у молодыхъ людей, постоянно отличавшихся въ школѣ своими успѣхами и исполнительностью; они всегда считались первыми и съ высшими наградами оканчивали заведенія, гдѣ они должны были получить свое общее образованіе. Въ особенности рѣзко это замѣчается у молодыхъ людей, окончившихъ военно-учебныя заведенія. Внѣшней выправки у нихъ очень много, всѣ проходимые по программѣ предметы они выучили, но все это не содѣйствовало ихъ образованію: они отличаются грубымъ произволомъ во всѣхъ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ, о личности человѣка, о ея значеніи они и не задумывались и не разсуждали, они не научились цѣнить личность человѣка и не умѣютъ относиться къ ней съ уваженіемъ, у нихъ нѣтъ обще-человѣческаго образованія. Во всѣхъ своихъ развлеченіяхъ, шуткахъ они отличаются большою грубостью и цинизмомъ; они совершенно не въ состояніи примѣнять набранныя ими знанія и не выказываютъ никакихъ интересовъ къ какимъ-либо идейнымъ проявленіямъ; они какъ будто желаютъ вознаградить себя за свою торопливую и однообразную работу и, поэтому, умственно совершенно бездѣйствуютъ и возможно широкимъ разгуломъ разгоняютъ нападающую на нихъ хандру и скуку. Однообразная умственная работа не содѣйствовала общему ихъ образованію.

Руководствуясь чувствованіемъ своего превосходства или

даже величія, лицо, принадлежащее къ честолюбивому типу, страстно преслѣдуетъ свои цѣли, расчетливо, эгоистично, какъ будто все существуетъ для него и для его прославленія. Справедливость его формальная и вытекаетъ изъ его чисто-внѣшняго отношенія къ правдѣ. Страстный, онъ не останавливается передъ средствами для достиженія своей цѣли и при неудачѣ легко рѣшается на крайнія мѣры.

Человѣкъ честолюбиваго типа обыкновенно самъ влюбленъ въ себя, онъ находитъ себя красивымъ, очень занятъ собою и постоянно охотно бесѣдуетъ о своихъ выдающихся качествахъ и способностяхъ. Онъ непремѣнно считаетъ себя первымъ въ коллегіи, къ которой онъ принадлежитъ, и постоянно поражаетъ цитатами и необыкновенною дѣятельностью своей памяти. Очень охотно онъ передаетъ разсказы, взятые изъ книги, при чемъ дѣйствительно въ состояніи передать малѣйшія подробности тѣхъ событій, о которыхъ говоритъ. Вообще онъ всегда первенствуетъ памятью, но зато у него мало своихъ мыслей, онъ не въ состояніи творчески проявляться, такъ какъ вообще отвлеченное мышленіе и идейность у него очень мало развиты. Онъ живетъ, блеститъ и поражаетъ чужими мыслями и чужими словами, которыя хорошо усвоилъ громадною своею памятью, собственнаго же творчества нѣтъ.

При сопоставленіи всѣхъ вышеописанныхъ проявленій честолюбиваго типа съ приведенными причинами выяснилась, насколько было возможно, существующая между ними связь. Если, можетъ быть, были упущены изъ виду нѣкоторыя явленія, то они составляютъ только необходимыя послѣдствія главныхъ и основныхъ причинъ. Понятно, что здѣсь приходилось останавливаться только на разборѣ характеристическихъ явленій даннаго типа, и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно встрѣтить индивидуальныя отклоненія, смотря по условіямъ, при которыхъ ребенокъ росъ, въ особенности въ первые годы его жизни. Все только что сказанное еще болѣе выяснится при знакомствѣ съ другими типами, а также при выясненіи нормальнаго типа. Нѣтъ надобности сопоставлять всѣ главныя проявленія честолюбиваго типа; они только что перечислены и находятся въ такой связи между собой, что повторять одно и то же нѣсколько разъ незачѣмъ.

Для подтвержденія всего здѣсь сказаннаго можно еще привести письмо одной воспитательницы, слѣдившей въ теченіе

нѣкотораго времени за представительницами двухъ разсмотрѣнныхъ уже типовъ: „Прежде всего о Машѣ — честолюбивая дѣвочка. Здѣсь она живетъ въ обществѣ матери, учительницы и многочисленной прислуги. Мать, очень недалекая, но въ высшей степени добрая женщина, положительно боготворитъ ее. Она очень богата и потому доставляетъ дочери все, чего та захочетъ. Страсть первенствовать такъ и проглядываетъ въ каждомъ поступкѣ; и мать, и учительница, и прислуга какъ бы только для того и созданы, чтобы пѣть ей о томъ, что она и умна, и богата, и красива, и прелесть какъ играетъ и т. п. Въ играхъ она остается всегда вѣрна себѣ: сіяетъ, когда выигрываетъ, и побѣдоносно на всѣхъ поглядываетъ; совершенно теряетъ энергію при первой неудачѣ. Я имѣла возможность прекрасно наблюдать это въ игрѣ въ крокетъ. Я составляю обыкновенно одну партію съ нею, и, такъ какъ играю лучше другихъ, то отъ меня всегда зависитъ выиграть или нѣтъ. И вотъ, когда я дѣлаю правильные удары и на нашей сторонѣ больше шансовъ выиграть, она — вся энергія, играетъ очень старательно и довольно правильно. Но, стоитъ только мнѣ дать противникамъ хотя немного обогнать насъ въ игрѣ, какъ молотокъ ея опускается, на лицѣ недовольство, играетъ вяло и неправильно. Вчера я такимъ образомъ три раза мѣняла ея настроеніе. Совершенно не такъ относится къ неудачамъ лицемѣрная Саша. Выигрывая, она очень довольна, играетъ также очень старательно; проигрывая, старается всѣми силами сдѣлать видъ, что это ей все равно, что это только забавляетъ ее; смѣется, нарочно дѣлаетъ неправильные удары, желая показать, что, если она и проиграла, то потому, что шалила. И смѣхъ, и шалости выходятъ въ высшей степени неестественными. Еще очень характерная черта въ Машѣ — это ея холодность и черствость. Несмотря на то, что всѣ родные очень любятъ ее, она совершенно ни къ кому не привязана. Гостила у нихъ тетка, а также старшій братъ; когда они уѣзжали, то всѣ въ домѣ были печальны, грустны, одна Маша ко всему равнодушна. Да, здѣсь тоже разница между честолюбивой и лицемѣркой. Маша ни къ кому не привязана и вовсе не старается скрыть это. Саша тоже черства, но какъ она умѣетъ представиться скорбной, грустной, плачущей! Маша почти никогда не плачетъ, Саша — по нѣсколько разъ въ день“.

3. Добродушный типъ.

Третій основной типъ также бываетъ уже очень рѣзко выраженъ при появленіи ребенка въ школѣ. Ребенокъ добродушнаго типа является здѣсь тихимъ, спокойнымъ, внимательно слѣдящимъ за всѣми окружающими его явленіями. Всматриваясь въ новую для него среду, онъ иногда даже разставитъ ноги, какъ бы для лучшей опоры, и раскроетъ ротъ, либо развалится на столъ, все въ созерцаніи окружающаго. Онъ не обращаетъ на свою внѣшность никакого вниманія, даже въ отношеніи чистоты, опрятности и цѣлости своей одежды. Сначала онъ вообще мало подвиженъ; внѣшней привѣтливости и ласковыхъ отношеній, а также стремленія чѣмъ-либо угодить, отличиться или привлечь на себя вниманіе своего наставника у него нѣтъ. Напротивъ того, онъ скорѣе навлечетъ на себя неудовольствіе своимъ простымъ, прямымъ и даже иногда неловкимъ обращеніемъ. Онъ не выскакиваетъ впередъ, а, напротивъ, обыкновенно остается въ сторонѣ и молча слѣдитъ за дѣйствіями другихъ.

Вскорѣ онъ сближается съ своими товарищами и раньше всего съ тѣми, которые, вслѣдствіе суровости своего нрава, непривлекательной внѣшности или бѣдности, не пользуются вниманіемъ своихъ товарищей и даже преподавателей. Къ нимъ онъ обращается не съ ласками или внѣшними проявленіями нѣжности, а только съ вниманіемъ и участіемъ, привлекая ихъ къ общенію съ другими. При разговорѣ онъ прямо и откровенно смотритъ въ глаза, не стѣсняясь и не сбиваясь въ своей рѣчи. Когда онъ побольше познакомится и сблизится съ своимъ наставникомъ, то оказывается очень разговорчивымъ ребенкомъ, который охотно разспрашиваетъ и разсуждаетъ объ окружающихъ явленіяхъ, а въ особенности о нравственныхъ отношеніяхъ людей между собой, какъ будто постоянно провѣряя уже существующее у него въ этомъ отношеніи мнѣніе. У ребенка добродушнаго типа, при появленіи его въ школѣ, часто наблюдается очень искренняя вѣра и религіозность, доходящая иногда до экстаза.

Въ классѣ онъ сначала даже невнимателенъ къ объясненіямъ и словамъ преподавателя; на него дѣйствуетъ слишкомъ много новыхъ впечатлѣній, съ которыми онъ еще долженъ познакомиться. Мало-по-малу онъ начинаетъ слѣдить за объяс-

неніями учителя съ большимъ вниманіемъ, если только они по слогу и содержанію соотвѣтствуютъ уровню его пониманія и удовлетворяютъ потребность его къ размышленію; въ послѣднемъ случаѣ интересъ къ занятіямъ растетъ въ немъ больше и больше по мѣрѣ постепеннаго и послѣдовательнаго увеличенія требуемой для нихъ умственной работы. При обращеніи преподавателя къ классу съ вопросомъ, требующимъ не повторенія сказанныхъ словъ и не припоминанія вычитаннаго изъ книги, а примѣненія какихъ-либо правилъ или формулъ или же выясненія и разбора тѣхъ или другихъ положеній, онъ часто вѣрнѣе и полнѣе другихъ въ состояніи дать требуемое рѣшеніе; но обыкновенно онъ либо выскажетъ его потихоньку своему сосѣду (который, если лицемѣръ, даже воспользуется этимъ безъ всякаго протеста со стороны автора), либо неловко, безъ всякой внѣшней обработки выскажетъ его преподавателю, и то неувѣренно и какъ бы съ сомнѣніемъ. Онъ не отличается сильно развитою памятью, но усвоенныя имъ знанія онъ въ состояніи примѣнять на дѣлѣ, ибо всегда размышляетъ о тѣхъ фактахъ, съ которыми знакомится. Онъ такъ привыкъ задумываться надъ отдѣльными явленіями, что никогда не отвѣчаетъ вдругъ, а всегда раньше всего присмотрится, поразберетъ вопросъ и тогда уже скажетъ. При объясненіи какого-либо новаго для него явленія онъ даже скорѣй будетъ отрицать, чѣмъ соглашаться съ даннымъ объясненіемъ, и всѣми мѣрами будетъ стараться или выяснить несостоятельность его, или пріискать еще и другое объясненіе. Вообще онъ не скоро и не легко сдается на чужія мнѣнія и спорить большой охотникъ, совсѣмъ, конечно, не изъ желанія противорѣчить; напротивъ, онъ руководится только потребностью разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ и, по возможности, прійти къ истинному рѣшенію. Онъ постоянно критически относится какъ къ объясненіямъ преподавателя, такъ и ко всѣмъ его дѣйствіямъ, охотно отыскивая въ нихъ смѣшныя стороны и представляя ихъ своимъ товарищамъ. Этотъ смѣхъ отличается однако большимъ добродушіемъ, если учитель сколько нибудь умѣетъ внушить интересъ къ занятіямъ; ни одной злобной нотки не слышно въ этихъ дружныхъ взрывахъ хохота среди товарищей, въ центрѣ которыхъ вы видите виновника веселья. Если же преподаватель или наставникъ, вслѣдствіе своей безтактности или неумѣнья вести дѣло, нелюбимъ учениками, тогда добро-

душный ребенокъ совсѣмъ перестаетъ слѣдить за предметами занятій, а все свое вниманіе во время класса отдаетъ наблюденію за промахами и недостатками учителя и внѣ класса жестоко осмѣиваетъ его, при чемъ въ этомъ смѣхѣ меньше добродушія, въ немъ можно замѣтить даже оттѣнокъ ироніи, но всегда справедливой, всегда соотвѣтствующей истиннымъ качествамъ преподавателя. Провинившись въ чемъ либо, онъ всегда искренно сознается и ни въ какомъ случаѣ не допуститъ, чтобы за его погрѣшности или проступки пострадалъ кто-либо изъ его товарищей. Онъ даже способенъ представить свою погрѣшность съ болѣе невыгодной стороны, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Обвиненный несправедливо, онъ скорѣе промолчитъ, но товарища ни въ какомъ случаѣ не выдастъ; во-первыхъ, потому, что онъ, какъ увидимъ ниже, всегдашній противникъ преслѣдованія, а во-вторыхъ, потому, что въ силу обычныхъ школьныхъ условій воспитанники почти всегда стоятъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ надзирающимъ за ними. Спрошенный, онъ откровенно отвѣтитъ, что онъ не виноватъ, а если знаетъ истиннаго виновника, то только заявитъ, что на него не укажетъ. Въ этомъ отношеніи онъ твердъ и послѣдователенъ и поэтому всегда любимъ своими товарищами. Въ случаѣ обвиненія невиннаго или преслѣдованія слабаго онъ является всегда горячимъ его защитникомъ и этимъ часто навлекаетъ на себя негодованіе и неудовольствіе своихъ наставниковъ. Всякая несправедливость вообще можетъ его возмутить до такой степени, что онъ въ состояніи мгновенно вспылить и дойти до самыхъ крайнихъ выходокъ, при чемъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ выставитъ всю невзрачность и несправедливость поступка. Онъ никакъ не уживается съ ложью и насиліемъ, въ какой бы формѣ они ни проявлялись, и, замѣтивъ хотя бы слѣды ихъ, онъ укажетъ на нихъ, или, если они относятся только лично къ нему, отстранится, уйдетъ отъ нихъ. Врагъ лицемѣровъ, онъ однако не преслѣдуетъ ихъ систематически, а только разоблачаетъ и сторонится отъ нихъ. На настойчивое и послѣдовательное преслѣдованіе другихъ онъ не способенъ. Лично изъ-за себя онъ никогда никого не преслѣдуетъ, если бы даже ему причинили много непріятностей и страданій; онъ только отстраняется отъ лицъ, причинившихъ ему такое зло.

Обыкновенно очень добрый и любящій ребенокъ, онъ всегда сильно привязанъ къ матери, къ нянѣ и вообще къ тѣмъ

лицамъ, съ которыми онъ выросъ, и даже къ мѣсту, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Онъ относится искренно, откровенно и просто, безъ внѣшней нѣжности ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходится встрѣчаться; никогда не думая о томъ, чтобы показаться лучше, онъ скорѣе выставитъ себя съ невыгодной стороны; это вовсе не противорѣчитъ его искренности и происходитъ отъ его неувѣренности въ своихъ силахъ. У него нѣтъ ни тѣни жадности, не говоря уже о желаніи присвоить себѣ или воспользоваться чужимъ добромъ; онъ никогда не ищетъ никакой льготы и выгоды, напротивъ, всегда готовъ всѣмъ подѣлиться и даже отдаетъ лучшую и большую часть, забывая себя и свои нужды. Онъ всегда готовъ оказать посильную помощь и участіе всѣмъ окружающимъ и въ особенности нуждающимся безъ всякой задней мысли или расчета; поступаетъ онъ такъ исключительно вслѣдствіе своей впечатлительности и отзывчивости при видѣ страданій и лишеній другихъ людей. Онъ хорошо и мягко относится къ низшимъ и прислуживающимъ, всегда уважая въ нихъ человѣка, равнаго себѣ; поэтому онъ всегда любимъ окружающими, которые часто остаются преданными и привязанными къ нему въ продолженіе всей жизни. Оставаясь наединѣ, онъ не бездѣйствуетъ и не скучаетъ, а всегда найдетъ себѣ дѣло и занятіе. Онъ охотно слѣдитъ за растеніями и животными, вообще за окружающимъ его міромъ и отличается при этомъ большою наблюдательностью; всѣ замѣчаемыя имъ при этомъ явленія служатъ ему богатымъ матеріаломъ для размышленія. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ дѣлится своими впечатлѣніями съ близкимъ и горячо любимымъ имъ человѣкомъ, добиваясь у него выясненія возникающихъ недоразумѣній или сомнѣній. Онъ хорошо знаетъ, чѣмъ можетъ огорчить или сдѣлать непріятное этому лицу, и потому старается избѣгать такихъ дѣйствій. Достаточно ему убѣдиться въ томъ, что его поступку не будутъ сочувствовать, и знать основанія этого несочувствія, чтобы вызвать у него сознаніе, что онъ неправильно или нехорошо поступилъ. Эта черта особенно характерна и всегда существуетъ у ребенка добродушнаго типа. Не лаской, не прислуживаніемъ онъ желаетъ исправить свою вину, а полнымъ признаніемъ, при чемъ причину своего проступка онъ непремѣнно находитъ въ себѣ, а никакъ не въ другихъ. Такой ребенокъ требуетъ только, чтобы въ обращеніи съ нимъ всегда относились къ

нему съ спокойнымъ разсужденіемъ и выясненіемъ его недостатковъ и проступковъ; требовательность, но справедливая, разумная только возбуждаетъ его энергію.

Если стѣснять свободу такого ребенка, преслѣдовать его постоянными регламентаціями, напоминаніями, угрозами и наказаніями, заставлять его заучивать уроки и засаживать его за нихъ произвольно, какъ вздумается, требовать безусловнаго повиновенія „безъ разсужденій“,—словомъ, если вгонять его въ извѣстный шаблонъ, то онъ можетъ явиться въ видѣ крайне безпокойнаго, невыносимаго ребенка, который уже будетъ стоять на переходной ступени къ злостно-забитому типу. Онъ не повинуется никакимъ мѣрамъ, не поддается никакимъ наказаніямъ, постоянно замѣчаетъ всѣ промахи и слабости своего наставника и выставляетъ ихъ передъ своими товарищами въ самомъ смѣшномъ и преувеличенномъ видѣ. Подвижный, безпокойный, крайне наблюдательный, онъ замѣчаетъ всѣ слабыя стороны своихъ притѣснителей и выставляетъ ихъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ, бойко и храбро рѣшаясь на всевозможныя выходки и затѣи, даже самаго рѣзкаго характера. При этомъ онъ совершенно бросаетъ свои занятія, и, доведенный въ продолженіе довольно долгаго времени различными мѣрами до высшей степени раздраженія, онъ въ состояніи нанести своимъ преслѣдователямъ всевозможныя оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ. Подарки, награды и отличія на него не дѣйствуютъ; онъ обыкновенно не придаетъ имъ ровно никакого значенія точно такъ же, какъ и другимъ матеріальнымъ выгодамъ и благамъ; поэтому онъ, понятно, и не стремится къ пріобрѣтенію ихъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Вообще вся внѣшность его совсѣмъ не пользуется его вниманіемъ. Отзывчивость къ нуждамъ другихъ заставляетъ его часто давать имъ больше, чѣмъ это допускаютъ его средства. Существующее у него имущество вообще у него не держится, оно какъ-то исчезаетъ, отчасти вслѣдствіе недостаточной къ нему внимательности, а отчасти вслѣдствіе всегдашней готовности при всякомъ случаѣ подѣлиться имъ со всѣми окружающими. Это качество при дальнѣйшемъ развитіи типа какъ будто даже растетъ, вмѣстѣ съ этимъ такія дѣти впослѣдствіи становятся неподкупными и объективно справедливыми. Откровенный, искренній и правдивый нравъ добродушнаго ребенка рѣзко выказывается въ школьныхъ играхъ и во всѣхъ отношеніяхъ

къ товарищамъ. Этотъ типъ приходилось наблюдать какъ у дѣтей, такъ и у молодыхъ людей, и даже представлялась возможность прослѣдить характерныя проявленія его почти въ чистыхъ формахъ у взрослыхъ людей. Это — лица, не знающія личныхъ выгодъ и интересовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они никогда не бываютъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ или ихъ слугами; они служатъ только выработаннымъ ими же самими принципамъ и идеямъ, за которые твердо стоятъ и часто страдаютъ.

Недостатокъ настойчивости въ дѣйствіяхъ, мягкость и уступчивость нрава, а иногда просто неподвижность и даже лѣнь дѣлаютъ возможнымъ, что лица такого типа часто недостаточно противодѣйствуютъ злу; но, впрочемъ, это замѣчается преимущественно у взрослыхъ и въ томъ только случаѣ, если при этомъ страдаютъ одни личные ихъ интересы; въ противномъ случаѣ, разъ убѣдившись во вредѣ, приносимомъ другому лицу или обществу, они сбрасываютъ съ себя свою лѣнь и являются энергичными и сильными борцами за правду. Во всякомъ случаѣ лѣнь ихъ болѣе физическая, чѣмъ умственная; умственная ихъ дѣятельность при извѣстныхъ условіяхъ можетъ выразиться преобладаніемъ фантазіи, постройкою всевозможныхъ несбыточныхъ проектовъ и воздушныхъ замковъ; но все же мысль будетъ постоянно работать. До бездѣйствія, до этой праздной жизни въ области фантазіи человѣка добродушнаго типа чаще всего доводитъ его прямота и честность, не позволяющія ему уживаться съ ложью, нахальствомъ, насиліемъ и съ той дѣловитостью, единственной цѣлью которой, какъ будто въ силу круговой поруки, стало „урвать кусокъ“, а также съ однообразною или механическою дѣятельностью. Онъ не въ состояніи мириться съ ними, онъ оставляетъ тогда свою дѣятельность, хотя бы личное его положеніе было однимъ изъ выгодныхъ, и легко дѣлается „лишнимъ человѣкомъ“, который безъ матеріальныхъ средствъ строитъ планы, проекты и утоляетъ расходившуюся фантазію употребленіемъ наркотическихъ средствъ.

Въ добродушномъ типѣ всего ярче видны истинныя человѣческія проявленія и качества; побольше энергіи и настойчивости въ борьбѣ съ препятствіями, вотъ все, что должна дать школа такому ребенку, содѣйствуя, конечно, въ то же время постепенному совершенствованію его качествъ.

Этотъ типъ описанъ здѣсь такимъ, какъ онъ встрѣчается и наблюдается въ школѣ; здѣсь можно допустить ошибки въ наблюденіи, которыя, конечно, должны выясниться дальнѣйшими провѣрками другихъ наблюдателей. Одно можно сказать твердо, что при его описаніи ничего не дополнено воображеніемъ, картина представлена съ возможно большею объективностью.

Условія, при которыхъ развивается подобный типъ, насколько возможно было прослѣдить ихъ, слѣдующія: тихая, спокойная, въ особенности деревенская жизнь съ самаго рожденія на свѣтъ; любящая добрая мать или другое близкое ребенку лицо, отсутствіе всякой похвалы и внѣшности, дѣйствующей на чувствованія, а также отсутствіе всякихъ мѣръ наказанія или преслѣдованія ребенка. Ребенокъ, напротивъ того, пользуется полною свободою; ко всѣмъ его нуждамъ и требованіямъ относятся со вниманіемъ и удовлетворяютъ ихъ, насколько это возможно, и насколько позволяютъ обстоятельства; въ противномъ случаѣ всегда выясняютъ ему причину отказа. Ребенокъ никогда не подвергается никакимъ произвольнымъ дѣйствіямъ или насилію; онъ всегда знаетъ причину тѣхъ требованій, которыя ему ставятъ. Все это дѣлается не по искусственному шаблону, а вслѣдствіе добрыхъ и простыхъ отношеній къ ребенку, только потому, что живутъ жизнью ребенка и изъ участія къ нему стремятся выяснять всѣ причины своихъ дѣйствій. Необходимыя для этого въ окружающихъ его сдержанность и привычка останавливаться надъ явленіями и обсуждать ихъ содѣйствуютъ также спокойному выясненію появляющихся у ребенка вопросовъ и сомнѣній. Ему ничего не навязываютъ, не втолковываютъ, не вбиваютъ, а только возможно просто выясняютъ и отвѣчаютъ на его же вопросы, а въ случаѣ незнанія или неумѣнья объяснить прямо сознаются въ этомъ, не отдѣлываясь отъ ребенка непонятными для него фразами и не прогоняя его безъ всякаго разсужденія. Приходилось видѣть, что при безпечной матери умная, простая и добрая няня воспитывала добродушнаго ребенка; она не баловала его и не бѣгала постоянно за нимъ, а, дѣйствительно, съ замѣчательною искренностью и вниманіемъ относилась ко всему, что касалось этого ребенка, и ко всѣмъ появляющимся у него вопросамъ. Уже молодымъ человѣкомъ онъ былъ искренно привязанъ къ своей нянѣ и часто разсказывалъ, какъ они вмѣстѣ выясняли себѣ

то, что не удавалось ему одному. Она постоянно слѣдила за каждымъ поступкомъ ребенка и всегда замѣчала ему то, что казалось ей дурнымъ, выясняя, почему и въ чемъ она видитъ нехорошее. Слова старухи и впослѣдствіи имѣли большое вліяніе на молодого человѣка. Къ числу необходимыхъ условій при воспитаніи ребенка добродушнаго типа должно быть отнесено отсутствіе всякихъ искусственныхъ мѣръ, служащихъ для развлеченія ребенка, какъ, напр., торжественные обѣды, пиршества, балы, театры и т. п. Игры и занятія онъ самъ себѣ отыщетъ, доставляйте только ему все необходимое для нихъ. Въ случаѣ его собственныхъ заявленій ему помогаютъ при его занятіяхъ и устройствѣ его развлеченій. Занятія постепенно усложняются соотвѣтственно требованіямъ и понятіямъ ребенка, но никогда его не забрасываютъ непосильнымъ трудомъ и не навязываютъ занятій, несоотвѣтствующихъ степени его развитія; до школьнаго періода ему предоставляется свободный выборъ ихъ, при чемъ всегда съ участіемъ относятся ко всѣмъ его требованіямъ и заявленіямъ. Здѣсь нѣтъ еще школьной системы; толковое, простое, правдивое отношеніе близкаго человѣка, слово и дѣло котораго никогда не расходятся, и который всегда готовъ помочь и указать необходимое, способствуетъ, повидимому, главнымъ образомъ, развитію ребенка добродушнаго типа.

Постараемся теперь разсмотрѣть ту связь, какая существуетъ между замѣчаемыми явленіями и приведенными причинами, содѣйствующими развитію добродушнаго типа. Главныя характеристическія явленія этого типа, какъ сказано, составляютъ: наблюдательность, привычка размышлять надъ явленіями окружающей среды, чтобы выяснить, по возможности, ихъ причинную связь, ихъ значеніе, ихъ внутренній смыслъ; мягкость, правдивость, прямота и простота въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ окружающимъ. Онъ всегда защищаетъ слабыхъ и подвергающихся несправедливости, очень строго относится къ своимъ обязанностямъ, но легко отступаетъ отъ дѣла, если оно касается только лично его и при этомъ для него неинтересно.

Раньше уже говорилось, что сильныя и быстро смѣняющіяся внѣшнія вліянія должны вызывать рефлекторныя явленія. Далѣе упоминалось, что болѣе медленныя, но упорно, настойчиво дѣйствующія вліянія будутъ способствовать развитію памяти и вызывать имитаціонныя дѣйствія. Внѣшнія

вліянія и здѣсь дѣйствуютъ быстро, но все же медленнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, такъ что остается время для разъединенія отдѣльныхъ представленій и субъективнаго воспріятія ихъ. Съ уменьшеніемъ быстроты смѣны впечатлѣній, при болѣе постепенномъ и послѣдовательномъ ихъ дѣйствіи, дана большая возможность для субъективнаго воспринимания, результатами котораго являются разъединеніе различныхъ впечатлѣній по ихъ степени и качеству, сравненіе ихъ, что даетъ мысли и знанія, которыя, слѣдовательно, разъясняются производимымъ здѣсь анализомъ. Дальнѣйшій психическій актъ вводитъ насъ въ область идей и понятій, въ область разума, гдѣ дѣятельность происходитъ на основаніи сравненія мыслей и знаній и вполнѣ точнаго опредѣленія ихъ существеннаго сходства и различія. Слѣдовательно, дѣятельность разума даетъ пониманіе знаній, а не простое усвоеніе ихъ, такъ какъ производимымъ здѣсь синтезомъ знанія расширяются.

Выше также говорилось, что здѣсь же, въ области дѣятельности разума, путемъ методовъ индукціи и дедукціи вырабатываются общія истины или ясно сознанныя идеи, строго соотвѣтствующія характеру образовъ, лежащихъ въ ихъ основаніи. Разъ постепенная и послѣдовательная умственная работа довела человѣка до этого уровня психической жизни, разъ онъ выработалъ идею правды и дошелъ до истины, онъ въ состояніи каждому новому явленію отвести его истинное мѣсто, отвѣчающее его существенному значенію. Только тогда каждое его дѣйствіе, каждое намѣреніе составляетъ примѣненіе выводовъ изъ общихъ идей и тѣхъ ясно сознанныхъ образовъ и представленій, которые лежатъ въ ихъ основаніи. Составляя такимъ образомъ проявленіе истины, эти дѣйствія прямо, справедливо и выгодно ведутъ къ достиженію опредѣленной цѣли и потому называются „разумными“. На этомъ уровнѣ развитія дѣйствіями и намѣреніями человѣка уже не могутъ руководить минутныя выгоды или чувствованія: понятія о добрѣ и злѣ у него уже тверды, опредѣленны. Ребенокъ достигаетъ этого уровня развитія въ томъ случаѣ, когда около него есть близкое лицо, къ которому онъ постоянно можетъ обращаться, которое выясняетъ первые появившіеся у него вопросы, разрѣшаетъ его сомнѣнія и вмѣстѣ съ нимъ обсуждаетъ и выясняетъ непонятныя для него явленія. Кромѣ того, ребенокъ можетъ видѣть и удостовѣриться, что слово и дѣло близкаго для него лица

всегда согласуются между собой и соотвѣтствуютъ чаще всего той правдѣ, которую онъ съ нимъ узналъ и выработалъ. Все это глубоко сроднило и тѣсно связало ребенка съ нимъ, пріучило любить и уважать его, пріучило вмѣстѣ служить идеѣ правды и по ней цѣнить проявленія человѣка. Въ немъ ребенокъ можетъ видѣть и слабости, которыя встрѣчаетъ у себя и у другихъ; искреннее, простое обсужденіе этихъ слабостей показываетъ ему во всей полнотѣ ихъ причины, которыя въ связи съ остальными свойствами человѣка должны были вызвать именно эти, а не иныя слабости; это заставляетъ его осторожно относиться къ слабостямъ другихъ, не дѣлать поспѣшныхъ и, можетъ быть, ложныхъ заключеній, ждать возможности полнаго анализа даннаго поступка или дѣйствія лица и все-таки стараться избѣгать ошибокъ въ собственныхъ своихъ дѣйствіяхъ или, иначе говоря, стараться устранить условія ихъ развитія.

Эти основанія могутъ выяснить всю связь, существующую между приведенными выше причинами и проявленіями добродушнаго типа. Наблюдательность ребенка добродушнаго типа объясняется его впечатлительностью, которая не была понижена и ослаблена никакими рѣзкими дѣйствіями, лишеніями, никакими поощреніями или наказаніями. Онъ всегда имѣлъ возможность спокойно слѣдить за окружающими его явленіями, усваивать болѣе выдающіяся изъ нихъ и задумываться надъ ихъ значеніемъ. Ребенокъ этого типа наглядно показываетъ, какъ существенно сохраненіе впечатлительности ребенка. Съ самаго появленія на свѣтъ младенца обыкновенно подвергаютъ различнымъ искусственнымъ мѣрамъ, которыя всѣ понижаютъ его впечатлительность. Позже къ нему примѣняютъ различные способы поощреній и наказаній; онъ пріучается всегда все дѣлать съ цѣлью личной выгоды и удовлетворенія своихъ чувствованій. При нормальныхъ условіяхъ развитія ребенка, когда его не ограничиваютъ постоянными регламентаціями, онъ всегда отличается наблюдательностью, при чемъ сейчасъ же повторяетъ подмѣченное имъ дѣйствіе и затѣмъ уже разсуждаетъ надъ нимъ. Это самый выгодный способъ развитія ребенка, который необходимо поддерживать; при этомъ ребенокъ всего болѣе останавливается надъ тѣми явленіями, которыя ему доступны. Онъ самъ ихъ подмѣчаетъ, они ему не навязаны, соотвѣтствуютъ его силамъ и способностямъ, и поэтому онъ

легче ихъ усваиваетъ. Въ ребенкѣ нельзя искусственно развить наблюдательность, можно только устранить всякія сильныя вліянія, которыя могли бы понизить его впечатлительность; кромѣ того, можно еще содѣйствовать постепенному видоизмѣненію матеріала, необходимаго для его образованія. При всякомъ искусственномъ способѣ, примѣняемомъ для возбужденія наблюдательности ребенка, недостаетъ перваго момента, и именно, онъ не самъ наталкивается на новыя явленія, а его вниманіе останавливаютъ на тѣхъ явленіяхъ, съ которыми хотятъ его познакомить. Въ такомъ случаѣ легко впасть въ ошибку при оцѣнкѣ силъ ребенка и его подготовки, между тѣмъ какъ всякое такое несоотвѣтствіе приводитъ къ тому, что ребенокъ недостаточно усваиваетъ воспринимаемое. Мнѣніе это всего болѣе подтверждается при наблюденіи ребенка добродушнаго типа: только вслѣдствіе того, что ему никто ничего не навязываетъ и ничѣмъ не понижаетъ его впечатлительности, онъ съ большимъ вниманіемъ и отзывчивостью относится ко всему окружающему и наблюдаетъ какъ за всѣмъ здѣсь происходящимъ, такъ и за тѣмъ, что въ немъ самомъ происходитъ. Вслѣдъ за наблюденіемъ ребенокъ повторяетъ то, что произвело на него болѣе сильное впечатлѣніе; этимъ повтореніемъ онъ пріучается къ различнымъ пріемамъ, употребляемымъ въ обыденной жизни. При искусственномъ же пріучиваніи къ такимъ пріемамъ и дѣйствіямъ ребенокъ не самъ выбираетъ производимое имъ дѣйствіе, а имитируетъ требуемое отъ него; понятно, что и здѣсь такія требованія могутъ не соотвѣтствовать степени физическаго развитія ребенка и умѣнью его производить такія дѣйствія. Ребенокъ добродушнаго типа, хотя обыкновенно и угловатъ въ своихъ движеніяхъ и пріемахъ и мало обращаетъ вниманія на внѣшнія свои проявленія, все же не чуждъ обыденнымъ дѣйствіямъ и всегда сумѣетъ примѣниться и справиться съ элементарными пріемами, необходимыми при производимой имъ работѣ.

Послѣ наблюденія и повторенія наблюдаемаго ребенокъ обыкновенно охотно разсуждаетъ надъ значеніемъ воспринятаго и повтореннаго имъ; это драгоцѣнное качество, главнымъ образомъ, и содѣйствуетъ его образованію, а также ограниченію произвола его дѣйствій и выясненію личныхъ качествъ человѣка. Обыкновенно находятъ, что ребенокъ долженъ только исполнять обращенныя къ нему требованія, что онъ долженъ

набирать матеріалъ и знанія для будущей своей дѣятельности. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться на основаніи слѣдующаго психологическаго положенія: *Смотря по тому, какимъ образомъ человѣкъ относится къ какимъ-либо явленіямъ при первой встрѣчѣ съ ними, соотвѣтственно этому скорѣе всего онъ будетъ къ нимъ относиться и впослѣдствіи.* Если онъ въ раннемъ возрастѣ не пріучился разсуждать надъ своими впечатлѣніями и дѣйствіями, то онъ впослѣдствіи очень трудно къ этому привыкаетъ. Наборомъ знанія онъ развиваетъ свою память, которую до того изощряетъ упражненіемъ, что ему всего легче все воспринимать этою умственною способностью; онъ не привыкъ и не умѣетъ разсуждать, у него знанія остаются сырымъ матеріаломъ, который не переваренъ разсужденіемъ. Безъ анализа и разсужденія, безъ провѣрки своими дѣйствіями ребенокъ лично не знакомится съ качествами воспринимаемаго, онъ поэтому самъ не въ состояніи выводить общихъ положеній, не въ состояніи составить общаго образа; у него общихъ понятій нѣтъ, онъ знаетъ, но не понимаетъ. Поэтому самостоятельно видоизмѣнить свои дѣйствія онъ не въ состояніи и только повторяетъ то, что знаетъ, что слышалъ, что вычиталъ изъ книги; у него нѣтъ личнаго характера, а для развитія нравственнаго характера нѣтъ условій. Все здѣсь сказанное всего точнѣе видно при знакомствѣ съ честолюбивымъ и добродушнымъ типами и при сравненіи ихъ между собою. Наблюдательность ребенка добродушнаго типа, его простота и непосредственность въ отношеніяхъ ко всѣмъ окружающимъ вполнѣ подтверждаютъ только что высказанное мнѣніе. Наблюдая за другими, онъ подмѣчаетъ ихъ отношенія къ людямъ, обсуждаетъ замѣченное и изъ этого составляетъ себѣ образъ, или понятіе, человѣческой личности, откуда и слагаются замѣчаемыя у молодого человѣка такого типа мягкость и предупредительность относительно другихъ, стремленіе защищать несправедливо оскорбленныхъ, слабыхъ и вообще страдающихъ.

Объективно наблюдая за дѣтьми, находящимися въ школѣ, нельзя не убѣдиться, что искренняя, никогда не расторгаемая дружба является только между разсуждающими дѣтьми, сходящимися въ понятіяхъ о правдѣ. Между лицемѣрами и честолюбивыми нѣтъ дружбы и не можетъ быть ея. Она можетъ быть только между дѣтьми добродушнаго типа или между ребенкомъ добродушнаго и злостно-забитаго типа; послѣднее,

впрочемъ, только при извѣстныхъ условіяхъ, которыя будутъ указаны при разборѣ послѣдняго типа, и въ сущности опять же при служеніи какой-либо идеѣ. Всякая другая дружба, основанная на матеріальныхъ выгодахъ и расчетахъ, — временна и проходитъ безъ всякаго слѣда и серьезныхъ послѣдствій, или, вѣрнѣе сказать, это будетъ уже не дружба. Предположеніе, что у ребенка 9—10 лѣтъ при появленіи его въ школѣ еще не можетъ быть идеи и понятія о правдѣ,—невѣрно. Непосредственныя наблюденія показываютъ противное, и можно положительно убѣдиться въ ихъ существованіи въ самомъ точномъ и опредѣленномъ видѣ. Одинъ учитель народной деревенской школы увѣрялъ даже, что большинство его учениковъ принадлежитъ къ дѣтямъ добродушнаго типа. Это свѣдѣніе очень правдоподобно и согласно съ тѣмъ, что приходится наблюдать въ деревнѣ.

Память у ребенка добродушнаго типа, какъ уже сказано, обыкновенно не особенно развита, но онъ привыкъ къ анализу и поэтому, встрѣчаясь съ чѣмъ-либо для него новымъ, онъ не повторяетъ слѣпо воспринятое, а, напротивъ того, чаще относится къ послѣднему осторожно и даже съ сомнѣніемъ и соглашается только послѣ провѣрки и убѣжденія въ вѣрности воспринимаемаго. Своимъ разсужденіемъ и провѣркою онъ пріучается отличать и понимать правду, а также значеніе личности человѣка и его неприкосновенность, что и ложится въ основаніе его нравственной жизни и его откровенности и искренности въ отношеніяхъ къ окружающимъ и въ особенности къ товарищамъ. Онъ всегда любимъ ими за свою справедливость и непосредственность, а правдивость его обезпечиваетъ за нимъ его хорошее вліяніе на товарищей.

Разсужденіемъ онъ выясняетъ себѣ также значеніе принимаемой на себя обязанности и поэтому очень строго относится ко всему, что связано съ какимъ-либо принятымъ на себя обязательствомъ, всегда очень точно его исполняетъ, совершенно забывая при этомъ свои личныя выгоды и удобства. Вообще онъ мало заботится о послѣднихъ, а также о своей внѣшности, ибо чуткая впечатлительность и привычка разсуждать неминуемо заставляютъ его болѣе останавливать свое вниманіе на значеніи окружающихъ явленій, въ особенности на психическихъ проявленіяхъ, на выясненіи „внутренняго человѣка“. Все это отвлекаетъ его отъ несущественныхъ внѣшнихъ явле-

ній и отъ удовлетворенія различныхъ чувствованій, которыя у него и не имѣли возможности развиться. Наконецъ, выработанное понятіе о правдѣ не позволяетъ ему казаться другимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Невнимательность его къ своей внѣшности доходитъ иногда даже до неряшливости, которая есть послѣдствіе отсутствія привычки слѣдить за своей внѣшностью, а также нежеланія заниматься своимъ тѣломъ и производить своей внѣшностью какое-либо впечатлѣніе.

Наблюдательность ребенка добродушнаго типа содѣйствуетъ тому, что онъ легко подмѣчаетъ какъ хорошія качества, такъ и слабости людей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, поэтому онъ очень мѣтко выставляетъ слабости своихъ преподавателей, которыми онъ почему-либо недоволенъ, въ особенности если видитъ со стороны ихъ несправедливое отношеніе или оскорбленіе его товарищей. Въ такихъ случаяхъ онъ даже горячо заступается за нихъ, ибо его правдивость и прямота не допускаютъ присутствовать и терпѣть униженіе и оскорбленіе личности другихъ.

Невыгодныя качества ребенка добродушнаго типа состоятъ въ недостаточной провѣркѣ его разсужденій физическими пріемами и вообще въ недостаткѣ его физическаго развитія. Онъ вообще не охотникъ до физической работы, ибо охотнѣе всего онъ разсуждаетъ надъ замѣчаемыми имъ явленіями, строитъ планы, составляетъ проекты и вообще легко предается различнымъ фантастическимъ предположеніямъ, въ особенности если наблюденіемъ онъ недостаточно набралъ себѣ матеріала для болѣе производительной умственной дѣятельности. Онъ очень осторожно и часто съ сомнѣніемъ относится къ мнѣнію и выясненіямъ другихъ, ибо привыкъ разрѣшать вопросы или выяснять ихъ только разсужденіемъ; но, какъ скоро онъ убѣдится въ неосновательности своего сомнѣнія, то непремѣнно заявитъ объ этомъ и совершенно искренно покается въ своей ошибкѣ. Это все хорошо объясняется его привычкой воспринимать все послѣ обсужденія, а также его правдивостью и прямотой. Если какія-либо занятія его не интересуютъ, и онъ не находитъ возможности разсуждать надъ ними, то онъ обыкновенно отъ нихъ отказывается и охотно отъ нихъ освобождается. Эта его невнимательность къ занятіямъ часто принимается за лѣнь, и его стремятся различными мѣрами принудить къ исполненію поставленныхъ ему требованій. Но всѣ эти принуди-

тельныя мѣры обыкновенно не достигаютъ своей цѣли, онѣ голько оскорбляютъ его и еще болѣе отталкиваютъ отъ такихъ занятій.

Конечно, недостаточно, если условія, необходимыя для развитія этого типа, дѣйствуютъ въ раннемъ возрастѣ и остаются затѣмъ неизмѣнными; для дальнѣйшаго развитія положительно требуется, чтобы вліянія непремѣнно постепенно и послѣдовательно усиливались и тѣмъ возбуждали къ большей дѣятельности. Это общій экономическій законъ во всякомъ организмѣ, по которому какъ части, такъ и цѣлое органовъ растительной и животной жизни совершенствуются и прогрессируютъ только при постепенно и послѣдовательно увеличивающемся возбужденіи ихъ къ дѣятельности; въ противномъ случаѣ, они останавливаются въ своемъ развитіи, а затѣмъ подвергаются обратному измѣненію и распаденію (регрессивному метаморфозу). Всякій трудъ, переходящій за предѣлы дѣятельности этихъ органовъ, легко приведетъ ихъ къ истощенію и обусловитъ болѣзненныя явленія. Это въ особенности хорошо можно изучить надъ отправленіями органовъ движенія, а затѣмъ обобщить и для всѣхъ другихъ органовъ тѣла.

Ребенокъ добродушнаго типа всего нагляднѣе и убѣдительнѣе показываетъ, какъ легко совершенно разстроить его жизнь неумѣлымъ обращеніемъ и неразумными требованіями. Онъ привыкъ самъ распоряжаться своимъ временемъ и всѣми своими дѣйствіями, медленно и спокойно заниматься дѣломъ. Онъ, наконецъ, исполнялъ все только справедливыя и необходимыя требованія, основательность которыхъ ему всегда выясняли. Можетъ ли ребенокъ послѣ этого вдругъ войти въ неподвижныя рамки шаблона, выработаннаго въ другой странѣ, для другого типа, живущаго при совершенно другихъ условіяхъ? Можетъ ли онъ вдругъ, безъ всякаго разсужденія зазубривать всевозможныя знанія только потому, что они требуются по той табели, которая составлена по знакомству со всѣми этими предметами, а не на основаніи пониманія умственнаго склада ребенка и условій, необходимыхъ для развитія его человѣческихъ качествъ и достоинствъ? Понятно, что все это положительно невозможно и всегда, и вездѣ неминуемо приведетъ только къ извращенію ребенка и къ искорененію лучшихъ его качествъ. Въ такомъ случаѣ ребенка учатъ только для того, чтобы запрудить его знаніями, извергаемыми имъ въ различныхъ случаяхъ.

иногда впопадъ, а иногда и нѣтъ, или же только для того, чтобы онъ выдерживалъ экзамены и никогда не былъ въ состояніи понимать себя и своего ближняго и цѣнить человѣка во всѣхъ его проявленіяхъ.

При изученіи организма человѣка слагается твердое убѣжденіе, что всѣ органы умственной дѣятельности развиваются только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи ихъ, и если какая-либо часть ихъ находится внѣ этого условія, то эти органы понижаютъ свою дѣятельность, и, такимъ образомъ, нарушается общая гармонія отправленій организма. Такое пониженіе умственныхъ отправленій нарушаетъ цѣлостность проявленій дѣятельности человѣка, оно обусловливаетъ невозможность проявлять возможно большую дѣятельность въ возможно малый промежутокъ времени. Послѣднее условіе достигается только отвлеченнымъ мышленіемъ, пониманіемъ идей, лежащихъ въ основаніи ряда явленій. При разборѣ нормальнаго типа будетъ, по возможности, выяснено, что ребенокъ родится на свѣтъ съ опредѣленнымъ темпераментомъ, зависящимъ отъ постройки его сосудистой системы съ ея центральнымъ органомъ, что индивидуальность ребенка должна устанавливаться въ семьѣ, до школьнаго періода, развитіемъ умственныхъ его способностей и понятія о правдѣ. Въ школѣ же онъ долженъ развивать въ полномъ соотношеніи всѣ свои способности и научиться управлять собой; здѣсь должны быть даны условія, содѣйствующія установленію его характера: ребенокъ долженъ быть въ состояніи индивидуально проявляться и справляться съ своими чувствованіями, связанными какъ съ активно-физической его дѣятельностью, такъ и съ отправленіями органовъ растительной жизни. Повидимому вопросъ о томъ, чѣмъ руководствоваться при выборѣ предметовъ въ школѣ, долженъ бы рѣшаться въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ при этомъ руководствоваться только послѣдовательностью развитія умственныхъ отправленій и условіями, при которыхъ они всего выгоднѣе проявляются. Вѣдь нельзя же предположить, чтобы учитель преподавалъ, напр., математику только для знакомства съ счисленіемъ или для рѣшенія различныхъ практическихъ вопросовъ или географію для знанія, гдѣ лежитъ такой-то городъ, протекаетъ такая-то рѣка (чѣмъ однакожъ преподаваніе часто только и ограничивается). Въ школѣ раньше всего необходимо научить ребенка разъединять

отдѣльныя получаемыя имъ впечатлѣнія, ознакомить его съ анализомъ и синтезомъ встрѣчающихся явленій, научить его сравненіемъ отдѣльныхъ представленій отдѣлять существенныя изъ нихъ отъ второстепенныхъ, чтобы на основаніи этихъ существенныхъ образовъ или мыслей онъ могъ вырабатывать понятія и идеи, чтобы строгой провѣркой пріобрѣтенныхъ имъ знаній онъ дошелъ до ихъ пониманія; это дастъ ему возможность познавать истину. Наконецъ, уже на основаніи умѣнья примѣнять выработанныя положенія и истины, онъ долженъ опредѣлять значеніе тѣхъ явленій, съ которыми встрѣчается. Если всѣ необходимыя условія для такого образованія существуютъ, и молодой человѣкъ научился вырабатывать общія положенія и истины и умѣетъ примѣнять ихъ для выясненія встрѣчающихся явленій, а также подчинять имъ свои чувствованія и желанія, то въ такомъ случаѣ онъ является уже зрѣлымъ къ борьбѣ человѣкомъ. Средства, которыя примѣняются для достиженія этой цѣли, могутъ быть, понятно, самыя разнообразныя. Въ древней Греціи примѣняли для этого очень сложный методъ, старались познакомить непосредственно съ различными проявленіями жизни и разсужденіями о нихъ приготовить къ знакомству съ нею. Мало провѣренныя разсужденія имѣютъ очень субъективный характеръ, и потому введеніе различныхъ взаимно провѣряющихъ методовъ умственнаго труда должно содѣйствовать установленію большей объективности при вырабатываніи истинъ и усвоеніи ихъ.

Изъ сказаннаго ясно, что споръ о томъ, при посредствѣ изученія какихъ предметовъ получается серьезное образованіе, совершенно праздный. Очевидно, при посредствѣ тѣхъ, которые больше содѣйствуютъ разсужденію, которые ведутъ къ выясненію и пониманію истинъ. Совершенно непригоденъ въ школѣ методъ образованія, ведущій исключительно къ усвоенію однихъ знаній, когда занятія содѣйствуютъ развитію только обширной памяти, при чемъ молодой человѣкъ все же не пріучается самостоятельно примѣнять собранныя знанія. Преимущество, которое дается тѣмъ или другимъ предметамъ при школьномъ образованіи, обыкновенно основано не на знакомствѣ съ значеніемъ избираемыхъ предметовъ, а на заранѣе составленной табели предметовъ, значеніе которыхъ даже защищаютъ только заученными словами и рѣчами и ссылкою на многіе авторитеты, а не спокойной и обстоятельной провѣркою

ихъ значенія. Въ послѣднемъ случаѣ навѣрное бы оказалось, что какъ древніе языки, такъ и естественныя науки и математика могутъ имѣть несомнѣнное общеобразовательное значеніе, и что всѣ они, при извѣстномъ способѣ ихъ преподаванія могутъ забить ребенка и ни въ какомъ случаѣ не будутъ содѣйствовать умственному его развитію. Развѣ не все равно, будетъ ли ребенокъ заучивать совершенно чуждые ему звуки, формы и правила ихъ примѣненія, или же названія всевозможнымъ животныхъ, растеній или ископаемыхъ, ихъ части и отдѣлы, или массу различныхъ математическихъ дѣйствій и формулъ, если при этомъ онъ никогда спокойно не задумывается и не разсуждаетъ надъ значеніемъ всѣхъ этихъ звуковъ, формъ, формулъ и т. д.; только послѣднимъ путемъ онъ въ состояніи будетъ развить у себя тѣ необходимыя ему человѣческія способности, для развитія которыхъ онъ и явился въ школу.

Кромѣ того, педагоги упускаютъ изъ виду еще одно очень важное условіе, несоблюденіе котораго указываетъ на ихъ полное незнакомство съ природою ребенка и съ взаимною связью всѣхъ его отправленій. Выше было уже сказано, что для вполнѣ сознательнаго умственнаго акта необходима болѣе продолжительная и настойчивая умственная работа, требующая, конечно, и продолжительнаго времени. Каждый занимающійся умственною работою изъ собственнаго опыта знаетъ, какъ сильно утомляетъ серьезный однообразный умственный трудъ, и что подобныя продолжительныя занятія возможны только либо послѣ долгаго и настойчиваго упражненія, либо при частомъ измѣненіи качества труда, или, наконецъ, при смѣнѣ умственнаго труда физическимъ. Притомъ же мало образовать умнаго и понимающаго человѣка, необходимо еще, чтобы онъ могъ настойчиво и энергично проявлять свои волевыя отправленія и былъ въ состояніи твердо держаться выработанныхъ истинъ и принциповъ. Другими словами, —научить ребенка владѣть и управлять собой, а также создать условія, содѣйствующія развитію его характера, вотъ несомнѣнная и даже *главная* задача школы. Слѣдовательно, не утомлять ребенка непосильнымъ умственнымъ трудомъ, а помогать ему выработать изъ себя стойкаго, неуклоннаго и энергичнаго борца за свои идеи, за истину, — вотъ очень существенныя требованія, которыя однакожъ обыкновенно совершенно упускаются изъ виду педагогами именно вслѣдствіе того, что они недостаточно изучаютъ природу ребенка.

Въ древней классической Греціи воспитатели были болѣе наблюдательны и лучше понимали условія, необходимыя для развитія характера молодого человѣка. Кромѣ бесѣдъ и разсужденій (а не зазубриваній) молодыхъ людей съ наставниками, которые, между прочимъ, помогали воспитанникамъ выяснять значеніе различныхъ проявленій внутренняго міра человѣка, а также явленій окружающей ихъ жизни, тамъ обращали еще особенное вниманіе на отношеніе волевыхъ отправленій къ чувствованіямъ, сопровождающимъ отправленія органовъ движенія и растительной жизни. Они пріучали молодыхъ людей подчинять волѣ такія сильныя чувствованія, какъ голодъ, жажду, половое возбужденіе и т. п. Въ ихъ гимназіяхъ существовали особыя помѣщенія для обмыванія тѣла холодною и теплою водою, помѣщенія для различныхъ игръ, бѣга и другихъ физическихъ упражненій. Но они играли не для того, чтобы развлекаться, и упражнялись не для того, чтобы умѣть прыгать, бѣгать, метать и т. д., а для того, чтобы пріучиться владѣть всѣми движеніями, существующими въ организмѣ, чутко пользоваться чувствованіями, сопровождающими всѣ эти движенія и даже положенія своего тѣла. Значеніе всѣхъ этихъ занятій оставлено совершенно безъ вниманія современными педагогами, ибо они слишкомъ мало знакомы со связью, существующею между умственною и физическою жизнью молодого человѣка. Они совершенно и не подозрѣваютъ, что, если не повышать постепенно дѣятельности какой-либо части двигательнаго аппарата ребенка, то она отстанетъ въ своемъ развитіи отъ другихъ частей этого аппарата; этимъ нарушится гармонія его дѣятельности, и онъ уже не будетъ въ состояніи производить въ наименьшій промежутокъ времени наибольшую работу при наименьшей тратѣ матеріала. Вмѣстѣ съ пониженіемъ дѣятельности въ какой-либо части понижается обмѣнъ элементовъ и во всѣхъ другихъ частяхъ и органахъ человѣческаго тѣла. Не трудно также убѣдиться въ томъ, что, пріучаясь владѣть и управлять различными частями двигательнаго аппарата, пріучаются вмѣстѣ съ тѣмъ владѣть и управлять тѣми чувствованіями, которыя связаны съ дѣятельностью этого аппарата, и переводить затѣмъ пріобрѣтенную такимъ образомъ способность на всѣ свои отправленія. Въ данномъ случаѣ только обобщается законъ, лежащій въ основаніи мимики лица, о которомъ уже было сказано. Если вполнѣ пони-

мать внутренній смыслъ древнихъ языковъ и отдавать себѣ отчетъ въ развитіи и значеніи всѣхъ формъ и видоизмѣненій ихъ, то, понятно, можно прослѣдить въ послѣдовательномъ развитіи извѣстнаго языка развитіе мысли и другихъ высшихъ психическихъ актовъ, проявленія которыхъ находятся въ сочиненіяхъ философовъ-классиковъ; кромѣ того, чтеніе классическихъ произведеній этого языка, при тѣхъ же условіяхъ, при анализѣ выраженныхъ мыслей, можетъ развить послѣдовательное логическое мышленіе; затѣмъ уже дополненіе собственныхъ наблюденій поможетъ выработкѣ своихъ идеаловъ и принциповъ. Но знакомство съ воспитаніемъ и произведеніями Монтэня показываетъ намъ, что такимъ путемъ желаемая цѣль трудно достижима. Между тѣмъ какъ изучаемый въ въ этомъ же смыслѣ родной языкъ, изученіе математики или естественныхъ наукъ, основанное на томъ же принципѣ, можетъ развить у молодого человѣка какъ дедуктивный, такъ и индуктивный методы мышленія и ознакомить его съ научными способами выясненія истины. Вообще, слѣдовало бы взять только идею образованія у древнихъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, а не откалывать отъ него кусокъ, форму, которую только и заимствовали для нашихъ школъ. Программой послѣднихъ можно развить только память, а не пониманіе, да и та можетъ отчасти ослабляться неимовѣрнымъ одностороннимъ трудомъ организма. Что же касается до развитія стойкости и энергіи, а также умѣнья владѣть собою, то это—вопросы, которые оставлены совершенно въ сторонѣ; къ физическому образованію вообще относятся даже съ презрѣніемъ, предполагая, что такимъ грубымъ дѣломъ могутъ заниматься только одни акробаты и военные. Все это зависитъ отъ узкихъ воззрѣній и односторонности педагоговъ и отъ ихъ незнанія природы ребенка.

Выше уже было сказано, что ребенокъ добродушнаго типа можетъ дойти въ школѣ до такого состоянія, что его даже исключаютъ оттуда, опасаясь его вреднаго вліянія на товарищей. Въ сущности, ребенокъ здѣсь не при чемъ: онъ привыкъ разсуждать, привыкъ къ мягкому, справедливому и прямому обращенію, а методисты вдругъ начинаютъ вколачивать его въ свой шаблонъ, къ которому онъ никакъ не подходитъ, и изъ мягкаго, добраго, разсуждающаго и правдиваго ребенка выходитъ отчаянный человѣкъ, готовый на самыя крайнія

дѣйствія и выходки. Здѣсь являются послѣдствія ими же созданныхъ причинъ, они должны быть и неминуемо явятся.

Въ школѣ, въ которой не поддерживаютъ разсужденій ребенка и ничего не дѣлаютъ для развитія характера, добродушный типъ, въ лучшемъ случаѣ, при мягкомъ съ нимъ обращеніи, будетъ выполнять главныя требованія и нѣсколько разовьетъ память. Въ дальнѣйшемъ онъ могъ бы стать вполнѣ самостоятельнымъ и даже плодотворнымъ дѣятелемъ, однако, часто бросаетъ свою дѣятельность, потому что „духъ замираетъ“, „жить нельзя“, но обвиняетъ при этомъ всегда себя во всѣхъ своихъ неудачахъ. Чѣмъ меньше школа вліяетъ на такого ребенка, тѣмъ легче онъ явится или мечтателемъ, или въ видѣ типа, такъ мастерски представленнаго въ „Обломовѣ“,— этого лишняго человѣка чистой души, плохо ужившагося съ тою средою, въ которой ему приходилось вращаться, и страдавшаго отъ недостатка настойчивости и энергіи. Наконецъ, въ худшихъ случаяхъ, при преслѣдованіи и наказаніяхъ, образуется злостный, отчаянный человѣкъ, но все же съ доброю и правдивою душою, у котораго даже послѣ страшнаго злодѣянія простымъ, мягкимъ и справедливымъ словомъ можно вызвать слезы и самое искреннее раскаяніе.

Добродушный человѣкъ, сдѣлавшійся такимъ не вслѣдствіе семейныхъ условій, при которыхъ онъ выросъ и провелъ свое дѣтство, а благодаря чрезвычайно благопріятному ходу его послѣдующаго образованія и развитія, всегда будетъ отличаться отъ человѣка, развившагося изъ ребенка добродушнаго типа; у перваго не будетъ той непосредственности, искренности, простоты и глубокой правдивости, которыя свойственны послѣднему; у перваго по временамъ все же будетъ прорываться нѣкоторая угловатость и искусственность, чего у послѣдняго никогда не замѣчается.

Наблюдая за развитіемъ добродушнаго типа и за условіями, при которыхъ онъ появляется, можно убѣдиться, какое огромное вліяніе имѣетъ добрая, любящая, *умная* мать. Иногда, при относительно неблагопріятныхъ условіяхъ, появляется подобный типъ, если только на него повліяетъ простой, добрый, внимательный человѣкъ, никогда не забѣгающій впередъ своими совѣтами и распоряженіями, а спокойно разсуждающій съ ребенкомъ о тѣхъ вопросахъ, которые у послѣдняго являются.

Очень характерны всегда различія, замѣчаемыя между взрослыми лицами, пріучившимися усваивать знанія однимъ заучиваніемъ ихъ, одною памятью, и лицами, привыкшими спокойно разсуждать надъ своими впечатлѣніями и дѣйствіями. *Человѣкъ съ знаніями* (разсудочный) рѣчистъ, даже краснорѣчивъ, всегда старается поражать цитатами изъ всевозможныхъ авторовъ, мнѣніями всевозможныхъ авторитетовъ и ученыхъ, въ спорѣ только ими и защищается; собственныхъ мнѣній и особенно отвлеченныхъ понятій у него какъ будто вовсе нѣтъ. Онъ охотно собираетъ матеріалъ и въ состояніи его классифицировать по внѣшнимъ признакамъ, но не въ состояніи замѣтить типичности тѣхъ или другихъ явленій и характеризовать ихъ по основной идеѣ. Онъ можетъ быть хорошимъ исполнителемъ и референтомъ, точно передавая главныя мысли безъ всякаго ихъ измѣненія и критики. Онъ не въ состояніи примѣняться къ индивидуальнымъ явленіямъ и непремѣнно стремится примѣнить шаблонъ. Онъ—методистъ и систематикъ. Всѣ его дѣйствія всегда увѣренны, ему все извѣстно, сомнѣній онъ не допускаетъ. Онъ дѣйствуетъ на основаніи *знанія* своихъ обязанностей. Всѣ его движенія и положенія переняты (имитированы), и ими онъ старается показать свое положеніе и степень своего значенія въ обществѣ. *Человѣкъ съ пониманіемъ* (разумный), напротивъ того, мало обращаетъ вниманія на внѣшнюю форму своей рѣчи, онъ доказываетъ и убѣждаетъ логическимъ разборомъ, на основаніи собственнаго психическаго анализа, а не на основаній однихъ образовъ или неразработанныхъ мыслей. Знанія у него усвоены въ видѣ понятій, поэтому онъ всегда въ состояніи индивидуализировать явленіе, т. е., опредѣливъ его общее значеніе и смыслъ, рѣзко очертить его особенности и отклоненія отъ основного типа и на нихъ сосредоточиться при своихъ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ отличается самостоятельностью и всегда богатъ творческою силою и иниціативою. Онъ можетъ явиться либо мечтателемъ и идеалистомъ, либо чрезвычайно плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ, отличающимся всегда богатствомъ своихъ мыслей и идей. Онъ обыкновенно дѣйствуетъ на основаніи *пониманія* своихъ обязанностей. Внѣшность его простая, нѣтъ у него ничего напускного, предвзятаго. Онъ твердо держится выработанныхъ имъ принциповъ и идеаловъ и всегда отличается

философскимъ направленіемъ. Онъ очень остороженъ во всѣхъ своихъ выводахъ и заключеніяхъ и всегда готовъ подвергнуть ихъ новой провѣркѣ. Въ его методикѣ всегда выражается личная его особенность, и онъ ее видоизмѣняетъ смотря по условіямъ, при которыхъ ему приходится дѣйствовать; поэтому дѣятельность его всегда живая.

Въ изложенномъ читатель познакомился съ тремя типами, соотвѣтствующими главнымъ образомъ тремъ степенямъ дѣятельности мозговыхъ центровъ: простой рефлекторной, сложной рефлекторной, или разсудочной, и самостоятельной творческой, или разумной. Теперь перейдемъ къ типамъ, развитію сознательной дѣятельности которыхъ препятствовали или предупредительная ласка, или внѣшнее насиліе, или угнетающія условія жизни.

4. Мягко-забитый типъ.

Типъ этотъ лучше всего назвать мягко-забитымъ типомъ. Въ этомъ случаѣ ребенокъ бываетъ забитъ не строгими взысканіями и наказаніями, не розгою, а внѣшнею, животною ласкою, которая забиваетъ не меньше розги и приводитъ къ такимъ же печальнымъ результатамъ. Развивается онъ также при отсутствіи условій, необходимыхъ для образованія его умственнаго развитія. Типъ этотъ можно было бы еще назвать и „заласканнымъ“, только этимъ послѣднимъ названіемъ не удастся охарактеризовать всѣ его проявленія.

Появляясь въ школѣ, ребенокъ такого типа сильно стѣсняется своей новой обстановкой: онъ не рѣшается самъ по себѣ ни пройти, ни встать, ни сѣсть; запустивши палецъ въ ротъ, онъ смотритъ, что дѣлаютъ другіе, и мелочно подражаетъ имъ Принужденный сдѣлать что-нибудь, независимо отъ другихъ, онъ оказывается обыкновенно очень неловкимъ, неумѣлымъ и очень слезливымъ. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ онъ чаще всего прибѣгаетъ къ слезамъ; да и плачетъ онъ, какъ 3—4-лѣтній ребенокъ, съ крикомъ и воемъ, закрывая глаза тыльной стороной руки и распуская слюни изъ раскрытаго рта.

Когда онъ нѣсколько привыкнетъ къ школьной обстановкѣ, онъ входитъ въ стадо, и имъ управляетъ лицемѣръ или честолюбецъ, а защищаетъ добродушный. Вообще ребенокъ этого

типа находится подъ покровительствомъ или вліяніемъ какого-либо другого товарища, и его дѣйствія и разсужденія вполнѣ зависятъ отъ послѣдняго. Поэтому онъ является то не злымъ, мягкимъ, послушнымъ, то, напротивъ того, очень требовательнымъ, недовольнымъ, непокорнымъ. Съ другими дѣтьми онъ и пошалитъ, но и то больше повторяя видѣнное и слышанное. Къ товариществу онъ относится стадно; никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій у него не бываетъ; онъ является только слѣпымъ исполнителемъ предъявленныхъ ему требованій и начертаній и отличается главнымъ образомъ своими отрицательными качествами: онъ зла не сдѣлаетъ, потому что мама сказала, что это нехорошо, что такъ дѣлать не слѣдуетъ, грѣхъ. Онъ исполняетъ всѣ внѣшніе обряды, но при этомъ зѣваетъ и смотритъ въ сторону. Онъ обыкновенно не лжетъ, а если скажетъ неправду, то покраснѣетъ и сдѣлаетъ рядъ безобразныхъ движеній, закрывая свое лицо рукою и отворачиваясь отъ того, кому сказалъ эту неправду. Иногда онъ говоритъ неправду и держится высказаннаго просто потому, что не въ состояніи дать себѣ отчета въ сказанномъ и измѣнить разъ принятое положеніе.

Къ своимъ занятіямъ такой ребенокъ относится равнодушно, исполняя все то, что требуется, и выучивая заданное. Онъ совсѣмъ не прочь, если это возможно, освободиться отъ какого либо дѣла, охотно пропуститъ задачу или обойдетъ не особенно строго проводимое правило. Въ проступкахъ онъ легко сознается и такъ же легко указываетъ на зачинщика и участниковъ, поэтому онъ ненадежный товарищъ. Онъ всегда бываетъ „умникомъ“ и благихъ намѣреній ребенкомъ. Выдаетъ онъ своихъ товарищей вовсе не съ намѣреніемъ подслужиться и не изъ личной выгоды, а просто потому, что спрашиваютъ.

Холодный и равнодушный, онъ въ сущности никого не любитъ, а только, такъ сказать, прицѣпляется къ кому-нибудь и не отходитъ отъ него ни на шагъ точно такъ же, какъ раньше не отходилъ ни на шагъ отъ матери или отъ няни. Оставленный одинъ, онъ и впослѣдствіи совершенно теряется. Величайшее горе, какое только можетъ быть у этого ребенка, это—очутиться въ такомъ положеніи, гдѣ онъ предоставленъ самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, гдѣ нѣтъ никакой посторонней помощи и заботы. Выражаясь гиперболически, можно сказать, что онъ умретъ съ голода, сидя около каравая

хлѣба, если ему никто не укажетъ, какъ отрѣзать. Если эта гипербола нѣсколько преувеличена, то тѣмъ рѣзче она показываетъ одну изъ главнѣйшихъ чертъ этого типа. Такое горе для него, конечно, самое сильное, потому что всѣ остальныя появляющіяся у него тревоги и безпокойства скоро проходятъ совсѣмъ, безъ слѣда, послѣ легко наступающаго безмятежнаго сна. Наединѣ онъ всегда скучаетъ, и самъ никогда не можетъ пріискать себѣ никакого занятія или развлеченія. Всѣ неудачи, препятствія или неожиданныя явленія ставятъ его втупикъ, и онъ совершенно не въ состояніи справиться съ ними безъ посторонней помощи. Онъ не сдѣлаетъ ни малѣйшаго усилія, чтобы преодолѣть ихъ, а безпомощно остановится передъ ними и, если никто не придетъ ему на помощь, то слезы, рыданія и внѣшнія проявленія тревоги будутъ единственнымъ отвѣтомъ съ его стороны. Исполнить порученіе онъ можетъ только тогда, когда все необходимое ему раньше было показано, потому что дѣйствовать онъ можетъ только по имитаціи и по указанію. Терпѣть боли или какія-либо физическія страданія онъ также не въ состояніи, онъ раскисаетъ при этомъ и оказывается въ высшей степени трусливымъ. При всякомъ болѣе сильномъ возбужденіи онъ сдѣлаетъ непремѣнно какую-либо несообразность либо словомъ, либо дѣйствіемъ.

Въ школѣ онъ можетъ оказаться прилежнымъ и исполнительнымъ, выучитъ все, что ему зададутъ, стараясь запомнить и приготовить только такъ и настолько, насколько требуетъ учитель. Стоитъ только уменьшить требованія или понизить бдительность за нимъ, и онъ окажется лѣнивымъ и нерадивымъ ученикомъ. Смирный, боязливый и даже трусливый при строгомъ обращеніи съ нимъ, онъ дѣлается капризнымъ и подражательно-требовательнымъ при противоположныхъ условіяхъ. При занятіяхъ онъ скоро дѣлается самоувѣреннымъ, предполагая, что онъ все знаетъ, по крайней мѣрѣ всѣ тѣ науки, которыя обыкновенно значатся въ такомъ большомъ числѣ въ росписаніяхъ нашихъ учебныхъ заведеній. Что сегодня онъ выучитъ, то готовъ завтра преподавать другимъ, при чемъ во всемъ будетъ имитировать своихъ преподавателей. Наблюдательности у него очень мало, поэтому онъ имитируетъ только болѣе рѣзкія явленія, что иногда выходитъ очень каррикатурно.

Полное отсутствіе сознательнаго отношенія къ своимъ нуждамъ выражается въ высшей степени во всѣхъ его проявле-

ніяхъ: онъ съ искусствомъ шаркаетъ ножкой, гладокъ, чистъ и изященъ, когда ему все приготовлено и показано, и наоборотъ, неряшливъ, оборванъ и грязенъ и при появленіи чужого или совершенно не поклонится, или же убѣжитъ и даже спрячется, если только раньше въ этомъ отношеніи никто о немъ не позаботится и не дастъ ему соотвѣтственныхъ наставленій.

Оставшись безъ надзора, онъ будетъ неумѣренъ во всемъ, что ему нравится, и что произведетъ на него болѣе сильное впечатлѣніе. Пища, питье, танцы и всевозможныя развлеченія, не имѣющія чисто эстетическаго значенія, а вліяющія только перемѣною и сильною степенью возбужденія, легко могутъ служить даже причиною заболѣванія его, вслѣдствіе неумѣренности въ употребленіи или пользованіи ими. Удовлетворяя свои потребности, онъ никогда не думаетъ и не принимаетъ въ расчетъ требованій другихъ; ему бы только насытить себя и удовлетворить свои требованія. Чтеніе литературныхъ произведеній и вообще серьезное чтеніе обыкновенно его не привлекаетъ; по собственному побужденію онъ чтеніемъ не занимается.

Подъ вліяніемъ школы мягко-забитый ребенокъ развѣ нѣсколько разовьетъ свою память, но пользоваться пріобрѣтенными знаніями онъ все же обыкновенно не въ состояніи. Неопытный, совершенно незнакомый съ жизнью, неподготовленный къ какой-либо самостоятельной дѣятельности, онъ все-таки обыкновенно очень доволенъ собою, а также и своею жизнью, если только ему не приходится заботиться о своемъ существованіи и терпѣть лишенія. Никакихъ отвлеченныхъ понятій у него нѣтъ, онъ реалистъ во всѣхъ отношеніяхъ, но всегда по подражанію, и реализмъ его доходитъ часто до цинизма.

Такія дѣти встрѣчаются главнымъ образомъ въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя ихъ приходится встрѣчать и въ мужскихъ какъ въ среднихъ, такъ даже и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ этотъ типъ сохраняется довольно чисто, и гдѣ онъ отличается тѣмъ же богатствомъ отрицательныхъ качествъ; ни пониманія, ни опытности и здѣсь у него нѣтъ, вездѣ онъ смотритъ теленкомъ, отыскивающимъ свое стадо и слѣдующимъ за пастухомъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ трудолюбивъ и исполнителенъ; все выучитъ, все зазубритъ, но совершенно особенно, по своему, чисто-механически.

Если послѣдить за нимъ, когда онъ занимается наединѣ, то можно подмѣтить очень характерныя особенности: сосредоточиться надъ дѣломъ онъ надолго не можетъ и потому, принявшись съ нѣкоторымъ усиліемъ, твердо повторяетъ вслухъ по нѣскольку разъ отдѣльныя фразы, затѣмъ отдѣльныя ихъ части, отдѣльныя слова, слоги, звуки, тоны, далѣе слѣдуетъ переходъ на знакомый мотивъ — отдыхъ, при этомъ папироска, хожденіе вдоль и поперекъ комнаты, затѣмъ опять напоминаніе, новое усиліе и т. д. Неспособность долго останавливаться надъ дѣломъ и неумѣнье распорядиться и воспользоваться своимъ временемъ затягиваютъ занятія и приготовленія уроковъ до безконечности, а въ результатѣ выходитъ развѣ только выдержанный экзаменъ, къ дѣлу же полная негодность, полное отсутствіе интереса, всякой иниціативы и самостоятельности при крайней внутренней распущенности и нерѣшительности. Привязанности, любви — никакой; одинъ лишь эгоизмъ и полное самодовольство. У дѣвочекъ мягко-забитаго типа всѣ эти явленія выступаютъ въ такой же характеристической формѣ, а нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ иногда считаются очень цѣнными даже у взрослыхъ дѣвушекъ и принимаются за выраженіе наивности. Каждое новое или болѣе сильное впечатлѣніе у нихъ всегда сопровождается аханьемъ, вскрикиваніемъ, вздрагиваніемъ, — словомъ, рядомъ безцѣльныхъ движеній или ломаній, которыми они реагируютъ на всѣ подобныя впечатлѣнія. Лицо совершенно застывшее, неподвижное, съ безучастнымъ и безпечнымъ выраженіемъ, глаза направленные безучастно куда-то вдаль, такая же беззаботная рѣчь, постоянная слезливость и всевозможныя украшенія составляютъ всегда характеристическіе признаки людей этого типа. Непостоянство и измѣнчивость ихъ поразительны: всѣ ихъ дѣйствія зависятъ всегда отъ окружающихъ лицъ, которыхъ они имитируютъ во всѣхъ отношеніяхъ, воспроизводя все, что произвело на нихъ болѣе сильное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ они не въ состояніи справиться съ какимъ-либо серьезнымъ дѣломъ, если только оно требуетъ хотя бы малѣйшей самостоятельности или пониманія. Къ технической дѣятельности они еще болѣе годны, но только въ томъ случаѣ, если при этомъ не требуется ни видоизмѣненія показаннаго, ни малѣйшаго творчества. Слѣдя за мягко-забитымъ типомъ по выходѣ изъ школы, легко убѣдиться, что онъ все же удерживаетъ главныя характеристиче-

скія черты. Люди этого типа остаются мягкими „добрыми малыми“, очень самодовольными и самоувѣренными, готовыми взяться всегда за всякое дѣло, которое они непремѣнно испортятъ и разстроятъ. Въ сущности, они остаются все тѣми же холодными, безучастными эгоистами, безъ всякаго пониманія и самостоятельности, въ какой бы дѣятельности они не появились, до ученой или профессорской включительно. Обладая властью, они отличаются наивною важностью и напыщенностью передъ подчиненными и большою трусостью, малодушіемъ и подобострастіемъ передъ начальствомъ. Объ отвлеченныхъ идеяхъ и говорить нечего, ихъ у такихъ лицъ и слѣдовъ нѣтъ, хотя все это можетъ маскироваться заученными фразами и цитатами.

Появляется такой типъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всякая дѣятельность ребенка предупреждается, когда все для него готово, и онъ никогда не возбуждается къ разсужденію и къ самостоятельному распоряженію своимъ временемъ и своими дѣйствіями. Честолюбивая или раздражительная мать, не терпящая никакихъ противорѣчій, желая похвалиться своими дѣтьми, старается ласками и угодою ихъ чувствованіямъ сдѣлать ихъ умниками и послушными и, такимъ образомъ, всего болѣе содѣйствуетъ развитію дѣтей мягко-забитаго типа. То же самое бываетъ при постоянномъ требованіи отъ ребенка внѣшнихъ обрядностей, а также при предупрежденіи всѣхъ его требованій и желаній. Гораздо хуже строгихъ наказаній, хуже розги забиваетъ это безтолковое заласкиваніе ребенка, когда при этомъ его окружаютъ еще возможно большею пышностью и роскошью и съ ранняго возраста подвергаютъ сильнымъ впечатлѣніямъ, вывозя его на собранія, вечера, балы, концерты, театры, путешествуя съ нимъ по всевозможнымъ странамъ, и при этомъ постоянно удовлетворяютъ всѣ его нужды, предупреждая всѣ его желанія, никогда не допуская никакихъ лишеній; въ то же время дѣятельность такого ребенка обыкновенно стѣснена безконечнымъ рядомъ краткихъ и безсмысленнѣйшихъ моралей въ родѣ: „не шали“, „такъ умники не дѣлаютъ“, „не приставай съ своими разсужденіями“, „объ этомъ хорошія дѣти не говорятъ“, „не разсуждай, а дѣлай то-то и то-то“ и т. д., и т. д., но все это безъ малѣйшаго смысла, безъ всякихъ сколько-нибудь разумныхъ объясненій, а путемъ постоянныхъ начитываній и напоминаній, но

все же безъ примѣненія какихъ-либо насильственныхъ мѣръ. Однимъ словомъ, здѣсь замѣчается совершенно внѣшнее, безучастное отношеніе къ ребенку, удовлетвореніе преимущественно растительныхъ и животныхъ его потребностей и проявленіе вниманія къ нему однѣми внѣшними ласками при отсутствіи или устраненіи всякихъ условій, возбуждающихъ къ умственной дѣятельности.

Кромѣ подобныхъ семейныхъ условій, такой типъ является также и въ закрытыхъ, въ особенности женскихъ, учебныхъ заведеніяхъ и кадетскихъ корпусахъ. Какъ въ семьѣ представители его носятъ названіе „маменькиныхъ сынковъ и дочекъ“, такъ въ учебныхъ заведеніяхъ они характеризуются названіемъ „институтокъ“. Постоянныя регламентаціи, строгое исполненіе извѣстныхъ, по шаблону заученныхъ обрядовъ и внѣшнихъ выраженій приличія, отсутствіе какой-либо самостоятельности и заботы о своихъ нуждахъ, механическое чисто-внѣшнее отношеніе ко всѣмъ своимъ занятіямъ и къ окружающимъ лицамъ, равнодушіе и служебное отношеніе лицъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло,—все это неминуемо должно содѣйствовать появленію самыхъ рѣзкихъ формъ этого типа, который собственно лучше всего и изучается въ такихъ заведеніяхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ причины, содѣйствующія развитію мягко-забитаго типа, сводятся вездѣ къ одному и тому же. Предупрежденіе всякой самостоятельной дѣятельности ребенка, уничтоженіе всякой иниціативы, всякаго почина со стороны ребенка, отсутствіе и заботливое устраненіе условій для развитія умственной дѣятельности,—вотъ главные моменты, которые будутъ содѣйствовать развитію всѣхъ наблюдаемыхъ здѣсь явленій.

Прослѣдить связь между всѣми явленіями, наблюдаемыми у ребенка этого типа, и причинами, подъ вліяніемъ которыхъ они развиваются, теперь уже не трудно, если вспомнить все сказанное относительно условій развитія уже описанныхъ типовъ. Поэтому здѣсь достаточно остановиться только на нѣкоторыхъ явленіяхъ, характеризующихъ главнымъ образомъ этотъ типъ.

Выдающимися качествами ребенка этого типа будутъ: отсутствіе наблюдательности, опытности, самостоятельности и иниціативы. При разборѣ лицемѣрнаго типа говорилось, что дѣй-

ствія его главнымъ образомъ рефлекторно-опытныя. Изъ ряда безцѣльныхъ и безпорядочныхъ движеній онъ скоро выдѣляетъ такія, которыми онъ въ состояніи всего скорѣе удовлетворить извѣстной потребности или достигнуть извѣстной цѣли. Ребенокъ лицемѣрнаго типа, предоставленный большею частью самому себѣ, вскорѣ усваиваетъ себѣ нѣкоторую опытность, которою и руководствуется при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Гдѣ онъ разъ обжегся, туда онъ во второй разъ не полѣзетъ, а направится, по возможности, туда, гдѣ раньше легко удовлетворилъ свою потребность; онъ только замѣчаетъ условія, сопровождающіяся выгодными или невыгодными для него явленіями; въ этомъ именно и состоитъ его практическая опытность, которою онъ всегда пользуется при своихъ дѣйствіяхъ. Ребенка же мягко-забитаго типа постоянно предупреждаютъ о томъ, чтобы онъ не обжигался, постоянно заботятся о томъ, чтобы его потребности были, по возможности, удовлетворены; вслѣдствіе этого у него нѣтъ стимула, заставляющаго замѣчать явленія и добывать себѣ хотя бы практическую опытность лицемѣра. Кромѣ того, такой ребенокъ никогда ничего самъ не начиналъ, ему всегда говорили, что дѣлать, куда идти, что сказать, чѣмъ, какъ и когда развлекаться, когда ѣсть, когда пить, когда гулять, когда спать, ему ни о чемъ не приходилось заботиться, его во всемъ всегда предупреждали, поэтому у него нѣтъ ни иниціативы, ни самостоятельности. Умственную дѣятельность такого ребенка никогда ничѣмъ не поддерживали; на его вопросы ему чаще всего отвѣчали, чтобы онъ не шумѣлъ и не разсуждалъ, былъ умникомъ и велъ себя прилично. Безъ разсужденія у него, конечно, не могла развиться умственная его дѣятельность и ужъ ни въ какомъ случаѣ волевыя проявленія. Безъ опытности, иниціативы, самостоятельности и воли ему остается только подражать тому, кто на него вліяетъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность такого ребенка преимущественно имитаціонная; онъ поэтому и старается прицѣпиться и слѣдовать за кѣмъ-либо другимъ, быть въ стадѣ и исполнять распоряженія пастуха. Всякое дѣйствіе, требующее какой-либо иниціативы и самостоятельности, которое вызывается случайными обстоятельствами, для него положительно невозможно и вызываетъ съ его стороны только рядъ безцѣльныхъ, безпорядочныхъ движеній, или ломаній. Послѣднія являются какъ результатъ

подѣйствовавшихъ на него возбужденій или раздраженій и соотвѣтствуютъ степени и качеству послѣднихъ. Ломанія и безцѣльныя движенія всегда указываютъ на отсутствіе умственной дѣятельности, ибо раздраженіе прямо переходитъ только въ мышечную работу. Предупредительное удовлетвореніе всѣхъ потребностей содѣйствуетъ развитію и постепенному усиленію чувствованій, такъ, напр., усиленное кормленіе вызываетъ развитіе чувствованій, сопровождающихъ насыщеніе. Оказывается, что дѣти этого типа часто охотно принимаютъ большое количество пищи, и чѣмъ больше имъ давать ее, тѣмъ больше увеличивается ихъ требовательность. Поэтому у нихъ часто встрѣчается страданіе кишечнаго канала. Кажется, все у нихъ есть и съ лихвою; нѣтъ, они постоянно высматриваютъ, какъ бы еще что получить; часто они бываютъ даже неразборчивы въ пищѣ, ѣдятъ все, что попадется. Это доказываетъ, что они руководствуются не вкусовыми впечатлѣніями, а желаютъ только набить себѣ желудокъ пищею, чтобы, растянувъ его, вызвать ощущеніе полноты и насыщенія. Какъ только желудокъ нѣсколько освободился, и этого чувствованія уже нѣтъ, они опять готовы принять новое количество пищи до появленія того же чувствованія. Выше уже было сказано, что характеръ человѣка развивается изъ отношенія волевыхъ проявленій къ чувствованіямъ. Если, слѣдовательно, эти проявленія не развиты, то молодой человѣкъ будетъ слабаго характера, онъ не въ состояніи справиться съ своими чувствованіями и потребностями и при появленіи ихъ до тѣхъ поръ будетъ тревожиться, безпокоиться и производить рядъ безпорядочныхъ движеній, пока не удовлетворитъ ихъ. Отсюда безхарактерность и неустойчивость лицъ этого типа, а такъ какъ условія для развитія физическаго и нравственнаго характера совершенно одинаковы, то вмѣстѣ съ этимъ выясняются и причины того малодушія, той трусливости и боязливости, которыя наблюдаются у такихъ лицъ. Не только у ребенка, но и у взрослаго наблюдаются совершенно тѣ же самыя явленія, какъ только будутъ дѣйствовать соотвѣтственныя причины. Вообще, человѣкъ, которому постоянно все приготовляютъ и предупреждаютъ всѣ его требованія и желанія, мало-по-малу до такой степени отвыкаетъ слѣдить за собой и за своими потребностями, что не замѣтитъ, что части его туалета въ невозможномъ безпорядкѣ, волосы не чесаны, не въ мѣру имъ съѣдено

и т. д. Бдительность окружающихъ нѣсколько ослабла, и онъ дѣлается поразительнымъ неряхой, у него являются катарръ желудка и тому подобныя страданія. Разница только въ томъ, что у взрослаго все это можетъ ограничиваться только внѣшними проявленіями, а у ребенка неряшливость и беззаботность выразятся во всѣхъ его дѣйствіяхъ и проявленіяхъ.

Если ребенка этого типа не подвергали сильнымъ впечатлѣніямъ, а только предупреждали всѣ его желанія и требованія и не содѣйствовали его умственному развитію, не поддерживали его стремленій и разсужденій, то впечатлительность его все же отчасти сохраняется; но воспринятыя имъ извнѣ впечатлѣнія не вызываютъ въ немъ умственной работы, онъ только повторяетъ воспринятое, а болѣе сильныя возбужденія и раздраженія вызываютъ у него рядъ безцѣльныхъ движеній и дѣйствій: онъ очень бурно радуется, вскрикиваетъ и вздрагиваетъ, а при малѣйшей непріятности горько плачетъ и тревожится. Все это очень легко у него появляется и обыкновенно такъ же легко исчезаетъ; проспится, и все пройдетъ, если только причина перестала дѣйствовать. Понятно, что съ такимъ ребенкомъ все еще относительно легко справиться, и серьезная идеальная школа можетъ содѣйствовать выработкѣ изъ него даже лица съ человѣческими проявленіями. Но у ребенка, котораго подвергали сильнымъ впечатлѣніямъ, котораго рано стали вывозить въ свѣтъ, на балы, обѣды, вечера, театры, концерты и т. п., котораго постоянно окружали роскошью, пріучали къ пестрымъ нарядамъ и всевозможному внѣшнему блеску, впечатлительность вслѣдствіе этого притуплена, и онъ всегда отличается вялостью и апатіей, изъ которой его можно вывести только сильными впечатлѣніями, сильными раздраженіями.

Дѣвочку съ ранняго возраста украшаютъ, одѣваютъ въ платья самыхъ рѣзкихъ цвѣтовъ, обвѣшиваютъ блестящими украшеніями въ видѣ браслетъ, серегъ, брошекъ, колецъ и т. п.; съ семи или восьмилѣтняго возраста на нее уже надѣваютъ лифчикъ изъ плотной матеріи, прошитый толстыми шнурами и служащій для слабаго стягиванія грудной клѣтки, въ особенности въ ея нижней половинѣ; съ десяти или двѣнадцатилѣтняго возраста на нее надѣваютъ корсетъ съ металлическими пластинками, который постепенно затягиваютъ все сильнѣе. Ее пріучаютъ извѣстнымъ образомъ стоять, вытягиваться, скла-

дывать руки на животѣ, даютъ правила для губъ, глазъ и носа, пріучаютъ извѣстнымъ образомъ сидѣть и по опредѣленнымъ правиламъ кланяться, заставляютъ заучивать фразы, различныя позиціи при танцахъ, — однимъ словомъ, заколачиваютъ въ такую тѣсную рамку, въ которой можетъ двигаться развѣ только маріонетка. Правила нравственности также заучены; они раздѣляются на „стыдно“ и „нестыдно“, „прилично“ и „неприлично“; такъ какъ заученныя правила исключаютъ пониманіе, то они, понятно, могутъ постоянно мѣняться и иногда являются даже въ самомъ безобразномъ видѣ; критерія ихъ вѣрности или правды у такихъ дѣтей нѣтъ. Всѣ украшенія, которыми они обвѣшиваются, замѣняютъ внутреннія достоинства, которыя обыкновенно отсутствуютъ. Это — мишура, которой прикрывается пустота. Дѣйствительно-интеллигентный человѣкъ отличается простотою своей внѣшности, и можно на самомъ дѣлѣ убѣдиться, что, чѣмъ выше степень образованія и развитія женщины, тѣмъ проще ея внѣшность относительно требованій той среды, въ которой она находится. Зачѣмъ же изъ ребенка дѣлать вѣшалку различныхъ украшеній? Зачѣмъ подвергать его сильнымъ впечатлѣніямъ и вносить ложь, хотя бы въ его внѣшній видъ? Ясно, что это можетъ только притупить его впечатлительность и развратить его.

Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ частей туалета могутъ даже положительно вредно вліять на молодой организмъ, въ особенности это относится къ корсету. При вдыханіи, въ силу существующихъ въ организмѣ механическихъ условій, съ наименьшею тратою силы и съ наибольшимъ эффектомъ расширяется нижняя часть грудной клѣтки, а вмѣстѣ съ этимъ растягивается нижняя часть легкихъ. Подвижность въ этой части развивается только постояннымъ упражненіемъ мышцъ, которыя еще болѣе облегчаютъ эту работу. Корсетомъ же стягиваютъ главнымъ образомъ эту нижнюю половину груди и дѣлаютъ расширеніе ея при вдыханіи почти невозможнымъ. Въ такомъ случаѣ работа эта переводится на верхнюю половину груди, гдѣ работа труднѣе, требуетъ бо̀льшихъ усилій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бо̀льшей траты и *никогда* не можетъ растянуть легкія настолько, насколько это возможно при расширеніи груди въ нижней части. Обыкновенно даже говорятъ о женскомъ, или верхнемъ, дыханіи и о мужскомъ, или нижнемъ, дыханіи, но такого полового различія на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и оно не

признается въ механикѣ человѣческаго организма. Наблюденія показываютъ, что женщины, не носившія въ молодомъ возрастѣ корсета, дышатъ такъ же, какъ мужчины; кромѣ того, при опытахъ надъ щенятами удалось стягиваніемъ нижней (или задней) половины груди вызвать у каждаго щенка женское дыханіе. Корсетъ такимъ образомъ, при одинаковомъ ростѣ, содѣйствуетъ уменьшенію вѣса и емкости легкихъ. Абсолютный вѣсъ легкихъ у мужчинъ среднимъ числомъ равняется 1320 гр., а у женщинъ 1050 гр. Относительно вѣса всего тѣла вѣсъ легкихъ у мужчинъ составляетъ $^1/_{37}$, а у женщинъ $^1/_{43}$ часть. По наблюденіямъ, емкость легкихъ у женщинъ на 1000 и на 1500 куб. сант. меньше, чѣмъ у мужчинъ при одинаковомъ ростѣ; между тѣмъ какъ среднія числа емкости легкихъ у молодыхъ дѣвицъ, никогда не носившихъ корсета, сходятся съ числами, полученными у молодыхъ людей соотвѣтственнаго роста и возраста. Уменьшенный приходъ воздуха непремѣнно понижаетъ дѣятельность во всѣхъ частяхъ тѣла и содѣйствуетъ развитію цѣлаго ряда явленій, которыя обыкновенно причисляются къ половымъ различіямъ. Недостаточное окисленіе крови въ организмѣ и пониженіе его дѣятельности содѣйствуютъ отложенію жира и большей нервной раздражительности. Кромѣ того, мышцы позвоночнаго столба и нижней части грудной клѣтки мало-по-малу измѣняются отъ бездѣйствія, вслѣдствіе вызванной корсетомъ неподвижности, а уменьшеніе ихъ дѣятельности приводитъ въ свою очередь къ общему пониженію обмѣна веществъ въ тѣлѣ, въ особенности если, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, и умственныя отправленія бездѣйствуютъ. Сжатіемъ грудной клѣтки сдавливаются книзу брюшныя внутренности; вслѣдствіе давленія послѣднихъ растягиваются брюшныя стѣнки, и такимъ образомъ понижается дѣятельность мышцъ, входящихъ въ составъ этихъ стѣнокъ. Ослабленіе этихъ послѣднихъ и отложеніе въ нихъ большого количества жира всегда служитъ причиною различныхъ страданій и непремѣнно дѣйствуетъ неблагопріятно при актѣ родовъ. Опыты, произведенные надъ щенятами, которымъ сжимали корсетомъ нижнюю (заднюю) половину грудной клѣтки, показали, что они первоначально жирѣли, затѣмъ у нихъ развивались явленія малокровія, отъ чего они всѣ и погибли. При изслѣдованіи оказалось, что грудь ихъ приняла форму такъ называемой женской груди, легкія были сжаты въ ниж-

нихъ частяхъ, сердце нѣсколько смѣщено къ средней линіи тѣла, и брюшныя стѣнки растянуты. Понятно, что эти явленія, полученныя надъ щенятами въ продолженіе 6—7 мѣсяцевъ, очень рѣзки, потому что опыты производились надъ совершенно молодыми животными, а чѣмъ они моложе, тѣмъ рѣзче долженъ быть получаемый эффектъ. Относительно корсета можно еще сказать, что, чѣмъ раньше и сильнѣе начнутъ имъ затягиваться, тѣмъ слабѣе будутъ развиты умственныя способности лица. Въ вѣрности этого положенія убѣдиться не трудно: на самомъ дѣлѣ, выше уже сказано, что при сжатіи грудной клѣтки въ нижней ея части уменьшается количество вдыхаемаго воздуха, а, слѣдовательно, и приходъ кислорода; вслѣдствіе этого понижается дѣятельность самыхъ энергичныхъ органовъ, между которыми первое мѣсто будутъ занимать центры, съ отправленіями которыхъ связана сознательная дѣятельность человѣка. Кромѣ того, при стягиваніи грудной клѣтки увеличивается препятствіе для возврата крови изъ полости черепа, гдѣ помѣщается головной мозгъ; вслѣдствіе этого создаются препятствія для мозгового кровообращенія, что, несомнѣнно, должно привести къ пониженію энергіи умственной дѣятельности лица. Такъ какъ нравственное развитіе лица находится въ прямой зависимости отъ степени умственнаго его развитія, то пониженіе умственной дѣятельности, связанное съ пониженіемъ общаго образованія, непремѣнно должно привести къ пониженію уровня нравственнаго развитія лица. Слѣдовательно, корсетъ несомнѣнно дѣйствуетъ положительно вредно какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи; поэтому въ школьномъ возрастѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ, тѣмъ болѣе, что единственное его назначеніе состоитъ въ искусственномъ искаженіи тѣла съ ложно-эстетическою цѣлью. Все это не имѣетъ ничего общаго съ задачею школы. То же самое можно сказать и о другихъ частяхъ нарядовъ, а также объ обуви.

Самодовольство и ложная самонадѣянность ребенка мягкозабитаго типа составляютъ, несомнѣнно, прямое слѣдствіе апатіи и отсутствія желанія расширять и провѣрять свою дѣятельность. Ограничиваясь въ своей дѣятельности только имитаціей, онъ очень легко достигаетъ удовлетворенія формальныхъ требованій, при чемъ у него является увѣренность въ томъ, что онъ въ состояніи исполнить всякое требованіе и

разрѣшить всякій вопросъ. Чѣмъ меньше человѣкъ знаетъ тѣмъ больше ему кажется, что онъ все усвоилъ и въ состояніи все рѣшить. Ребенокъ, который только что началъ читать, всегда скажетъ, что умѣетъ читать, и не прочь даже прибавить слово „хорошо“. Покажите ребенку какіе-либо опыты изъ физики и химіи, и онъ при первомъ случаѣ скажетъ, что онъ знаетъ и физику, и химію; все это такъ легко ему далось, что онъ предполагаетъ, что, если какія-либо знанія онъ себѣ еще и не усвоилъ, то изученіе ихъ не составитъ для него ни малѣйшаго затрудненія. Только настойчивыя и серьезныя занятія, провѣряемыя различными методами, показываютъ, сколько вниманія, сколько труда, сколько напряженія умственныхъ силъ необходимо для того, чтобы дѣйствительно усвоить себѣ научныя истины. Начиная съ самыхъ элементарныхъ методовъ изученія и доходя до самыхъ сложныхъ, человѣкъ пріучается провѣрять свои знанія; примѣненіемъ такихъ методовъ онъ набираетъ матеріалъ, необходимый для изученія научныхъ данныхъ, и именно, для ихъ пониманія и критической оцѣнки; между тѣмъ какъ заучиваніе или знакомство съ одними результатами и выводами можетъ развить только память и умѣнье повторять только заученное. Запоминаніе требуетъ во всякомъ случаѣ меньшаго труда и можетъ быть достигнуто совершенно механически, но результатомъ его будетъ только имитація. Чѣмъ поверхностнѣе и болѣе механически ребенокъ относится къ своимъ занятіямъ, чѣмъ болѣе онъ имитируетъ, тѣмъ легче ему кажется знакомство съ дѣломъ, тѣмъ скорѣе у него является увѣренность въ своихъ знаніяхъ. Притупленная впечатлительность, или апатія, дѣлаетъ его не воспріимчивымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ, поэтому онъ меньше останавливаетъ свое вниманіе на этихъ вліяніяхъ, меньше задумывается надъ ними, а вмѣстѣ съ этимъ и требованія его къ самому себѣ уменьшаются, что приводитъ къ самодовольству и умственной неподвижности. Чѣмъ съ большею послѣдовательностью и настойчивостью относиться къ своимъ занятіямъ, чѣмъ болѣе анализировать явленія и вырабатывать понятія о нихъ, тѣмъ болѣе крѣпнетъ убѣжденіе въ трудности дойти до истины; получается навыкъ видѣть и понимать свои ошибки и недостатки, переносить неудачи, бороться съ ними, часто одолѣвая ихъ и такъ же часто падая подъ ихъ ударами, — все это приводитъ къ убѣжденію въ трудности усвоенія истинныхъ

знаній, заставляетъ быть скромнѣе и осторожнѣе и постоянно подстрекаетъ къ дальнѣйшему совершенствованію.

Имитація и внѣшнія отношенія ребенка мягко-забитаго типа доходятъ до того, что онъ ласкается и прицѣпляется къ тому, за кѣмъ ему проще и легче итти, и кто больше удовлетворяетъ его главныя потребности. Истинной привязанности и любви у него положительно нѣтъ, онъ относится ко всѣмъ холодно и равнодушно. Такой забитый, апатичный ребенокъ чрезвычайно трудно поддается образованію и развитію; отъ него какъ-то все отражается, все скользитъ по поверхности, а въ глубину не идетъ. Въ школѣ, гдѣ на индивидуальныя проявленія не обращаютъ никакого вниманія, этотъ типъ часто принимаетъ рѣзко нахальный характеръ; претензій и самоувѣренности очень много, а умѣнья чрезвычайно мало. На словахъ онъ все знаетъ, всему обучался, обо всемъ можетъ или, по крайней мѣрѣ, берется говорить, на дѣлѣ же не въ состояніи сдѣлать ничего; онъ можетъ только имитировать и то грубо и неловко; передъ первымъ препятствіемъ онъ останавливается, опускаетъ руки и либо сейчасъ же отворачивается отъ начатаго дѣла, либо слезами и различными звуками выражаетъ всю свою безпомощность и полную непригодность къ нему. Такъ какъ такой ребенокъ никогда не останавливается надъ нуждами другихъ и не въ состояніи выяснить себѣ послѣдствія этихъ нуждъ, то онъ долженъ отличаться узкимъ эгоизмомъ, что у него, дѣйствительно, и наблюдается постоянно.

Дѣло воспитанія установилось еще такъ мало, что обыкновенно оно основывается болѣе на личныхъ воззрѣніяхъ и субъективныхъ чувствованіяхъ. Существующую въ настоящее время „педагогику“ можно опредѣлить такимъ образомъ, что это есть предметъ, преподаваемый почти исключительно въ послѣднихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній и дающій матеріалъ для зубренія къ различнымъ установленнымъ тамъ репетиціямъ и экзаменамъ. Подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній и чувствованій производятся часто самые непозволительные опыты, результаты которыхъ, къ сожалѣнію, остаются обыкновенно неизвѣстными и теряютъ поэтому даже то отрицательное значеніе, которое могли бы имѣть. Вотъ случай, гдѣ можно было видѣть и знать весь ходъ и результатъ одного такого опыта.

Пятимѣсячнаго мальчика отдали въ воспитательное учрежденіе, представительница котораго руководствовалась самыми

лучшими основаніями и желала одного — содѣйствовать развитію и образованію самостоятельныхъ и разумныхъ людей. Ребенокъ жилъ, насколько это было возможно, при лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, въ деревнѣ, при тихой и спокойной обстановкѣ; за нимъ слѣдила внимательная и любящая воспитательница. Всѣ игры и занятія примѣнялись по методамъ лучшихъ педагоговъ; при прогулкахъ и въ свободное время его занимали разсказами изъ жизни растеній и животныхъ и знакомили съ окружающею природою, стараясь, по возможности, сдѣлать разсказъ болѣе интереснымъ и даже эффектнымъ.

Наказанія для него сначала не существовали; ребенку выясняли неправильность его дѣйствій и старались показать неблагопріятныя ихъ послѣдствія. Все ему было приготовлено, и всѣ требованія предупреждались. Чтобы находящіяся въ этомъ заведеніи дѣти постоянно понимали явленія, съ которыми они встрѣчались, и чтобы имъ можно было всегда выяснить ихъ вопросы и сомнѣнія, взрослые избѣгали такихъ словъ и выраженій, объясненія которыхъ ихъ стѣсняли, или которыя могли бы произвести непріятное впечатлѣніе на дѣтей, напр., клевета, обманъ, болѣзнь, ложь, ханжество, воровство, убійство, разводъ, сватовство, смерть, разсужденія о матеріальныхъ выгодахъ и мелкихъ житейскихъ расчетахъ и т. д.

Ребенокъ сдѣлался любимцемъ главной воспитательницы и пользовался поэтому ея особыми заботами; его находили и умнымъ, и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ; ему ни въ чемъ не отказывали и откармливали до насыщенія. Раздражительная, очень непостоянная и нервная мать пріѣзжала по временамъ, оставалась долгое время въ заведеніи и всякими ласками и угощеніями старалась привязать къ себѣ сына; иногда она по цѣлымъ часамъ выпрашивала у него разрѣшенія поцѣловать его руку. Такъ прожилъ онъ до пятилѣтняго возраста, когда неблагопріятныя обстоятельства заставили главную воспитательницу передать своего любимца другимъ лицамъ, и она уже не могла заниматься имъ попрежнему. Лица, слѣдившія за ребенкомъ, мѣнялись; они уже меньше занимались имъ и часто оставляли его безъ всякаго вниманія. Ребенокъ поступилъ въ дѣтскій садъ, гдѣ соблюдали такое правило: кто при первомъ урокѣ невнимателенъ и не исполняетъ всѣхъ требованій, тотъ не допускается ко всѣмъ остальнымъ урокамъ дня. Случилось такъ, что первымъ занималось лицо, которое

съ ребенкомъ плохо ладило, а потому его почти постоянно оставляли безъ занятій; это, слѣдовательно, примѣнялось уже въ видѣ наказанія. Имъ часто оставались недовольны, потому что онъ не обращалъ вниманія на дѣлаемыя ему замѣчанія плохо исполнялъ требованія и даже подговаривалъ товарищей къ непослушанію и неудовольствію на главную воспитательницу. За всѣ проказы его сажали въ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ онъ разрушалъ и уничтожалъ все, что попадало ему подъ руку. Наконецъ, его взяли изъ этого заведенія.

Мальчикъ былъ совершенно незнакомъ съ обыденною жизнью: видитъ онъ какую-либо игрушку или вещь, которая ему нравится, онъ непремѣнно пристанетъ съ просьбой дать ему эту вещь; на заявленіе, что она дорога, онъ уговариваетъ попросить у торговца, вѣдь тотъ навѣрное дастъ. Видитъ ли онъ извозчика, онъ тотчасъ же требуетъ, чтобы его повезли; если ему говорятъ, что нѣтъ съ собою денегъ, то онъ упорно настаиваетъ, что, стоитъ только попросить извозчика, и онъ повезетъ. Съ этихъ поръ девятилѣтній мальчикъ переходитъ отъ одного воспитателя къ другому. Отъ занятій онъ обыкновенно прятался въ уголъ или подъ столъ. Между многочисленными, постоянно мѣнявшимися воспитателями былъ и такой, который неотступно по цѣлымъ днямъ не отпускалъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ не вылѣзетъ изъ-подъ стола и не исполнитъ требуемой задачи, или не выучитъ заданнаго урока. За неповиновеніе, грубость и различные его проступки мать въ минуты раздраженія подвергала его и тѣлесному наказанію розгою. Былъ онъ и въ учебномъ заведеніи, гдѣ по случаю мѣстнаго праздника дѣтямъ давали водку къ обѣду, а въ обыкновенные дни вино. Наконецъ, пришлось встрѣтить этого мальчика на двѣнадцатомъ году его жизни и послѣдить за нимъ, при чемъ мать характеризовала его слѣдующимъ образомъ: мальчикъ съ слабою волею, избѣгающій всякаго дѣла, исполненіе котораго требуетъ нѣкотораго усилія. Дѣтское чтеніе, разсказы и прогулки его не интересуютъ; охотно болтаетъ, разсказывая все, что вокругъ него дѣлается; больше всего у него замѣчается стремленіе къ лакомству и даже къ обжорству: онъ старается удовлетворить свой голодъ большимъ количествомъ пищи, хотя бы даже и хлѣбомъ. Съ животными и вообще съ слабыми существами онъ обращается жестоко. Къ окружающимъ онъ совершенно не привязанъ и никого не любитъ и

мало принимаетъ участія въ страданіи другихъ; деньги и чужія вещи (коробки, карандаши, перья) онъ охотно присваиваетъ себѣ, но затѣмъ такъ же скоро бросаетъ ихъ, или же раздариваетъ даже и всѣ свои вещи. Наконецъ, у него замѣчается полное непониманіе самыхъ простыхъ житейскихъ требованій и отношеній.

На основаніи болѣе близкихъ наблюденій оказалось, что онъ — мальчикъ простой, смотритъ прямо въ лицо; при встрѣчѣ съ чужимъ лицомъ онъ нѣсколько стѣсняется и при этомъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ дѣти, закрывается рукою и производитъ рядъ безцѣльныхъ движеній. На вопросы онъ отвѣчаетъ прямо, а познакомившись ближе, не стѣсняясь, передаетъ свои впечатлѣнія. Онъ не скоро реагируетъ на полученныя впечатлѣнія, но при спокойномъ разсужденіи легко усваиваетъ иногда довольно серьезный разборъ и выясненія. Необходимости онъ подчиняется съ большимъ трудомъ, предполагая, что всякое его желаніе и хотѣніе можетъ быть исполнено. Все, что онъ видитъ, и что производитъ на него нѣкоторое впечатлѣніе своимъ цвѣтомъ, блескомъ или объемомъ, онъ желаетъ имѣть и старается достигнуть своей цѣли, если не прямо, то тайкомъ, — настолько сильно у него хотѣніе. Онъ особенно страстно относится къ принятію пищи, при чемъ гораздо меньше заботится о вкусовыхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ объ удовлетвореніи большимъ количествомъ пищи. Тотчасъ послѣ обѣда въ чужомъ мѣстѣ онъ уже внимательно слѣдитъ за часами, не обращая вниманія на то, что вокругъ него дѣлается; онъ только и толкуетъ о предстоящей ѣдѣ и опасается попасть домой не во время, такъ какъ пришедшіе гости могутъ все съѣсть и оставить ему мало. Вообще онъ очень плохо владѣетъ появляющимися у него чувствованіями голода и жажды и совершенно не въ состояніи противодѣйствовать имъ, а также и всѣмъ своимъ желаніямъ. Заниматься онъ самъ по себѣ можетъ довольно легко, но, стоитъ только заставить его приняться за дѣло, и онъ заберется подъ столъ, куда очень охотно прячется. Получивши прямо или какимъ-либо другимъ путемъ деньги, онъ на нихъ покупаетъ всевозможные съѣстные припасы, лакомства и различныя совершенно ненужныя ему вещи, отличающіяся развѣ только своею внѣшнею пестротою или блескомъ. Цѣнности вещей онъ совершенно не знаетъ; появилась у него жажда, онъ непремѣнно

долженъ ее удовлетворить, для чего онъ купитъ себѣ питье, за которое онъ готовъ заплатить и даже самъ предложитъ вдвое, лишь бы удовлетворить свою жажду. Наказанный даже тѣлесно, онъ не признается въ своихъ проступкахъ, между тѣмъ какъ при простомъ спокойномъ разспросѣ и заявленіи, что никакихъ наказаній не послѣдуетъ за его отвѣтами, онъ откровенно признается не только въ послѣднихъ неправильныхъ своихъ дѣйствіяхъ, но даже и въ тѣхъ, о которыхъ умалчивалъ даже послѣ строгихъ наказаній. Это положительный фактъ, на который нельзя не обратить вниманія. Онъ мало принимаетъ участія въ окружающихъ его лицахъ и ни къ кому изъ нихъ не привязанъ; несмотря на всѣ внѣшнія ласки, просьбы и увѣщанія матери, онъ относится къ ней холодно и даже невнимательно. Нравственныя качества его еще не установились, но на него всегда можно вліять спокойнымъ убѣжденіемъ, разсужденіемъ и разъясненіемъ: онъ въ состояніи видѣть и признать правду.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что это былъ простой мальчикъ, который очень рано лишился любящаго человѣка, относившагося къ нему искренно и внимательно, съ которымъ въ первые годы своей жизни онъ былъ неразлученъ. Постоянное желаніе искусственно заинтересовать его, предупрежденіе всѣхъ его дѣйствій, примѣненіе шаблонныхъ методовъ ученія къ очень еще маленькому и впечатлительному ребенку, наконецъ, удаленіе отъ любящаго человѣка и отсутствіе такого среди новыхъ воспитателей, — все это должно было угнетать ребенка и сдѣлать его равнодушнымъ и безучастнымъ къ окружающимъ. Искусственное удаленіе отъ всѣхъ жизненныхъ явленій, постоянное безграничное удовлетвореніе голода и жажды и отсутствіе всякой заботы о всѣхъ своихъ требованіяхъ и нуждахъ окружающихъ не научили его хотя нѣсколько владѣть своими чувствованіями и ограничивать свои требованія. Грубыя наказанія и преслѣдованія со стороны чужихъ лицъ, произведенныя подъ вліяніемъ раздраженія, должны были озлобить его и дѣйствовать на него угнетающимъ образомъ. Внѣшнія ласки, просьбы и уговоры, понятно, не могутъ вызвать любви и привязанности ребенка.

Здѣсь, стало быть, сложный типъ, выяснить и понять который возможно только тогда, когда приведены въ причинную связь всѣ дѣйствовавшія на него вліянія и замѣчаемыя въ

немъ явленія. Сначала простой ребенокъ, оторванный отъ доброй почвы, лишается благопріятныхъ условій для своего образованія, подвергается угнетающимъ вліяніямъ наказаній и одностороннему чувствованію насыщенія. Вслѣдствіе этого у него являются признаки ожесточенія и апатіи. Этотъ худо направленный ребенокъ, повидимому, можетъ быть самымъ несчастнымъ человѣкомъ, если школа на него не повліяетъ благопріятно, между тѣмъ какъ искреннее, любовное и правдивое отношеніе къ нему при серьезномъ образованіи и развитіи волевыхъ его отправленій можетъ содѣйствовать развитію добраго и полезнаго человѣка, хотя слѣды первой неудачи или даже разочарованія относительно любимаго человѣка долго останутся неизгладимыми. Еще будучи въ заведеніи, гдѣ онъ выросъ, онъ подъ конецъ возбуждалъ товарищей къ неповиновенію даже своей первой воспитательницѣ, отрицая добрыя ея качества.

Предупреждая всѣ требованія и постоянно направляя ребенка во всѣхъ его дѣйствіяхъ и размышленіяхъ, всегда дѣлаютъ его совершенно негоднымъ къ жизни; такія дѣти становятся развѣ только исполнительными, но, къ сожалѣнію, очень эгоистичными и самоувѣренными. Приходилось встрѣчать молодыхъ людей, даже студентовъ, до такой степени неопытныхъ и наивныхъ, что они вполнѣ напоминали настоящую институтку. Занимаясь математикой, они зазубриваютъ самыя сложныя формулы, не подозрѣвая даже внутренняго ихъ смысла. Каждый разъ, какъ одинъ изъ такихъ молодыхъ людей желалъ итти куда-нибудь, онъ спрашивался у маменьки. Однажды, желая показать свою самостоятельность, молодой человѣкъ рѣшился самъ себѣ купить шапку, и тутъ вышло плохо: купилъ скверную шапку, а заплатилъ много. Такія лица совершенно негодны къ какой-либо серьезной дѣятельности и могутъ прожить всю жизнь, не сдѣлавшись никогда взрослыми.

Этотъ типъ въ особенности распространенъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ высшихъ, гдѣ онъ встрѣчается иногда въ самомъ чистомъ видѣ. Школа какъ будто совершенно не вліяетъ на нихъ. Холодность, апатія, отсутствіе всякой любви и привязанности, отсутствіе понятія о правдѣ характеризуютъ ихъ всюду. Равнодушіе, внѣшность, имитація и развѣ только циничное стремленіе удовлетворять

свои большею частью чувственныя потребности,—все это составляетъ наслѣдіе, данное имъ воспитаніемъ и вносимое ими въ жизнь.

5. Злостно-забитый типъ.

Появляясь въ школѣ, ребенокъ такого типа отличается настойчивою молчаливостью, стѣсняющимся, конфузливымъ видомъ, при чемъ иногда у него прорываются рѣзкія безцѣльныя движенія, особенно въ тѣ минуты, когда онъ думаетъ, что на него никто не смотритъ. Добиться отъ него какого-либо слова чрезвычайно трудно; онъ вмѣсто отвѣта иногда вдругъ фыркнетъ, сдѣлаетъ какое-либо грубое движеніе или произнесетъ соотвѣтственные звуки. Онъ никогда не посмотритъ прямо и ласково, все больше сбоку и исподлобья. Отъ товарищей онъ то сторонится, то какъ бы нечаянно толкнетъ или щипнетъ кого-нибудь. На всѣ ихъ предложенія и разспросы онъ либо вовсе не отвѣтитъ, либо отвѣтитъ отрицательно, либо начнетъ потѣшать ихъ различными рѣзкими выходками и сценами. Къ занятіямъ онъ относится совершенно равнодушно, исполняя только необходимыя требованія; если же онъ можетъ и отъ нихъ отдѣлаться, то охотно этимъ пользуется. Ко всѣмъ окружающимъ, въ особенности къ старшимъ, онъ относится чрезвычайно подозрительно, и на всѣ ласки и внѣшнія проявленія нѣжности всегда отвѣчаетъ рѣзкимъ, отталкивающимъ движеніемъ и даже бѣгствомъ. Движенія его вообще очень угловаты, рѣзки; стѣсняясь, онъ отворачивается, закрывается рукою или локтемъ, изъ-за котораго иногда вдругъ покажетъ языкъ.

Въ разсужденія онъ никогда не пускается, даже избѣгаетъ ихъ; вообще неразговорчивъ, въ особенности съ незнакомыми ему лицами. Къ преслѣдованіямъ и наказаніямъ онъ относится съ напускнымъ индифферентизмомъ, на мелкія же обиды или даже на невниманіе часто легко обижается, а иногда грубо и некстати говоритъ дерзости. Товарищество онъ цѣнитъ; скорѣе всего онъ сходится съ однороднымъ типомъ, соединяясь болѣе для взаимной защиты, чѣмъ для искреннихъ дружескихъ отношеній. Съ товарищами же добродушнаго типа онъ сближается болѣе потому, что видитъ со стороны послѣднихъ признаніе его равенства со всѣми окружающими. Своего товарища онъ въ случаѣ общаго преслѣдованія никогда не вы-

дастъ, и даже жесточайшія наказанія не могутъ принудить его къ этому. Вообще онъ выдерживаетъ самыя сильныя наказанія къ замѣчательною стойкостью и терпѣніемъ. Ребенокъ злостно-забитаго типа часто беретъ подъ свое покровительство какое-нибудь животное, съ которымъ охотно дѣлитъ все, что имѣетъ.

Когда такого ребенка подвергаютъ преслѣдованію или какому-нибудь строгому дисциплинарному взысканію, то онъ дѣлается какъ-то особенно подвиженъ и часто избираетъ себѣ самыя дикія развлеченія, которыя характеризуются вообще тѣмъ, что онъ мучитъ, истязаетъ, уничтожаетъ различныхъ животныхъ, наноситъ людямъ, особенно своимъ надзирателямъ, всякія непріятности, оскорбленія, а если можетъ, то и прямой физическій вредъ. Онъ рветъ ноги и крылья у насѣкомыхъ, давитъ мелкихъ животныхъ, топитъ въ водѣ крупныхъ, вѣшаетъ на гвоздь или на сукъ кошку, привязанную за хвостъ или лапу, казнитъ собаку, и, чѣмъ сильнѣе страданіе животнаго, тѣмъ, повидимому, больше удовольствія испытываетъ виновникъ его, тѣмъ болѣе дикъ его хохотъ, тѣмъ рѣзче его движенія.

Подобныя дѣти послѣ продолжительнаго, спокойнаго и даже напряженнаго положенія выскакиваютъ иногда изъ класса, испуская самые дикіе крики, производя самыя безобразныя движенія, бросаясь другъ на друга, на всѣхъ и на все, встрѣчающееся имъ на пути, даже на стѣну.

При постепенно увеличивающейся строгости, при постоянныхъ запрещеніяхъ, при произвольномъ отказѣ иногда въ необходимомъ ребенокъ начинаетъ добиваться всего тайкомъ, присваивая себѣ то, что плохо лежитъ, и никогда не останавливаясь передъ препятствіями. Беретъ онъ то, что ему нужно, или то, чего онъ прямо получить не можетъ. Онъ не прочь и подѣлиться добычею со своими товарищами по типу; затѣмъ онъ вмѣстѣ съ ними отрекается отъ своего поступка, и ни одинъ изъ нихъ не выдастъ другъ друга. Онъ лжетъ, но здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, ложь его состоитъ болѣе въ отрицаніи, чѣмъ въ выдумкѣ. Иногда онъ беретъ даже цѣнныя вещи, но только для того, чтобы ихъ разрушить и бросить. Вообще такой ребенокъ никогда не прочь что-нибудь испортить, исковеркать, изрѣзать, сжечь. Онъ не прочь при случаѣ пробѣжать огромное пространство, съѣсть большое количество

какого-либо вещества, напр., брюквы или кочерыжекъ, даже клоповъ, мухъ и т. п., выпить какого-нибудь крѣпкаго напитка и, по возможности, больше, накуриться махоркою, такъ чтобы въ ушахъ зазвенѣло, и все это не столько для того, чтобы похвастать, а преимущественно для того, чтобы потѣшить себя. Всѣ его игры и развлеченія связаны у него непремѣнно съ сильными ощущеніями. Слабость, мягкость, нѣжность въ обращеніи вызываютъ у него всегда рѣзкія дѣйствія, отталкиваютъ его. Всякое зрѣлище, связанное съ сильными впечатлѣніями: бойкій, быстрый бѣгъ, травля животныхъ и людей, крупная драка и т. п.,—все это, дѣйствительно, занимаетъ его и даже развлекаетъ. При своемъ появленіи въ школѣ онъ всегда готовъ ущипнуть, уколоть или ударить какъ своего сверстника, такъ и каждаго изъ младшихъ своихъ товарищей; онъ такъ же относится даже и къ маленькимъ дѣтямъ. Сдѣлавшись постарше, онъ обыкновенно перестаетъ трогать маленькихъ дѣтей, иногда даже относится къ нимъ, напротивъ, очень внимательно.

У ребенка злостно-забитаго типа бываютъ иногда очень добрые порывы, и онъ можетъ отнестись съ замѣчательной мягкостью и предупредительностью къ другому ребенку, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній подвергается явно несправедливымъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ, или когда немощный остается безъ всякаго призрѣнія. Религіозность этого ребенка ограничивается болѣе исполненіемъ внѣшней обрядности, рѣдко она бываетъ глубокою, искреннею.

Къ своимъ занятіямъ онъ относится очень вяло и безъ собственной иниціативы, даже охотно отъ нихъ отдѣлывается, а иногда впадаетъ въ какое-то инертное состояніе, въ которомъ онъ или совершенно не реагируетъ на обращенное къ нему требованіе, или только послѣ примѣненія самыхъ сильныхъ мѣръ, но эти послѣднія еще болѣе ухудшаютъ его состояніе, еще болѣе притупляютъ его. Обыкновенно онъ усваиваетъ все памятью, не вникая особенно въ значеніе усваиваемаго. Внѣшнія формы и обрядность составляютъ его единственное умственное достояніе, котораго онъ твердо держится. Мало-по-малу такой ребенокъ принимаетъ внѣшній видъ и шаблонную форму даннаго заведенія, дѣлается пугливымъ, подозрительнымъ, а затѣмъ злобнымъ, и все болѣе и болѣе замыкается въ свой личный міръ, который онъ какъ будто охраняетъ проявленіемъ мелкаго самолюбія. При болѣе рѣзко

выраженной формѣ этого типа ребенокъ старается сдѣлать всегда какъ разъ противоположное тому, что отъ него требуется. Онъ какъ будто принимаетъ всѣ мѣры, чтобы на него обращали вниманіе, призывали къ порядку, и выискиваетъ случай, чтобы имѣть возможность отказаться отъ исполненія какихъ-либо требованій. Стоитъ только установить его въ рядъ съ другими, онъ непремѣнно обратится спиной къ преподавателю; попросятъ его сѣсть на одно мѣсто, онъ непремѣнно сядетъ на другое и т. д.; въ особенности онъ любитъ отрицать все, что къ нему относится, и отвѣчаетъ отрицательно на всѣ обращенные къ нему вопросы. Привыкая относиться съ большимъ расчетомъ къ своимъ занятіямъ, онъ начинаетъ такъ же относиться къ исполненію всѣхъ остальныхъ своихъ обязанностей, стараясь ограничиться только самымъ необходимымъ и не дѣлать ничего лишняго, оцѣнивая, по возможности, дороже свой трудъ.

Подобно тому, какъ такіе ученики, выбѣгая изъ класса, бросаются на всѣхъ и на все окружающее, такъ и, выходя на волю изъ школы, подобные молодые люди накидываются на всѣхъ и на все; въ особенности же они падки на всякія сильныя впечатлѣнія: большія количества разнообразной пищи съ примѣсью пряныхъ веществъ, крѣпкіе напитки, искусственныя или естественныя половыя излишества, шумныя оргіи, драки, пошлыя возбуждающія рѣчи, лошади, скачки, травля и т. д. Все это продѣлывается чаще всего самымъ безшабашнымъ, шумнымъ и безобразнымъ образомъ. Нѣтъ такого безобразія, которому бы не предавались эти молодые люди, какъ только они хотя бы не надолго вырвутся на свободу. Они обыкновенно имитируютъ самые крайніе и грубые образцы, которые имъ приходилось встрѣчать, какъ въ отношеніи своей рѣчи, одежды, такъ и въ отношеніи всѣхъ своихъ потребностей. Все это выражается въ крайне рѣзкой и грубой формѣ и часто доходитъ до самыхъ нахальныхъ и даже циничныхъ дѣйствій. По существу, проявленія этого типа совершенно одинаковы какъ у мальчика, такъ и у дѣвочки; цинизмъ ихъ выступаетъ въ одинаковой степени. Самоувѣренность и требовательность ихъ облекаются въ очень рѣзкія и безсмысленныя формы; притязанія ихъ часто трудно удовлетворить, до того они назойливы и безпощадны.

Подозрительность, рѣзкость и угловатость дѣйствій, замкнутость, тугая и сдержанная реакція на внѣшнія впечатлѣнія,

проявленія мелкаго самолюбія и рѣзкія выходки, смѣняющія апатичную жизнь, стѣсненную мѣрами и правилами,—вотъ тѣ крупныя черты, которыя характеризуютъ молодыхъ людей злостно-забитаго типа.

Выше уже было сказано, что ко всѣмъ своимъ занятіямъ и даже къ обычнымъ развлеченіямъ они относятся отрицательно, всегда стараясь отъ нихъ отдѣлаться и освободиться, и что они въ особенности отличаются умственною вялостью и неподвижностью. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются молодые люди, у которыхъ при отсутствіи рѣзкихъ выходокъ и кутежей являются различныя занятія, служащія имъ развлеченіемъ или утѣшеніемъ. Къ такимъ занятіямъ принадлежатъ: безобразная, рѣзкая игра на какомъ-нибудь инструментѣ, игра неумѣлая, но сильно раздражающая слуховой органъ, игра въ карты, малеванье какъ будто картинъ и различныя ремесла, вообще всякія грубыя работы, связанныя съ сильными мышечными ощущеніями, какъ, напр., сгребаніе снѣга, пиленіе и рубка дровъ и т. п. Если нѣтъ и этого, то они отдаются различнымъ слабостямъ, напр., половымъ, выражающимся въ видѣ порока, куренію или, наконецъ, употребленію крѣпкихъ напитковъ и т. п. Все это дѣлается, по возможности, наединѣ или въ небольшомъ кружкѣ; напр., пьетъ горькую одинъ или же является почти рабомъ лицемѣрной или честолюбивой женщины, исполняя безпрекословно всѣ ея прихоти и приказанія. Въ своемъ дѣлѣ онъ является строгимъ безжизненнымъ формалистомъ, дѣйствующимъ точно по опредѣленному шаблону и не отступающимъ отъ него ни на шагъ.

Въ жизни злостно-забитый типъ является въ одномъ случаѣ, признаваемомъ обыкновенно за лучшій, въ видѣ подозрительнаго закорузлаго служаки, не допускающаго никакого разсужденія и твердо исполняющаго всѣ данныя ему порученія. Онъ молчаливъ, трудно воспринимаетъ незнакомыя ему раньше мысли и дѣйствія. Онъ можетъ молча присутствовать или даже участвовать въ разборѣ и выясненіи различныхъ мѣръ и предложеній, но затѣмъ опять будетъ дѣйствовать по привычкѣ и по заученному способу. Онъ послушный слуга высшихъ и требовательный начальникъ низшихъ, рѣзко реагирующій какъ противъ первыхъ, такъ и противъ послѣднихъ во всѣхъ, по его воззрѣніямъ, несправедливыхъ дѣйствіяхъ, требованіяхъ или претензіяхъ. Онъ всегда слѣпо подчиняется

какой-либо слабости, служащей ему развлеченіемъ въ его однообразной жизни. Въ крайнемъ случаѣ все его существованіе можетъ сузиться до простой потребности въ службѣ, махоркѣ, водкѣ и ненависти ко всему окружающему, при чемъ на все новое и чужое онъ отвѣчаетъ фырканьемъ. Въ другомъ случаѣ злостно-забитый типъ явится въ видѣ самаго отъявленнаго врага общества, мстящаго безпощадно этому послѣднему за всѣ несправедливости и страданія, которыя ему были причинены, и которыми были отравлены раньше все его дѣтство, а затѣмъ и вся остальная жизнь.

Злостно-забитый типъ такъ художественно выведенъ Помяловскимъ, что останавливаться еще болѣе надъ выясненіемъ отдѣльныхъ чертъ его нѣтъ надобности.

Причины, содѣйствующія появленію и развитію такого типа въ семьѣ, будутъ главнымъ образомъ: запрещеніе разсуждать, примѣненіе различныхъ насильственныхъ мѣръ для понужденія и укрощенія ребенка и всякія несправедливыя и произвольныя требованія. Злая и раздражительная мачеха запрещаетъ ребенку съ самаго малолѣтства всякія разсужденія, безотчетно и произвольно останавливаетъ и понукаетъ его и постоянно ограничиваетъ всѣ его дѣйствія, находя ихъ нехорошими, невѣрными и даже безобразными. Лицо, воспитывающее такого ребенка, обыкновенно держится въ отношеніи его того правила, что его не слѣдуетъ баловать, а главное не слѣдуетъ пропускать какого-либо изъ его проступковъ безъ наказанія. Если ребенокъ, напр., возьметъ что-нибудь, что произвело на него сильное впечатлѣніе, или же удовлетворило той или другой его потребности, и его застаютъ при этомъ, то его громогласно обзываютъ „воромъ“; или же, если несчастный случай сдѣлалъ его невольною, совершенно безсознательною причиною страданій или даже смерти другого, его называютъ „извергомъ“, „убійцею“. Заклейменный такимъ прозвищемъ онъ слышитъ его съ малолѣтства, подвергается за него преслѣдованію своихъ домашнихъ, а иногда даже и всѣхъ дѣтей околодка. Или же, предполагая, что онъ сказалъ неправду, его обзываютъ „лгуномъ“, не наединѣ, не случайно и не одинъ разъ, а громогласно, намѣренно и постоянно. Вообще здѣсь играютъ главную роль настойчивыя, постоянныя, безотчетныя и произвольныя преслѣдованія, вызываемыя большею частью личнымъ раздраженіемъ, оскорбленіе личности ребенка и уни-

женіе его передъ другими и передъ товарищами, въ особенности же передъ чужими и нелюбимыми лицами. Развитію этого типа также много содѣйствуетъ строгое распредѣленіе времени ребенка съ обязательными занятіями и невозможностью самостоятельно распоряжаться даже своими играми и развлеченіями, строгія и постоянныя взысканія за всякое нарушеніе установленныхъ правилъ, или такъ называемыхъ порядковъ, при отсутствіи всякой любви и добраго отношенія къ ребенку. Къ этому еще часто присоединяется неумѣлое, грубое или служебное отношеніе къ дѣлу со стороны воспитателей и наставниковъ, полное ихъ незнакомство съ нравами и потребностями дѣтей и преслѣдованіе всякаго проявленія ихъ личности, ихъ думъ и разсужденій.

Связь между приведенными явленіями и причинами ихъ не трудно прослѣдить, если принять въ расчетъ все раньше сказанное. Внѣшними насильственными мѣрами, полнымъ ограниченіемъ всякой самостоятельности и настойчивымъ сопротивленіемъ всякому разсужденію препятствуютъ обыкновенно развитію всѣхъ лучшихъ и истинно-человѣческихъ качествъ. Знакомство съ условіями развитія этихъ качествъ уже отчасти выясняетъ ту связь, которая здѣсь существуетъ между причиною и слѣдствіемъ. Но, чтобы вполнѣ понять все значеніе этой связи, необходимо остановиться надъ вліяніемъ различныхъ „мѣръ“, примѣняемыхъ при воспитаніи дѣтей.

Представимъ себѣ, что въ семьѣ, гдѣ находятся маленькія дѣти, двухгодовалому ребенку вздумается ткнуть пальцемъ въ лицо младшему ребенку, или даже онъ это сдѣлаетъ нечаянно. Послѣдній, пораженный внезапностью и болью, закричитъ; мать, присутствующая при этой сценѣ, начинаетъ бранить задиру, возвышая голосъ и усиливая впечатлѣніе своихъ словъ движеніемъ рукъ. Виновный ребенокъ смотритъ на все это, и ему можетъ даже понравиться такая картина, такъ какъ онъ получаетъ такимъ образомъ рядъ болѣе сильныхъ впечатлѣній какъ со стороны маленькаго, который сильно рефлектируетъ на раздраженіе, такъ и со стороны матери, которая при этомъ отчасти также рефлектируетъ. При первомъ подобномъ случаѣ, въ особенности при неудовольствіи или усталости, вліяющей угнетающимъ образомъ, онъ повторяетъ свой поступокъ; недовольная мать или няня уже сильнѣе возвышаетъ свой голосъ, дѣлаетъ болѣе рѣзкія движенія, а то и шлепнетъ непослуш-

наго ребенка. Такимъ образомъ, кромѣ возбуждающихъ картинъ, онъ получитъ и угнетающій его ударъ, но прекратится ли послѣ этого новое повтореніе того же самаго? Обыкновенно нѣтъ, онъ повторитъ его явно или скорѣе тайно, чтобы избѣжать повторенія угнетенія, и въ послѣднемъ случаѣ еще съ большею силою. Примѣненная къ нему мѣра ни къ чему не послужила и ни въ чемъ его не убѣдила, она не изгладила у него картины, которая произвела на него довольно сильное впечатлѣніе; она не уничтожила той ассоціаціи ощущеній или того состоянія апатіи, подъ вліяніемъ котораго ребенокъ вторично ткнулъ пальцемъ въ лицо маленькому; напротивъ, она тѣмъ самымъ дала еще большій поводъ къ повторенію того же поступка; кромѣ того, она обратила вниманіе на послѣдній и сдѣлала его еще болѣе заманчивымъ.

Обычная ошибка педагоговъ состоитъ въ томъ, что они руководятся въ сущности вѣрнымъ, но только весьма дурно понятымъ ими положеніемъ, что сильное впечатлѣніе можетъ быть уничтожено еще болѣе сильнымъ; въ только что приведенномъ примѣрѣ, слѣдовательно, впечатлѣніе, произведенное рефлексами матери и маленькаго можетъ быть уничтожено впечатлѣніемъ шлепка. Ниже будетъ разобрано и показано значеніе этого положенія, при чемъ выяснится, что, когда стараются уничтожить одно раздраженіе другимъ, болѣе сильнымъ, то, во-первыхъ, не достигается желаемая цѣль, потому что это второе раздраженіе временно и скоро-преходяще, тогда какъ первое обыкновенно стойко; во-вторыхъ, это дѣйствуетъ въ то же время угнетающимъ образомъ на всю нервную систему, вызываетъ апатію, которая при отсутствіи мышленія служитъ весьма удобной почвой для постоянныхъ раздраженій, являющихся въ видѣ различныхъ чувствованій. Слѣдовательно, стараясь уничтожить эти постоянныя раздраженія различными „мѣрами“, помогаютъ, напротивъ, ихъ развитію. Возвращаясь къ приведенному примѣру, можно сказать теперь, что здѣсь было бы гораздо цѣлесообразнѣе *сумѣть не замѣтить* самого поступка и уничтожить, по возможности, весь эффектъ картины, вызываемой поступкомъ. Понятно, что выгоднѣе всего было бы съ самаго начала быть болѣе сдержаннымъ и не обращать вниманія на случайное явленіе, внѣшне не придавать ему никакого значенія и не превращать простую случайность въ проступокъ. Гдѣ меньше надзирающихъ глазъ и карающихъ рукъ, тамъ

такія явленія легче проходятъ безслѣдно; умная мать всегда сумѣетъ во-время промолчать и неважное не замѣтить. Поставьте, напримѣръ, на столъ тарелочку съ вареньемъ и запретите строго-на-строго трогать его хотя бы четырехлѣтнему ребенку, обѣщайте ему наказаніе въ случаѣ неповиновенія; если ребенокъ знаетъ, что такія угрозы дѣйствительно исполняются, то, оставшись одинъ въ комнатѣ, онъ непремѣнно соблазнится лакомымъ блюдомъ и ткнетъ цѣлымъ кулакомъ въ тарелочку, съ тѣмъ чтобы потомъ облизать его, и тотчасъ убѣжитъ изъ этой комнаты, оставивъ слѣды варенья на губахъ и на платьѣ. Иначе поступитъ ребенокъ, котораго *никогда* не наказывали, которому даже никогда ничего строго и сурово не приказывали; если ему *любящая* мать только серьезно скажетъ, чтобы онъ съ тарелочки ничего не бралъ, и объяснитъ причину, почему не слѣдуетъ брать, то онъ на самомъ дѣлѣ не возьметъ.

Подобныхъ примѣровъ всегда много; они наглядно показываютъ значеніе простого и теплаго отношенія къ ребенку. Сила мягкаго, любящаго слова такъ велика, что съ нею не можетъ сравниться никакое наказаніе. Къ сожалѣнію, это слишкомъ часто забываютъ при воспитаніи и прибѣгаютъ къ мѣрамъ, положительно пагубнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Дѣйствуя обыкновенно подъ вліяніемъ личнаго раздраженія, воспитатели примѣняютъ свои мѣры недостаточно сознательно, не отдаютъ себѣ полнаго отчета въ значеніи ихъ и даннаго проступка, а просто тѣшатъ себя, переводя свое раздраженіе въ рядъ безпорядочныхъ, безцѣльныхъ движеній. Необходимо, чтобы воспитатель всегда разсуждалъ и не допускалъ у себя рефлекторныхъ движеній; въ противномъ случаѣ получается явный абсурдъ: воспитатель преслѣдуетъ воспитанника за нарушеніе дисциплины, и въ то же время самъ своими дѣйствіями доказываетъ, что онъ не умѣетъ владѣть собой, т. е., что онъ самъ недостаточно дисциплинированъ. На урокѣ въ городской школѣ въ Лейпцигѣ учитель ходилъ по классу съ небольшой тросточкой, которой стегалъ то одного, то другого ученика; увидавъ же, что одинъ семилѣтній мальчикъ заговорилъ шопотомъ съ своимъ сосѣдомъ, онъ вдругъ подбѣжалъ къ нему, отбросилъ трость и далъ ему увѣсистую пощечину; мальчикъ не пикнулъ, только злобно посмотрѣлъ на него, слѣдовательно, это было уже дѣло привычное. Послѣ класса этотъ учитель (молодой человѣкъ лѣтъ 26) на вопросъ, находитъ ли онъ не-

обходимымъ бить дѣтей во время класса, совершенно откровенно отвѣтилъ, что находитъ это совершенно ненужнымъ и даже вреднымъ, но дѣлаетъ это потому, что такъ „*скорѣе*“, да у него нѣтъ и времени много разсуждать, а иногда, прибавилъ онъ, это дѣлается просто по привычкѣ. Подобныя произвольныя привычныя дѣйствія постоянно встрѣчаются въ школѣ, а между тѣмъ ихъ допускать тамъ положительно нельзя; они, правда, облегчаютъ дѣятельность наставника, но только во вредъ ребенку. Если возвышеннымъ голосомъ или даже крикомъ призвать ребенка къ порядку, то ребенокъ встрепенется, затихнетъ и останется въ этомъ состояніи нѣкоторое время, и тѣмъ меньшее, конечно, чѣмъ больше онъ привыкъ къ подобному обращенію, или чѣмъ тише и менѣе рѣзко былъ сдѣланъ подобный призывъ. Затѣмъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго спокойнаго состоянія, ребенокъ задвигается, покажетъ языкъ или сдѣлаетъ какое-либо безобразное движеніе. Приходилось видѣть въ закрытомъ учебномъ заведеніи одного воспитателя, который очень строго подтягивалъ свой классъ, въ особенности когда ожидали появленія какого-либо начальства. Онъ всегда внушалъ воспитанникамъ, что при начальствѣ они должны даже задерживать дыханіе и не шевелиться на мѣстѣ. Зато послѣ онъ предоставлялъ имъ полную свободу дѣйствій; трудно описать, что дѣлали тогда воспитанники: они испускали самые дикіе крики, бросались другъ на друга, на окружающихъ и даже на стѣну; было не безопасно попадаться имъ въ это время навстрѣчу, можно было подвергнуться какому-либо непріятному дѣйствію съ ихъ стороны.

Явленія, которыя наблюдаются въ такихъ случаяхъ, можно себѣ объяснить на основаніи вышеуказанныхъ качествъ нервной системы. Болевыя ощущенія, получаемыя при периферическомъ раздраженіи какой-либо вѣтви нервнаго ствола, совершенно исчезаютъ при болѣе сильномъ раздраженіи концовъ другой вѣтви того же ствола. Боль зубовъ, напримѣръ, на нижней челюсти можетъ совершенно исчезнуть при раздраженіи кожи височной области больной стороны. Болѣе сильное раздраженіе, видимо, понижаетъ всякую дѣятельность въ остальныхъ проводникахъ даннаго ствола; послѣ того какъ вліяніе примѣненнаго раздражителя прошло, болевыя ощущенія являются снова, но уже съ большимъ упорствомъ. Чтобы уничтожить и эту боль, требуется примѣненіе болѣе сильнаго раз-

дражителя; такимъ образомъ можно дойти до самыхъ сильныхъ раздражителей, какими можно только пользоваться; наконецъ, и они перестаютъ дѣйствовать.

То же самое приходится наблюдать и въ психическихъ проявленіяхъ у ребенка; такъ, напр., какое-либо возбужденіе или раздраженіе вызываетъ у него извѣстныя дѣйствія; наставникъ, желая прекратить ихъ (чаще просто раздраженный поступкомъ ребенка), примѣняетъ къ нему болѣе сильное раздраженіе въ видѣ выговора, крика или даже болѣе ощутительнаго наказанія. Этимъ, какъ говорятъ, возбуждаются задерживающіе центры, но въ то же время угнетается умственная дѣятельность и сознательное управленіе своими движеніями. Въ приведенномъ примѣрѣ отправленія нервной системы болевыя ощущенія, несомнѣнно, появятся вновь, такъ какъ причина, вызывающая ихъ, продолжаетъ дѣйствовать; она не удалена и не уничтожена, она только заглушена и угнетена. Точно также и въ послѣднемъ случаѣ: прежнія дѣйствія опять появятся, но только съ большею рѣзкостью и упорствомъ, степень которыхъ будетъ прямо пропорціональна силѣ и продолжительности угнетающаго вліянія. Какъ тамъ каленое желѣзо, такъ и здѣсь самое сильное наказаніе можетъ, наконецъ, остаться почти безъ послѣдствія. Приходилось наблюдать слѣдующій случай: мать, желая заставить 6-лѣтняго ребенка раньше вставать, съ каждымъ утромъ должна была усиливать крики и брань для того, чтобы добиться исполненія своего требованія; наконецъ, когда это уже перестало дѣйствовать, она вытащила ребенка изъ кровати и подвергла его звѣрскому тѣлесному наказанію, измочаливъ о тѣло ребенка весь пучокъ розогъ, отъ котораго остались мелкіе прутики, разсыпавшіеся по полу. Ребенокъ во все время не пикнулъ и только по окончаніи неистовства своей матери сказалъ съ злобною улыбкою на лицѣ, указывая на разбросанные прутики: „вотъ какъ поступаетъ мать съ своимъ ребенкомъ!“ и продолжалъ спать по утрамъ попрежнему. Ребенокъ этотъ, теперь уже взрослый, представлялъ, сколько извѣстно, всѣ характеристическіе признаки злостно-забитаго типа.

Въ одномъ изъ благотворительныхъ заведеній, въ которое берутъ дѣтей съ 3-лѣтняго и содержатъ ихъ до 12-лѣтняго возраста, былъ 9-лѣтній ребенокъ, который сталъ издавать журналъ, гдѣ представлялъ своихъ наставниковъ и воспита-

телей въ каррикатурномъ видѣ. Когда начальство заведенія узнало объ этомъ изданіи, то оно посмотрѣло на дѣло серьезно и рѣшило примѣрно наказать ребенка. Въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ заведенія, виновника подвергли жестокому тѣлесному наказанію. Впослѣдствіи его перевели въ другое учебное заведеніе, изъ котораго его собирались исключить, такъ какъ никакія тѣлесныя наказанія на него не дѣйствовали, послѣ нихъ онъ только злобно смѣялся. Такихъ примѣровъ можно привести громадное количество, всѣ они вполнѣ выясняются вышеприведеннымъ положеніемъ. Они доказываютъ, что всѣ эти мѣры положительно нравственно убиваютъ ребенка и превращаютъ его въ озлобленнаго и апатичнаго человѣка.

Относительно только что сказаннаго и особенно относительно интенсивности чувствованій необходимо принять во вниманіе слѣдующее общее положеніе, приводимое Вундтомъ: „Счастливое настроеніе, возбуждаемое приращеніемъ внѣшнихъ благъ, пропорціонально не абсолютной, а относительной величинѣ этого приращенія; или моральное благо, т. е. удовольствіе, пропорціонально логариѳму физическаго блага. Другими словами: напряженность чувствованія возрастаетъ въ ариѳметической прогрессіи въ то время, какъ сила впечатлѣнія возрастаетъ въ геометрической прогрессіи“.

Посмотримъ теперь, нельзя ли обойтись безъ этихъ выговоровъ, криковъ, угрозъ и истязаній. Раньше было уже сказано, что всякое возбужденіе и раздраженіе при непосредственномъ и сильномъ вліяніи вызоветъ простыя рефлекторныя явленія. Если у ребенка замѣчаются подобныя рефлекторныя явленія, то вѣдь *только* путемъ спокойнаго и послѣдовательнаго вліянія возможно заставить его задуматься и дойти до выясненія своихъ поступковъ. Такимъ образомъ ребенокъ возбуждается къ разсужденію и къ волевымъ проявленіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ противодѣйствію всякимъ случайнымъ и ненормальнымъ побужденіямъ и чувствованіямъ. Внѣшними же тормозящими вліяніями, дѣйствующими на задерживаніе впечатлѣній, необходимо понижается также умственная дѣятельность, и угнетаются волевые импульсы, съ которыми не слѣдуетъ смѣшивать способность задерживать рефлексы. При такихъ условіяхъ эти внѣшнія раздраженія, на основаніи вышеприведеннаго (при описаніи честолюбиваго типа) психо-физическаго закона, должны постоянно расти въ геометрической прогрессіи; только

въ такомъ случаѣ можно достичь ими желаемаго возбужденія при томъ угнетенномъ и апатичномъ состояніи, въ которое ребёнокъ былъ приведенъ предшествовавшими возбужденіями. Отсюда ясно, что эта впѣшняя дисциплина совершенно противорѣчитъ задачѣ школы, дѣлая неминуемо ребенка апатичнымъ, угнетая и понижая умственную его дѣятельность. Кромѣ того, личное раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго мѣры эти приводятся въ исполненіе, исключаетъ спокойную оцѣнку поступка, приводитъ поэтому къ произвольному и несправедливому преслѣдованію ребенка, къ оскорбленію его личности, что, въ свою очередь, порождаетъ злобу и ненависть къ преслѣдователямъ. Напротивъ, если наводить ребенка на разсужденіе, возбуждать его умственную и волевую дѣятельность, можно пріучить его владѣть и управлять собой, развивать въ немъ нравственную дисциплину, во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ соотвѣтствующую задачамъ школы и воспитанія вообще. Если впечатлительность ребенка не притупляется, то онъ остается способнымъ къ мягкому и спокойному отношенію къ окружающимъ его людямъ. Разсужденіе пріучаетъ къ анализу, къ разработкѣ понятій и истинъ, научаетъ ребенка понимать правду, глубоко уважать и любить тѣхъ, которые ведутъ его къ этой правдѣ и никогда не оскорбляютъ его личнаго достоинства. Воспитатель, прибѣгающій къ различнымъ дисциплинарнымъ мѣрамъ, навѣрное не знаетъ всего могущества и силы спокойнаго, справедливаго и правдиваго слова, а также значенія неприкосновенности и уваженія другого лица. Вліяніе любящаго и правдиваго человѣка такъ велико, что ребенокъ, находящійся при неблагопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи нравственнаго своего развитія, можетъ быть добродушнаго типа, если онъ хотя только по временамъ встрѣчается съ такимъ человѣкомъ, къ которому, понятно, онъ будетъ тѣмъ сильнѣе привязанъ.

Мать, няня, воспитатель, относящіеся къ ребенку съ искреннею любовью и дѣйствительнымъ участіемъ, могутъ иногда прибѣгать и къ различнымъ мѣрамъ наказанія, не забивая ребенка и не нанося ему этимъ положительнаго вреда. Но все же такія дѣйствія нельзя возводить въ принципъ, да, кромѣ того, тутъ и самое дѣйствіе имѣетъ совершенно другое значеніе. То, что можно перенести отъ близкаго, любимаго человѣка, что отъ него иногда даже пріятно возбуждаетъ, то можетъ оскорблять и нравственно угнетать, если будетъ причинено чужимъ, хо-

лоднымъ и нелюбящимъ человѣкомъ. Такъ, напр., одинъ рабочій, который очень любилъ и хорошо относился къ своему сыну, билъ его иногда въ нетрезвомъ состояніи; вытрезвившись, онъ становился мрачнымъ, избѣгалъ встрѣчи съ сыномъ, чувствуя себя при этомъ крайне неловко. Сынъ у него добродушный мальчикъ, который, несмотря на перенесенные имъ побои, никогда не измѣнялъ своихъ добрыхъ отношеній къ отцу, напротивъ, видя неловкое положеніе его, первый окликалъ его: „чего дуешься, брось; пустяки — не важно“. При всѣхъ наказаніяхъ важно не одно механическое насиліе, а и нравственное вліяніе, которое именно и дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на психическое состояніе ребенка, его то и слѣдуетъ имѣть всегда въ виду.

Но иногда, впрочемъ, и механическое дѣйствіе можетъ вредно вліять на организмъ ребенка. Поставить ребенка въ уголъ или среди комнаты признается обыкновенно за незначительное наказаніе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Обыкновенно полагаютъ, что постоять нѣкоторое время ничего не значитъ, судя по вліянію такого положенія на взрослаго. Для ребенка же это много значитъ; у него основа туловища, или позвоночный столбъ, еще не вполнѣ развита и не въ состояніи удерживаться въ положеніи условіями равновѣсія отдѣльныхъ частей, какъ это бываетъ у взрослаго, поэтому организмъ ребенка удерживается въ положеніи только мышечною дѣятельностью. Однообразная же мышечная работа очень быстро приводитъ его къ утомленію, которое дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на ребенка и дѣлаетъ его совершенно неспособнымъ къ какой-либо дѣятельности. Искусственное утомленіе ребенка и доведеніе его до неспособности приняться за какую-либо дѣятельность наврядъ ли можетъ служить хорошею мѣрою для исправленія его. Чтобы убѣдиться, насколько тягостно и мучительно бываетъ мышечное утомленіе, стоитъ только поднять руку до уровня плеча и подержать ее въ горизонтальномъ положеніи въ продолженіе 15 — 20 минутъ. Не всякій взрослый въ состояніи удержать такъ долго руку въ этомъ положеніи, а если и продержитъ, то послѣ этого будетъ такъ утомленъ, что не скоро окажется способнымъ спокойно продолжать свою дѣятельность. То же самое будетъ, если ребенка поставить на колѣни или заставить его принимать различныя неудобныя положенія, въ

выдумкѣ которыхъ иногда изощряются педагоги. Оставленіе ребенка безъ пищи или на одномъ хлѣбѣ—тоже мѣра, совершенно непонятная съ точки зрѣнія экономіи организма, въ особенности во время его роста. Понижая приходъ, необходимо понизить и расходъ, т. е. понизить требованія въ отношеніи дѣятельности ребенка.

Тѣлесныя наказанія, кромѣ указанныхъ угнетающихъ вліяній на психическую дѣятельность ребенка и притупленія его впечатлительности, причиняютъ его организму еще и другой значительный вредъ. Таская ребенка за волосы или надѣляя его пощечинами, легко произвести у него сотрясеніе мозга со всѣми его послѣдствіями. Наказывая розгами, раздражаютъ область, богатую сосудами и нервами, выходящими изъ тѣхъ же стволовъ, отъ которыхъ идутъ сосуды и нервы къ сосѣднимъ половымъ органамъ. Общность сосудовъ содѣйствуетъ тому, что при приливѣ крови къ ягодичной области подъ большимъ давленіемъ кровь притекаетъ въ увеличенномъ количествѣ и къ половымъ органамъ и вызываетъ ихъ возбужденіе; слѣдовательно, при раздраженіи ягодичной области неизбѣжно возбуждается также и дѣятельность половыхъ органовъ. Послѣднее особенно невыгодно въ школьномъ возрастѣ, когда именно развиваются эти органы. Подобное искусственное возбужденіе легко можетъ довести до порока, что въ самомъ дѣлѣ и наблюдалось въ такихъ случаяхъ. Кромѣ того, чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ менѣе твердо установились основы его организма; между отдѣльными частями этой основы происходитъ процессъ окостенѣнія, здѣсь находятся нѣжные образовательные элементы и сильно развитыя сосудистыя петли, при посредствѣ которыхъ приносится увеличенное количество питательныхъ веществъ, необходимыхъ для роста, развитія и оплотнѣнія этихъ частей основы. При усиленномъ мѣстномъ раздраженіи нормальный физіологическій процессъ легко переходитъ въ ненормальный, патологическій; слѣдовательно, опять же искусственно создаются причины, приводящія непремѣнно къ страданіямъ, иногда очень серьезнымъ. Все это необходимо имѣть въ виду и не прибѣгать къ мѣрамъ, наносящимъ положительный вредъ ребенку и ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствующимъ цѣлямъ и задачамъ образованія.

Въ школѣ должна быть не внѣшняя, мѣрами вынужденная дисциплина, а необходимо развить у ребенка нравственную

дисциплину, умѣнье владѣть и управлять собой и подчинять свои дѣйствія разумнымъ волевымъ отправленіямъ. Наказанія должны быть исключены изъ школы, это—хирургическіе пріемы, которыхъ нельзя допустить при нормальныхъ условіяхъ воспитанія. Подобныя мѣры непремѣнно ограничиваютъ и понижаютъ умственную дѣятельность ребенка. Къ какой бы дѣятельности ни готовился онъ, къ административной, военной или какой-либо другой, все равно, въ школѣ необходимо придерживаться только одного основанія: содѣйствовать развитію человѣка со всѣми присущими ему качествами. Забитый человѣкъ можетъ быть только слѣпымъ исполнителемъ, а гдѣ нужно дѣйствовать самостоятельно и толково, съ пониманіемъ дѣла, тамъ онъ не будетъ годенъ, онъ будетъ только дичиться и фыркать, чѣмъ, понятно, дѣлу не пособитъ.

Указанія на то, что многихъ наказывали тѣлесно, а они между тѣмъ выросли и сдѣлались замѣчательными людьми, не имѣютъ смысла, потому что, какъ уже сказано выше, для выясненія причинной связи необходимо знать всѣ нравственныя условія, при которыхъ ребенокъ жилъ и росъ, а кромѣ того, „замѣчательныя“ качества человѣка могутъ быть очень односторонни и не всегда разумны. Мнѣніе, что маленькаго ребенка можно наказать тѣлесно, а того, который постарше, нельзя, тоже невѣрно, потому что, чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ менѣе стоекъ его организмъ, и тѣмъ легче появляются у него различныя страданія.

Необходимо помнить, что смертность новорожденныхъ приблизительно въ 4 раза больше, чѣмъ на второмъ году жизни, въ 50 разъ больше, чѣмъ на 7-мъ году, и въ 132 раза больше, чѣмъ въ 14-лѣтнемъ возрастѣ. Вообще, до 15-лѣтняго возраста смертность среднимъ числомъ равняется 51,37%, а безъ мертворожденныхъ — 48,96%. Всему этому, безъ сомнѣнія, содѣйствуютъ незнаніе постройки и потребностей дѣтскаго организма и предположеніе, что выясненіе и пониманіе условій, вредно вліяющихъ на развитіе ребенка, дѣлаютъ воспитателя нерѣшительнымъ и боязливымъ, и что вообще о причинной связи между условіями, при которыхъ развивается ребенокъ, и его физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ и толковать незачѣмъ. Приходилось имѣть дѣло съ представителями учебныхъ заведеній, которые и знать ничего не хотѣли о научныхъ выводахъ и изслѣдованіяхъ; они ко всему науч-

ному относились съ ироническою насмѣшкою. По ихъ мнѣнію, экономъ — лучшій гигіенистъ и санитаръ.

Здѣсь было разсмотрѣно вліяніе угнетенія на психическое и тѣлесное состояніе ребенка. Теперь уже не трудно прослѣдить всю связь, существующую между основными явленіями этого типа и ихъ послѣдствіями. Замѣчаемыя у ребенка злостнозабитаго типа апатія и умственная вялость — несомнѣнныя послѣдствія сильныхъ возбужденій или постоянныхъ понуканій, которымъ онъ подвергается, и которыя ведутъ къ его угнетенію; стоитъ только удалить эти прибавочныя возбужденія, апатія и вялость явятся какъ неминуемое послѣдствіе. Кромѣ того, при работѣ съ постояннымъ принужденіемъ обыкновенно почти не выясняется ни значеніе, ни цѣль ея. Нѣтъ ничего убійственнѣе совершенно безцѣльной и непонятной для исполнителя работы; она дѣлается совершенно внѣшнею, механическою и вовсе не возбуждаетъ къ умственной работѣ.

Предположеніе, что ребенка необходимо постоянно понукать и принуждать къ занятіямъ, совершенно невѣрно; напротивъ, необходимо, чтобы онъ *самъ* пріискивалъ себѣ занятія, непремѣнно *самъ* распредѣлялъ ихъ и распоряжался своимъ свободнымъ временемъ. При привычкѣ спокойно разсуждать надъ работою, трудъ распредѣляется между органами умственной и физической жизни, слѣдовательно, увеличивается поверхность отправленій, и поэтому дѣятельность можетъ продолжаться безъ перерыва, она не скоро утомляетъ. Кромѣ того, физическій трудъ подъ вліяніемъ умственной дѣятельности постоянно видоизмѣняется, и вмѣстѣ съ этимъ самыя занятія переводятся отъ однѣхъ мышечныхъ группъ къ другимъ, и такимъ образомъ мышцы не доводятся до утомленія. Если ребенокъ самъ распоряжается своими занятіями, то, утомившись умственнымъ трудомъ, онъ непремѣнно перейдетъ къ физическому, и обратно. Непосильный умственный или физическій трудъ потребуетъ отъ него большого напряженія, поэтому онъ скоро утомится и перейдетъ къ другой работѣ. Если ребенокъ, предоставленный себѣ, бездѣйствуетъ, то это указываетъ на его пониженную впечатлительность и апатію, которыя составляютъ послѣдствія бывшихъ сильныхъ возбужденій и раздраженій. Лѣнь ребенка будетъ во всякомъ случаѣ результатомъ пониженной впечатлительности, апатіи или утомленія, слѣдовательно, всегда будетъ слѣдствіемъ угнетающихъ его условій;

при нормальныхъ условіяхъ проявленіе лѣности у ребенка немыслимо. Непомѣрное количество занятій, несоотвѣтствіе требованій съ уровнемъ развитія ребенка, все это требуетъ слишкомъ большого напряженія его силъ и приводитъ къ скорому утомленію, а продолжительное утомленіе—къ истощенію и изнуренію, или, какъ уже сказано раньше, къ избытку траты вещества сравнительно съ накопленіемъ. При обычныхъ занятіяхъ нѣтъ нужды хлопотать о томъ, чтобы вызвать у ребенка интересъ къ занятіямъ различными прибавочными возбужденіями; это даже вредно для него, такъ какъ пріучаетъ его къ лишнимъ раздраженіямъ; необходимо только не принуждать его къ однородной и продолжительной дѣятельности, которая утомитъ, угнететъ и усыпитъ его. Если занятія при нормальныхъ условіяхъ скучны ребенку, то это значитъ, что они его утомляютъ. Слѣдовательно, чтобы не забивать ребенка занятіями, необходимо видоизмѣнять его дѣятельность и постепенно и послѣдовательно увеличивать ее; иначе являются скука, вялость, апатія, лѣнь какъ неминуемыя послѣдствія непомѣрныхъ или однообразныхъ требованій.

Въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ весь день ребенка регламентированъ; въ его распоряженіи никогда не остается болѣе одного или полутора часа въ продолженіе всего дня, все остальное время у него распредѣлено по табели. Даже играть или поговорить съ товарищами онъ долженъ въ опредѣленное время; спокойно разсуждать и обдумывать свои дѣйствія и появляющіеся у него вопросы онъ совершенно не имѣетъ времени. Развѣ удивительно, что при такихъ условіяхъ у него являются безобразные и даже дикіе поступки, что онъ привыкаетъ вяло и апатично относиться къ своему дѣлу и постоянно уходить и уклоняться отъ него. Необходимость постоянно усиливать примѣняемыя мѣры все болѣе и болѣе озлобляетъ его противъ его преслѣдователей, а встрѣчающіяся несправедливости и неисполненіе данныхъ обѣщаній дѣлаютъ его подозрительнымъ и недовѣрчивымъ. Постоянное исполненіе всѣхъ существующихъ регламентацій невозможно; отсюда безпрерывное нарушеніе ихъ. Поэтому число проступковъ доходитъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ до поразительныхъ чиселъ. Въ хорошую недѣлю число записанныхъ взысканій въ заведеніи съ 325 воспитанниками бываетъ около 750, кромѣ не записанныхъ (выговоръ, стойка, тасканье за

ухо, за чубъ и т. д.), которыхъ будетъ вдвое больше, и кромѣ серьезныхъ, которыя рѣшаются на педагогическомъ совѣтѣ. Огромное число примѣняемыхъ въ такихъ заведеніяхъ наказаній уже должно показать всю несостоятельность принятаго шаблона и неминуемо требовать его измѣненія; однако, до сихъ поръ нѣтъ и признаковъ чего-либо подобнаго.

Преслѣдуемый окружающими, ребенокъ сосредоточивается надъ собой, надъ своею личностью, пріучается болѣе цѣнить себя и дѣлается поэтому самолюбивымъ. Часто онъ рѣзко реагируетъ на незначительныя, повидимому, причины, которыя якобы оскорбили его лично и задѣли его самолюбіе. Вырвавшись изъ угнетающихъ его условій на свободу, онъ освобождается отъ всѣхъ задерживающихъ вліяній и какъ будто старается грубымъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей вознаградить себя за прежнія лишенія. Чтобы достигнуть этого удовлетворенія, онъ не всегда разборчивъ въ способѣ добыванія необходимыхъ для этого средствъ.

Первыя явленія замѣчаемой у него подозрительности состоятъ въ упорномъ отрицательномъ отношеніи ко всѣмъ новымъ явленіямъ и предложеніямъ. Она составляетъ, конечно, несомнѣнное послѣдствіе несправедливости, произвола и неисполненія даннаго слова и обѣщанія со стороны окружающихъ ребенка лицъ. Развившаяся у него подозрительность ведетъ къ недовѣрчивости, къ отрицанію всего добраго, правдиваго и истиннаго и къ злому смѣху надъ всѣмъ, что сколько-нибудь приближается къ нравственному идеалу; людей, руководящихся идеалами, онъ не признаетъ, для него всѣ люди—носители грубой силы, произвола и угодники собственнаго мамона; онъ презираетъ всѣхъ и все и поэтому иногда недостаточно строгъ въ отношеніи избѣганія грѣха. Несправедливость и произволъ, окружающіе ребенка, содѣйствуютъ этому послѣднему явленію, а также то, что ему даютъ оскорбительныя прозвища, совершенно несправедливо и неосновательно къ нему примѣняемыя.

Вотъ еще примѣры, указывающіе на послѣдствія произвола и несправедливости въ обращеніи съ дѣтьми. Мальчикъ былъ отданъ въ закрытое заведеніе въ городѣ, въ которомъ у него не было ни единаго родственника или знакомаго. Родители присылали ему на гостинцы ежемѣсячно нѣсколько карманныхъ денегъ, которыя выдавались ему по праздникамъ,

при отпускѣ его для прогулки по городу. Воспитатель вздумалъ воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ для примѣненія его въ видѣ наказанія. За проступки ребенка (12 лѣтъ) онъ лишалъ его прогулки въ воскресный день и не выдавалъ ему денегъ; такимъ образомъ мальчикъ лишенъ былъ своего единственнаго удовольствія въ продолженіе трехъ недѣль. Онъ видѣлъ, какъ товарищи возвращались изъ отпуска, принося съ собою лакомства, и слышалъ ихъ разсказы о пріятно проведенномъ на свободѣ времени; все это такъ подѣйствовало на него, что онъ выбралъ удобный моментъ, вскрылъ ящикъ, гдѣ лежали лакомства одного изъ товарищей, и присвоилъ ихъ себѣ. Онъ не съѣлъ ихъ украдкой, а пошелъ показывать ихъ другимъ товарищамъ, говоря имъ, что и онъ имѣетъ лакомства, чѣмъ, конечно, сейчасъ же себя и выдалъ. Названіе „вора“ и карцеръ за „кражу со взломомъ“ были послѣдствіями такого поступка. Выпущенный послѣ недѣльнаго сидѣнія въ карцерѣ и опять лишенный воскреснаго отпуска и денегъ, онъ вторично вскрылъ ящикъ и взялъ лакомства своего товарища, принесенныя послѣднимъ изъ дому. Родителямъ мальчика было предложено или тѣлесное наказаніе, или исключеніе изъ заведенія, или переводъ въ бездушнѣйшее исправительное заведеніе. Можно ли придумать какое-либо болѣе черствое, произвольное и несправедливое отношеніе къ ребенку, чѣмъ это было въ данномъ случаѣ? Вся жизнь ребенка испорчена безчеловѣчнымъ обращеніемъ воспитателя.

Шестилѣтній деревенскій мальчикъ купался со своимъ товарищемъ и, балуясь, сѣлъ на него верхомъ; тотъ сталъ барахтаться и тонуть; первый принялъ это за шутку и потому не сходилъ съ него до тѣхъ поръ, пока, дѣйствительно, не убѣдился въ томъ, что тотъ тонетъ. Спасти его оказалось уже поздно, и съ этихъ поръ этотъ мальчикъ прослылъ въ деревнѣ за „убійцу“. Это прозвище отдѣлило его отъ всего юнаго поколѣнія деревни. Понятно, какое сильное угнетающее вліяніе должно имѣть такое явленіе, какой глубокій отпечатокъ оно должно оставить на всю жизнь. Чѣмъ сильнѣе угнетать человѣка, чѣмъ болѣе его преслѣдовать, тѣмъ болѣе проявляются всѣ вышеприведенныя качества, тѣмъ апатичнѣе, вялѣе и озлобленнѣе онъ становится. Выходъ изъ такого положенія онъ находитъ только либо въ грубомъ и сильномъ возбужденіи наркотическими или другими одуряющими средствами,

либо въ погонѣ за сильными ощущеніями. Мнѣніе, что битаго необходимо бить, иначе трудно на него подѣйствовать, положительно невѣрно; изъ сказаннаго видно, до чего можно дойти по пути такой логики.

Пріучившись отвѣчать только на сильныя впечатлѣнія, молодой человѣкъ злостно-забитаго типа выбираетъ и развлеченія, отличающіяся самыми рѣзкими формами. У него цѣнится тотъ, кто въ состояніи выпить огромное количество крѣпкихъ напитковъ, кто можетъ сильнѣе затянуться табакомъ, выдержать самыя страшныя пытки и истязанія, съѣсть огромное количество, въ особенности трудноваримой пищи, обобрать огородъ, фруктовый садъ, кладовую, вообще—выкинуть изъ ряда выходящую штуку, соединенную съ сильнымъ ощущеніемъ. Цѣнность лица увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе поразитъ самый поступокъ. Несмотря на то, что между товарищами цѣнятся честность и вообще нравственныя качества, тѣмъ не менѣе крайнія проявленія, совершенно несогласныя съ этими качествами, не только не отвергаются, но даже засчитываются въ заслугу и возвышаютъ совершившаго такой поступокъ въ мнѣніи товарищей. Все это указываетъ на степень апатіи и потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ, которыя дали бы возможность встрепенуться и выйти изъ гнетущаго ихъ состоянія. Даже религіозность ихъ выражается своеобразно, въ видѣ безчисленнаго множества земныхъ поклоновъ, словеснаго поста, т. е. рѣшенія во время поста не говорить съ товарищами ни единаго слова, не произносить ни единаго звука, иногда же въ видѣ рѣзкихъ дѣйствій противоположнаго свойства.

Понятно, что нѣжность и ласки при такихъ условіяхъ не допускаются. Вѣрнѣе, повидимому, и надежнѣе другой способъ, *это—справедливое, внимательное и простое отношеніе*, при чемъ ребенку мало-по-малу предоставляется болѣе самостоятельности и свободы. Если сначала и могутъ являться безобразныя дѣйствія, то при послѣдовательномъ возбужденіи его къ умственной работѣ эти явленія исчезнутъ скорѣе, чѣмъ при какихъ либо другихъ условіяхъ. Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать нѣжными словами и внѣшнею лаской; они вызовутъ только подозрѣніе со всѣми его послѣдствіями. Трудно себѣ представить такого злостно-забитаго человѣка, на котораго не подѣйствовало бы правдивое, простое и

справедливое обращеніе. Наблюденіе показываетъ, что это самое сильное орудіе, которое только возможно примѣнять въ такихъ случаяхъ, но къ которому, къ сожалѣнію, рѣдко прибѣгаютъ.

У ребенка злостно-забитаго типа часто наблюдается своеобразное отношеніе какъ къ нѣкоторымъ дѣтямъ, такъ и къ животнымъ. Это замѣчается въ особенности въ отношеніяхъ къ дѣтямъ, страдающимъ какими-нибудь недостатками, уродливостями, служащимъ посмѣшищемъ для другихъ или подвергающимся какимъ-либо преслѣдованіямъ или несправедливостямъ. Къ нимъ онъ особенно внимателенъ, угождаетъ и исполняетъ всѣ ихъ желанія, дѣлится всѣмъ, что имѣетъ, отдавая имъ всегда лучшій кусокъ, укрываетъ ихъ отъ всякихъ невзгодъ и защищаетъ, насколько онъ въ силахъ это сдѣлать. Его предупредительность и внимательность въ такихъ случаяхъ дѣйствительно поразительны, онъ охотно исполняетъ даже прихоти своихъ пріятелей. То же самое замѣчается и по отношенію къ животнымъ: онъ избираетъ при этомъ обыкновенно грязныхъ, кудластыхъ, часто паршивыхъ дворняшекъ, всѣми изгоняемыхъ и преслѣдуемыхъ, дѣлитъ съ ними свою трапезу, никогда ничего не пожалѣетъ, охотно имъ подстилаетъ даже свою одежду и раздѣляетъ съ ними свое ложе. Все это только показываетъ, насколько онъ знакомъ съ различными страданіями, недостатками и насмѣшками, и насколько у него еще сохранились душевныя его качества. Какъ въ приведенныхъ случаяхъ, такъ точно и тогда, когда признаютъ на дѣлѣ его человѣческія права и достоинства, онъ совершенно измѣняется и настолько привязывается къ другому лицу, со стороны котораго онъ встрѣчаетъ такое признаніе, что становится его покорнымъ слугой и даже полнымъ рабомъ и исполняетъ всѣ обращенныя къ нему требованія и желанія. Всѣ его стремленія и дѣйствія направляются тогда къ исполненію всѣхъ требованій его кумира, отъ котораго онъ все готовъ перенести и которому готовъ во всемъ повиноваться. Эти черты злостно-забитаго ребенка очень типичны, онѣ всего рельефнѣе указываютъ, насколько такой ребенокъ дорожитъ признаніемъ его личности и справедливымъ къ нему отношеніемъ; какъ онъ умѣетъ оцѣнивать страданія другихъ, терпящихъ вслѣдствіе различныхъ нуждъ, природныхъ недостатковъ или произвола окружающихъ лицъ. Между тѣмъ часто полагаютъ, что ребе-

нокъ не понимаетъ значенія личныхъ къ нему отношеній, что у него нѣтъ еще понятія о лицѣ и личной его неприкосновенности. Родители обыкновенно думаютъ, что ихъ дѣти составляютъ ихъ собственность, что они должны быть безличны и находиться въ полной зависимости отъ ихъ требованій и дѣйствій. Съ такими грубыми воззрѣніями, понятно, никакъ нельзя согласиться, потому что чѣмъ раньше у ребенка пробуждается понятіе о своей личной неприкосновенности и о своихъ человѣческихъ правахъ, тѣмъ болѣе онъ пріучается дорожить ими и цѣнить эти права у другихъ; но такія понятія могутъ у него сложиться не изъ словъ, а исключительно изъ дѣйствій и обращенія съ нимъ, они слагаются не по слову, а только по дѣлу. Наблюденія надъ дѣтьми злостно-забитаго типа всего убѣдительнѣе подтверждаютъ вѣрность сказаннаго.

Если раньше, при разборѣ лицемѣрнаго типа выяснились послѣдствія лжи и отсутствія умственной работы, при разборѣ честолюбиваго типа значеніе однороднаго, всеподавляющаго чувствованія и эгоизма и въ добродушномъ типѣ вліяніе правды, разсужденія, подчиненія и сообразованія личныхъ требованій съ нуждами и требованіями другихъ, то при знакомствѣ съ настоящимъ типомъ всего сильнѣе выступаетъ значеніе несправедливости и произвола при воспитаніи, связанныхъ съ угнетеніемъ и оскорбленіемъ человѣческаго достоинства ребенка. Любовь, основанная на идеѣ правды, возвышаетъ человѣка и заставляетъ уважать его, безъ чего немыслимо развитіе истинныхъ человѣческихъ качествъ и достоинствъ; поэтому-то самый главный и существенный агентъ при воспитаніи, это—искренняя, неподдѣльная и глубокая любовь, могущество которой во всей его полнотѣ выступаетъ еще рѣзче и яснѣе при знакомствѣ съ злостно-забитымъ типомъ, такъ какъ онъ развивается, именно, при полномъ отсутствіи любви.

Разсматривая злостно-забитый типъ, можно замѣтить въ основаніи его проявленій одну черту, общую съ честолюбивымъ типомъ, а именно, возбужденіе различныхъ чувствованій какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Въ первомъ случаѣ возбуждается чувствованіе оскорбленія, въ послѣднемъ—чувствованіе первенства, превосходства или даже величія. Возбужденіе всякаго рода чувствованій, при чемъ ощущеніе растетъ пропорціонально логариѳму раздраженія, неми-

нуемо ведетъ къ соотвѣтственной степени угнетенія, за которой уже слѣдуетъ апатія.

Однакожъ, несмотря на это сходство, они отличаются другъ отъ друга, во-первыхъ, тѣмъ, что къ чувствованію оскорбленія въ первомъ случаѣ часто прибавляется еще и механическое раздраженіе, увеличивающее эффектъ, чего въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ; во-вторыхъ, въ первомъ случаѣ возбужденіе, вызываемое примѣняемыми мѣрами, доставляетъ не удовольствіе, а страданіе и заставляетъ, насколько возможно, бѣжать отъ него къ такимъ же сильно-возбуждающимъ удовольствіямъ; въ послѣднемъ же случаѣ, наоборотъ, возбужденіе дѣйствуетъ пріятно и потому сильно привлекаетъ къ себѣ; въ-третьихъ, причина, вызывающая возбужденіе въ первомъ случаѣ, дѣйствуетъ обыкновенно грубо, рѣзко, а потому сильнѣе вліяетъ; въ послѣднемъ же случаѣ вліяніе ея отличается бо̀льшею мягкостью и бо̀льшею постепенностью; въ-четвертыхъ, возбужденіе въ послѣднемъ случаѣ нѣсколько поддерживается еще воспоминаніемъ и потому понижается постепенно, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ воспоминаніе о непріятномъ возбужденіи настойчиво изгоняется, и потому угнетеніе и апатія наступаютъ рѣзче и сильнѣе, отчего оставляютъ болѣе глубокій слѣдъ; наконецъ, въ-пятыхъ, первый старается всѣми силами выйти изъ апатичнаго состоянія, что и проявляется у него рѣзкими, грубыми движеніями и дѣйствіями, между тѣмъ какъ послѣдній стремится только къ тому, чтобы преодолѣть препятствія къ достиженію своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Сумма всѣхъ этихъ различій приводитъ къ тому, что проявленія злостнаго типа отличаются бо̀льшею рѣзкостью и грубостью; онъ чаще лѣнивъ, циниченъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и развлеченіяхъ. Честолюбецъ же прилеженъ, онъ скорѣе эстетикъ во всемъ, что касается его внѣшности; соотвѣтственно этому и всѣ внѣшнія проявленія его болѣе мягки и изящны.

Подобно тому, какъ проявленія радости и горя, смѣхъ и плачъ, въ крайнихъ своихъ степеняхъ сливаются, совершенно теряя отличительныя черты, точно такъ же исчезаютъ мало-помалу и различія между этими двумя типами въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ: оба они встрѣчаются на водкѣ и преступленіи; въ послѣднемъ случаѣ одинъ изъ личной цѣли стре-

мится покорить весь міръ, другой стремится уничтожить его за нанесенныя ему оскорбленія и страданія.

6. Угнетенный типъ.

Ребенокъ угнетеннаго типа появляется въ школу обыкновенно блѣднымъ, слабымъ и отличается всегда своимъ тихимъ и смирнымъ нравомъ. Лицо его серьезно, озабочено, какъ будто онъ постоянно отыскиваетъ работу, или же занимается ею. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ отличается своею замѣчательною скромностью, что и составляетъ одинъ изъ самыхъ характеристическихъ его признаковъ. Такой ребенокъ, кромѣ того, весьма трудолюбивъ; онъ постоянно чѣмъ-либо занятъ и всегда вполнѣ сосредоточенъ надъ своимъ дѣломъ. Онъ отдаляется отъ своихъ товарищей, отыскиваетъ себѣ болѣе спокойный уголокъ, чтобы наединѣ воспользоваться временемъ для своихъ работъ. Онъ никогда не выходитъ впередъ, а всегда остается позади, въ послѣднихъ рядахъ, и внимательно слѣдитъ за всѣми происходящими въ классѣ занятіями. Въ играхъ и развлеченіяхъ товарищей онъ обыкновенно не принимаетъ никакого участія; такъ же скромно выражаетъ свою радость, какъ подавляетъ свое горе; онъ не легко плачетъ и не выражаетъ своей скорби различными внѣшними проявленіями. Всякая похвала и отличіе его очень стѣсняютъ и заставляютъ спрятаться, уйти.

При разговорѣ даже съ чужимъ для него лицомъ онъ всегда просто и прямо смотритъ въ глаза, отличается большою искренностью и откровенностью, всегда вездѣ видитъ свои недостатки и неумѣнье и во всѣхъ неудачахъ обвиняетъ себя. Ласки онъ положительно не терпитъ и всегда удаляется отъ нея; внѣшнихъ проявленій и движеній вообще у него очень мало, а украшеній—никогда никакихъ. Себя онъ ни въ какомъ случаѣ не жалѣетъ; никогда не останавливается передъ препятствіями, если только можно преодолѣть ихъ трудомъ. Стойкость и настойчивость его громадна; лишенія, бѣдность, страданіе, нужда никогда его не остановятъ, такъ какъ онъ можетъ ограничить свои требованія до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Къ товарищамъ и окружающимъ онъ всегда относится мягко и не требовательно, теоретически защищаетъ ихъ передъ дру-

гими и старается объяснить ихъ дѣйствія и поступки въ лучшую сторону. Конечно, онъ надежный товарищъ, никогда никого не выдаетъ и спокойно подвергается при этомъ всякому преслѣдованію и несправедливости. Отъ оскорбленій онъ молча уйдетъ. Къ страждущимъ и оскорбленнымъ онъ относится съ участіемъ и готовъ просиживать около нихъ цѣлые дни и ночи, не жалѣя себя и забывая о собственныхъ своихъ нуждахъ и лишеніяхъ. Все для себя необходимое онъ въ состояніи сдѣлать самъ, никогда не унывая въ случаѣ неудачи, напротивъ, стараясь отыскать ея причину и удвоенными усиліями преодолѣть ее. За своими занятіями онъ слѣдитъ съ большимъ вниманіемъ и всегда исполняетъ всѣ обращенныя къ нему требованія и старательно выучиваетъ всѣ заданные уроки. Обыкновенно религіозность такого ребенка очень искренна и глубока, а также нравственныя его понятія о добрѣ и злѣ очень тверды и основаны на глубокой вѣрѣ. Онъ никогда не жалуется на нужды и лишенія; о нихъ онъ даже избѣгаетъ говорить, такъ что часто только болѣзнь или непосредственное наблюденіе могутъ указать на крайне неблагопріятныя условія его существованія. Боли и страданія онъ переноситъ стойко, не выказывая ихъ никакими рѣзкими движеніями или жалобами; напротивъ того, онъ старается увѣрить окружающихъ, что его страданія не сильны и не имѣютъ никакого значенія. Выносливость его относительно физическихъ страданій и лишеній такъ же велика, какъ его скромность. Всѣ свои растительныя потребности онъ можетъ довести до крайне малыхъ предѣловъ и удовлетворяться, напримѣръ, очень скромными количествами пищи и питья. Не находя обыкновенно у себя никакихъ талантовъ и способностей, онъ часто отказывается отъ занятій, требующихъ иниціативы и самостоятельности, не всегда и не скоро рѣшаясь на новое для него дѣло, въ особенности, если оно требуетъ нѣкоторой самоувѣренности и предпріимчивости; но, разъ рѣшившись, твердо преслѣдуетъ свою цѣль и не останавливается предъ затрудненіями, которыя можетъ преодолѣть трудомъ и лишеніями.

Въ школѣ онъ всегда очень внимательно слѣдитъ за объясненіями и разсказами преподавателя и очень тщательно исполняетъ всѣ требованія; однако, когда онъ не вполнѣ увѣренъ въ своихъ знаніяхъ, то прямо заявляетъ, что не знаетъ, и потому иногда навлекаетъ на себя неудовольствіе преподавателя.

Онъ отличается всегда своею спокойною наблюдательностью и опытностью, которыя и служатъ главными основаніями его дѣйствій. Эгоистическихъ проявленій у него не существуетъ; онъ всегда мягко и внимательно относится къ другимъ, никогда не унижаясь передъ ними, но никогда и не оскорбляя ихъ и даже уходя или убѣгая отъ оскорбителя. Онъ съ благодарностью относится ко всякой оказанной ему услугѣ и всѣми мѣрами старается отплатить за нее съ лихвою. Онъ всегда очень стѣсняется при обращеніи къ другимъ, въ особенности, если это вызвано личными требованіями или нуждою, при чемъ самъ аттестуетъ себя всегда въ невыгодной стороны, указывая на свою неспособность и неумѣлость. Музыкою, пѣніемъ, живописью и вообще эстетическими занятіями онъ не такъ заинтересованъ; ими онъ занимается рѣдко, точно такъ же, какъ и поэтическими произведеніями. Скромность, трудолюбіе и стойкость его въ своихъ рѣшеніяхъ всегда остаются характеристическими его качествами; они у него не измѣняются и въ школѣ. Матеріальный расчетъ или личная выгода никогда не ложатся въ основаніе его дѣйствій; онъ имъ всегда чуждъ, несмотря даже на крайнюю нужду и лишенія, которыя онъ часто терпитъ. Согрѣшить противъ этого онъ можетъ развѣ только по ошибкѣ, такъ какъ имъ руководитъ все-таки не отвлеченная идея. Онъ всегда отличается правдивымъ и строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, а также простымъ, откровеннымъ и искреннимъ отношеніемъ къ другимъ. Онъ трудно и не скоро дружится, но въ случаѣ дружбы онъ строго и свято (въ смыслѣ вѣры) соблюдаетъ товарищество; онъ не является однакожъ внѣшне сильнымъ, активнымъ защитникомъ интересовъ своихъ друзей точно такъ же, какъ и не бываетъ открытымъ и горячимъ защитникомъ страждущихъ и оскорбленныхъ; въ крайнемъ случаѣ онъ скажетъ грубо и уйдетъ, потому что его участіе всегда мирное, дѣловое. У него нѣтъ достаточно самоувѣренности и бойкости, чтобы выступить открыто и внѣшне-горячо, но его участіе всегда глубоко въ отношеніи чувствованія, постоянно и неизмѣнчиво. Онъ твердый другъ и товарищъ, никогда не оставляетъ близкаго человѣка и готовъ добровольно терпѣть съ нимъ крайнюю нужду и лишенія. Всѣ эти явленія могутъ быть какъ у дѣвочки, такъ и у мальчика; въ своихъ основаніяхъ проявленія у нихъ будутъ совершенно одинаковы.

Въ жизни онъ не измѣняется, а остается вѣренъ себѣ. Онъ здѣсь не является слѣпымъ исполнителемъ и нѣмымъ труженикомъ, а, напротивъ, наблюдательность и опытность его, развиваясь все болѣе, позволяютъ ему всегда видоизмѣнить свою дѣятельность и быть часто опытнымъ творцомъ. Не довѣряя самъ добытымъ имъ результатамъ и постоянно умаляя ихъ значеніе, онъ не заявляетъ о нихъ публично и часто даетъ лицемѣру или честолюбцу случай ими воспользоваться. Онъ вообще низко цѣнитъ свой трудъ и иногда просто ставитъ его ни во что. Правдивость никогда не позволяетъ ему быть слѣпымъ орудіемъ другихъ и подчиняться ихъ требованіямъ; такое подчиненіе можетъ быть только въ отношеніи его личныхъ интересовъ, но не нравственныхъ качествъ, которыя у него неподкупны и тверды. Нерѣдко приходится видѣть, что молодые люди этого типа, студенты и слушательницы, имѣя на всѣ свои расходы и нужды по 10—15 руб. въ мѣсяцъ, уже не жалуются на нужду и недостатокъ, а находятъ свое положеніе хорошимъ. Если средства ихъ случайно увеличиваются, то они не будутъ улучшать раньше всего свою житейскую обстановку, а непремѣнно пріобрѣтутъ лишнюю книгу, микроскопъ или какое-либо вспомогательное средство для своего ученія, или же подѣлятся съ домашними, къ которымъ они всегда очень привязаны.

Часто непосильный трудъ и нужда скоро сказываются: жизнь въ углахъ и различныхъ дешевыхъ помѣщеніяхъ, питаніе впроголодь въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ нерѣдко благотворительствуютъ во вредъ призрѣваемымъ и въ пользу призрѣвающихъ,—все это неминуемо приводитъ къ страданію, къ медленной изнурительной болѣзни, которая заставляетъ этихъ людей искать пріюта въ больницѣ, гдѣ они часто и погибаютъ.

Развитію этого типа въ чистомъ видѣ содѣйствуютъ любящая, мягкая, трудящаяся мать или другіе близкіе, живущіе въ постоянной нуждѣ и недостаткахъ; эти то лишенія и являются здѣсь угнетающими моментами. Сюда относятся, слѣдовательно, всѣ условія, требующія постоянной борьбы съ экономическими затрудненіями и пріучающія преодолѣвать ихъ трудомъ и настойчивостью. Этотъ типъ развивается въ бѣдной семьѣ, въ которой добрые и трудолюбивые родители все дѣлятъ съ своими дѣтьми и всегда отдаютъ имъ лучшую часть, но

эта часть почти никогда не удовлетворяетъ ихъ самыхъ скромныхъ потребностей. Ребенокъ привыкъ постоянно видѣть предъ собою нужду и недостатокъ своихъ родителей и лицъ, съ которыми онъ близко связанъ, къ которымъ пріучился относиться искренно и съ любовью. Онъ знаетъ и достаточно убѣдился на дѣлѣ, что ему даютъ и удѣляютъ все возможное; онъ видѣлъ, какъ часто дорогіе ему люди остаются сами безъ всего, и какъ вся жизнь ихъ проходитъ въ трудѣ и лишеніяхъ. Никогда ему не приходилось слышать ихъ жалобъ и выраженія недовольства своею участью, они терпятъ молча, весь свой досугъ они отдаютъ ребенку, охотно съ нимъ бесѣдуютъ и внимательно относятся ко всѣмъ его требованіямъ, удовлетворяя ихъ по мѣрѣ силъ и возможности. Онъ привыкаетъ видѣть въ трудѣ и лишеніи явленія обычныя, нормальныя. Онъ видѣлъ, какъ дома копили и собирали гроши, чтобы отправить его въ школу или дать возможность доѣхать до мѣста, гдѣ онъ можетъ продолжать свое образованіе или познакомиться съ извѣстнымъ ремесломъ или искусствомъ. Онъ не тревожится о томъ, какъ ему тамъ придется жить, хотя и не надѣется на гроши, которые могли бы ему прислать изъ дому; онъ даже скорѣе не желаетъ ихъ получать, зная, какимъ лишеніямъ черезъ это подвергаются самыя дорогія ему лица. Онъ надѣется только на работу и на свое умѣнье справляться съ нуждою. Вотъ главныя условія для развитія чистаго угнетеннаго типа.

Въ этомъ случаѣ нѣтъ примѣненія какихъ-либо оскорбляющихъ ребенка мѣръ; онъ видитъ во всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ какую-то неотразимую необходимость, которой и покоряется. Не чистый, а скорѣе переходный типъ появляется въ томъ случаѣ, если отецъ или мать требуютъ безусловнаго исполненія всѣхъ своихъ распоряженій и не допускаютъ никакого отступленія отъ своихъ требованій; въ этомъ случаѣ онъ все-таки находитъ или въ матери, или въ отцѣ, нянѣ, или въ комъ-либо изъ окружающихъ добраго, любящаго человѣка, съ которымъ иногда даже тайкомъ, какъ говорится, отводитъ свою душу. Въ этомъ лицѣ онъ все же находитъ справедливаго оцѣнщика своихъ дѣйствій, съ нимъ онъ дѣлится своими впечатлѣніями и провѣряетъ свои наблюденія и чувствованія. Но здѣсь все же существуетъ примѣненіе строгихъ мѣръ со стороны суроваго владыки семьи въ случаѣ

неповиновенія его требованіямъ, и, если изъ ребенка не развивается при этомъ злостно-забитый типъ, то только потому, что силу любящаго человѣка преодолѣть нельзя: она смягчаетъ и парализуетъ вліяніе произвольныхъ мѣръ. Нѣтъ нужды, чтобы послѣднія выражались непремѣнно тѣлеснымъ наказаніемъ; достаточно дѣйствовать холодною требовательностью, назойливостью и безотчетнымъ произволомъ. Понятно, что здѣсь говорится только объ условіяхъ, вліяющихъ въ семьѣ, такъ какъ, чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ рѣзче и сильнѣе вліяніе окружающихъ условій, тѣмъ сильнѣе и глубже дѣйствуетъ доброе и любящее вліяніе, и тѣмъ сильнѣе оно будетъ проявляться въ теченіе всей жизни. При одновременномъ вліяніи, слѣдовательно, строгой требовательности и произвола, съ одной стороны, и любящаго отношенія, съ другой, съ самыхъ первыхъ періодовъ жизни ребенка можетъ развиться этотъ другой видъ угнетеннаго типа: у него легко являются рѣзкость въ дѣйствіяхъ и подозрительность — качества, не принадлежащія чистому угнетенному типу, но составляющія уже послѣдствія примѣненныхъ мѣръ.

Разсмотримъ теперь связь между приведенными явленіями угнетеннаго типа и причинами, содѣйствующими развитію этихъ явленій. Къ самымъ выдающимся изъ нихъ принадлежатъ: скромность, трудолюбіе и стойкость, развившіяся подъ вліяніемъ борьбы съ угнетающими внѣшними условіями жизни при благопріятной нравственной обстановкѣ. Если прослѣдить за ходомъ развитія ребенка угнетеннаго типа, то нельзя не замѣтить у него отсутствія собственно дѣтскаго возраста; онъ какъ будто рано возмужалъ подъ вліяніемъ суровой дѣйствительности, которая его окружала. Онъ является въ школу съ такою привычкою къ труду, что даже избѣгаетъ здѣсь развлеченій своихъ товарищей, посвящая все свободное время учебнымъ занятіямъ или какой-либо другой работѣ. Привычка къ труду, усвоенная первоначально имитаціонно, потому что кругомъ всѣ трудятся, становится затѣмъ какъ бы физіологическою потребностью. Съ перваго момента своей сознательной жизни ребенокъ видѣлъ, какъ близкіе и любимые имъ люди безъ ропота и жалобъ заботятся и работаютъ для добыванія необходимыхъ средствъ. Онъ никогда не слышитъ отъ нихъ выраженія неудовольствія, а только иногда подмѣчаетъ заботливое выраженіе на лицѣ матери; видитъ, какъ часто она об-

дѣляетъ себя, чтобы только удовлетворить его потребности и, сколько возможно, избавить отъ нужды. Такое отношеніе заставляетъ ребенка внимательнѣе присматриваться ко всѣмъ дѣйствіямъ окружающихъ и больше подмѣчать то, о чемъ не говорятъ, но что бываетъ на дѣлѣ. Онъ замѣчаетъ, какъ иногда ему отдаютъ послѣднее, безропотно оставаясь безъ необходимаго.

При этомъ онъ много остается наединѣ; окружающіе его не свободны; они находятся при дѣлѣ и потому не могутъ предупредить всѣхъ случайностей и не въ состояніи всегда устранить ихъ неблагопріятныя дѣйствія, такъ что онъ самъ научается избѣгать ихъ, узнавая изъ опыта ихъ послѣдствія. Всѣ эти условія содѣйствуютъ развитію наблюдательности ребенка и увеличиваютъ его опытность, пріобрѣтенную имъ при ранней встрѣчѣ съ суровою дѣйствительностью.

Привязанность и любовь окружающихъ составляютъ необходимое условіе развитія этого типа, иначе непремѣнно явится забитый типъ. Только при этихъ условіяхъ ребенокъ внимательно будетъ присматриваться и слѣдить за всѣми дѣйствіями своихъ близкихъ и воспринимать ихъ, а также замѣчать тѣ лишенія, которыя его мать часто безмолвно терпитъ, отказываясь иногда въ его пользу отъ удовлетворенія самыхъ существенныхъ своихъ потребностей. Подмѣчая такой именно способъ дѣйствія матери, ребенокъ привязывается къ ней не внѣшнею ласкою и нѣжностью, а на основаніи замѣченныхъ имъ дѣйствій, указывающихъ на то вниманіе и участіе, съ которымъ къ нему относятся. Все это содѣйствуетъ той внимательности и деликатности въ отношеніяхъ такого ребенка, которыми онъ отличается; такое явленіе замѣчается еще только у добродушнаго ребенка, у всѣхъ же остальныхъ его нѣтъ: всѣ они эгоисты, знаютъ только свою личную выгоду и никогда не замѣтятъ нужды и требованій другого. Внѣшнія ласки и нѣжности приводятъ къ ложнымъ и лицемѣрнымъ отношеніямъ къ матери и вообще къ людямъ, между тѣмъ какъ отсутствіе ихъ и правдивое, внимательное и теплое отношеніе, а главное, преимущество, даваемое на дѣлѣ интересамъ любимаго лица передъ своими, всегда всего сильнѣе сближаютъ и связываютъ людей между собою.

Ребенокъ постоянно видитъ, сколько труда стоитъ окружающимъ добыть необходимое; онъ на опытѣ убѣдился въ томъ

участіи, съ которымъ къ нему относятся; поэтому онъ непремѣнно постарается помочь и этимъ, по возможности, облегчить трудъ и заботы матери. Онъ этимъ какъ будто отвѣчаетъ на то внимательное и деликатное отношеніе, которое раньше подмѣтилъ и которое уже научился цѣнить. Уже съ раннихъ лѣтъ онъ такимъ образомъ пріучается къ труду; результатъ этого труда не великъ, да онъ ему и не придаетъ никакого значенія; онъ вполнѣ счастливъ, если замѣтитъ, что хотя нѣсколько облегчилъ трудъ матери или чѣмъ-либо содѣйствовалъ при исполненіи извѣстной работы.

Серьезность, съ которой ребенокъ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ, замѣчательна: онъ обыкновенно готовъ взяться за всякую, подчасъ даже очень трудную задачу, поэтому онъ часто терпитъ неудачи. Это однако не останавливаетъ его; онъ только съ большею настойчивостью стремится добиться извѣстной цѣли и исполнить начатое. Такимъ образомъ развиваются его трудолюбіе и настойчивость при работѣ; частыя же неудачи дѣлаютъ его неувѣреннымъ въ своихъ силахъ, а незначительный эффектъ добытаго имъ результата при трудности для него работы и перенесенныхъ неудачахъ пріучаетъ его чрезвычайно скромно относиться къ своимъ силамъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ убѣждается, что настойчивымъ трудомъ все же можно преодолѣть различныя препятствія, съ которыми приходится встрѣчаться, и часто исправить неудачи. Всѣ эти условія содѣйствуютъ, слѣдовательно, развитію того трудолюбія, той скромности и деликатности, а также стойкости, какими отличается ребенокъ угнетеннаго типа, и которыя составляютъ послѣдствія его наблюдательности и опытности.

Постоянный трудъ и безпрерывная работа не совсѣмъ согласуются съ спокойнымъ разсужденіемъ надъ этою работою, такъ какъ при этомъ является обыкновенно слишкомъ много механическихъ занятій, при которыхъ приходится дѣйствовать преимущественно внѣшними пріемами. На опытѣ легко убѣдиться, что напряженный умственный трудъ чрезвычайно утомляетъ даже привыкшаго къ такому труду человѣка. Послѣдовательная умственная работа, продолжающаяся съ одинаковымъ напряженіемъ приблизительно около трехъ часовъ, требуетъ несомнѣнно большого навыка, и подъ конецъ этого времени все-же придется или усваивать памятью, или работать съ меньшимъ напряженіемъ. Повидимому, умственная работа съ

наибольшимъ напряженіемъ, при желаніи, напримѣръ, уловить основную идею какого-либо явленія или обобщить значеніе цѣлаго ряда аналогическихъ явленій и прійти такимъ путемъ къ истинѣ, возможна только въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ или даже моментально. Поэтому обыкновенно и предполагаютъ, что творческая работа можетъ быть только случайная, подъ вліяніемъ особеннаго свѣтлаго момента или врожденной способности. Врожденнаго тутъ ничего нѣтъ, необходима только извѣстная подготовка, чтобы въ моментъ полной бодрости поработать умственно съ наибольшимъ напряженіемъ и уловить или выяснить какую-либо идею или подмѣтить болѣе широкое ея значеніе. Это происходитъ обыкновенно подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія, возбудившаго мгновенно наибольшее напряженіе уже заранѣе подготовленныхъ способностей. Послѣ такихъ крайне сосредоточенныхъ и напряженныхъ умственныхъ усилій наступаетъ непремѣнно утомленіе и даже изнуреніе, продолжающееся довольно долго; въ такіе моменты часто нѣтъ возможности не только продолжать умственную работу, но даже видѣть какой-либо знакъ или букву, напоминающую о ней. Не хочется видѣть ни книги, ни даже газеты и вообще никакого печатнаго листа. Это однако уже крайнее проявленіе умственной работы, при которой въ наименьшій промежутокъ времени производится дѣйствительно наибольшая работа, въ особенности по своей ширинѣ и послѣдствіямъ, такъ какъ она во всякомъ случаѣ даетъ результатъ отвлеченный, идейный. Спокойный, медленный анализъ возможенъ въ гораздо бо́льшей мѣрѣ, но все-же и онъ приводитъ даже привычнаго человѣка къ скорому утомленію. Разсужденіе, въ основаніи котораго лежатъ явленія и образы привычной для насъ области, всего менѣе утомляетъ, но только въ томъ случаѣ, если оно постоянно чередуется съ механическимъ, или физическимъ, трудомъ; вслѣдствіе привычки оно не требуетъ такого напряженія, а потому можетъ продолжаться болѣе долгое время. При безпрерывномъ умственномъ трудѣ легко, незамѣтно для самого себя, перейти къ механическому усвоенію представленій; оно, несомнѣнно, легче, менѣе утомляетъ и допускаетъ болѣе продолжительную дѣятельность, такъ какъ производится при возможно меньшемъ напряженіи умственной дѣятельности. Такимъ образомъ, умственная работа—ведется ли она путемъ анализа, или синтеза—необходимо требуетъ времени и отдыха.

Но эти условія могутъ быть удовлетворены только при отсутствіи всякаго принужденія и насилія, только при спокойномъ сосредоточеніи надъ своею дѣятельностью, внѣ всякаго внѣшняго давленія и нужды; въ противномъ же случаѣ умственная дѣятельность будетъ угнетена тѣми условіями, которыя производятъ это давленіе, или принудительными и насильственными мѣрами, которыми на нее вліяютъ. Изъ этого слѣдуетъ, что только свободный и спокойный умственный трудъ безъ принужденія можетъ быть, дѣйствительно, плодотворенъ, хотя бы онъ продолжался даже небольшой промежутокъ времени, между тѣмъ какъ настойчивый, постоянный трудъ, направляемый имитаціей, привычкой или гнетущими обстоятельствами, можетъ развить память и часто вести къ неудачамъ, такъ какъ онъ знакомитъ насъ съ частными явленіями, не освѣщая ихъ отвлеченными понятіями и истинами. Такое проявленіе умственной дѣятельности возможно однакожъ только въ зрѣломъ возрастѣ, когда эти истины и понятія вполнѣ выяснены и усвоены рядомъ предшествовавшихъ работъ, которыми подготовляется, безъ сомнѣнія, дальнѣйшее развитіе сознательной дѣятельности молодого человѣка. Усваивая себѣ одни выводы и результаты различныхъ ученій, хотя бы и истинные, онъ никогда не будетъ въ состояніи примѣнить ихъ для выясненія себѣ частныхъ явленій, съ которыми встрѣчается; онъ станетъ развѣ только повторять ихъ безъ возможности примѣнить. Для послѣдняго необходимо активно пройти весь тотъ путь умственной работы, который ведетъ къ истинѣ; послѣ этого только можно научиться разбирать явленія и мысли, подводить ихъ подъ ту или другую общую идею, и наоборотъ, разлагать эти общія идеи, общіе выводы на частные образы, представленія и явленія, лежащія въ ихъ основаніи. Такимъ образомъ подготовляется умственная дѣятельность молодого человѣка къ критической оцѣнкѣ явленій и даже къ творчеству. Все это, безъ сомнѣнія, возможно при покоѣ и терпѣніи, при послѣдовательности и постепенности, при полномъ участіи въ работѣ самого лица и при отсутствіи всякаго гнета и насилія. Слѣдовательно, чѣмъ менѣе подготовки къ такому труду, тѣмъ медленнѣе и спокойнѣе необходимо дѣйствовать, заваливаться работою при этомъ положительно не слѣдуетъ. Раньше всего слѣдуетъ постепенно и послѣдовательно научиться владѣть своими физическими отправленіями

и дѣйствіями, а затѣмъ достигнуть того же въ умственной работѣ. Тогда только молодой человѣкъ становится зрѣлымъ и, безъ сомнѣнія, будетъ въ состояніи производить большую работу въ малый промежутокъ времени, такъ какъ пріучился наблюдать, понимать и творить.

Примѣромъ подобной дѣятельности и умѣнья владѣть своими умственными силами можетъ служить между прочимъ знаменитый математикъ Эйлеръ; онъ жилъ 78 лѣтъ (отъ 1705 до 1783 г.) и написалъ съ 1727 года 756 ученыхъ работъ; среднимъ числомъ выходитъ по 13,5 статей въ годъ; но до 1744 года онъ напечаталъ только 73 работы. Въ послѣднее же дѣсятилѣтіе своей жизни (съ 1774 до 1783 г.), будучи уже слѣпымъ, онъ напечаталъ 355 работъ, т. е. по 35,5 статей въ годъ по всѣмъ отраслямъ математическихъ наукъ [1]).

Угнетенный типъ намъ показываетъ, какъ первоначально имитаціонный, затѣмъ привычный трудъ можетъ сдѣлаться физіологическою потребностью, но все же онъ не будетъ содѣйствовать широкому умственному развитію. Ребенокъ этого типа не пріучается спокойно, безъ внѣшняго вмѣшательства наблюдать за разнообразными явленіями жизни и разсуждать надъ ними, и тѣхъ размышленій, которыя появляются у него, онъ не смѣняетъ веселою игрою, простыми развлеченіями и свободными проявленіями своихъ желаній и дѣйствій; напротивъ, его рано угнетаютъ тѣ сильныя, постоянныя и неотразимыя условія, которыя молчаливо переносятся любимыми имъ людьми, и которымъ онъ также молча покоряется, не рѣшаясь проявлять своихъ желаній или предаваться какимъ-либо развлеченіямъ или играмъ. У любимыхъ имъ людей нѣтъ времени и возможности рѣшать или содѣйствовать разрѣшенію всѣхъ появляющихся у него вопросовъ; они не могутъ поддерживать его разсужденій; они отдаютъ ему лучшее изъ того, что имѣютъ, но только не въ состояніи удалить отъ него всѣ угнетающія условія ихъ жизни и создать такія, которыя необходимы для болѣе широкаго умственнаго развитія. Условія ихъ жизни могутъ содѣйствовать развитію трудолюбія, стойкости, скромности и деликатности; они пріучатъ наблюдать за явленіями и будутъ содѣйствовать появленію опытности, но

---

[1]) Приведенныя здѣсь числовыя данныя переданы мнѣ академикомъ В. Г. Имшенецкимъ.

не выработаютъ ни анализа, ни пониманія явленій на основаніи отвлеченія, ни ширины взглядовъ, ни проявленія самостоятельной творческой силы. На основаніи практическаго опыта можетъ быть творчество, но только практическое, реальное, или, если такъ можно выразиться, „штучное“, а не отвлеченное, идейное.

То, что сказано въ отношеніи умственнаго труда имѣетъ такое же значеніе и въ отношеніи физическаго. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ онъ подвижнѣе, тѣмъ чаще онъ долженъ переходить отъ одного занятія къ другому, отъ одной работы къ другой. Нѣжный организмъ его, въ которомъ отдѣльныя части основы еще разъединены прослойками образовательной ткани, богатой сосудами, не можетъ подвергаться продолжительной или усиленной работѣ; отъ нея онъ непремѣнно будетъ страдать. Изслѣдованія основы туловища, и именно позвоночнаго столба, показали, что изъ всѣхъ скелетовъ, ежегодно приготовляемыхъ въ анатомическомъ кабинетѣ Военно-медицинской Академіи, 47—48,56% оказывается съ явными измѣненіями, указывающими на бывшія здѣсь страданія. Скелеты эти принадлежатъ людямъ рабочаго класса, и страданія ихъ составляютъ прямыя послѣдствія непосильнаго труда, въ особенности въ молодомъ возрастѣ (скелеты большею частью взяты отъ людей, умершихъ въ 20—40-лѣтнемъ возрастѣ). Многіе, безъ сомнѣнія, погибли въ остромъ періодѣ такихъ страданій, не оставляющемъ явныхъ измѣненій формы, и потому не вошли въ эти процентныя числа. Въ зрѣломъ возрастѣ организмъ въ состояніи выдержать гораздо болѣе тяжелыя физическія работы, которыя возможны безъ вреда для его здоровья въ продолженіе гораздо большаго промежутка времени.

Слѣдовательно, и въ отношеніи физическаго труда ребенка необходима полная непринужденность дѣйствій, отсутствіе работъ, требующихъ большого напряженія и усилія. Здѣсь раньше всего необходима частая перемѣна въ занятіяхъ, постепенность и послѣдовательность ихъ, веселый, непринужденный нравъ и отсутствіе угнетенія; плохія гигіеническія условія, главнымъ же образомъ отсутствіе истиннаго дѣтства, непремѣнно содѣйствуютъ хилости, частому заболѣванію и ранней смертности, которая, сколько приходилось видѣть, часто встрѣчается у дѣтей и вообще у людей угнетеннаго типа.

Все это необходимо помнить при школьномъ преподаваніи, гдѣ часто хлопочутъ только о томъ, чтобы дѣти не разсуждали,

а только учились, что совершенно несогласно съ задачею школы, съ требованіями гармоническаго развитія умственной дѣятельности и истинно-человѣческихъ качествъ. Приходилось воочію видѣть всѣ грустныя послѣдствія угнетенія, предпринимаемаго для возстановленія порядка въ учебныхъ заведеніяхъ. Общая апатія и проявленія самыхъ низкихъ животныхъ инстинктовъ были послѣдствіями его. Ихъ можно было ожидать, и они явились въ ужасающей формѣ. Водка, карты, развратъ, драки, клевета и т. д., и т. д.,—вотъ что породило угнетеніе; идеи исчезли, отвлеченія не было и слѣда, исчезли люди, остались одни животныя.

Нерѣшительность и неудачи часто доводятъ до крайней неувѣренности въ личныхъ своихъ качествахъ и силахъ. Какъ это явленіе, такъ и отсутствіе истинныхъ эстетическихъ проявленій составляютъ не что другое, какъ слѣдствіе недостатка твердыхъ отвлеченныхъ основъ, при помощи которыхъ легче избѣгаются неудачи, и является возможность понимать значеніе эстетическихъ явленій. При характеристикѣ ребенка угнетеннаго типа была уже указана въ числѣ его рѣзкихъ особенностей стойкость въ отношеніи своихъ рѣшеній, выносливость различныхъ лишеній, сдержанность въ отношеніи чувствованій. Онъ очень стоекъ и твердъ и не легко поддается постороннимъ вліяніямъ. Раньше уже говорилось, что характеръ человѣка зависитъ отъ отношенія волевыхъ его проявленій къ чувствованіямъ. Съ раннихъ лѣтъ ребенокъ привыкъ подчиняться необходимости, сдерживать и ограничивать свои желанія и требованія. Онъ пріучился выносить голодъ и жажду и удовлетворять ихъ вообще небольшими количествами пищи, при чемъ никогда не хлопоталъ объ удовлетвореніи вкусовыхъ ощущеній. Онъ знакомъ съ непосредственнымъ вліяніемъ холода, сырости и спокойно переноситъ ихъ; не привыкъ онъ также подвергать свое обоняніе пріятнымъ ощущеніямъ. Онъ можетъ не поддаваться утомленію и усталости и не ласкать свой слухъ одними гармоничными звуками. Онъ не баловался мягкими подушками и подстилками и не привыкъ къ внѣшнимъ ласкамъ и щекотаніямъ, а умѣетъ отдохнуть и на твердомъ и не всегда удобномъ ложѣ. Вслѣдствіе всего этого онъ пріучился первоначально владѣть всѣми чувствованіями, появляющимися при отправленіяхъ растительной жизни и движеніяхъ, и не допускать ихъ развитія. За-

тѣмъ совершенно такимъ же образомъ ребенокъ дѣйствуетъ и въ отношеніи психическихъ проявленій. Это—общее явленіе, общій законъ, по которому человѣкъ первоначально пріучается относиться извѣстнымъ способомъ ко всякимъ непосредственнымъ вліяніямъ и раздраженіямъ, а затѣмъ такимъ же образомъ относится и къ соотвѣтствующимъ психическимъ проявленіямъ.

Точнѣе всего это положеніе изучается, какъ уже сказано, на выраженіи лица: раньше всего человѣкъ пріучается производить сокращенія мышцъ, окружающихъ органы высшихъ чувствъ, подъ вліяніемъ получаемыхъ послѣдними впечатлѣній, а затѣмъ производитъ такія же сокращенія подъ вліяніемъ чувствованій, соотвѣтствующихъ этимъ впечатлѣніямъ, при чемъ степень сокращенія и число участвующихъ мышечныхъ группъ прямо пропорціональны силѣ впечатлѣнія. То же самое, какъ это выяснится послѣ, имѣетъ полное значеніе при развитіи характера человѣка. Наблюденіе угнетеннаго типа даетъ совершенное подтвержденіе этого положенія, на основаніи котораго можно хорошо выяснить себѣ причинную связь замѣчаемыхъ у него явленій. Ребенокъ этого типа пріучается очень рано задерживать свои желанія и реальныя потребности, онъ привыкаетъ удовлетворять этимъ потребностямъ въ самой ограниченной степени и постоянно покоряться необходимости, не жалѣя при этомъ своихъ трудовъ и силъ. То же самое является потомъ во всѣхъ психическихъ и нравственныхъ его качествахъ; онъ скроменъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, тратитъ очень много силъ и не допускаетъ, и не находитъ у себя никакихъ талантовъ и способностей; онъ сильно привязанъ и можетъ сильно любить, удовлетворяясь при этомъ только вниманіемъ и простыми отношеніями. Онъ не жалѣетъ силъ и труда и терпитъ различныя лишенія, лишь бы только преодолѣть извѣстное препятствіе, не употребляя никакихъ обходныхъ путей и не облегчая себя при этомъ ложнымъ дѣйствіемъ; онъ правдивъ, откровененъ и искренъ во всѣхъ отношеніяхъ, никогда не отступаетъ отъ объективной почвы и не облегчаетъ себѣ пути пустою фразою, ложнымъ видомъ, формою, рѣчью или мыслью. Напротивъ, онъ обыкновенно тратитъ свой трудъ съ избыткомъ, между тѣмъ какъ знаетъ его значеніе, потому что дорого цѣнитъ его у другихъ при необходимости пользоваться послѣднимъ. Онъ благодаренъ за малѣйшее вниманіе,

оказанное лично ему, часто бережливъ, но всегда готовъ подѣлиться своимъ достояніемъ и никогда не разсчитываетъ извлечь изъ своихъ услугъ какую-либо выгоду. Онъ привыкъ и умѣетъ задерживать свои требованія на основаніи своего опыта и наблюденія, которые объективно показываютъ ему все значеніе необходимости, такъ что у него наблюдаются собственно не волевыя проявленія, основанныя на идеѣ и отвлеченныхъ истинахъ, а проявленія, сдерживаемыя на основаніи житейскаго опыта и знакомства съ необходимостью. Вообще, ребенокъ этого типа отличается своею наблюдательностью и опытностью, но только постоянный трудъ препятствуетъ ему задумываться надъ получаемыми впечатлѣніями и сознательно переходить отъ нихъ къ отвлеченнымъ понятіямъ; они усваиваются только памятью и остаются у него какъ будто въ видѣ однихъ реальныхъ образовъ, не освѣщенныхъ разносторонней критикой. Условія, при которыхъ онъ живетъ, заставляютъ его внимательно относиться къ окружающимъ его вліяніямъ, слѣдить за ними и внѣшне усваивать ихъ себѣ; постоянная встрѣча съ дѣйствительностью дѣлаетъ его опытнымъ, но недостаточная постепенность этого явленія, рѣзкость и случайность его, невозможность всегда выяснить себѣ причинную связь явленій и провѣрить свои разсужденія въ разумной бесѣдѣ съ другимъ лицомъ, наконецъ, часто необходимость быстраго дѣйствія, — все это уменьшаетъ у него возможность относиться къ своему опыту съ достаточнымъ анализомъ и усвоить себѣ все его значеніе.

Самое характерное различіе между угнетеннымъ и добродушнымъ типомъ составляетъ недостатокъ отвлеченія и привычки къ спокойному разсужденію надъ явленіями у перваго; усвоеніе имъ знаній, впечатлѣній и представленій болѣе, чѣмъ понятій, а вслѣдствіе этого недостатокъ въ иниціативѣ и самостоятельности, въ умѣньи обобщать и отвлеченно мыслить. Человѣкъ добродушнаго типа всегда идеалистъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и разсужденіяхъ, чего нельзя сказать о человѣкѣ угнетеннаго типа; послѣдній, напротивъ, реалистъ, вполнѣ владѣющій своими чувствованіями и руководящійся въ дѣйствіяхъ своею наблюдательностью и опытностью. Доброе, мягкое отношеніе лицъ послѣдняго типа къ окружающимъ и товарищамъ составляетъ также слѣдствіе его опытности: онъ хорошо знакомъ съ неудачами, всякими лишеніями и стра-

даніями; хотя онъ и переноситъ все это молча, но, увидавъ что-либо подобное у другого, онъ всегда готовъ, не жалѣя себя и какъ бы забывая о себѣ, отдать все, чтобы только облегчить участь или помочь страждущему и оскорбленному. Объективная, неувлекающаяся натура его заставляетъ его быть всегда справедливымъ и правдивымъ и искать себѣ утѣшенія въ искренней и глубокой вѣрѣ. Искренно вѣруя самъ, онъ всегда очень остороженъ и терпимъ въ отношеніи другихъ, стараясь предупредить и избѣжать всего, что можетъ оскорбить или даже непріятно повліять на духовныя и нравственныя убѣжденія другихъ. Не допуская у себя никакихъ способностей и талантовъ, онъ скромно держится въ сторонѣ, иногда даже стѣсняется другихъ и избѣгаетъ или уходитъ отъ оскорбителей. Зная изъ опыта, какъ часто ошибаются въ людяхъ, и привыкши быть всегда правдивымъ, непосредственнымъ, участливымъ и искреннимъ въ своихъ дѣлахъ и мысляхъ, онъ всегда старается объяснить дѣйствія и поступки другихъ въ лучшую сторону, опасаясь ошибокъ и недоразумѣній или неточности сообщаемыхъ свѣдѣній.

При разборѣ мягко-забитаго типа говорилось, что у лицъ этого типа такъ же, какъ и у лицемѣровъ, замѣчается самоувѣренность, доходящая часто до нахальства, въ особенности у послѣднихъ. Это явленіе было объяснено легкимъ отношеніемъ къ дѣлу и незнакомствомъ съ трудовою жизнью, съ трудностью умственной работы, приводящей къ пониманію явленій. При знакомствѣ съ лицами угнетеннаго типа вполнѣ подтверждается это мнѣніе, или, по крайней мѣрѣ, наблюдаются явленія, согласныя съ этими объясненіями. Такія лица хорошо знакомы съ трудомъ и терпѣли немало неудачъ; поэтому они твердо знаютъ, какъ трудно усваиваются знанія, которыя лежатъ въ основаніи ихъ дѣйствій, постоянно опасаются ошибокъ и не увѣрены въ основательности своихъ знаній или въ точности и вѣрности предполагаемаго или ожидаемаго результата. Обыкновенно замѣчается, что при недостаткѣ отвлеченія и опытности чѣмъ меньше знаній и въ особенности пониманія, тѣмъ больше самоувѣренности и даже нахальства, и наоборотъ; это вполнѣ подтверждается при изученіи лицъ мягко-забитаго и въ особенности лицемѣрнаго типа.

Знакомство съ угнетеннымъ типомъ и выясненіе причинной связи замѣчаемыхъ у него явленій показываютъ все зна-

ченіе непосильнаго ранняго труда какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. При этомъ обыкновенно смѣшиваютъ вліяніе труда на взрослаго съ значеніемъ его для ребенка, что далеко не одно и то же; вліяніе это будетъ настолько различно, насколько различны организація и постройка организма взрослаго и ребенка. Какъ психическія, такъ и механическія вліянія всегда очень сильно дѣйствуютъ на организмъ ребенка и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ моложе. Всякое сильное вліяніе непремѣнно понижаетъ энергію тканей, на которыя оно дѣйствуетъ, что неминуемо ведетъ къ ослабленію ихъ отправленій, къ апатіи и раньше всего къ пониженію самостоятельной дѣятельности человѣка. Угнетающее вліяніе лишеній и непосильнаго труда непремѣнно должно неблагопріятно дѣйствовать на молодой, нѣжный организмъ и при постоянствѣ этихъ вліяній неминуемо должно привести къ страданіямъ, что чрезвычайно часто и замѣчается у лицъ этого типа. Мертвенная блѣдность и всѣ послѣдствія истощенія и изнуренія часто наблюдаются у нихъ, и только терпѣніе, выносливость и привычка къ лишеніямъ заставляютъ ихъ молчаливо страдать и часто даже отрицать у себя всякія страданія.

Этимъ заканчивается разборъ тѣхъ выдающихся типовъ, которые обыкновенно уже достаточно рѣзко выражены при появленіи дѣтей въ школѣ и составляютъ, стало быть, главнымъ образомъ результатъ семейнаго воспитанія или слѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ ребенокъ провелъ свою до-школьную жизнь. Необходимо твердо помнить, что здѣсь говорится только о школьномъ возрастѣ, и что каждый типъ составляетъ только отвлеченный образъ, не принадлежащій одному лицу, а появляющійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ опредѣленныхъ причинъ и составляющій неминуемое ихъ послѣдствіе.

Приведенные типы прямо можно связать съ степенью умственнаго и нравственнаго развитія ребенка въ семьѣ. Лицемѣрный типъ отличается главнымъ образомъ внѣшними своими проявленіями; онъ видоизмѣняется и приспособляетъ свою внѣшность и всѣ свои дѣйствія къ условіямъ, при которыхъ онъ живетъ, и при которыхъ ему приходится дѣйствовать. Проявленія его настолько внѣшни, что, повидимому, они будутъ по существу преимущественно рефлекторно-опытныя и отчасти подражательныя. Внѣшнія проявленія, основанныя на непосредственномъ удовлетвореніи животныхъ потребностей, на матері-

альной выгодѣ и подражаніи, указываютъ, несомнѣнно, на слабое умственное развитіе и на недостатокъ нравственныхъ основаній. Типъ ребенка, слѣдовательно, находится въ прямой зависимости отъ степени умственнаго и нравственнаго его развитія; это — главная мысль, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ приведенныхъ наблюденій и ихъ теоретическихъ объясненій. Поэтому описанные здѣсь типы не произвольны и не случайны, но соотвѣтствуютъ различнымъ степенямъ умственнаго и нравственнаго развитія ребенка, при чемъ первая степень, съ малосознательными отраженно-опытными проявленіями, соотвѣтствуетъ лицемѣрному и мягко-забитому типамъ. Вторая степень, съ развитіемъ подражательно-разсудочныхъ проявленій и односторонних чувствованій, соотвѣтствуетъ честолюбивому и злостно-забитому типамъ, и наконецъ, третья степень, съ разумно-самостоятельными проявленіями, выраженными либо въ видѣ разсужденій, либо въ видѣ физическаго труда, соотвѣтствуетъ добродушному и угнетенному типамъ. Правдивость является главнымъ характеристическимъ признакомъ ребенка этихъ послѣднихъ типовъ. Эти три степени развитія соотвѣтствуютъ степенямъ развитія органовъ отраженно (рефлекторно)-опытной умственной дѣятельности, подражательно-разсудочной дѣятельности, выражаемой желаніемъ или хотѣніемъ, или органовъ нагляднаго воспріятія и дѣйствія, и органовъ разумно-самостоятельной, или волевой, дѣятельности. Органовъ промежуточныхъ между ними нѣтъ, поэтому всевозможныя видоизмѣненія въ ихъ развитіи и проявленіи могутъ быть только въ этихъ, а не въ какихъ-либо другихъ промежуточныхъ органахъ. Ясно, что и основныхъ типовъ можетъ быть поэтому только три. Условія, задерживающія умственное развитіе, а также примѣненіе различныхъ мѣръ, понижающихъ впечатлительность, содѣйствуютъ появленію типовъ, описанныхъ подъ названіемъ мягко-забитаго, или заласканнаго, злостно-забитаго и угнетеннаго; опять же и здѣсь нѣтъ ни случайности, ни произвола при описаніи. Здѣсь могутъ быть ошибки въ наблюденіи и въ особенности въ выясненіи, но одно вѣрно: всѣ типичныя явленія, замѣчаемыя у ребенка въ школѣ, составляютъ неминуемое и неотразимое послѣдствіе условій, при которыхъ онъ жилъ въ до-школьномъ періодѣ. Точно такъ же, какъ получится непремѣнно опредѣленная химическая реакція при соединеніи опредѣленныхъ тѣлъ въ пробирномъ

цилиндрѣ, точно такъ же, какъ вліяніе извѣстныхъ физическихъ силъ неминуемо проявится при существованіи необходимыхъ для этого условій, точно такимъ же образомъ неминуемо, неотразимо появятся и опредѣленныя послѣдствія при дѣйствіи извѣстныхъ условій на организмъ человѣка. Выясняя себѣ основную идею постройки человѣческаго организма и его отправленія, твердо и неопровержимо убѣждаемся въ неминуемости опредѣленныхъ послѣдствій при дѣйствіи извѣстныхъ причинъ. Изученіе анатоміи положительно показываетъ существующую здѣсь причинную связь, если только при этомъ изученіи не ограничиваться однѣми внѣшними формами, а стараться выяснить себѣ значеніе существующихъ здѣсь формъ и ту идею назначенія данной части, которую осуществляетъ эта форма, этотъ наружный видъ. Описанные типы составляютъ не что другое, какъ отвлеченные образы тѣхъ частныхъ формъ или проявленій, съ которыми дѣти появляются въ школѣ; понятно, какое важное значеніе для воспитателя получаютъ эти формы и проявленія, когда онъ выяснитъ себѣ *значеніе ихъ и ту идею, которая лежитъ въ основаніи этихъ формъ и проявленій, и которую они осуществляютъ*. Рядомъ приведенныхъ типовъ желательно только выяснить значеніе лжи со всѣми ея видоизмѣненіями въ лицемѣрномъ типѣ, чувствованія первенства или величія—въ честолюбивомъ, правды—въ добродушномъ и гнета во всѣхъ остальныхъ типахъ, а также, по возможности, прослѣдить за причинами, послужившими основаніемъ для развитія этихъ чувствованій и идей. Понятно, что это только антропологическій этюдъ, который можетъ служить основаніемъ для выясненія метода наблюденій за ребенкомъ и установленія причинной связи замѣчаемыхъ у него явленій. Только на основаніи выясненія этой причинной связи возможно перейти съ почвы произвола къ собиранію научныхъ истинъ и къ основаннымъ на нихъ объективнымъ дѣйствіямъ.

Только на идеяхъ и истинахъ можно сойтись и основать свои дѣйствія; ихъ, слѣдовательно, и необходимо раньше всего разработать, а затѣмъ уже говорить о наукѣ о воспитаніи.

СЕМЕЙНОЕ
ВОСПИТАНІЕ РЕБЕНКА
И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

Основныя проявленія ребенка: темпераментъ, типъ и характеръ.

Основныя проявленія ребенка и ихъ значеніе.

При выясненіи нормальнаго типа необходимо измѣнить методъ изложенія, котораго приходилось держаться при описаніи „школьныхъ типовъ“. Тамъ было уже нѣчто готовое, такъ или иначе сложившееся, такъ что приходилось только выяснять, по возможности, причины замѣченныхъ явленій и приводить ихъ въ связь между собой. Нормальный же типъ не представляется въ видѣ реальнаго объекта для наблюденія; пока онъ можетъ быть созданъ только въ идеалѣ. Проявленія этого типа, его существенные признаки должны предстать предъ нами въ видѣ окончательнаго вывода изъ изученія условій, при которыхъ возможно нормальное развитіе ребенка, подразумѣвая подъ этимъ полное соотвѣтствіе между физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ лица во время семейной его жизни. Впослѣдствіи придется коснуться и вліянія наслѣдственной передачи, и условій утробной жизни и затѣмъ съ момента появленія ребенка на свѣтъ прослѣдить шагъ за шагомъ всѣ анатомо-физіологическія измѣненія, происходящія въ его организмѣ, и ихъ уклоненія отъ нормы, чтобы показать, какія явленія роста и развитія слѣдуетъ считать желательными для того, чтобы ребенокъ могъ появиться въ школѣ въ видѣ цѣльнаго нормальнаго типа. Здѣсь также придется коснуться природы индивидуальныхъ особенностей организаціи, отъ которыхъ зависятъ какъ физическія качества человѣка, такъ и всѣ физіологическія и душевныя его проявленія. Въ настоящемъ разборѣ будутъ, слѣдовательно, изложены тѣ данныя, съ помощью которыхъ имѣется въ виду облегчить главную и существенную задачу воспитанія: *поставить ребенка въ условія, при которыхъ онъ могъ бы свободно*

и гармонически развиваться какъ физически, такъ и умственно, и нравственно. Намѣченная задача, безъ сомнѣнія, очень трудна, поэтому необходимо сойти здѣсь съ исключительно личной точки зрѣнія и собрать возможно больше матеріала, чтобы на объективной, научной почвѣ выяснить значеніе всѣхъ условій для роста и развитія ребенка.

Раньше всего необходимо выяснить, что называть темпераментомъ, типомъ, характеромъ ребенка, и какія его свойства могутъ быть названы наслѣдственными. Термины эти требуютъ самаго строгаго опредѣленія, иначе трудно справиться съ тѣмъ хаосомъ, съ которымъ въ этомъ отношеніи приходится встрѣчаться въ педагогической литературѣ. Темпераментъ и характеръ, напримѣръ, принимаютъ за одно и то же; такъ, Ушинскій говоритъ какъ о желчномъ темпераментѣ, такъ и о желчномъ характерѣ [1]). Типъ отъ темперамента и характера также не отличаютъ, хотя съ научной точки зрѣнія наврядъ ли это будетъ выгодно. Разберемъ всѣ эти термины и выраженія по очереди.

---

[1]) Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. С.-Петербургъ. 1881. Т. II, стр. 327 и 329.

1. Темпераментъ.

Темпераментомъ, въ самомъ древнемъ его значеніи, называли степень и качество чувствованія человѣка въ зависимости отъ состава его крови. Поэтому и различали, по Галену, четыре темперамента: сангвинический, меланхолический, холерическій и флегматическій. Кантъ [1]) различаетъ у человѣка: 1) природное его свойство (Naturell), 2) темпераментъ и 3) характеръ. Природное свойство, природныя дарованія, или способности человѣка, а также темпераментъ, или способность его чувствовать и проявлять свои чувствованія (Sinnesart), указываютъ на то, чѣмъ человѣкъ можетъ быть, а характеръ, или способъ мышленія (Denkungsart), — что онъ изъ себя намѣренъ сдѣлать.

Въ физіологическомъ отношеніи, говоритъ Кантъ, подъ темпераментомъ понимаютъ конституцію тѣла (слабое или крѣпкое его строеніе) или его комплекцію, зависящую главнымъ образомъ отъ качества, состава и движенія крови. Если разсматривать темпераментъ съ психологической точки зрѣнія, т. е. какъ темпераментъ души (способности чувствованія и желанія), то приведенныя выраженія, взятыя изъ качества крови, доступны представленію только по аналогіи игры чувствованій и желаній съ причинами, вызывающими въ тѣлѣ движенія (изъ которыхъ кровь имѣетъ первенствующее значеніе). Связь между физіологическимъ и психологическимъ темпераментомъ предполагается здѣсь только по аналогіи, существующей между внѣшними проявленіями чувствованій и желаній и причинами, возбуждающими движенія въ тѣлѣ.

---

[1]) Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. 3 Aufl. Leipzig. 1880, стр. 205 — 227.

Кантъ раздѣляетъ темпераменты на темпераменты чувствованія и темпераменты дѣятельности, съ подраздѣленіемъ каждаго изъ нихъ на два вида, смотря по тому, связаны ли они съ напряженіемъ (intensio) жизненной силы, или съ ослабленіемъ (remissio) ея, и именно: темпераменты чувствованія онъ раздѣляетъ на темпераментъ легкокровный (сангвинический) и тяжелокровный (меланхолическій), а темпераменты дѣятельности на теплокровный (холерическій) и хладнокровный (флегматическій).

Вундтъ [1]) говоритъ, что темпераментъ есть индивидуальное предрасположеніе души къ душевнымъ движеніямъ. Точно такъ же, какъ раздраженіе относится къ ощущеніямъ, такъ и темпераментъ относится къ желанію и аффекту. Личныя проявленія душевныхъ движеній могутъ отличаться какъ по своей силѣ, такъ и по скорости. Различая такимъ образомъ сильные и слабые, быстрые и медленные темпераменты, Вундтъ сопоставляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

		сильно:	слабо:
быстро	=	холерическій	сангвинический.
медленно	=	меланхолическій	флегматическій.

Ушинскій [2]), который смѣшиваетъ темпераментъ и характеръ, замѣняя одинъ терминъ другимъ, неувѣренно относится къ врожденности этихъ проявленій. Онъ говоритъ: „Воспитатель—критикъ еще болѣе обыкновеннаго наблюдателя человѣческой природы—практически убѣждается, что тѣ самыя черты характера, которыя приписываются какъ врожденныя тому или другому темпераменту, бываютъ очень часто слѣдствіемъ воспитанія. Иначе воспитатель не говорилъ бы вамъ безпрестанно, что можно запугать дитя и сдѣлать его робкимъ, что можно сдѣлать дитя тупымъ, лѣнивымъ, злымъ, и что все это зависитъ отъ воспитательнаго вліянія семьи, школы и вообще жизни. Однакоже и воспитатель знаетъ, что есть что-то такое, врожденное человѣку и обнаруживающееся въ способѣ его мышленія, чувствованія и дѣятельности, что приносится каждымъ ребенкомъ, какъ нѣчто готовое, и что можетъ быть или усилено, или ослаблено вліяніями жизни и воспитанія, но не

[1]) Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig. 1874, стр. 816.
[2]) Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Т. II, стр. 329.

можетъ быть вполнѣ искоренено, и что, во всякомъ случаѣ, воспитаніе должно принять, какъ нѣчто готовое, уже принесенное ребенкомъ при самомъ рожденіи. Изъ этого мы можемъ вывести, наоборотъ, что въ знаменитыхъ картинахъ темпераментовъ есть своя доля правды, но что этой правды не легко доискаться".

Изъ только что приведеннаго видно, какая является путаница у воспитателя, если онъ не отличаетъ темперамента отъ характера и отъ типа. Далѣе будетъ выяснено, насколько необходимо и важно точное опредѣленіе врожденности явленій, замѣчаемыхъ у ребенка.

Физіологически какъ древніе авторы, начиная съ Гиппократа и Галена, такъ и Кантъ отыскивали причину темперамента въ самомъ строеніи человѣческаго организма и въ особенности въ составѣ его соковъ или главнымъ образомъ въ качествѣ и составѣ крови, и поэтому принимали темпераментъ за качество врожденное и уже этимъ отличающееся отъ характера. Вундтъ не высказывается, насколько принимаемое имъ предрасположеніе души связано съ тѣлеснымъ строеніемъ и составомъ крови. Но, какое сильное вліяніе волевыхъ отправленій онъ допускаетъ на темпераментъ, можно заключить изъ того, что, по его мнѣнію, настоящее искусство жить должно состоять въ томъ, чтобы человѣкъ обладалъ не однимъ темпераментомъ, но соединялъ бы въ себѣ всѣ. Онъ долженъ быть сангвиникомъ (дѣйствовать быстро, но слабо) подъ вліяніемъ мелкихъ невзгодъ и радостей ежедневной жизни; меланхоликомъ (дѣйствовать медленно, но сильно) въ серьезныхъ моментахъ важныхъ событій въ жизни; холерикомъ (дѣйствовать быстро и сильно) въ случаяхъ, касающихся серьезныхъ его интересовъ, и флегматикомъ (дѣйствовать медленно и слабо) въ исполненіи предпринятыхъ рѣшеній.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ можно себѣ выяснить темпераментъ на основаніи существующихъ антропологическихъ данныхъ.

Темпераментомъ можно назвать степень дѣйствій и чувствованій, проявляемыхъ отдѣльнымъ лицомъ, и распредѣленіе этого проявленія по времени, т. е. силу и быстроту проявленія дѣйствій и чувствованій, а также силу и быстроту развитія желаній отдѣльнаго лица. Можно еще опредѣлить темпераментъ и такимъ образомъ, что это будетъ *степень возбу-*

димости организма отъ внѣшнихъ и внутреннихъ стимуловъ и продолжительность его реакціи на послѣдовавшее возбужденіе. Темпераментъ необходимо отличать отъ характера, зависящаго исключительно отъ отношенія волевыхъ отправленій къ ощущеніямъ и чувствованіямъ. Необходимо отличать темпераментъ и отъ типа, зависящаго отъ степени умственнаго развитія лица и въ особенности отъ его отношенія къ правдѣ. Напримѣръ, нельзя говорить о типѣ или характерѣ новорожденнаго, а можно опредѣлить его темпераментъ. Ребенокъ школьнаго возраста добродушнаго типа можетъ быть флегматикомъ, но такой ребенокъ можетъ быть и всякаго другого темперамента. То же самое можно сказать и о лицѣ всякаго другого типа. Взрослый можетъ быть твердаго и слабаго характера независимо отъ его темперамента.

Если придерживаться даннаго сейчасъ опредѣленія темперамента, то главнымъ признакомъ является сила и быстрота дѣйствій и чувствованій; эти признаки и должны ложиться въ основаніе раздѣленія, тѣмъ болѣе, что имъ будетъ соотвѣтствовать древнее раздѣленіе на четыре темперамента, какъ это видно изъ дѣленія Вундта. Характеристика этихъ главныхъ видовъ темперамента будетъ основываться только на силѣ и быстротѣ развитія чувствованій, ихъ проявленій и дѣйствій.

Сангвиническій темпераментъ, съ быстрыми, но слабыми чувствованіями и проявленіями; человѣкъ такого темперамента быстро на все накидывается и такъ же легко все бросаетъ и обо всемъ забываетъ; онъ сговорчивъ, всему сочувствуетъ, легко сближается и дружится, но у него все такъ же скоро исчезаетъ и расторгается; постоянства и устойчивости мало, все измѣнчиво и легко забывается.

Меланхолическій темпераментъ, съ медленными и сильными проявленіями, отличается какъ разъ противоположными качествами[1]); человѣкъ съ такимъ темпераментомъ медленно на все рѣшается, вездѣ усматриваетъ препятствія и отыскиваетъ постоянно причины къ опасеніямъ.

---

[1]) При этомъ необходимо помнить, что человѣкъ съ меланхолическимъ темпераментомъ, какъ это вѣрно замѣчаетъ Кантъ, не будетъ еще меланхоликомъ, ибо послѣднее будетъ уже состояніемъ, а темпераментъ можетъ быть только предрасположеніемъ къ состоянію.

Онъ несговорчивъ и сильно придерживается своихъ привычекъ и разъ принятыхъ обычаевъ, но все это не изъ нравственныхъ основаній (на это уже указываетъ Кантъ) или размышленій, а подъ вліяніемъ сильно развитыхъ чувствованій. Человѣкъ меланхолическаго темперамента медленно дружится, но, разъ побѣждены имъ всѣ встрѣтившіяся у него подозрѣнія, онъ глубоко и сильно привязывается. Медленность въ развитіи чувствованій препятствуетъ у лицъ этого темперамента всякимъ рѣзкимъ проявленіямъ, а также проявленіямъ радости.

Холерическій темпераментъ—съ быстрыми и сильными проявленіями. Быстро развивающіяся чувствованія сопровождаются рѣзкими и порывистыми дѣйствіями, усиливающимися отъ всякаго сопротивленія. Ребенокъ холерическаго темперамента дѣйствуетъ быстро и рѣшительно, но онъ неохотно продолжаетъ болѣе однообразную дѣятельность; вообще и чувствованія такого лица быстры и сильны, но не продолжительны, если не будутъ вліять прибавочные моменты раздраженія. Холерическій темпераментъ часто смѣшиваютъ съ честолюбивымъ типомъ, но это невѣрно. Холерическій темпераментъ предрасполагаетъ къ сильнымъ чувствованіямъ и къ страстнымъ проявленіямъ, а у лицъ честолюбиваго типа уже развито опредѣленное чувствованіе первенства, которое можетъ проявляться въ различной степени и съ различной силой, такъ что честолюбцемъ можетъ быть и лицо даже флегматическаго темперамента.

Флегматическій темпераментъ—съ медленными и слабыми чувствованіями и проявленіями. Вялость (флегму) не должно смѣшивать съ лѣнью: первое явленіе зависитъ отъ слабой возбуждаемости, а послѣднее есть пониженіе дѣятельности вслѣдствіе притупленія впечатлительности. При флегматическомъ темпераментѣ дѣятельность проявляется медленно, такъ сказать, малыми пріемами, но можетъ продолжаться очень долго; чувствованія развиваются медленно и слабо, но зато такъ же медленно и исчезаютъ, и поэтому всегда отличаются своимъ постоянствомъ или, вѣрнѣе сказать, инертностью.

Все это будутъ главные виды темперамента; норма должна быть между ними. Лицо съ нормальнымъ темпераментомъ должно быть въ состояніи соразмѣрять силу и быстроту своихъ

чувствованій и проявленій соотвѣтственно съ своими умственными и нравственными требованіями.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ можно выяснить и связать только что описанныя явленія темпераментовъ съ органическими процессами тѣла и его постройкой. Какъ уже сказано, темпераментъ человѣка связывали главнымъ образомъ съ составомъ и движеніемъ крови, но все же эту связь проводили и выясняли недостаточно послѣдовательно, часто даже приходили къ заключенію, что еще невозможно выяснить себѣ существующія здѣсь явленія и привести ихъ въ желанную связь съ строеніемъ и отправленіями человѣческаго организма. Попытаемся найти искомое.

При посѣщеніи большихъ воспитательныхъ домовъ и при сравненіи здѣсь новорожденныхъ между собой легко убѣдиться, что всѣ они различаются между собой не столько чертами лица, сколько силой и быстротой своихъ жизненныхъ проявленій. Одинъ подвижнѣе, голосъ его сильнѣе, на всякое раздраженіе онъ сильнѣе реагируетъ, свое неудовольствіе выражаетъ довольно рѣзкими движеніями; другой, напротивъ того, вялый, медленно двигается, голосъ слабый, медленно и слабо реагируетъ на раздраженіе. Дѣти могутъ быть различной величины и вѣса, покровы ихъ могутъ различаться по своему цвѣту, или же величина и вѣсъ у нихъ могутъ быть и сходны, а между тѣмъ замѣчаемыя проявленія будутъ рѣзко отличаться между собой и будутъ даже противоположны. При посѣщеніи такихъ заведеній всегда приходилось слышать, что новорожденныхъ очень легко смѣшать между собой, и что главныя замѣчаемыя въ нихъ различія, это—голосъ, большая или меньшая подвижность, вялость или усиленная раздражительность. Здѣсь, слѣдовательно, темпераментъ новорожденнаго, которымъ они главнымъ образомъ и различаются, проявляется въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ.

Наблюденія надъ зародышемъ показываютъ, что жизнедѣятельность его можетъ довольно сильно видоизмѣняться, и что видоизмѣненія эти могутъ быть даже искусственно вызваны извѣстными условіями. Если взять, напримѣръ, куриный зародышъ, то со времени появленія въ немъ скачущей точки (punctum saliens древнихъ), зависящей отъ сокращенія уже развившейся сердечной трубки, легко можно слѣдить за болѣе рѣзкими происходящими въ немъ измѣненіями. На третій или на четвертый день развитія зародыша, когда сердце и сосуды

ободка уже соединены, ясно видимая подъ лупою дѣятельность сердца легко можетъ быть усилена или понижена, смотря по тому, будетъ ли температура выше или ниже нормальной. То же самое замѣчается и нѣсколько позже (около 8-го дня и далѣе) на развившихся здѣсь конечностяхъ и появляющихся въ нихъ движеніяхъ. Весь зародышъ и въ особенности его конечности двигаются быстрѣе и рѣзче, если температура искусственно возвышается (выше нормы), и наоборотъ. Если вліяніе возвышенной температуры будетъ продолжаться нѣсколько времени, то вмѣстѣ съ этимъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ замѣчается усиленная дѣятельность, будетъ также и усиленное развитіе сосудовъ. Изслѣдованія Дареста[1]), дѣйствительно подтвердившіяся при повтореніи ихъ, показали, что поддерживаніе постоянной возвышенной температуры (42° Ц.) при развитіи куринаго зародыша значительно ускоряетъ развитіе его, т. е. формацію всего тѣла, всѣхъ органовъ и отдѣльныхъ его частей, и что это ускореніе всѣхъ процессовъ при развитіи приводитъ къ образованію карликовъ, которыхъ онъ искусственно и получалъ. Точно также большій притокъ воздуха къ какой-либо части зародыша приводитъ къ усиленному развитію сосудовъ и повышенію дѣятельности этой части и къ пониженію дѣятельности остальныхъ частей и даже къ остановкѣ ихъ развитія (Baudrimont et Martin Saint-Ange[2]), L. Gerlach[3]), H. Koch[4]). Кромѣ теплоты и воздуха, на измѣненіе правильнаго хода развитія зародыша могутъ вліять еще механическія условія. Произведенные въ этомъ отношеніи опыты и изслѣдованія показали, что при удерживаніи куринаго яйца въ вертикальномъ положеніи (Réaumur[5]), Etienne Geoffroy

---

[1]) Sur certaines conditions de la production du nanisme. Comptes rendus. T. LX. 1865, стр. 1214.

[2]) Recherches anatomiques et physiologiques sur le développement du foetus et en particulier sur l'évolution embryonnaire des oiseaux et des Batraciens. Recueil des Savants étrangers. 1851. T. XI.

[3]) Die Entstehungsweise der Doppelmissbildungen bei den höheren Wirbelthieren. Stuttgart 1882.

[4]) Ueber die künstliche Herstellung von Zwergbildung im Hühnerei. Stuttgart 1884, стр. 31.

[5]) Art de faire éclore et d'élever en toute saison des oiseaux domestiques de toutes espèces, soit par le moyen de la chaleur du fumier, soit par le moyen du feu ordinaire. Paris 1751.

Saint-Hilaire [1]), Litarzik [2]), Dareste [3]) нарушается образованіе, и получаются уродливости; при повторныхъ сотрясеніяхъ яйца (Et. et Isidor Geoffroy Saint-Hilaire [4]) развитіе останавливалось или измѣнялось; при постоянномъ верченіи его вокругъ продольной оси со скоростью полнаго поворота въ минуту (Lombardini [5]) зародышъ принималъ неправильное положеніе; наконецъ, нарушали цѣлость скорлупы (Valentin, Leukart, Schrohe) и даже производили продольные разрѣзы то съ одной, то съ другой стороны зародыша (Scymkiewizc [6]), — въ послѣднихъ случаяхъ тѣло зародыша представлялось въ видѣ кистовидныхъ разращеній, иногда же встрѣчались и уродливыя образованія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ идетъ усиленіе или пониженіе развитія (формаціи) тѣла или его частей и органовъ, а также роста; но эти процессы (формацію и ростъ) необходимо точнѣе различать между собой. При формаціи идетъ какъ образованіе формы элементовъ, такъ и образованіе формы частей и органовъ, въ составъ которыхъ эти элементы входятъ; но форма есть „олицетвореніе отправленія“, слѣдовательно, вмѣстѣ съ этимъ здѣсь появляется и соотвѣтственное этой формѣ отправленіе. При ростѣ же происходитъ только увеличеніе и размноженіе элементовъ, при чемъ увеличиваются только размѣры и объемъ тѣла и его частей. Ис. Жофруа Сентъ-Илеръ [7]), обратившій вниманіе на это различіе, говоритъ, что обыкновенно образованіе (формація) и ростъ тѣла идутъ въ полномъ соотношеніи между собой, но бываютъ случаи, когда образованіе продолжается, а ростъ замедляется, и наоборотъ, ростъ

---

[1]) Sur les déviations organiques provoquées et observées dans les établissements d'incubation artificielle. Mémoires du Muséum. T. XIII. 1826, стр. 289.

[2]) Das Gesetz des menschlichen Wachsthums und der unter der Norm zurückgebliebene Brustkorb als die erste und wichtigste Ursache der Rhachitis, Scrophulose und Tuberculose. Wien 1858.

[3]) Production artificielle des monstruosités etc., стр. 62.

[4]) Histoire générale et particulière des anomalies de l'organisation chez l'homme et les animaux. Paris 1836. T. III.

[5]) Intorno alla genesi delle forme organiche irregolari negli uccelli e né batrachidi. Pisa 1868.

[6]) Beitrag zu der Lehre von den künstlichen Missbildungen am Hühnerei. Wiener Sitzungsber. 1875. Bd. LXXII, Abth. III, стр. 139.

[7]) Histoire générale et particulière des anomalies de l'organisation ou traité de tératologie. Paris 1836.

продолжается, а образованіе не идетъ съ нимъ въ одинаковой мѣрѣ, а нѣсколько отступаетъ, или замедляется. При полномъ соотвѣтствіи между образованіемъ (формаціей) и ростомъ, говоритъ онъ, они идутъ въ извѣстной послѣдовательности и постепенно уменьшаются. Наибольшее образованіе и ростъ ребенка идутъ послѣ рожденія его на свѣтъ; они замедляются послѣ прорѣзыванія первыхъ зубовъ, то же самое замѣчается и послѣ прорѣзыванія вторыхъ, или постоянныхъ, зубовъ; затѣмъ, послѣ наступленія періода возмужалости, образованіе и ростъ значительно замедляются, и замѣчается только еще относительно небольшое увеличеніе роста, прекращающееся обыкновенно около 30-лѣтняго возраста. Насколько формація и ростъ находятся обыкновенно въ зависимости другъ отъ друга, видно изъ того, что съ извѣстнымъ ростомъ связаны отдѣльные ниже приведенные моменты формаціи. Такъ, у большихъ дѣтей обыкновенно замѣчается раннее прорѣзываніе первыхъ зубовъ, которые могутъ прорѣзаться даже въ періодъ утробной жизни, если размѣры утробнаго младенца очень велики; наоборотъ, при малой величинѣ ребенка прорѣзываніе зубовъ замедляется. То же самое замѣчается и относительно появленія періода возмужалости; онъ является раньше у быстро растущихъ дѣтей и позже у тѣхъ, которыя отстали относительно роста своего тѣла и не дошли до извѣстной минимальной длины. Этими наблюденіями Жофруа Сентъ-Илера хорошо объясняются явленія, замѣчаемыя у карликовъ. У нихъ идетъ очень быстрая формація, не соотвѣтствующая росту; при этомъ послѣдній рано прекращается, иногда даже раньше, чѣмъ достигается извѣстная минимальная длина тѣла; органы, части, а также все тѣло рано достигаютъ извѣстной величины и дальше уже не увеличиваются. Такимъ образомъ выясняется замѣченное у карликовъ недостаточное развитіе половыхъ органовъ и наблюдаемое у нихъ, почти безъ исключенія, половое безсиліе.

Могутъ быть однакожъ и такія отступленія, что ростъ тѣла можетъ быть настолько ускоренъ, что ребенокъ на 5 или 6-мъ году достигаетъ уже роста взрослыхъ людей, въ такомъ случаѣ и формація бываетъ ускорена, и въ этомъ возрастѣ уже можетъ наступить періодъ возмужалости. Почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ это были мальчики. При наступленіи періода возмужалости, по наблюденіямъ Жофруа Сентъ-Илера, половые органы либо развиваются очень медленно и не доходятъ даже

до полной своей формаціи, между тѣмъ какъ ростъ продолжается съ прежнею быстротой и доходитъ до роста великана; либо они развиваются очень быстро и доходятъ до полной своей зрѣлости, между тѣмъ какъ быстрый вначалѣ ростъ рѣзко замедляется, а затѣмъ и совершенно останавливается. Если въ послѣднемъ случаѣ при наступленіи періода возмужалости ростъ еще не достигъ до средняго роста взрослаго, то онъ можетъ и не достигнуть его, и поражавшій сначала быстрымъ своимъ ростомъ ребенокъ можетъ затѣмъ остаться даже относительно малаго роста. Формація, или образованіе органовъ и частей тѣла, и ростъ находятся въ такихъ случаяхъ въ полномъ несоотвѣтствіи между собой, даже какъ будто одно идетъ на счетъ другого. Мальчики, достигшіе очень рано роста взрослыхъ, очень рѣзко отличаются отъ послѣднихъ своимъ дѣтскимъ видомъ, тонкостью кожи, голосомъ, своими дѣтскими желаніями и дѣйствіями и вообще своей умственной неразвитостью.

Изслѣдованія Дареста показали, какъ уже выше упомянуто, что подобныя нарушенія гармоніи между формаціей и ростомъ происходятъ именно подъ вліяніемъ возвышенной температуры, дѣйствующей во время развитія и способствующей именно болѣе быстрому процессу формаціи. При ограниченномъ доступѣ воздуха тоже получаются значительныя уменьшенія размѣровъ зародыша, но это уменьшеніе нельзя сравнить съ тѣмъ, которое получается подъ вліяніемъ возвышенной температуры. Въ первомъ случаѣ, дѣйствительно, идетъ очень быстрая формація, и какъ части, такъ и все тѣло скоро останавливаются на извѣстныхъ минимальныхъ формахъ, но при этомъ тѣло отличается однакожъ своею крѣпостью и въ состояніи оказывать относительно большое сопротивленіе. Между тѣмъ какъ при недостаткѣ воздуха формація и ростъ понижаются, и части вслѣдствіе слабаго и нѣжнаго своего строенія не въ состояніи при такихъ же размѣрахъ, какъ и въ первомъ случаѣ, оказывать такое же сопротивленіе и проявлять такую же дѣятельность. Если вліяніе воздуха будетъ неравномѣрно, то въ зародышѣ замѣчается нарушеніе въ соотношеніи размѣровъ отдѣльныхъ его частей. Всѣ приведенныя явленія роста, въ особенности же отдѣльные замѣчаемые здѣсь періоды, тѣсно связаны съ измѣненіями сосудистой системы, о которой будетъ сказано ниже, и съ проявленіями темперамента ребенка.

Все сказанное здѣсь о ростѣ не составляетъ уклоненія въ сторону, а напротивъ того, надъ этимъ необходимо было остановиться, такъ какъ отдѣльные періоды развитія и роста имѣютъ несомнѣнное отношеніе къ измѣненіямъ въ сосудистой системѣ, а также къ проявленію темперамента.

Относительно роста опыты надъ животными показали, что на него несомнѣнное вліяніе имѣютъ свѣтъ и воздухъ, движеніе, пища и извѣстные цвѣтные лучи.

1) Совокупное вліяніе солнечнаго свѣта и воздуха на развитіе всякаго высшаго организма хорошо извѣстно, чтобы на немъ слѣдовало долго останавливаться. Для растущаго организма эти два фактора столь же важны, какъ и соотвѣтственная пища. Въ особенности значеніе воздуха проявляется по отношенію къ лимфатической системѣ, которая въ раннемъ возрастѣ, въ періодъ построительной работы, является особенно дѣятельной системой. Въ лимфатическихъ железахъ человѣка образуются лимфатическія тѣльца; они имѣютъ значеніе образовательныхъ элементовъ и разносятся кровью, въ которую переходятъ. Изслѣдованія (Ранвье) показали, что эти тѣльца начинаютъ двигаться и выходить изъ железъ только въ присутствіи достаточнаго количества кислорода (озона) въ крови, протекающей черезъ железку; въ противномъ случаѣ эти элементы накопляются въ железкахъ, которыя разбухаютъ и увеличиваются, вслѣдствіе чего нормальная дѣятельность ихъ разстраивается. Этимъ объясняется блѣдность, одутловатость, часто высокій ростъ городскихъ дѣтей, выросшихъ при недостаткѣ обмѣна воздуха и отличающихся вялостью, слабымъ общимъ развитіемъ, медленностью и даже апатіей и частою опухлостью железъ. К. Дарестъ [1]) искусственно производилъ малокровіе у куриныхъ зародышей, ограничивая къ нимъ доступъ воздуха. Окраска тѣла, зависящая исключительно отъ красящаго вещества крови, находится въ прямой зависимости отъ вліянія свѣта.

2) Опыты, произведенные надъ молодыми кроликами, надъ котятами и щенятами, а также наблюденія надъ дѣтьми, страдавшими такъ называемымъ дѣтскимъ параличемъ [2]), наглядно

---

[1]) Recherches sur la production artificielle des monstruosités ou essais de tératogénie expérimentale. Paris. 1887, стр. 70.

[2]) П. Лесгафтъ. О причинахъ, вліяющихъ на форму костей. Прот. Общ. Русск. врачей и Virchow's Arch. 1882.

показываютъ, что чѣмъ больше движенія и дѣятельности въ какой-либо части или во всемъ двигательномъ аппаратѣ, тѣмъ сильнѣе развиты всѣ части, а также и кости, которыя въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываютъ больше въ своихъ размѣрахъ. При стягиваніи головы молодымъ щенятамъ форма черепа ихъ измѣняется, смотря по направленію этого сжатія; при болѣе сильномъ стягиваніи кости черепа значительно утончаются, и все тѣло растетъ медленнѣе [1]). Это уменьшеніе роста можно отчасти объяснить уменьшеніемъ подвижности у такихъ животныхъ, такъ какъ они становятся вялыми, медленно и мало двигаются, прячутся отъ окружающихъ.

3) Вліяніе пищи на ростъ и проявленія животныхъ видно изъ слѣдующихъ опытовъ [2]). Щенятамъ одного помета давалась однимъ исключительно молочная пища, другимъ—мясная, а третьимъ—растительная (хлѣбъ, сахаръ, кашка, бобы, горохъ и т. п.). До 12-го дня они всѣ питались молокомъ матери; въ продолженіе опыта всѣ они находились при одинаковыхъ условіяхъ относительно помѣщенія, свѣта и воздуха; для питанія растительною пищей избирались наиболѣе развитые. Опыты продолжались 77 дней. Результаты были получены слѣдующіе (вѣсъ въ граммахъ, ростъ въ сантим.):

	До опыта.		Послѣ опыта.	
ПИЩА.	Вѣсъ.	Ростъ.	Вѣсъ.	Ростъ.
Молочная	534,6	18,6	2214,6	35,6
Мясная	540,9	17,8	2240,5	37,3
Растительная.	638,1	20	985,3	25

Опыты должны были прекратиться вслѣдствіе смерти всѣхъ щенятъ, питавшихся растительною пищею. Изъ 5 только одинъ дожилъ до 77 дней. Передъ смертью у всѣхъ у нихъ были слѣдующія явленія: сильная степень исхуданія, отечное припуханіе лапъ, слабость ногъ и большая или меньшая искривленность ихъ, увеличеніе живота, взъерошенная, довольно рѣдкая и мѣстами вылѣзшая шерсть. Голосъ у нихъ былъ пискливый, хриплый. Животныя были вялы, апатичны, склонны больше къ лежанію въ уединеніи, при дотрогиваніи визжали.

---

[1]) А. Дронзикъ. Матеріалы для изученія причинъ, вліяющихъ на форму черепа. С.-Петербургъ. 1883.

[2]) М. Рудаковъ. Вліяніе различной пищи на величину и форму пищеварительнаго аппарата и на ростъ тѣла у животныхъ одного и того же вида. С.-Петербургъ. 1882.

Развитіе тѣла щенятъ, питавшихся молочною пищею, несмотря на то, что у нихъ были частые поносы, шло хорошо. Они отличались своими быстрыми и ловкими движеніями, были бодры, веселы, ѣли прекрасно, спали мало и отличались большою смѣлостью. Голосъ у нихъ былъ чистый, звонкій, шерсть гладкая, лоснящаяся. Подкожнаго жира не было.

Питавшіеся мясной пищею почти ни разу не страдали поносомъ. Формы ихъ были болѣе округлены, такъ какъ у нихъ замѣчалось обильное развитіе подкожнаго жирового слоя. Шерсть была гладкая, лоснящаяся. Они были такъ же бодры, спали мало, очень легко пробуждались, были злѣе и сердитѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трусливѣе питавшихся молочною пищею.

4) Опыты, произведенные для выясненія вліянія цвѣтныхъ лучей на животныхъ [1]), показали слѣдующую разницу въ вѣсѣ, длинѣ, окружности груди и высотѣ до опыта и послѣ опыта, продолжавшагося отъ 130 до 138 дней (вѣсъ въ граммахъ, остальные размѣры въ сантиметрахъ).

	Средняя величина щенка: до опыта.				Послѣ опыта.			
ЦВѢТА.	Вѣсъ.	Длина.	Окружность.	Высота.	Вѣсъ.	Длина.	Окружность.	Высота.
Красный	378,3	16,0	16,6	8,0	10795,0	53,0	46,6	31,0
Оранжевый	365,0	15,5	16,8	8,5	10428,3	51,5	45,5	30,5
Зеленый	348,3	15,3	16,0	8,6	10308,3	53,0	44,6	30,6
Бѣлый	348,3	15,3	16,5	7,6	8173,3	47,6	41,6	27,6
Фіолетовый	352,5	15,3	16,1	7,8	7745,0	46,1	29,8	27,1

Изъ этой таблицы видно, что вліяніе цвѣтныхъ лучей проявляется по расположенію ихъ въ спектрѣ: они дѣйствовали пропорціонально ихъ яркости. По внѣшнимъ своимъ проявленіямъ подвергавшіеся опыту щенята рѣзко отличались между собой, и ихъ всегда можно было различать даже въ темнотѣ.

Наибольшею подвижностью и игривостью отличались выросшіе въ зеленомъ цвѣтѣ; движенія ихъ были легки и граціозны, и потребность въ движеніяхъ настолько значительна, что даже во время принятія пищи они не оставались спокойно на одномъ мѣстѣ, подобно другимъ щенятамъ, но, схвативъ кусокъ мяса, бѣгали и рѣзвились съ нимъ, и возвращались за другимъ, совершивъ нѣсколько туровъ по комнатѣ. Когда ночью въ помѣщеніи щенятъ поднималась возня, то виновниками ея

[1]) Э. Горбацевичъ. О вліяніи различныхъ цвѣтныхъ лучей на развитіе и ростъ млекопитающихъ. С.-Петербургъ. 1883.

были непремѣнно зеленые. Они съ большимъ трудомъ укладывались спать и вскакивали при первомъ поводѣ, чтобы предаться играмъ, въ которыхъ они легко переходили отъ одного развлеченія къ другому. Обиду легко забывали, а обращенныя къ нимъ ласки приводили ихъ въ необузданный восторгъ, выражавшійся бѣготней, прыжками и разными тѣлодвиженіями. Пробуждались они по утрамъ первые.

Щенята, выросшіе въ оранжевомъ цвѣтѣ, тоже любили поиграть, но движенія ихъ были тяжелы и солидны. Расположившись спать, они дорожили своимъ спокойствіемъ и злобно наказывали неосторожныхъ нарушителей своего покоя. Если ночью, когда они были всѣ вмѣстѣ, поднимались драки, то это обыкновенно одинъ изъ оранжевыхъ щенятъ наказывалъ побезпокоившихъ и задѣвшихъ его; отличаясь сравнительно съ другими большей силой, они причиняли немало обидъ другимъ щенятамъ. Днемъ въ своей камерѣ они нерѣдко грызлись между собой. Они отличались еще своимъ упрямствомъ и настойчивостью. Когда наступало время кормленія или выпуска изъ камеры, они поднимали такой шумъ и вой, что никакими мѣрами нельзя было ихъ унять, пока они не достигнутъ цѣли. Красные щенята отличались отъ оранжевыхъ только меньшею злостью и меньшею подвижностью. Синіе и фіолетовые щенята всегда были спокойны и даже нѣсколько вялы, особенно синіе, которые никогда не играли и не рѣзвились. На заигрыванія другихъ они почти не отвѣчали и даже отходили въ сторону. Фіолетовые отличались отъ нихъ частымъ своимъ лаемъ, чего даже не было замѣчено за синими.

Щенята, выросшіе при бѣломъ освѣщеніи, представляли какъ будто среднія явленія между всѣми остальными, болѣе подходя къ зеленымъ, чѣмъ къ синимъ.

Всѣ приведенные моменты, вліяющіе болѣе или менѣе рѣзко на ходъ развитія и ростъ молодыхъ животныхъ, имѣютъ прямое отношеніе къ ихъ питанію и ко всѣмъ связаннымъ съ нимъ процессамъ. Все это также имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ темпераменту и къ его проявленію.

Питательныя вещества, жидкія, твердыя и газообразныя, приносятся въ видѣ крови ко всѣмъ частямъ и органамъ человѣческаго тѣла; здѣсь между ними и составомъ ткани идетъ болѣе или менѣе дѣятельный обмѣнъ, соединенный съ измѣненіемъ качествъ приводимыхъ веществъ. Съ этими измѣненіями

связано проявленіе тепловыхъ силъ [1]), которыя и служатъ главнымъ возбудителемъ живой дѣятельности ткани, выражающейся движеніемъ. Только такая ткань, въ которой происходитъ эта живая дѣятельность, способна воспринимать всѣ внѣшнія раздраженія, передаваемыя ей непосредственно или при посредствѣ нервной системы. Эта способность называется чувствительностью живой ткани. Возбужденіе дѣйствуетъ извнѣ или подъ вліяніемъ тепловыхъ силъ и доходитъ до сознанія въ видѣ ощущенія и чувствованія.

Обмѣнъ при питаніи можетъ быть болѣе или менѣе дѣятельнымъ. Это будетъ зависѣть отъ состава пищи (отъ количества бѣлковинныхъ веществъ, жировъ, солей, воды, озона и т. д.), отъ дѣятельности образовательныхъ элементовъ, приносимыхъ кровью (бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ), и отъ вліянія внѣшнихъ и посредственныхъ (свѣтъ, механическіе и психическіе дѣятели) и внутреннихъ и непосредственныхъ (тепловыхъ) возбудителей, которые могутъ всѣ вліять на обмѣнъ въ различной степени и послѣдовательности. Отъ всего этого будетъ также зависѣть степень и продолжительность дѣятельности лица, которыя и выразятся силой, быстротой и продолжительностью какъ дѣйствій, такъ и чувствованій его, или его темпераментомъ.

Но при питаніи имѣютъ еще значеніе сила и быстрота, съ которою питательная жидкость прогоняется въ тѣлѣ, что зависитъ также и отъ постройки органовъ кровообращенія, какъ центральнаго, такъ и периферическихъ, т. е. сердца и сосудовъ. При нормальной мышечной силѣ и упругости стѣнокъ

---

[1]) Механическій эквивалентъ теплоты опредѣляется количествомъ теплоты, требуемой для того, чтобы одинъ граммъ воды согрѣть отъ 0° до 1° Ц.; это количество теплоты равно живой силѣ, необходимой для того, чтобы поднять тяжесть въ 430 граммовъ на высоту одного метра. Barral (Statistique chim. des animaux. Paris. 1849) приводитъ слѣдующій приходъ и расходъ теплоты въ состояніи покоя у взрослаго мужчины въ продолженіе 24 часовъ. Приходъ: 2706076 тепловыхъ единицъ. Расходъ: испареніемъ 699801 = 25,85%, согрѣваніемъ вдыхаемаго воздуха 100811 = 3,72%, согрѣваніемъ пищи 52492 = 1,94%, плотными и жидкими выдѣленіями 33020 = 1,92%, на поверхности тѣла 1819952 = = 67,22%. При активной работѣ трата организмомъ тепловыхъ силъ нѣсколько меньше, чѣмъ въ паровой машинѣ; въ этой послѣдней не болѣе 1/8 тепловыхъ силъ превращается въ работу, между тѣмъ какъ въ организмѣ на механическую работу идетъ около 1/5 тепловыхъ силъ. Изъ одного грамма крахмала получается броженіемъ алкоголь, который при сжиганіи даетъ 4080 единицъ теплоты.

какъ сердца, такъ и сосудовъ у нихъ могутъ быть различныя видоизмѣненія толщины ихъ стѣнокъ и величины просвѣта, или калибра, сосудовъ. Всякій анатомъ изъ своего опыта хорошо знаетъ, насколько значительны эти видоизмѣненія у различныхъ лицъ, и что такія различія могутъ быть какъ во всей сосудистой системѣ даннаго лица, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла или органахъ. Послѣднее явленіе встрѣчается какъ норма въ разныхъ періодахъ жизни человѣка, и оно связано именно съ тѣми періодами роста и развитія ребенка, о которыхъ было сказано выше.

Различія въ калибрѣ и толщинѣ стѣнокъ артерій у новорожденныхъ замѣчаются въ относительно довольно широкихъ предѣлахъ [1]). У взрослыхъ эти различія настолько же рѣзки, насколько рѣзки различія въ формѣ всѣхъ наружныхъ частей лица, по которымъ обыкновенно отличаютъ одного отъ другого. Всѣ данныя, получаемыя измѣреніями, позволяютъ различать здѣсь сосуды большого и малаго калибра, съ толстыми и тонкими стѣнками, что, безъ сомнѣнія, вліяетъ на быстроту и силу протекающей по нимъ струи крови. Но сила и быстрота теченія крови имѣютъ несомнѣнное отношеніе къ питанію, слѣдовательно, и къ силѣ и энергіи, какую могутъ проявить ткани человѣческаго тѣла, и къ связаннымъ съ этой работой ощущеніямъ и чувствованіямъ. Поэтому строеніе и форма сердца и сосудовъ должны имѣть несомнѣнное вліяніе на силу и быстроту дѣйствій и желаній каждаго лица, а также на

---

[1]) Такъ, напримѣръ, изслѣдованія И. А. Никифорова (Объ отношеніи калибра артерій къ вѣсу и объему органовъ и вѣсу частей тѣла. С.-Петербургъ. 1883) показали, что у четырехъ новорожденныхъ, изъ которыхъ одинъ женскаго пола (недостаточно развитой), а остальные мужского пола, различіе въ окружности артеріи (напримѣръ, общей сонной артеріи), толщины ея стѣнокъ (опредѣленной вѣсомъ 1 квадр. сант.) и процентное отношеніе этого вѣса къ окружности артеріи были слѣдующія:

Полъ младенца.	Ростъ въ сантиметрахъ.	Вѣсъ въ килограммахъ.	Окружность артеріи въ миллим.	Вѣсъ 1 кв. сант. стѣнки артеріи въ грам.	% отношеніе вѣса къ окружности.
Женскій . . .	44	1,9	6	70	1106
Мужской . . .	50,5	3,2	8	52	650
„ . . .	53	3,3	7,5	54	720
„ . . .	54	3,5	7,5	55	733

развитіе его чувствованій, или на его темпераментъ. Принимая во вниманіе вышесказанное о темпераментахъ и ихъ проявленіи, не трудно все это связать съ слѣдующею постройкою сосудовъ:

	Сильно.	Слабо.
Быстро.	Малый просвѣтъ, толстыя стѣнки. Холерическій.	Малый просвѣтъ, тонкія стѣнки. Сангвиническій.
	Средняя толщина и просвѣтъ. Нормальный.	
Медленно.	Большой просвѣтъ, толстыя стѣнки. Меланхолическій.	Большой просвѣтъ, тонкія стѣнки. Флегматическій.

При опредѣленной силѣ сердца и упругости стѣнокъ сосудовъ и соотвѣтственномъ сопротивленіи въ периферическихъ развѣтвленіяхъ чѣмъ меньше просвѣтъ [1]) сосудистаго ствола, тѣмъ быстрѣе необходимо должно быть теченіе содержимаго, и наоборотъ, чѣмъ больше просвѣтъ ствола, тѣмъ медленнѣе теченіе содержимаго. При одинаковыхъ прочихъ условіяхъ точно такое же значеніе имѣетъ и толщина стѣнокъ сосудовъ: чѣмъ толще мышечныя и упругія стѣнки сосудовъ, тѣмъ съ относительно большею силою будетъ прогоняться содержимое; и наоборотъ, чѣмъ эти стѣнки будутъ тоньше, тѣмъ слабѣе будетъ сила, съ которой содержимое протекаетъ черезъ сосудъ. Средній просвѣтъ и толщина стѣнокъ съ нормальнымъ развитіемъ мышечныхъ и упругихъ элементовъ должны быть признаны за явленіе нормальное и должны при одинаковыхъ остальныхъ условіяхъ содѣйствовать нормальному проявленію жизненныхъ отправленій и соотвѣтствовать нормальному темпераменту.

При изслѣдованіи большого числа труповъ и въ особенности при наполненіи сосудовъ различными уплотняющимися веществами нельзя не замѣтить всѣхъ этихъ типовъ сосудовъ и безчисленныхъ видоизмѣненій и переходовъ между ними. Въ одномъ случаѣ оказывается, что всѣ артеріальные стволы, ихъ вѣтви и вѣточки очень большого калибра, между тѣмъ какъ ихъ стѣнки тонки, въ другомъ случаѣ, напротивъ того, стѣнки ихъ толсты. Тогда какъ въ другихъ случаяхъ калибръ

[1]) Просвѣтъ получается при поперечномъ сѣченіи трубки.

сосудовъ малъ, а стѣнки толсты или, напротивъ того, очень тонки. Приходилось изслѣдовать трупъ женщины, у которой при жизни былъ рѣзко выраженъ холерическій темпераментъ, и мужъ которой часто указывалъ на быстрыя и сильныя ея дѣйствія и чувствованія; сосуды ея, дѣйствительно, отличались малымъ своимъ просвѣтомъ и большою толщиною стѣнокъ.

Изслѣдованія послѣдняго времени [въ особенности Bizot[1]), Beneke[2]), Никифорова] показали, что въ отдѣльныхъ вышеприведенныхъ періодахъ развитія и роста размѣръ сердца и его отношеніе къ сосудистой системѣ рѣзко измѣняются. На основаніи этихъ изслѣдованій оказывается, что самый большой просвѣтъ артерій какъ въ отношеніи къ длинѣ тѣла, такъ и въ отношеніи къ объему сердца бываетъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, чѣмъ обусловливается, во-первыхъ, низкое боковое давленіе крови у ребенка, во-вторыхъ, относительно бо̀льшая масса крови, чѣмъ у взрослаго. Въ этомъ періодѣ, въ сравненіи съ другими артеріями, особенно широкими представляются общія сонныя артеріи и подключичныя (и тѣ, и другія даютъ вѣтви къ мозгу), что, несомнѣнно, находится въ связи съ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ головного мозга (путемъ обильной доставки крови), вѣсъ котораго уже въ теченіе перваго года жизни почти удваивается. Въ періодъ полового развитія артеріальная система отличается, напротивъ, относительно узкимъ просвѣтомъ, а такъ какъ въ то же время сердце сильно увеличивается въ объемѣ, то естественнымъ послѣдствіемъ этого является высокое боковое давленіе крови въ артеріяхъ и волосныхъ сосудахъ, а это послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Бенеке, и способствуетъ развитію полового аппарата и кожныхъ железъ, росту волосъ и другимъ явленіямъ, свойственнымъ наступленію половой зрѣлости. Далѣе, въ теченіе зрѣлаго возраста, артеріи, представляя постепенное нарастаніе въ діаметрѣ, становятся опять относительно шире; отсюда постепенное паденіе давленія крови, ведущее со временемъ къ запустѣнію многихъ волосныхъ сосудовъ, обусловливающему появленіе старческихъ измѣненій.

---

[1]) Recherches sur le coeur et le système artériel chez l'homme. Mémoires de la société médicale d'observation. T. I. Paris. 1837.

[2]) Die anatomischen Grundlagen der Constitutionsanomalien des Menschen. Marburg. 1878, и Constitution und constitutionell. Kranksein des Menschen. 1881.

Въ разные періоды жизни соотношенія между восходящей начальственной и легочной артеріями неодинаковы: при окончаніи полового развитія, затѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ и въ преклонныхъ лѣтахъ окружность начальственной артеріи въ большинствѣ случаевъ бываетъ нѣсколько больше окружности легочной артеріи; до полового же развитія существуетъ обратное отношеніе, а въ теченіе этого послѣдняго окружности обоихъ сосудовъ почти одинаковы.

Наблюденія также показали (Бенеке), что измѣненія въ нормальныхъ размѣрахъ сосудовъ служатъ предрасполагающею причиною къ различнымъ заболѣваніямъ и даже неблагопріятному исходу болѣзней. Такъ, ненормально узкій просвѣтъ артерій легко ведетъ при всѣхъ острыхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ къ быстрому смертельному исходу. Чѣмъ уже артеріи, тѣмъ напряженнѣе должна быть дѣятельность сердца, и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ при узкихъ сосудахъ уменьшена отдача тепла на периферіи, а температура больного поднимается до высокихъ степеней, то дѣло быстро доходитъ до паралича сердца. Такіе люди часто погибаютъ отъ острой чахотки (Бизо, Бенеке). Напротивъ того, при ненормальномъ увеличеніи просвѣта артерій бываетъ ожирѣніе и такія болѣзни, какъ ракъ и т. п. Всѣ эти измѣненія сосудистой системы всегда связаны съ измѣненіемъ темперамента лица. Вышеприведенные періоды развитія и роста всегда соединены съ небольшими видоизмѣненіями или даже измѣненіями и установленіемъ болѣе опредѣленныхъ формъ темперамента. Все же темпераментъ составляетъ замѣчательно стойкое проявленіе человѣка. Быстрота и сила, съ которой проявляются дѣйствія и желанія человѣка, степень и быстрота проявленія умственной его дѣятельности выражаются тѣмъ сильнѣе и рѣзче, чѣмъ менѣе онъ въ состояніи сознательно направлять свою дѣятельность и покорять ее волевымъ отправленіямъ. Кровь, протекающая по сосудамъ, поддерживаетъ жизнедѣятельность въ той части, куда она проникаетъ, и составляетъ одинъ изъ необходимыхъ моментовъ, возбуждающихъ эту дѣятельность. Сила и быстрота теченія крови несомнѣнно связаны съ силою и быстротою проявленія жизнедѣятельности, которую кровь возбуждаетъ тепловыми силами, освобождающимися при измѣненіи состава приносимыхъ ею питательныхъ веществъ. Форма и строеніе сердца и всей сосудистой системы вмѣстѣ съ составомъ питательной

жидкости, или крови, имѣютъ, безъ сомнѣнія, прямое отношеніе къ энергіи и быстротѣ работы, происходящей въ тканяхъ, органахъ и частяхъ всего организма; точно также все это имѣетъ отношеніе и къ темпераменту человѣка, и чѣмъ болѣе знакомиться съ отправленіемъ этой системы и съ отношеніемъ ея къ отправленію всѣхъ остальныхъ органовъ человѣческаго тѣла, тѣмъ лучше и яснѣе можно себѣ представить все то, что относится къ темпераменту человѣка. Для изученія темперамента необходимо (какъ это дѣлается въ анатоміи и физіологіи) выдѣлить отправленія всей сосудистой системы и ея содержимаго и выяснить ея значеніе во всей полнотѣ, чтобы потомъ такъ же широко усвоить себѣ значеніе темперамента человѣка.

Всякая дѣятельность, возбужденная въ какой-либо части тѣла, если она доходитъ до сознанія, будетъ проявляться здѣсь въ видѣ ощущенія или чувствованія. Ощущеніе это можетъ быть тѣсно связано съ мѣстомъ своего возбужденія, но оно можетъ являться также въ совершенно неопредѣленномъ, глухомъ видѣ, какъ будто не имѣющемъ отношенія къ дѣятельности самого организма. Ощущенія являются съ оттѣнкомъ удовольствія или страданія въ зависимости отъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія между тратою вещества и его накопленіемъ.

Какъ удовольствіе, такъ и страданіе можетъ быть, какъ уже выше сказано, положительное и отрицательное.

Положительное удовольствіе является при тратѣ, соотвѣтствующей накопившемуся матеріалу, оно выражается удовлетвореніемъ при посильной работѣ.

Отрицательное удовольствіе составляетъ оттѣнокъ ощущенія, появляющійся при возстановленіи траты, связанной съ предшествовавшей ему дѣятельностью, что, напр., замѣчается при отдыхѣ и вообще при возстановленіи.

Положительное страданіе замѣчается при тратѣ, не соотвѣтствующей накопленному матеріалу, какъ, напр., при усталости, истощеніи и изнуреніи.

Отрицательное страданіе сопровождаетъ всякое накопленіе матеріала, не соотвѣтствующее тратѣ, оно выражается потребностью дѣятельности или стремленіемъ къ работѣ.

Чувствованія, являющіяся подъ вліяніемъ душевныхъ возбужденій, будутъ опять же связаны съ явленіями со стороны сердца и сосудистой системы. Краснота, блѣдность, обморокъ,

сердцебіеніе и т. д.,—все это явленія, связанныя съ душевнымъ волненіемъ, и опять же проявленія эти различны по своей силѣ и быстротѣ, смотря по темпераменту лица.

У новорожденныхъ и до конца прорѣзыванія первыхъ (молочныхъ) зубовъ, т. е. до конца второго года, главнымъ образомъ встрѣчаются быстрыя и слабыя или медленныя и слабыя проявленія и дѣйствія. Если удовлетворять всѣ растительныя потребности ребенка и не пріучать его ни къ какимъ прибавочнымъ раздраженіямъ, то онъ только и проявляется либо сангвиникомъ, либо флегматикомъ. Рѣже приходится видѣть, что къ началу прорѣзыванія первыхъ зубовъ, около 7-го мѣсяца послѣ рожденія на свѣтъ, дѣйствія ребенка усиливаются по степени при той же быстротѣ ихъ проявленій, т. е., что ребенокъ уже въ продолженіе перваго года дѣлается холерикомъ, или даже, что онъ такимъ явился на свѣтъ. Всего рѣже, повидимому, сильныя и продолжительныя или стойкія дѣйствія у ребенка вскорѣ по рожденіи его на свѣтъ или въ продолженіе перваго года его жизни. Приходится однакожъ встрѣчать дѣтей, отличающихся медленными своими дѣйствіями, очень продолжительно выражающихъ свое неудовольствіе и даже какъ бы грусть, у которыхъ никогда не является дѣтской веселости и смѣха; изрѣдка замѣчается улыбка, и то болѣе съ одной стороны, съ выраженіемъ какого-то страданія, какой-то душевной боли. Только что приведенныя явленія темперамента у ребенка легко приводятся въ связь съ строеніемъ сосудовъ. Сколько въ этомъ отношеніи приходилось наблюдать, дѣйствительно чаще встрѣчаются сосуды съ относительно малымъ просвѣтомъ и съ тонкими стѣнками, рѣже съ тонкими стѣнками, но съ большимъ просвѣтомъ. Мало приходилось видѣть у новорожденныхъ сосуды съ малымъ просвѣтомъ, но съ толстыми стѣнками, но всего рѣже наблюдаются у нихъ сосуды съ толстыми стѣнками и съ большимъ просвѣтомъ.

Темпераментъ устанавливается болѣе опредѣленно, и болѣе разнообразныя его формы являются съ появленіемъ постоянныхъ зубовъ, т. е. съ семилѣтняго возраста. Со времени же періода возмужалости, т. е. съ 15—16-лѣтняго возраста, темпераментъ обыкновенно довольно рѣзко опредѣляется и устанавливается. Волевыя отправленія, умственное развитіе и образованіе могутъ, безъ сомнѣнія, повліять на силу, быстроту и продолжительность дѣйствій и проявленій, на степень про-

явленій чувствованій и душевныхъ волненій, но все же, чѣмъ болѣе неожиданны, случайны и сильны причины возбужденія, тѣмъ рѣзче выступаютъ проявленія темперамента лица, которыя задерживаются только, если дѣйствія достаточно разъединены по времени, т. е., если развивающіяся чувствованія и дѣйствія настолько задержаны, что могутъ быть вполнѣ направлены волевыми отправленіями. Достигается это нелегко и только при развитіи характера лица.

Въ старческомъ возрастѣ опять преобладаютъ медленныя и болѣе или менѣе слабыя дѣйствія, здѣсь чаще встрѣчаются флегматическій и меланхолическій темпераменты, рѣже наблюдаются холерики и еще рѣже сангвиники.

Выше уже было сказано, что въ теченіе зрѣлаго возраста сосуды, представляя постепенное нарастаніе въ діаметрѣ, становятся относительно шире и теряютъ мало-по-малу свою упругость, вслѣдствіе чего давленіе крови въ нихъ уменьшается, съ чѣмъ и связаны многія явленія старческой дряхлости и худобы. Такое измѣненіе въ сосудахъ опять же согласуется съ тѣмъ, что наблюдается при жизни, и соотвѣтствуетъ той медленности и слабости въ дѣйствіяхъ, которыя чаще всего встрѣчаются въ старческомъ возрастѣ.

Страданія сердца и сосудистой системы, а также симпатической нервной системы, имѣющей непосредственное отношеніе къ сосудамъ, всегда сопровождаются измѣненіями темперамента лица. Часто въ такомъ случаѣ замѣчаются совершенно безпричинная грусть, невыносимая тоска, постоянно преслѣдующія такихъ больныхъ, частыя слезы и постоянныя мысли о смерти,—все это настолько разстраиваетъ больныхъ, что они дѣлаются негодными къ какой-либо работѣ или дѣятельности. Они только и заняты своими муками, хотя неохотно объ этомъ говорятъ и вообще избѣгаютъ людей, потому что болѣе расположены наединѣ сосредоточиваться надъ своимъ состояніемъ. Такое меланхолическое видоизмѣненіе темперамента иногда хорошо наблюдается по мѣрѣ развитія страданія, такъ что у больного могутъ совершенно измѣниться степень и быстрота его возбуждаемости.

Изъ всего сказаннаго видно, что сердце съ кровеносною системой (и ея содержимымъ) имѣетъ большое вліяніе на степень, быстроту и продолжительность проявленій и дѣйствій человѣка, на развитіе его чувствованій и душевныхъ волненій; все это и выражается темпераментомъ. Въ кровеносной системѣ,

какъ и во всѣхъ остальныхъ системахъ человѣческаго тѣла, форма органа вполнѣ соотвѣтствуетъ отправленію. Изученіемъ значенія различныхъ видоизмѣненій формы органовъ кровообращенія и выясняется, какія формы должны принадлежать нормальному темпераменту.

Кромѣ видоизмѣненій въ кровеносной системѣ, измѣненія темперамента сопровождаютъ еще видоизмѣненія въ той части нервной системы, которая извѣстна подъ названіемъ сосудодвигательной, или симпатической, системы. Она также значительно разнится индивидуально, какъ и сосудистая система. При изслѣдованіи труповъ можно замѣтить, что размѣры и степень развитія сосудо-двигательной системы очень сильно варьируютъ: въ одномъ случаѣ она отличается большими размѣрами, богатствомъ сплетеній, а также обиліемъ существующихъ здѣсь утолщеній; въ другомъ случаѣ, напротивъ того, система эта слабо развита, сплетенія тонки и бѣдны утолщеніями. Опытный анатомъ всегда выбираетъ трупъ, если ему приходится изслѣдовать или демонстрировать эту систему. Худой, сухопарый безъ жирового слоя, съ напряженными упругими наружными стѣнками туловища трупъ не обѣщаетъ изобилія сплетеній и утолщеній, между тѣмъ какъ трупъ съ выпятившимися большими глазами, толстыми сочными губами, съ жировымъ слоемъ и большими размѣрами растительныхъ органовъ всегда связанъ съ хорошо развитою сосудо-двигательной системой, богатствомъ сплетеній и утолщеній. Какъ въ строеніи сосудовъ, такъ и въ строеніи сосудо-двигательныхъ нервовъ могутъ быть типичныя отличія въ различныхъ находящихся здѣсь сплетеніяхъ и утолщеніяхъ, связанныя съ различною степенью силы и быстроты проводимости вліяющихъ на эти проводники раздраженій.

Степень развитія сосудо-двигательной системы связана съ суммированными оттѣнками ощущеній, появляющихся при дѣятельности сосудистой системы, и въ особенности съ явленіями питанія и обмѣна и съ сопровождающими эти явленія оттѣнками ощущенія положительнаго или отрицательнаго удовольствія, а также положительнаго или отрицательнаго страданія. Эти оттѣнки поэтому неодинаковы у лицъ различныхъ темпераментовъ, они глубже и сильнѣе у меланхоликовъ и холериковъ, быстрѣе появляются и легче сглаживаются у сангвиниковъ и флегматиковъ. Съ ними связаны желанія и хо-

тѣнія человѣка, они могутъ быть направлены и задержаны только волевыми его отправленіями. Оттѣнки ощущеній, связанные съ явленіями темперамента, зависятъ однако, не только отъ отправленій сосудистой системы, но также и отъ центральнаго органа этой системы, именно, сердца; съ дѣятельностью этого органа соединенъ оттѣнокъ ощущенія, извѣстный подъ названіемъ „чувства жизни“. Возвышеніе дѣятельности сердца связано съ большею бодростью, живостью и удовлетворенностью дѣятельности, между тѣмъ какъ пониженіе дѣятельности этого органа сопровождается такимъ чувствомъ недовольства жизнью, что вся дѣятельность человѣка будетъ состоять только въ погонѣ за перемѣной впечатлѣній, чтобы выйти изъ гнетущей его апатіи.

Понятно, что вполнѣ ясно все это усвоить себѣ можно только въ томъ случаѣ, если изучить также форму и отправленіе органовъ всѣхъ остальныхъ системъ человѣческаго тѣла и, по возможности, выяснить соотношеніе и взаимодѣйствіе между всѣми этими системами. Только въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть хотя отчасти понятно вліяніе на развитіе темперамента еще и различныхъ другихъ силъ, проявляющихся въ организмѣ и подлежащихъ болѣе или менѣе волевымъ отправленіямъ. Въ особенности здѣсь важно выясненіе значенія мышечныхъ и упругихъ, или физическихъ, силъ, а также умственныхъ и психическихъ силъ лица. Эти отношенія отчасти еще будутъ разбираться при выясненіи развитія типа и характера человѣка. Темпераментомъ проявляется безсознательная, или, по Биша, растительная, жизнь человѣка, которой можно противопоставить сознательную, или животную, а у человѣка субъективную его жизнь, которая уже будетъ находиться въ зависимости отъ развитія формы и отправленія мозговыхъ центровъ и периферической нервной системы.

На необходимость при воспитаніи ребенка принимать во вниманіе его темпераментъ указывалъ еще Дж. Локкъ [1]) въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о воспитаніи. Онъ говоритъ: „Наблюдайте ранѣе за темпераментомъ вашего сына, поль-

[1]) О воспитаніи дѣтей господина Локка. Переведено съ французскаго на русскій языкъ проф. Москов. Унив. Н. Поповскимъ. Т. I, изд. второе. Москва 1788, стр. 294 — 295. John Locke. Quelques pensées sur l'éducation. Trad. nouvelle par G. Compayré. Paris 1882, стр. 152 — 153.

зуясь въ особенности тѣмъ временемъ, когда онъ предоставленъ себѣ, во время игры, и когда онъ себя мнитъ внѣ всякаго надзора. Замѣтьте, какія его главныя страсти и склонности: бываетъ ли онъ суровымъ или мягкимъ, смѣлымъ или трусливымъ, жестокимъ или сострадательнымъ, откровеннымъ или сдержаннымъ и т. д. На самомъ дѣлѣ, смотря по различію наклонностей, долженъ разсчитаться и примѣняемый вами способъ, и ваши требованія должны, по возможности, примѣняться къ наклонностямъ, чтобы соотвѣтственнымъ способомъ вліять на его умъ. Природныя его способности и преобладающія предрасположенія, въ особенности отличающіяся своею робостью и воздержанностью, зависящія обыкновенно отъ страха, какъ вида душевной слабости, не поддаются заученнымъ правиламъ или насилію. Его недостатки необходимо исправлять искусственно и этимъ направить къ добру. Но все же необходимо помнить, что, несмотря на всѣ предпринимаемыя мѣры, мысли ребенка все же будутъ направлены въ ту сторону, въ которую ближе склоняется его природа. Если внимательно подмѣтить характеръ своего ребенка по первымъ дѣйствіямъ его въ жизни, то всегда возможно и впослѣдствіи опредѣлить направленіе его мыслей и желаній, даже когда онъ будетъ уже взрослымъ, болѣе искусно будетъ ихъ скрывать и даже примѣнять для этого самые разнообразные способы“.

Двѣсти двѣнадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1693 г.) Локкъ обратилъ вниманіе на значеніе темперамента при воспитаніи и на необходимость принимать при этомъ въ расчетъ индивидуальныя качества, находящіяся въ связи съ организаціей. Онъ тогда уже говорилъ, что нельзя воспитывать по заученнымъ шаблонамъ, а необходимо принимать въ расчетъ раньше всего то, что связано съ организаціей ребенка. Чѣмъ болѣе будемъ изучать организмъ ребенка и выяснять себѣ связь, существующую между его строеніемъ и отправленіями, тѣмъ осторожнѣе и внимательнѣе будемъ относиться къ его проявленіямъ и не будемъ отъ него требовать невозможнаго, несогласнаго съ его организаціей. Все это имѣетъ особенное значеніе по отношенію къ темпераменту; нельзя требовать отъ ребенка сангвиническаго темперамента медленныхъ и стойкихъ дѣйствій, это ему очень трудно дается и достигается только очень послѣдовательнымъ трудомъ, и то отчасти только. Точно также не появятся вдругъ быстрыя дѣйствія у ребенка флегматическаго темпера-

мента или игривая веселость у ребенка меланхолическаго темперамента.

Кантъ вѣрно говоритъ, что лицо сангвиническаго темперамента всегда является веселымъ собесѣдникомъ, легко и быстро примѣняющимся къ людямъ и легко съ ними сходящимся; между тѣмъ какъ лица холерическаго темперамента всего менѣе „счастливы“, быстрыя и сильныя дѣйствія ихъ всегда отличаются рѣзкостью, часто непріятно поражающею другихъ. Точно также человѣка флегматическаго темперамента часто называютъ философомъ, принимая во вниманіе только слабыя реакціи его организма на вліяющаго на него возбудителя, чѣмъ въ такомъ случаѣ болѣе всего и руководствуются.

На дѣлѣ обыкновенно выходитъ, что слабыя проявленія дѣятельности скорѣе удовлетворяютъ окружающихъ и даже могутъ вызывать ихъ участіе, между тѣмъ какъ сильныя проявленія легко вызываютъ неудовольствіе, и лицъ съ такимъ темпераментомъ обыкновенно называютъ „неуживчивыми“ и „безпокойными“ и отъ нихъ сторонятся.

Вліяніе воспитанія на темпераментъ должно выясниться при изученіи развитія типа и характера человѣка и изъ анализа ихъ отношенія къ темпераменту.

2. Типъ.

Въ антропологическихъ и педагогическихъ сочиненіяхъ обыкновенно смѣшиваютъ, какъ уже было сказано выше, темпераментъ съ характеромъ и съ понятіемъ о характерѣ соединяютъ чрезвычайно часто все, что относится къ различнымъ психическимъ проявленіямъ человѣка. Для лучшаго наблюденія за ребенкомъ и болѣе точнаго выясненія всего замѣчаемаго у него будетъ, повидимому, выгоднѣе отличать не только темпераментъ и характеръ, но и типъ его, который въ свою очередь смѣшиваютъ то съ темпераментомъ, то съ характеромъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о темпераментѣ [1]), видимо, смѣшиваютъ его съ типомъ, что очень затрудняетъ точность наблюденія и изслѣдованія. *Типъ ребенка опредѣляется степенью сознательнаго его отношенія къ окружающей средѣ и нравственнымъ его развитіемъ, т. е. отношеніемъ его къ правдѣ.* Здѣсь, слѣдовательно, главными характеристическими качествами являются сознательность и правдивость ребенка.

Сознательныя проявленія человѣка развиваются только воспитаніемъ; для этого необходимы постепенно и послѣдовательно усиливающіяся возбужденія со стороны окружающей среды. При отсутствіи возбужденій, а слѣдовательно, и порождаемыхъ ими представленій сознательная дѣятельность не развивается, и ребенокъ остается въ состояніи слабоумія. Правдивость у ребенка выражается полнымъ согласіемъ между мышленіемъ и дѣйствіемъ.

По различію развитія сознательной дѣятельности въ проявленіяхъ ребенка можно различать три степени: 1) отраженно-

[1]) B. Hellwig. Die vier Temperamente bei Kindern. Paderborn 1884.

опытныя дѣйствія съ отсутствіемъ нравственныхъ проявленій, 2) подражательно-разсудочныя дѣйствія съ внѣшне-усвоенными нравственными основаніями и 3) разумно-самостоятельныя проявленія съ вполнѣ усвоенными нравственными основаніями. Эти три степени могутъ проявляться въ двухъ видахъ: съ дѣятельно-повышенными проявленіями и съ инертно-пониженными проявленіями. Соотвѣтственно этому можно различать слѣдующіе типы:

I. Съ дѣятельно-повышенными проявленіями: 1) лицемѣрный типъ—отраженно (рефлекторно)-опытный съ повышенной дѣятельностью безъ нравственныхъ проявленій, 2) честолюбивый типъ—подражательно-разсудочный съ повышающимъ чувствованіемъ первенства и съ внѣшне-усвоенными нравственными основаніями и 3) добродушный типъ—разумно-самостоятельный съ преобладаніемъ умственной дѣятельности и съ твердо установленными нравственными основаніями.

II. Съ инертно-угнетенными проявленіями: 4) мягко-забитый типъ—рефлекторно-опытный съ инертными дѣйствіями, безъ нравственныхъ основаній, 5) злостно-забитый типъ — подражательно-разсудочный, угнетенный преслѣдованіями и несправедливыми мѣрами, съ внѣшне-усвоенными нравственными основаніями и 6) угнетенный типъ— разумно-исполнительный съ преобладаніемъ физической дѣятельности и твердо выработанными нравственными основаніями.

Ребенокъ лицемѣрнаго типа повторяетъ то, что видитъ, всегда старается болѣе легкимъ способомъ достигнуть личныхъ выгодъ и избѣгнуть дѣятельности болѣе трудной, т. е. связанной съ трудомъ и усиліемъ. Онъ легко усваиваетъ только то, что сильнѣе на него вліяетъ, и въ особенности всѣ внѣшнія проявленія окружающихъ. Лица этого типа отличаются, слѣдовательно, непосредственно-подражательными (или имитаціонно-реальными) дѣйствіями. Способъ ихъ дѣятельности всегда бываетъ практически-опытный; они стараются хитростью и лаской обойти всѣ затрудненія, не особенно огорчаясь и неудачею. Отношеніе къ истинѣ только внѣшнее, заучены одни общія нравственныя правила и шаблоны.

Типъ честолюбивый отличается умѣньемъ усваивать все памятью; при этомъ не только то, что непосредственно (или реально) воспринимается, но и вся умственная работа у него направлена почти исключительно на усвоеніе и воспроизведеніе

памятью не только простыхъ формулъ и идей, но даже самыхъ сложныхъ философскихъ ученій. Точно также могутъ быть заучены и нравственныя положенія, которыя однакоже остаются безъ вліянія на его дѣйствія, находящіяся главнымъ образомъ въ зависимости отъ сильно развитыхъ чувствованій. Сильно развивающееся чувствованіе превосходства является всегда самымъ главнымъ возбуждающимъ моментомъ, подъ вліяніемъ котораго и въ зависимости отъ котораго совершаются всѣ дѣйствія ребенка честолюбиваго типа. Отсюда гордость, самоувѣренность, спесь, напыщенность и постоянное стремленіе первенствовать и властвовать надъ другими. Скромныя серьезныя занятія, не ведущія къ отличіямъ, не привлекаютъ молодыхъ людей этого типа; они ихъ избѣгаютъ. Для нихъ дѣятельность возможна только при надеждѣ на внѣшній успѣхъ, являющійся прибавочнымъ возбудителемъ.

Въ добродушномъ типѣ развита главнымъ образомъ аналитическая дѣятельность: ребенокъ привыкъ разсуждать надъ каждымъ новымъ явленіемъ и при дальнѣйшемъ своемъ развитіи пріучается мыслить болѣе отвлеченнымъ образомъ. При недостаткѣ знаній мыслительная дѣятельность его легко принимаетъ характеръ фантазіи. Умственная дѣятельность его сосредоточена по преимуществу надъ выясненіемъ личности человѣка, надъ разборомъ и выясненіемъ собственныхъ проявленій и надъ отношеніемъ этихъ проявленій къ своимъ дѣйствіямъ и ко всему окружающему. Поэтому дѣятельность лицъ этого типа и отличается всегда большою самостоятельностью и правдивостью. Но дѣятельность поддерживается, пока существуетъ умственный интересъ, пока возможно разсужденіе, или существуетъ взятое на себя обязательство. Недостатокъ этого типа — несоотвѣтствіе между умственнымъ и физическимъ трудомъ, и именно, преобладаніе перваго; отсюда недостатокъ возбужденій, или стимуловъ, со стороны активно-физическихъ (мышечныхъ) органовъ тѣла и вслѣдствіе этого извѣстная степень апатіи, или, какъ обыкновенно говорятъ, лѣнь. Явленіе это можетъ зависѣть и отъ односторонней дѣятельности, выражающейся главнымъ образомъ стремленіемъ заниматься философскими разсужденіями, и отъ непривычки справляться съ техническими пріемами или заниматься физической работой. Всякое принужденіе къ занятіямъ и несправедливость или произволъ неминуемо отталкиваютъ ребенка этого типа отъ дѣла и содѣй-

ствуютъ апатичному и безучастному отношенію къ работѣ. Любовь къ ближнему, защита слабаго, простое и правдивое отношеніе къ окружающимъ составляютъ всегда отличительныя качества лицъ этого типа.

У ребенка мягко-забитаго типа нѣтъ условій, постепенно и послѣдовательно возбуждающихъ его и тѣмъ содѣйствующихъ его развитію, поэтому въ крайней своей степени онъ является въ видѣ слабоумнаго. Онъ отличается поэтому отрицательными качествами какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Дѣлаетъ онъ такъ, какъ указано и что сказано; нѣтъ ни наблюдательности, ни знаній, ни нравственныхъ понятій. Это—автоматъ, который даже плохо повторяетъ (имитируетъ) то, что видитъ и слышитъ. Безъ указанія и руководства онъ теряется и совершенно не въ состояніи дѣйствовать. Появляющееся у него упрямство имѣетъ болѣе характеръ инертнаго, пассивнаго состоянія, изъ котораго онъ не рѣшается выйти. Дѣти этого типа всего труднѣе поддаются развитію съ возрастомъ у нихъ развивается только узкая, эгоистическая практичность и расчетливость, и они совершенно безучастно и даже бездушно относятся ко всему окружающему.

Типъ злостно-забитый, всегда ожесточенный, отличается своею подозрительностью, самолюбіемъ и рефлекторными проявленіями, часто очень рѣзкими. Сознательная дѣятельность болѣе всего сосредоточена надъ личною защитою. Пріученный къ сильнымъ впечатлѣніямъ мѣрами, связанными съ оскорбленіемъ личности, ребенокъ этого типа постоянно стремится къ перемѣнѣ впечатлѣній и къ сильнымъ возбужденіямъ. Эти возбужденія выводятъ его изъ той апатіи, въ которую онъ впалъ подъ вліяніемъ принудительныхъ мѣръ. Правдивость его условная, такъ какъ онъ никогда не постѣснится сказать и поступить не согласно съ правдой, если это будетъ имѣть отношеніе къ лицу ненавистному или даже заподозрѣнному, а такимъ можетъ быть каждое незнакомое ему лицо. У лицъ этого типа преобладаетъ развитіе памяти надъ разсужденіемъ, развитію послѣдняго препятствуетъ у нихъ сильно развитое чувствованіе озлобленія, подъ вліяніемъ котораго они часто сильно рефлектируютъ. Они недостаточно пріучаются къ отвлеченному мышленію и отличаются скорѣе своею наблюдательностью и опытностью, если только примѣняемыя мѣры не ограничили у нихъ и этихъ способностей.

Типъ угнетенный отличается отъ добродушнаго типа преобладаніемъ у него, въ силу необходимости, физическаго труда надъ умственною дѣятельностью и въ особенности недостаточнымъ стремленіемъ къ отвлеченному мышленію и философскимъ разсужденіямъ. Лица этого типа настолько привыкли къ труду и лишеніямъ, что сами очень мало цѣнятъ свой трудъ и всегда отличаются большою скромностью, терпѣніемъ и терпимостью ко всѣмъ окружающимъ. Они отличаются всегда своею правдивостью, простотою своихъ проявленій и искренностью.

Нормальный типъ (представляемый въ идеалѣ) долженъ отличаться полною гармоніей между умственнымъ и физическимъ развитіемъ. Сохраняя полную впечатлительность ко всему окружающему, ребенокъ нормальнаго типа пріучается разсуждать надъ полученными впечатлѣніями и постепеннымъ и послѣдовательнымъ возбужденіемъ постоянно развиваетъ какъ умственныя свои способности, такъ и физическую дѣятельность, потому что пріучается достигать всего ему необходимаго собственными силами и, по возможности, участіемъ въ дѣятельности той среды, въ которой онъ растетъ. Въ состояніи бодрствованія онъ постоянно активно-дѣятеленъ; чутко присматриваясь къ нуждамъ и требованіямъ окружающихъ, онъ оцѣниваетъ ихъ по достоинству и не ставитъ своихъ личныхъ требованій выше требованій другихъ и въ особенности товарищества. Умственныя его способности должны быть естественнымъ образомъ направлены къ выясненію логической связи между усвоенными знаніями, къ развитію аналитической дѣятельности и отвлеченнаго мышленія. Соотвѣтственно умственному развитію должно итти и физическое: постепенное усвоеніе элементарныхъ пріемовъ всякой простой работы, встрѣчаемой въ обыденной жизни, обусловливаетъ усвоеніе пространственныхъ отношеній и распредѣленіе по времени какъ получаемыхъ впечатлѣній, такъ и соотвѣтственныхъ дѣйствій. Во всѣхъ его проявленіяхъ должно быть полное соотвѣтствіе между воспринимаемыми впечатлѣніями и представленіями, размышленіями и дѣйствіями; онъ всегда долженъ отличаться простымъ, правдивымъ и искреннимъ отношеніемъ къ другимъ, проявляя свою любовь вниманіемъ и участіемъ къ потребностямъ и нуждамъ другого лица. Онъ не рефлектируетъ прямо подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій и чувствованій, а возбужденія эти предварительно переходятъ у него въ сознательную, разумную

работу. Онъ никогда не рѣшается прибѣгать къ какимъ-либо насильственнымъ мѣрамъ или произвольнымъ требованіямъ, а ограничивается въ своихъ обращеніяхъ и требованіяхъ къ другимъ только рѣчью, всегда кратко и просто выраженной и обставленной серьезными основаніями. Всякое обращенное къ нему разумное слово вполнѣ достигаетъ своей цѣли. На ряду съ отсутствіемъ рѣзкости въ проявленіяхъ у него отсутствуютъ и всякія внѣшнія ласки и заученные пріемы вѣжливости и приличія; правдивый, простой умъ его не можетъ допустить какой-либо обманчивой внѣшности и искусственной напыщенности. Онъ долженъ отличаться всегда простотою и изяществомъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ. Онъ эстетикъ въ полномъ смыслѣ этого слова какъ въ мысляхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Нормальный типъ долженъ соединить въ себѣ всѣ хорошія качества добродушнаго и угнетеннаго типовъ; вообще, въ немъ должны быть сосредоточены всѣ качества, указывающія на полное гармоническое строеніе и соотвѣтственныя ему отправленія какъ физическія, такъ умственныя и нравственныя. Умственная дѣятельность его должна выражаться преимущественно отвлеченными образами и понятіями, вслѣдствіе чего у него должна явиться привычка самостоятельно справляться съ встрѣчающимися новыми явленіями и дѣйствіями. Нравственныя его проявленія должны быть направляемы идеалами, выработанными разсужденіемъ. Только при этихъ условіяхъ человѣкъ въ состояніи самостоятельно проявляться, быть менѣе зависимымъ отъ окружающей его среды, т. е. переводить центръ тяжести своихъ дѣйствій въ собственный организмъ.

Подобно тому, какъ темпераментъ можно связать съ особенностями въ строеніи и отправленіи сосудистой системы, вообще съ явленіями питанія, точно такъ же проявленія типа легко связать съ развитіемъ мозга и нервной системы, или, какъ обыкновенно говорятъ, съ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ. Типъ ребенка представляетъ прямое и непосредственное слѣдствіе условій, въ которыхъ онъ жилъ и воспитывался, а проявленія его видоизмѣняются по силѣ и быстротѣ, смотря по темпераменту и степени развитія его характера, какъ это будетъ еще показано ниже. Спрашивается, какія существуютъ данныя для выясненія соотношенія между типомъ ребенка и степенью его умственнаго и нравственнаго развитія. Постараемся, по возможности, разобрать ихъ теперь.

По существующимъ въ настоящее время изслѣдованіямъ можно сказать, что центры, съ которыми связана сознательная и умственная дѣятельность человѣка, расположены на поверхности большихъ полушарій головного мозга. Смотря по мѣсту расположенія на этой поверхности, они имѣютъ отношеніе или къ сознательному воспріятію (сознательно-чувствительные, или психо-сензитивные, центры), или къ сознательной дѣятельности (сознательно-двигательные, или психомоторные, центры).

Разумъ, разсудокъ и память не имѣютъ отдѣльныхъ специфическихъ органовъ; они связаны, повидимому, съ дѣятельностью элементовъ, расположенныхъ по всей поверхности передняго, или большого, мозга, а дѣятельность ихъ зависитъ отъ связи этихъ элементовъ между собой, съ соотвѣтствующими имъ парными центрами и съ узлами отраженныхъ дѣйствій (Мункъ [1]), Мейнертъ [2]). Разрушеніе нѣсколькихъ граммовъ мозгового вещества на поверхности одного полушарія уже понижаетъ сознательную дѣятельность и вызываетъ нѣкоторыя явленія слабоумія. Такъ, на основаніи опытовъ Гольца [3]), у собакъ съ подобными разрушеніями понижается сознательная дѣятельность и спускается даже до различной степени слабоумія. Животныя, подвергнутыя опытамъ, влѣзаютъ въ поставленныя имъ чашки съ ѣдою и кусаютъ собственныя свои лапы; это повторяется и на слѣдующій день, вслѣдствіе ослабленія ихъ памяти; на зовъ хозяина они бросаются въ различныя стороны и не въ состояніи опредѣлить направленіе получаемыхъ ими звуковыхъ впечатлѣній; они не могутъ найти щенятъ, которые пищатъ около нихъ, и не въ состояніи охранять ихъ; они не находятъ на кожѣ мѣста, сжимаемаго и раздражаемаго металлическимъ жомомъ (serres fines), они только тревожно и безпомощно передвигаются вслѣдствіе причиняемой имъ боли и не въ состояніи удалить раздражителя.

Въ средней долѣ каждаго полушарія большого мозга находятся, какъ полагаютъ, центры сознательнаго воспріятія органовъ высшихъ чувствъ (психо-сензитивные), спереди которыхъ предполагаютъ расположеніе сознательнаго центра мышечныхъ

---

[1]) Ueber die Functionen der Grosshirnrinde. Berlin 1881, стр. 73.

[2]) Zur Mechanik des Gehirnbaues. Wien 1884, стр. 7, и Psychiatrie, 1. Hälfte. Wien. 1884, стр. 137.

[3]) Ueber die Verrichtungen des Grosshirns. Pflüger's Archiv. T. XIII и XIV.

ощущеній, связанныхъ съ движеніемъ. По передней окраинѣ этихъ органовъ расположенъ органъ сознательной субъективной дѣятельности (психо-моторной). Всю эту область психо-сензитивныхъ и психо-моторныхъ центровъ называютъ органомъ нагляднаго воспріятія (или органомъ наглядности), верхнюю и среднюю части которой, по связаннымъ съ этими частями сознательнымъ отправленіямъ, называютъ органомъ нагляднаго воспріятія пространственныхъ отношеній (Organ der Raumanschauung Флегсига[1]), а нижнюю часть, гдѣ расположенъ главнымъ образомъ органъ сознательнаго воспріятія слуховыхъ впечатлѣній, называютъ органомъ нагляднаго воспріятія соотношеній по времени. Нижнюю переднюю часть этой области принимаютъ за мѣсто расположенія сознательнаго органа рѣчи. По передней, нижней и задней частямъ полушарій мозга, слѣдовательно, спереди, снизу и позади органа нагляднаго воспріятія, или органа разсудка, расположены центры самосознанія и отвлеченной умственной дѣятельности, иначе говоря, центры разума.

Мозгъ, какъ и всѣ органы человѣческаго тѣла, подлежитъ слѣдующимъ общимъ положеніямъ: 1) *Объемъ и отправленіе каждаго органа увеличиваются только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи его къ дѣятельности, если происходящая при этомъ трата будетъ всегда соотвѣтственно возстановляться.* 2) *Наибольшая физическая и умственная дѣятельность человѣка возможна только тогда, когда всѣ органы его тѣла гармонично развиты.*

Соотвѣтственно вышесказанному положенію центры сознательной дѣятельности человѣка могутъ развиваться только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи ихъ къ дѣятельности и при соотвѣтственномъ возстановленіи траты. Наблюденія, дѣйствительно, показываютъ, что, если отъ ребенка удалить всякое умственное возбужденіе, то онъ впадаетъ въ состояніе слабоумія.

Въ литературѣ приводятся случаи одичанія дѣтей, брошенныхъ съ малыхъ лѣтъ на произволъ судьбы и прожившихъ между животными въ лѣсу. Такъ, напр., описываютъ литовскаго мальчика, котораго въ 1657 году нашли въ лѣсахъ Гродненской губерніи и отняли у медвѣдей, съ которыми онъ жилъ.

---

[1]) Plan des menschlichen Gehirns. Leipzig. 1883, стр. 36.

Въ Варшавѣ, куда его привезли, его окрестили и дали ему имя Іосифа. Ему было на видъ около 12 лѣтъ, волосы на головѣ были бѣлые и очень густые, пальцы длинные, лобъ средній, голосъ медвѣжій. Онъ бѣгалъ на четверенькахъ, и съ большимъ трудомъ удалось пріучить его ходить въ вертикальномъ положеніи. Кожа у него была сухая, физически онъ былъ сильно развитъ; говорить не былъ въ состояніи, издавалъ по временамъ звуки, сходные со звуками, издаваемыми медвѣдемъ. Лицо его не было изуродовано, но только было нѣсколько измѣнено рубцами, которыми были также покрыты его руки,— послѣдствія раненій, произведенныхъ, повидимому, какъ медвѣдями, такъ, можетъ быть, и собаками. Вся его дѣятельность состояла только въ томъ, что онъ ежился по-медвѣжьи, отыскивалъ себѣ обыкновенно уголъ, гдѣ по-медвѣжьи ворчалъ и переступалъ съ ноги на ногу. Питался всего охотнѣе травой, вообще всякой зеленью и сырымъ мясомъ; съ большимъ трудомъ удалось пріучить его къ принятію вареной пищи и къ человѣческой рѣчи, и только насиліемъ можно было его заставить прикрыться платьемъ [1]).

Такъ же замѣчательна дѣвочка изъ Сонги (puella campaniса). Въ сентябрѣ 1731 года появилась въ деревнѣ Сонги, около Шалоня въ Шампани, дѣвочка лѣтъ 9—10; она была босая, тѣло ея было прикрыто тряпками и шкурками, въ рукѣ у нея была деревянная палка. Когда на нее натравили собаку, она спокойно ее къ себѣ подпустила и ударомъ палки по головѣ убила наповалъ. Вскорѣ она убѣжала обратно въ поле, взобралась быстро на дерево, гдѣ спокойно заснула. Когда она проснулась, ее сманили съ дерева и водворили въ замокъ, находящійся около деревни. Даннаго ей здѣсь въ кухнѣ кролика она задавила и съѣла сырымъ. Она была крѣпкаго сложенія и очень ловка; большіе пальцы рукъ были очень развиты, что зависѣло отъ очень частаго лазанія по деревьямъ, при чемъ она очень легко перебиралась съ одного дерева на другое. Вскорѣ она пріучилась дѣлать отверстія въ стѣнахъ и крышахъ и, проскальзывая черезъ очень маленькіе промежутки, она по деревьямъ пробовала убѣгать изъ мѣста своего заточенія, куда однако скоро ее возвращали. Движенія ея были настолько быстры, что она на лету ловила дичь; точно также

[1]) A. Rauber. Homo sapiens ferus. Leipzig. 1888, стр. 21—23.

она ловко ныряла, ловила руками рыбу и съѣдала все это въ сыромъ видѣ, точно такъ же, какъ и лягушекъ. Рѣчь у нея была замѣнена крикомъ. Трудно было ее отучить отъ употребленія въ пищу сырого мяса, листьевъ, вѣтвей и корней. Два года послѣ ея поимки она все еще охотно ловила рыбу въ водѣ. Урвавшись какъ-то изъ замка, гдѣ она находилась, она одѣтая бросилась въ прудъ и доплыла до находящагося на немъ острова; здѣсь она наловила себѣ лягушекъ и съ наслажденіемъ съѣла ихъ. Она изучила французскій языкъ и пріобрѣла довольно большую ловкость въ исполненіи женскихъ ручныхъ работъ. Она ничего не помнила о томъ, какъ попала въ лѣсъ, и полагала, что происходила отъ деревьевъ и почвы [1]). Литература богата подобными случаями.

Можно привести еще случай, гдѣ бабушка тщательно охраняла своего внука отъ всякаго посторонняго вліянія и отъ всякой дѣятельности до двадцатилѣтняго возраста. Она держала его постоянно около себя, обкладывала подушками и безъ устали хлопотала только объ удовлетвореніи всѣхъ его растительныхъ потребностей. Послѣ смерти бабушки онъ на двадцатомъ году остался въ самомъ жалкомъ состояніи, въ которомъ и пришлось его увидѣть. Онъ боялся людей, прятался отъ нихъ въ какой-либо уголъ и тамъ могъ долго сидѣть совершенно неподвижно; иногда онъ сидя даже засыпалъ, сложивъ ладони. На вопросъ, чего бы онъ желалъ, онъ всегда отвѣчалъ: „поѣсть“, и именно, борщу, рубленныхъ телячьихъ котлетъ и крема, и при этомъ онъ всегда вспоминалъ и имя повара, который эти блюда лучше всего готовилъ. Другое его желаніе было ѣхать къ бабушкѣ (онъ не представлялъ себѣ ясно ея смерти, исчезновенія), къ которой онъ, несмотря на тысячеверстное разстояніе отъ его прежняго мѣста жительства, готовъ былъ ѣхать на первомъ извозчикѣ. Пищу онъ ѣлъ съ особенной горячностью, воспринимая ее какъ бы всѣмъ своимъ существомъ, ничего не замѣчая въ это время вокругъ себя, и только хлопоталъ о возможно большемъ увеличеніи порціи. Всякая помѣха при этомъ его очень огорчала, и, разсерженный, онъ фыркалъ, какъ кошка. Это было единственное выраженіе его неудовольствія; во всѣхъ другихъ случаяхъ на обиду или на причиненное ему безпокойство онъ отвѣчалъ

[1]) A. Rauber. L. c., стр. 41.

слезами, которыя были единственнымъ орудіемъ его защиты. Онъ даже не рѣшался вытянуть руку, чтобы отодвинуть обидчика. Кромѣ нѣсколькихъ словъ объ ѣдѣ, бабушкѣ и небольшого количества заученныхъ фразъ, онъ ничего не говорилъ и не понималъ. Онъ не былъ пріученъ ни къ какой работѣ, ходилъ очень медленно, неохотно и мало, бѣгать же совершенно былъ не въ состояніи. Когда, желая заставить его бѣгать, его стали водить за руку, то, несмотря на все его стараніе, выражавшееся тѣмъ, что онъ раскрывалъ ротъ, высовывалъ языкъ, таращилъ глаза, онъ все же не могъ научиться бѣгать. Послѣ 2—3 минутъ такихъ упражненій онъ до того утомлялся, что засыпалъ сидя. При ежедневныхъ упражненіяхъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ онъ не научился не только бѣгать, но даже быстро ходить. Вообще онъ не поддавался никакому воспитанію, ни физическому, ни умственному. Раздѣваясь и одѣваясь, онъ все снималъ и надѣвалъ въ извѣстномъ разъ заученномъ порядкѣ и все совершенно точно и въ извѣстной послѣдовательности укладывалъ, при чемъ не допускалъ никакихъ отступленій. Память его была совершенно не развита. Онъ съ трудомъ узнавалъ людей, которыхъ уже нѣсколько разъ видѣлъ. Голову имѣлъ относительно большую, но она не отличалась никакими особенными измѣненіями формы. Часто предавался пороку.

Переходныя формы къ такому уже вполнѣ развитому виду слабоумія, какъ въ только что описанномъ случаѣ, приходится видѣть во всѣхъ возможныхъ степеняхъ между дѣтьми, приводимыми въ школу. Это — такъ называемый мягко-забитый, или заласканный, типъ дѣтей, чрезвычайно трудно поддающійся развитію. Встрѣчать его въ деревняхъ не приходилось при всемъ желаніи отыскать его тамъ. Но такихъ дѣтей можно встрѣтить въ семьѣ, гдѣ чувственная, мало-сознательная мать очень много безпокоится о своихъ дѣтяхъ, постоянно хлопочетъ объ удовлетвореніи всѣхъ растительныхъ потребностей ихъ и старается устранять отъ нихъ все, что какъ либо можетъ, по ея мнѣнію, повредить имъ. Въ этомъ ей помогаютъ разные „добрые“ и услужливые, даже старательные, но только тоже безтолковые и неразвитые гувернеры, гувернантки, бонны, няньки и т. д., и т. д.; всѣ предупреждаютъ, защищаютъ, охраняютъ, вообще принимаютъ всѣ мѣры къ устраненію ребенка отъ всякаго возбужденія къ какой-либо дѣятельности. На такихъ дѣтяхъ съ одними отрицательными качествами хорошо

можно прослѣдить и изучить значеніе постоянной регламентаціи и предупрежденія всякой самодѣятельности. Если относительно вышеприведеннаго случая, какъ примѣра проявленія слабоумія, можно возразить, что тамъ не было анализа умственнаго состоянія юноши въ первый періодъ его жизни, а кромѣ того, что появившіеся впослѣдствіи эпилептическіе припадки указывали уже на страданіе мозговыхъ его центровъ, то наблюденіе и изученіе дѣтей мягко-забитаго, или заласканнаго, типа, семейныя условія жизни которыхъ хорошо извѣстны, прямо выясняютъ связь, существующую между условіями, устраняющими всякое возбужденіе ребенка къ дѣятельности, и появленіемъ у него признаковъ слабоумія. Признаки эти настолько рѣзки, что удается по качествамъ ребенка опредѣлить болѣе или менѣе вѣрно условія, при которыхъ онъ находился въ первые годы своей жизни.

Кромѣ того, что должно быть постоянное возбужденіе, для развитія ребенка *необходимо еще, чтобы отдѣльные моменты возбужденія были, по возможности, разъединены по времени, и чтобы возбужденіе увеличивалось постепенно и послѣдовательно.*

Изслѣдованія показываютъ, что въ сознательномъ актѣ, въ которомъ впечатлѣніе при сосредоточенномъ вниманіи воспринимается въ видѣ представленія и возбуждаетъ сознательное отправленіе, можно различать слѣдующіе моменты:

1) Вліяніе раздраженія и передача послѣдняго въ видѣ впечатлѣнія.

2) Появленіе представленія въ полѣ сознанія (перцепція Вундта).

3) Сосредоточеніе его въ фокусѣ сознанія (апперцепція Вундта).

4) Время развитія желаній или хотѣній.

5) Проявленіе этихъ отправленій въ видѣ движенія.

Всѣ эти отдѣльные моменты разъединяются по времени; изъ нихъ первый и послѣдній моменты признаются за явленія физіологическія, а три средніе — за психическія. Чѣмъ быстрѣе и чѣмъ сильнѣе вліяніе раздраженія, тѣмъ скорѣе весь актъ является въ видѣ простой рефлекторной передачи раздраженія и теряетъ характеръ сознательнаго акта.

Моменты психическаго акта должны быть непремѣнно разъединены по времени, и чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ возбужденіе,

тѣмъ больше требуется времени для того, чтобы отдѣльныя впечатлѣнія и возбуждаемыя ими представленія ясно воспринимались сознаніемъ. Недостаточно разъединенныя по времени возбужденія вызываютъ только рефлекторныя движенія, которыя могутъ быть и нецѣлесообразными. Такъ какъ самый актъ сознанія состоитъ, какъ полагаютъ, изъ сравненія соотношенія впечатлѣній между собой, то понятно, что всѣ его моменты должны быть, по возможности, разъединены въ извѣстной послѣдовательности, чтобы быть отчетливо воспринятыми. Чѣмъ сложнѣе психическій актъ, тѣмъ болѣе онъ требуетъ напряженія для усвоенія, и тѣмъ болѣе получаемое впечатлѣніе должно быть разъединяемо по времени.

Представленія, т. е. явившіеся въ нашемъ сознаніи образы предметовъ, могутъ быть дѣйствительными и мнимыми. Дѣйствительныя представленія, или воспріятія, усваиваются сознаніемъ только при непосредственномъ вліяніи самого предмета, если же представленіе появляется не по дѣйствительно существующему предмету, то оно будетъ мнимымъ и явится въ видѣ воображаемаго представленія, или фантазіи. При умственной работѣ молодого человѣка понятія и отвлеченная мысль могутъ сложиться только изъ ясныхъ представленій; такія представленія получаются изъ дѣйствительныхъ представленій, которыя возможно больше разъединены по времени и всѣми возможными средствами провѣрены. Чтобы представленіе было воспринято памятью, требуется всегда меньше времени, чѣмъ если оно будетъ усвоено анализомъ и послужитъ основаніемъ отвлеченной идеи.

Наблюденія показываютъ, что каждый ребенокъ по мѣрѣ возбужденія сознательной дѣятельности (хотя въ различной степени, смотря по его темпераменту) останавливается передъ всѣми окружающими его явленіями и стремится ихъ себѣ уяснить. При этомъ онъ или повторяетъ (имитируетъ) болѣе рѣзкія и новыя впечатлѣнія, или нѣсколько болѣе сосредоточиваетъ надъ ними свое вниманіе и усваиваетъ памятью болѣе сложныя явленія и образы, или же, наконецъ, онъ разсуждаетъ надъ получаемымъ впечатлѣніемъ, выясняетъ его значеніе и составляетъ себѣ такимъ образомъ понятіе о немъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ долѣе всего останавливается надъ получаемыми имъ впечатлѣніями и всего лучше ихъ усваиваетъ. Наблюденіе показываетъ, что, чѣмъ меньше ребенокъ пріу-

чается разсуждать надъ получаемыми впечатлѣніями, тѣмъ болѣе онъ повторяетъ все то, съ чѣмъ встрѣчается въ окружающей средѣ. Этотъ періодъ имитаціи можетъ продолжаться очень долго и непремѣнно до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не пріучится разсужденіемъ къ болѣе самостоятельной дѣятельности, къ анализу и провѣркѣ получаемыхъ имъ впечатлѣній. Повидимому, *всѣ* дѣти по своей сильной впечатлительности и наблюдательности не оставляютъ безъ вниманія ни одного изъ окружающихъ ихъ явленій; необходимо только, чтобы ихъ стремленіе не встрѣчало препятствія со стороны окружающихъ, а, напротивъ того, поддерживалось ими. Обыкновенно же это бываетъ не такъ: взрослые либо желаютъ вести ребенка на помочахъ, при чемъ все ему скажутъ, все объяснятъ и все покажутъ, либо не позволяютъ ему вовсе разсуждать и постоянно твердятъ только о послушаніи, или же они безъ толку восхищаются сомнительными проявленіями его самодѣятельности и стараются отличіями и поощреніями возбудить его къ продолженію ея. Если ребенку постоянно навязывать мнѣнія и сужденія, то этимъ устраняется всякое возбужденіе къ его собственной дѣятельности, между тѣмъ какъ самостоятельнымъ наблюденіемъ надъ явленіями онъ пріучался бы къ воспріятію всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ они состоятъ, и составлялъ бы себѣ ясное представленіе о получаемыхъ впечатлѣніяхъ, пріучался бы разъединять, по возможности, получаемое впечатлѣніе по времени; онъ усваивалъ бы себѣ всѣ акты въ той послѣдовательности, которая необходима для выясненія значенія даннаго явленія, т. е., онъ привыкалъ бы логически мыслить. Развитіе ребенка и состоитъ главнымъ образомъ въ умѣньи сосредоточивать вниманіе надъ получаемымъ впечатлѣніемъ и умственнымъ трудомъ преодолѣвать препятствія къ пониманію его. Въ томъ же случаѣ, когда сужденіе дается уже готовымъ, и сообщаются главнымъ образомъ одни выводы, послѣдніе будутъ усваиваться только памятью, вмѣсто того, чтобы подготовлять и развивать у ребенка точно такую же умственную работу, съ помощью которой добыты переданные ему выводы и заключенія.

То же самое относится и къ играмъ и физическимъ занятіямъ дѣтей: они охотно сами строятъ и еще охотнѣе разрушаютъ, чтобы понять, какъ построена попавшая имъ въ руки вещь. Обыкновенно имъ даютъ уже готовыя замысловатыя

игрушки, снабженныя механизмомъ, пружинами и производящія различныя движенія, звуки и т. п., или даютъ приспособленныя части и требуютъ, чтобы они составили изъ нихъ опредѣленныя фигуры или постройки. Дѣти, понятно, сейчасъ же разрушаютъ данныя имъ вещи и стремятся отыскать причины замѣчаемыхъ ими движеній или звуковъ, а постройку или фигуру сдѣлаютъ только тогда, когда они уже подготовлены къ этому на болѣе простыхъ формахъ, иначе требованіе окажется невыполнимымъ, оно только утомитъ ихъ, и они затѣмъ всякимъ способомъ будутъ уклоняться отъ такихъ занятій. Вообще ребенку доставляетъ большое удовольствіе, если онъ самъ замѣтилъ и выяснилъ себѣ какое-либо явленіе, и если его разсужденіе оказывается, дѣйствительно, вѣрнымъ; точно также доставляетъ ему наибольшее удовольствіе то, что онъ самъ сдѣлалъ и чего достигъ безъ указанія другихъ. Все это совершенно понятно: онъ разрѣшилъ то, что могъ, или сдѣлалъ то, что отвѣчало его силамъ, слѣдовательно, трата, связанная съ этою работою, соотвѣтствуетъ накопившемуся матеріалу, работа поэтому должна доставить ему удовольствіе. Требованія же взрослыхъ, напротивъ того, могутъ часто превышать уровень его умѣнья и подготовки и вызывать трату, несоотвѣтствующую накопленному матеріалу; ясно, что для ребенка это будетъ сопровождаться страданіемъ, отталкивающимъ его отъ такой работы. Достигнутый результатъ уже самъ по себѣ возбуждаетъ ребенка къ продолженію работы и къ отыскиванію новой, болѣе сложной, и нѣтъ никакой нужды еще усиливать эти естественные стимулы похвалою, отличіемъ или какою-либо наградою, это можетъ только повредить ребенку.

На дѣлѣ оказывается, что, если не давать ребенку покоя регламентаціями, ограничивать его разсужденія и дѣйствія, то получится въ результатѣ одинъ изъ забитыхъ типовъ, и именно, или мягкій, или злостный забитый, смотря по тому, окружали ли ребенка ласкою и безсмысленной предупредительностью, или преслѣдовали его, принуждая строгостью и наказаніями дѣлать то, чего отъ него требовали, при чемъ не принимались въ расчетъ силы и возможность для ребенка исполнить эти требованія. Въ послѣднемъ случаѣ впечатлительность ребенка угнетается, и онъ впадаетъ въ апатію, изъ которой его могутъ вывести только болѣе сильныя возбужденія, а кромѣ того, онъ озлобляется, ибо признаетъ примѣняемыя къ нему мѣры не-

справедливыми, такъ какъ онъ на дѣлѣ успѣлъ убѣдиться, что у него не хватило бы ни силъ, ни умѣнья выполнить то, что отъ него требовалось. Вслѣдствіе этого онъ всегда очень подозрительно относится ко всякому новому требованію и всегда отказывается или отговаривается отъ его исполненія, такъ какъ изъ опыта уже знаетъ, что всякая его неудача приведетъ къ насильственнымъ мѣрамъ, сильно его угнетающимъ. Наказаніе за совершенный имъ проступокъ никогда не вызоветъ у ребенка такой злобы, какъ произволъ, ничѣмъ не обоснованное и, съ точки зрѣнія ребенка, несправедливое насиліе. Въ первомъ случаѣ только понизится впечатлительность наказаннаго, а въ послѣднемъ случаѣ принужденіе вызоветъ у него цѣлую бурю негодованія и рѣзкихъ дѣйствій, озлобитъ и оттолкнетъ отъ мучителя.

При нормальныхъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о наказаніяхъ или какихъ-либо принудительныхъ мѣрахъ. Весьма распространенное мнѣніе, что ребенокъ врожденно золъ, лѣнивъ, капризенъ и вообще дуренъ, пока не коснулось его воспитаніе, совершенно невѣрно и несправедливо. Если наблюдать и изучать дѣтей до пятилѣтняго возраста, то даже трудно становится понять, какъ могло установиться такое мнѣніе. Происходитъ оно, видимо, отъ того, что человѣкъ всегда стремится отыскивать внѣ себя всякую невыгодную или неблагопріятную причину своихъ дѣйствій. Онъ поступаетъ часто кое-какъ, наскоро и не думаетъ о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій, а если эти послѣдствія обнаруживаются невыгоднымъ образомъ, то виноватъ ребенокъ, съ котораго взыскиваютъ и котораго за это преслѣдуютъ. Кантъ въ своей „Антропологіи“ приводитъ, что Зульцеръ, директоръ школъ въ Силезіи, на вопросъ Фридриха II о характерѣ человѣческаго рода, отвѣтилъ: „съ тѣхъ поръ какъ стали придерживаться основного положенія (Руссо), что человѣкъ по своей природѣ хорошъ, дѣло идетъ лучше“. Собственно говоря, у ребенка нѣтъ врожденныхъ типичныхъ качествъ и врожденнаго характера; у него можно замѣтить только степень и продолжительность его возбудимости; послѣдняя можетъ быть быстрой или медленной, сильной или слабой, и эти проявленія его темперамента обыкновенно принимаютъ за выраженіе типа и характера ребенка. Въ быстрыхъ рѣзкихъ движеніяхъ ребенка, зависящихъ отъ болѣе сильнаго возбужденія, видятъ выраженіе его злости, въ медленныхъ и слабыхъ дви-

женіяхъ — лѣнь. Это совершенно невѣрно, и эти явленія необходимо строго различать, тогда и нельзя будетъ говорить о врожденной злости, лѣни и вообще о врожденныхъ дурныхъ качествахъ ребенка. Они появляются только по мѣрѣ развитія сознательной дѣятельности ребенка и зависятъ отъ неблагопріятныхъ условій, обыкновенно создаваемыхъ взрослыми. Чѣмъ мягче и осторожнѣе обращаются съ ребенкомъ, чѣмъ большею разумною добротою и любовью онъ окруженъ, тѣмъ болѣе мягкимъ и любящимъ человѣкомъ онъ является, тѣмъ съ большею впечатлительностью онъ относится ко всему окружающему, и тѣмъ болѣе онъ пріучается руководствоваться правдою во всѣхъ своихъ помышленіяхъ и дѣйствіяхъ. Нравственныя качества ребенка составляютъ дѣйствительное наслѣдіе среды, въ которой онъ провелъ первые годы своей жизни; это наслѣдіе окружающихъ прививается по мѣрѣ развитія сознанія ребенка, какъ и его рѣчь, способъ выраженія, привычки, обычаи и т. д.

Злымъ ребенокъ будетъ только тогда, когда его раздражаютъ и оскорбляютъ несправедливостью, произволомъ и неправдою. Лѣнь у него является, когда его насильственно заставляютъ производить непосильную, несоотвѣтствующую его знаніямъ и подготовкѣ, слѣдовательно, логически непослѣдовательную работу, или работу, сильно угнетающую его однообразными, утомительными дѣйствіями. Слѣдовательно, лѣнь явится, когда насильственно требуемая работа сопровождается тратой вещества, несоотвѣтствующей предшествовавшему накопленію, и когда избытокъ траты сравнительно съ накопленіемъ приведетъ къ страданію, къ истощенію и даже къ изнуренію. Опять же, слѣдовательно, не врожденное предрасположеніе вызываетъ это явленіе, а непріятное, гнетущее чувствованіе, вызванное требованіями, несоотвѣтствующими силамъ и способностямъ ребенка, слѣдовательно, несправедливыми, произвольными.

Отъ лѣни какъ стремленія избѣгнуть или уклониться отъ дѣятельности, связанной съ извѣстными условіями, необходимо отличать то инертное состояніе, которое наблюдается у дѣтей мягко-забитаго типа, а также бездѣятельность добродушнаго ребенка и апатію, замѣчаемую у честолюбиваго.

Инертное состояніе ребенка заласканнаго, или мягко-забитаго типа, зависитъ отъ отсутствія иниціативы. Здѣсь все постоянно предусмотрѣно и предупреждено, все приготовлено и указано, остается только слушаться и исполнять; если, слѣдовательно,

нѣтъ внѣшняго стимула, то нѣтъ и дѣйствія; съ какимъ явленіемъ ребенокъ встрѣтится, на томъ и остановится, пока гувернеръ, гувернантка, бонна не натолкнетъ его на что-нибудь другое. Такой ребенокъ представляетъ собой часто повтореніе лицъ, окружающихъ его. Всѣ кругомъ неподвижны, и ребенокъ остается въ такомъ же оцѣпенѣніи вслѣдствіе недостатка возбужденія. Бездѣятельность (физическая) добродушнаго типа можетъ зависѣть отъ привычки заниматься главнымъ образомъ умственнымъ трудомъ и происходящей вслѣдствіе этого недостаточной увѣренности въ своихъ физическихъ силахъ и умѣньи ихъ направлять. Отсюда нерѣшительность и неудовлетворенность своей работой, которая не соотвѣтствуетъ его воображенію и представленію о желаемомъ результатѣ. Неудовлетворенность своей работой должна явиться угнетающимъ моментомъ, который и будетъ содѣйствовать той бездѣятельности, какою обыкновенно отличаются лица этого типа. Апатія является при отсутствіи раздраженія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность ребенка вызывалась вліяніемъ какихъ-либо прибавочныхъ раздраженій и чувствованій. Если для возбужденія ребенка къ дѣятельности его поощряли различными отличіями и похвалами, то онъ такъ привыкаетъ къ этому прибавочному возбужденію, что безъ этого у него не является достаточной энергіи къ дѣятельности, рождается апатія, изъ которой его можетъ вывести только другой, уже болѣе сильный, возбудитель. Этимъ и объясняется апатичное состояніе ребенка честолюбиваго типа.

Если мѣры, примѣняемыя съ цѣлью наказанія, понижаютъ впечатлительность ребенка и озлобляютъ его, то совершенно также должны дѣйствовать на его впечатлительность и противоположныя мѣры, именно, ласки и внѣшнія чувственныя проявленія привязанности и участія. Всякія внѣшнія проявленія участія направлены главнымъ образомъ на чувствительную поверхность ребенка, которую они раздражаютъ, при чемъ раздражается и самъ ласкающій. Поцѣлуи, объятія, поглаживанія и тому подобные пріемы при частыхъ повтореніяхъ становятся чисто рефлекторными явленіями, производимыми безъ всякаго сознательнаго участія. Вредны они тѣмъ, что замѣняютъ сознательныя дѣйствія и являются въ видѣ прибавочныхъ нравственныхъ раздражителей и этимъ понижаютъ впечатлительность ребенка. Истинная любовь и участіе къ нему должны всегда проявляться на дѣлѣ, а не въ ласковыхъ словахъ и

поцѣлуяхъ. Мать, привыкшая при всякой встрѣчѣ съ ребенкомъ ласкать и цѣловать его, удовлетворяется этими пріемами и успокаивается; при этомъ она удовлетворяетъ чувственно себя не менѣе, чѣмъ ребенка. Напротивъ того, если при встрѣчѣ съ нимъ она не прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ, то, всматриваясь въ него, она замѣтитъ все, что онъ въ данную минуту собой выражаетъ, и вспомнитъ о всѣхъ его нуждахъ и требованіяхъ. Дѣйствительно любящая мать должна въ особенности помнить о непосредственномъ вліяніи на ребенка ея личной жизни и дѣятельности.

Въ нормальномъ ребенкѣ самымъ благопріятнымъ условіемъ для его дѣятельности является его впечатлительность ко всему окружающему; ею обусловливается главнымъ образомъ чуткая возбуждаемость и отзывчивость сознательныхъ отправленій. О вліяніи наказаній и ласкъ, несомнѣнно притупляющихъ впечатлительность и этимъ содѣйствующихъ пониженію сознательныхъ отправленій, было уже сказано. При нормальной впечатлительности раздраженіе и ощущеніе должны соотвѣтствовать другъ другу, и съ постепеннымъ и послѣдовательнымъ усиленіемъ раздраженія должно соотвѣтственно усиливаться и ощущеніе. Въ психологіи, на основаніи такъ-называемаго психофизическаго закона Фехнера, признается, что „въ то время, какъ раздраженіе растетъ въ геометрической прогрессіи, ощущеніе увеличивается въ ариѳметической“. Чѣмъ рѣзче дѣйствуетъ сильное раздраженіе, тѣмъ относительно скорѣе слѣдуетъ за нимъ пониженіе ощущенія, и чтобы усиливать ощущеніе въ ариѳметической прогрессіи, раздраженіе должно возрастать въ геометрической прогрессіи.

Наблюденіе показываетъ, что, если постепенно и послѣдовательно упражнять сознательное воспріятіе ощущеній, то можно усовершенствовать ихъ воспріимчивость. Извѣстно, что живописецъ можетъ различать оттѣнки цвѣтовъ, которые другимъ не замѣтны, а музыкантъ можетъ различать два тона, отличающіеся на $^1/_{33}$ полутона и можетъ даже дойти до опредѣленія различія въ $^1/_{64}$ полутона (Э. Веберъ, Гельмгольцъ). Точно также и силу свѣта отъ двухъ источниковъ можно различать на $^1/_{64}$ ихъ интенсивности (Буге), но разница еще замѣтна при $^1/_{100}$ (Фолькманъ), а при примѣненіи болѣе точнаго способа при $^1/_{120}$ (Массонъ), и даже она еще ясно замѣчается при $^1/_{133}$, не вполнѣ ясно при $^1/_{150}$ и лишь мгновенно при $^1/_{167}$ (Гельмгольцъ).

При проявленіи мышечныхъ силъ руководствуются мышечными ощущеніями и по различію ощущеній опредѣляютъ различіе въ проявляемыхъ силахъ. Обыкновенно возможно замѣтить разность въ мышечныхъ ощущеніяхъ, равную $^1/_{17}$, но упражненіемъ можно усовершенствовать свою впечатлительность до того, что упражняющійся будетъ въ состояніи замѣтить разность въ ощущеніи при подниманіи тяжести на $^1/_{40}$. Но такое усовершенствованіе, или повышеніе впечатлительности, получается только при систематическомъ упражненіи, т. е. при соблюденіи полной постепенности и послѣдовательности и постоянномъ сравниваніи получаемыхъ раздраженій. Напротивъ того, при всякомъ рѣзкомъ и непослѣдовательномъ вліяніи раздраженія впечатлительность притупляется и понижается; чтобы возбудить такую пониженную впечатлительность, необходимо прибѣгать къ болѣе сильнымъ раздражителямъ, при чемъ ощущеніе будетъ расти не въ такой прогрессіи, какъ раздраженіе, а гораздо медленнѣе; очень же сильное и неожиданно дѣйствующее раздраженіе можетъ совершенно уничтожить способность воспринимать впечатлѣнія или даже разрушить аппаратъ, служащій для воспріятія раздраженія.

То же самое можно сказать и относительно чувствованій или эмоцій; при постепенномъ и послѣдовательномъ ихъ развитіи они являются нормальными возбудителями сознательной умственной дѣятельности. Напротивъ того, при сильныхъ и рѣзкихъ возбужденіяхъ они вызываютъ только рефлекторныя явленія; послѣ нихъ является стремленіе поддержать возбужденіе еще болѣе сильнымъ раздражителемъ, послѣ чего однакоже наступаетъ періодъ ослабленной дѣятельности, или апатія, которая будетъ тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ сильнѣе было предшествовавшее возбужденіе.

На эти отношенія и было главнымъ образомъ обращено вниманіе математической школы прошедшаго столѣтія, съ Лапласомъ во главѣ, которая занималась опредѣленіемъ отношенія физическаго блага къ нравственному благу, при чемъ подъ первымъ понималось обладаніе предметомъ, способнымъ доставлять удовольствіе, а подъ вторымъ состояніе удовольствія, которое вызывается сознаніемъ этого обладанія. Физическое благо является здѣсь, слѣдовательно, возбудителемъ или причиною нравственнаго блага. Эти отношенія были подведены даже подъ общее положеніе, что физическое благо увеличи-

вается въ геометрической прогрессіи, тогда какъ нравственное благо растетъ въ ариѳметической. Точно также опредѣляли отношеніе между возбудителемъ душевнаго волненія и силою этого волненія (Бернулли). Изъ этого выяснилось затѣмъ отношеніе между раздраженіемъ и ощущеніемъ, которое имѣетъ болѣе опредѣленное значеніе.

Наблюденія надъ дѣтьми показываютъ, какъ необходимо помнить всѣ эти положенія при воспитаніи, и какое значеніе они на самомъ дѣлѣ здѣсь имѣютъ. Обыкновенно полагаютъ, что для привлеченія дѣтей къ занятіямъ необходимо примѣнять различныя мѣры поощренія или принужденія въ видѣ прибавочныхъ раздраженій, возбуждающихъ ребенка къ дѣятельности. Только что ребенокъ родился на свѣтъ, какъ на него начинаютъ дѣйствовать различными совершенно ненужными и, съ точки зрѣнія нормальнаго развитія, положительно вредными раздраженіями. Новорожденнаго поятъ ромашкой, мажутъ масломъ, цѣлуютъ, укачиваютъ, при чемъ чмокаютъ, приговариваютъ, поютъ, вообще различными однообразными дѣйствіями стараются довести его до утомленія. Вскорѣ оказывается, что ребенокъ безъ этихъ раздражителей не засыпаетъ. Первыя проявленія сознательной дѣятельности ребенка часто служатъ основаніемъ восхищенія его умомъ и способностями, или, напротивъ, вызываютъ примѣненіе различныхъ мѣръ принужденія и наказанія. Возбуждаютъ соревнованіе между дѣтьми, восхваляя одного и унижая другого, награждаютъ, отличаютъ и заявляютъ торжественно о превосходствѣ однихъ надъ другими.

Каждый взрослый изъ опыта хорошо знаетъ, какъ дѣйствуютъ похвала и лесть; понятно, какъ онѣ должны вліять на впечатлительнаго, пробуждающагося къ сознательной дѣятельности ребенка. Онъ начинаетъ присматриваться и усваиваетъ въ особенности все то, чѣмъ онъ можетъ отличиться отъ другихъ и получить пріятную ему похвалу и отличіе. Приходилось наблюдать пятилѣтняго ребенка, который, несмотря на то, что еще не учился читать, повторялъ по дѣтской книжкѣ сказку въ стихахъ, при чемъ совершенно вѣрно переворачивалъ страницы и не пропускалъ ни единаго слова. Каждому гостю и новому знакомому, которому показывали этого ребенка, говорили о замѣчательныхъ его способностяхъ и заставляли повторять заученную по слуху сказку. Разсуждать этотъ ребенокъ не умѣлъ, а очень быстро все схватывалъ памятью и уже

отличался многими характеристическими признаками честолюбиваго типа. Нужно видѣть и слѣдить за такими дѣтьми, чтобы убѣдиться, до какой степени развивается у нихъ стремленіе отличаться и первенствовать: они ни передъ чѣмъ не останавливаются и стараются достигнуть своей цѣли всевозможными хитростями и уловками. Предпринимая какую нибудь работу, требующую большого умственнаго труда, они много не разсуждаютъ надъ ней, а поскорѣе доводятъ свой трудъ до желаемаго конца, пользуясь обыкновенно сильно развитою памятью. Такой ребенокъ избѣгаетъ всякой работы и всякихъ дѣйствій, которыя прямо и непосредственно не влекутъ за собой отличія; если онъ этого не видитъ впереди, то онъ бездѣйствуетъ; всякая неудача угнетаетъ его и вызываетъ у него апатію; онъ отстраняется отъ человѣка, не признающаго его превосходства и этимъ сильно его огорчающаго.

Всевозможныя сильныя возбужденія, которымъ такъ часто подвергаютъ ребенка, будутъ дѣйствовать точно также на пониженіе его впечатлительности и дѣятельности. Театръ, общественныя собранія, путешествія по чужимъ странамъ такъ же, какъ и запугиванія ребенка, насмѣшки надъ нимъ, поддразниваніе его, лакомства, крѣпкіе напитки, наркотическія средства, половое возбужденіе, постоянное напоминаніе и указаніе окружающихъ на различныя болѣзни и отвлеченіе отъ дѣла и многіе другіе подобные моменты, являющіеся прибавочными возбудителями,—все это приводитъ ребенка къ чувственному развращенію и къ апатіи.

Въ школѣ приходится постоянно встрѣчаться со всѣми послѣдствіями только что приведенныхъ неблагопріятныхъ условій семейной жизни ребенка; въ школѣ это чувственное развращеніе и апатія разовьются еще болѣе, если ребенокъ не научится здѣсь болѣе управлять собой и владѣть своими чувствованіями. Если же, напротивъ, въ школѣ дѣло поставлено какъ слѣдуетъ, и тамъ существуетъ хорошее товарищество, то можно легко прослѣдить, какъ измѣняются качества ребенка, и въ какой вообще зависимости находятся они отъ окружающей среды. Правда, что, чѣмъ раньше начали развиваться типичныя проявленія, и чѣмъ рѣзче они обнаруживаются, тѣмъ они устойчивѣе и тѣмъ труднѣе сглаживаются.

Мнѣніе, что при воспитаніи необходимо примѣнять прибавочныя раздраженія для поощренія или привлеченія къ заня-

тіямъ, сильно распространено; этимъ создаются только совершенно ненормальныя явленія. Чрезвычайно трудно и даже невозможно регулировать эти раздраженія съ необходимою послѣдовательностью и постепенностью, а потому они неизбѣжно содѣйствуютъ развитію односторонних чувствованій у человѣка и нарушаютъ гармонію его отправленій. Внѣшній искусственный прибавочный раздражитель не можетъ быть нормальнымъ моментомъ, возбуждающимъ къ дѣятельности, такъ какъ онъ обыкновенно недостаточно соразмѣряется съ потребностями и съ индивидуальнымъ расположеніемъ. Нормальнымъ возбудителемъ можетъ быть только постепенно и послѣдовательно усиливающійся раздражитель, тѣсно связанный и вполнѣ приспособленный къ энергіи тканей.

Раньше уже было сказано, что при воспитаніи необходимо предоставить ребенку выборъ дѣятельности, не стѣснять его при этомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не отказывать ему въ своемъ участіи, если онъ съ чѣмъ-либо обращается за выясненіемъ или указаніемъ. Насколько ребенокъ долженъ свободно расти безъ всякихъ препятствій, налагаемыхъ на него съ момента рожденія на свѣтъ, засыпать и спать безъ всякаго прибавочнаго раздраженія и постоянной соски во рту, настолько же онъ долженъ быть всегда занятъ, когда бодрствуетъ, и ему должно быть предоставлено самому отыскивать себѣ занятія и разсуждать какъ надъ своимъ дѣломъ, такъ и надъ всѣми встрѣчающимися ему явленіями. Необходимо, конечно, чтобы вокругъ себя онъ видѣлъ разумно-дѣятельную жизнь. Единственными моментами, возбуждающими его къ дѣятельности, должны быть: удовольствіе, ощущаемое имъ при занятіяхъ, интересъ къ дѣлу и стремленіе усвоить себѣ знаніе и пониманіе наблюдаемыхъ имъ явленій.

Всякая работа, соотвѣтствующая силамъ и пониманію, или степени развитія, ребенка, непремѣнно доставитъ ему удовольствіе, которое еще увеличивается, если онъ начинаетъ работу по собственному побужденію и достигаетъ желаннаго результата. Удовольствіе, испытываемое имъ при этомъ, такъ велико, что оно побуждаетъ его къ дальнѣйшей дѣятельности, и является нормальнымъ моментомъ возбужденія, къ которому не слѣдуетъ поэтому прибавлять никакихъ новыхъ раздражителей въ видѣ похвалы, отличія или награжденія. Извѣстно, что ребенокъ при ознакомленіи съ окружающимъ его міромъ и при

отыскиваніи себѣ занятій постоянно повторяетъ, или имитируетъ, взрослыхъ, и чѣмъ больше онъ привязанъ къ послѣднимъ, и чѣмъ лучше они къ нему относятся, тѣмъ болѣе онъ слѣдуетъ ихъ обычаямъ, привычкамъ и дѣятельности. При этомъ изъ подражанія ребенокъ легко можетъ взяться за непосильное дѣло, которое непремѣнно должно неблагопріятно отозваться на его здоровьи и причинить ему страданіе. Наблюденія однакоже показываютъ, что, чѣмъ больше ребенокъ привыкъ останавливаться и разсуждать надъ встрѣчающимися явленіями, тѣмъ менѣе онъ имитируетъ, и наоборотъ. Слѣдовательно, привычка разсуждать является опять же лучшимъ уравнителемъ его дѣятельности и всего вѣрнѣе содѣйствуетъ появленію самостоятельности въ его дѣйствіяхъ. Обсужденіе какъ активная умственная дѣятельность способствуетъ, кромѣ того, болѣе гармоническому развитію ребенка, такъ какъ умственная дѣятельность всегда будетъ вызывать провѣрку обсуждаемаго и находиться въ связи съ физической его дѣятельностью. Кромѣ того, ребенокъ, привыкшій разсуждать надъ своими дѣйствіями и очень чутко относящійся ко всякому получаемому имъ впечатлѣнію, всегда приметъ во вниманіе всякое обращенное къ нему слово и объясненіе, такъ что взрослому стоитъ только выяснить ему несоотвѣтствіе между его силами и предпринимаемой имъ работою, и онъ измѣнитъ свое намѣреніе и выберетъ себѣ болѣе подходящее своимъ силамъ занятіе. Необходимо только не ограничиваться запрещеніемъ, а объяснять все, требуемое отъ ребенка.

Какъ уже сказано, достигнутый результатъ, въ особенности при самостоятельномъ начинаніи дѣла, всегда является возбудителемъ къ продолженію дѣятельности. Не ожидая никакого возбудителя внѣ себя, какъ это бываетъ съ честолюбивымъ ребенкомъ, желающимъ всегда первенствовать и отличаться, ребенокъ въ случаѣ неудачи не броситъ занятія, а напротивъ, пожелаетъ отыскать причину неудачи, которую во всякомъ случаѣ припишетъ себѣ, а не другимъ, и не будетъ искать ее внѣ себя. Поэтому неудача, или недостиженіе желаннаго результата, послужитъ также къ продолженію дѣятельности и не вызоветъ никакой апатіи. Удовольствіе, связанное съ работою, послужитъ, слѣдовательно, возбудителемъ къ ея продолженію и къ отыскиванію сходныхъ впечатлѣній, именно, интереса къ воспріятію и къ дѣятельности. Не стѣсняемый въ сво-

ихъ дѣйствіяхъ ребенокъ постоянно будетъ наталкиваться на новыя явленія, такъ что постоянно будутъ существовать главныя и необходимыя условія для вниманія, именно, новость и интересъ, и все это по внутреннему побужденію, а не подъ вліяніемъ внѣшнихъ прибавочныхъ возбудителей. При нормальныхъ условіяхъ возможно допустить только вліяніе однихъ внутреннихъ (идейныхъ) возбудителей, всего вѣрнѣе обезпечивающихъ постепенность и послѣдовательность, такъ какъ они будутъ уравновѣшиваться разсужденіемъ.

Съ привычкою сосредоточивать свое вниманіе надъ получаемыми впечатлѣніями связывается возможность точнѣе разъединять отдѣльныя представленія и такимъ образомъ собирать знанія. Такъ какъ все это происходитъ по внутреннему побужденію, въ границахъ возможности и въ предѣлахъ существующихъ въ организмѣ силъ, со степенью и быстротою проявленія, соотвѣтствующими темпераменту, то и должно вызвать удовольствіе, которое и послужитъ дальнѣйшимъ возбудителемъ. Дѣятельность будетъ поддерживаться не только по своей новизнѣ и интересу, но и потому, что она близко подходитъ къ настроенію ребенка; умственная работа будетъ такимъ образомъ направлена по наиболѣе легкому пути, наиболѣе соотвѣтствующему потребностямъ нормальнаго развитія.

Ребенокъ, привыкшій разсуждать и выяснять себѣ встрѣчающіяся явленія, всегда отличается тѣмъ, что дѣйствія его соотвѣтствуютъ его размышленіямъ; у него слово и дѣло не расходятся, и онъ мотивируетъ свои дѣйствія правдою. Какъ разъ противоположныя явленія замѣчаются у ребенка, не привыкшаго къ разсужденіямъ: возбудителями его дѣятельности будутъ либо растительныя его потребности, какъ это видно въ лицемѣрномъ типѣ, либо внѣшнія вліянія, какъ это бываетъ у ребенка заласканнаго. Ребенокъ лицемѣрнаго типа всегда отличается относительно очень быстрыми, какъ бы непосредственными (отраженными) дѣйствіями; они всегда направлены главнымъ образомъ къ достиженію ближайшей личной выгоды. Своей цѣли онъ достигаетъ хитростью и на основаніи опыта повторяетъ такія дѣйствія, которыя быстрѣе и легче приводятъ къ удовлетворенію его личныхъ, преимущественно растительныхъ потребностей. Это — опытно-рефлекторная дѣятельность, мало разъединенная по времени и малосознательная. Она связана съ низшею степенью развитія созна-

тельныхъ проявленій, наблюдаемыхъ часто въ видѣ хитрости, и поэтому замѣчается у животныхъ, даже у низшихъ, и въ начальные періоды жизни человѣка. Если ребенокъ не будетъ пріучаться размышлять и разсуждать надъ явленіями, у него не будетъ ясно сознанныхъ представленій и понятій, и онъ только на основаніи опыта будетъ повторять лично для него выгодныя дѣйствія; онъ беретъ то, что производитъ на него болѣе сильное впечатлѣніе, дѣлаетъ то, что передъ тѣмъ его удовлетворяло, говоритъ то, что скорѣе и легче вспоминается, что выгоднѣе относительно ближайшихъ послѣдствій. Неудачи смущаютъ его недолго; онъ скоро успокаивается и въ ближайшемъ будущемъ избѣгаетъ дѣйствій, приводящихъ къ такой неудачѣ. Нигдѣ нѣтъ сложнаго психическаго акта, нѣтъ и понятія о правдѣ и направляющаго ея вліянія. Понятіе о правдѣ слагается изъ сравненія впечатлѣній, получаемыхъ различными органами высшихъ чувствъ; только то, что ясно сознано и строго соотвѣтствуетъ характеру образовъ полученныхъ впечатлѣній, можетъ ложиться въ основаніе нашихъ понятій объ истинѣ. Если затѣмъ слѣдъ этого сознанія легко возникаетъ при разныхъ случаяхъ путемъ ассоціаціи сходныхъ представленій, то онъ можетъ явиться руководящимъ или соразмѣряющимъ моментомъ для дѣйствія. Понятіе о правдѣ у ребенка составляетъ поэтому главное основаніе его нравственнаго развитія; степени развитія этого понятія соотвѣтствуютъ и нравственныя проявленія, замѣчаемыя у ребенка.

Не пріучившись къ умственной работѣ, не будучи въ состояніи достаточно разъединять получаемыя впечатлѣнія по времени, онъ не въ состояніи и выработать понятія о правдѣ. Извѣстно, что между глухо-нѣмыми встрѣчается всегда большой процентъ слабоумныхъ, и что они вообще очень трудно поддаются умственному развитію. Это объясняется главнымъ образомъ отсутствіемъ у нихъ слуховыхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ по преимуществу создаются умственные образы и воображаемыя представленія, переходящіе затѣмъ уже при повѣркѣ въ ясныя представленія и отвлеченныя мысли.

Нравственныя правила, усвоенныя памятью, а не основанныя на понятіяхъ о правдѣ, очень нестойки и обыкновенно не ложатся въ основаніе нашихъ дѣйствій, какъ вообще всякія знанія, не усвоенныя путемъ анализа и соотвѣтственныхъ провѣрокъ въ видѣ отвлеченныхъ мыслей или понятій. Обыкно-

венно очень трудно устанавливается критерій для опредѣленія разумности дѣйствій. Самымъ вѣрнымъ будетъ, повидимому, уменьшеніе имитаціонныхъ явленій и преобладаніе отвлеченнаго мышленія и дѣйствій, соотвѣтствующихъ выработаннымъ идеямъ и понятіямъ.

Деревенскій житель хорошо знаетъ и понимаетъ, что значитъ „жить по правдѣ“. Обыкновенно восьми-девятилѣтній деревенскій мальчикъ уже имѣетъ ясное понятіе о „правдѣ“; понятіе это онъ вынесъ изъ соотвѣтствія слова съ дѣломъ, изъ сравненія между полученнымъ имъ впечатлѣніемъ и выказанною дѣятельностью. То, что ему извѣстно, онъ не выучилъ и не усвоилъ только памятью, это — плодъ его наблюденій и разсужденій. Въ хорошемъ домѣ, гдѣ „живутъ по правдѣ“ при хорошихъ, добрыхъ и простыхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, ребенокъ является непосредственнымъ участникомъ въ дѣятельности взрослыхъ. Къ десятилѣтнему возрасту онъ уже познакомился со всякою производимою здѣсь работой, хорошо понимаетъ весь расчетъ несложнаго хозяйства и зорко слѣдитъ за всякими происходящими здѣсь явленіями. Въ деревнѣ, какъ уже сказано, рѣдко наблюдается мягко-забитый типъ, но тамъ рѣдко встрѣчается и добродушный типъ; онъ тутъ обыкновенно является въ видѣ угнетеннаго типа, у котораго односторонній физическій трудъ препятствуетъ умственному развитію, преобладающему въ добродушномъ типѣ. Въ деревнѣ встрѣчается злостно-забитый типъ, а также лицемѣры и честолюбцы; угнетенный типъ является только при лучшихъ условіяхъ крестьянской жизни, при любви и согласіи членовъ семьи и добромъ, мягкомъ и правдивомъ отношеніи къ дѣтямъ. Такія дѣти всегда отличаются своею скромностью и очень хорошимъ отношеніемъ къ требованіямъ и нуждамъ окружающихъ. Они привыкли разсуждать надъ получаемыми впечатлѣніями и дѣйствіями. Однообразіе получаемыхъ ими впечатлѣній не содѣйствуетъ, однакоже, постепенности ихъ развитія, а усиленное физическое развитіе нарушаетъ гармонію отправленій. Но и у этихъ дѣтей ясно видна связь между умственнымъ и нравственнымъ ихъ развитіемъ; по мѣрѣ усиленія умственнаго ихъ развитія у нихъ складываются и понятія о правдѣ; они съ большою мягкостью и вниманіемъ относятся къ окружающимъ и отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. При изученіи добродушнаго типа можно замѣ-

тить связь, существующую между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, и убѣдиться, что при нормальныхъ условіяхъ связь эта неразрывна.

Необходимо, слѣдовательно, различать знаніе и пониманіе, разсудочныя и разумныя проявленія. Большое количество собранныхъ знаній, не понятыхъ и не связанныхъ съ отвлеченными идеями, обыкновенно связано съ подражательными (имитаціонными) дѣйствіями и проявленіями; всѣ знанія усвоенныя только памятью, проявляются въ совершенно томъ же видѣ, какъ они были восприняты. Все видѣнное и слышанное, все вычитанное въ послѣдней книгѣ проявляется въ неизмѣненномъ видѣ, въ такой же формѣ и состояніи. Тутъ, какъ изъ мѣшка, можетъ высыпаться добро и зло безъ связи и послѣдовательности. Въ такомъ случаѣ между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ нѣтъ связи и общности. Разбирая различіе между проявленіями разсудка и разума, Ушинскій говоритъ [1]): „Сущность сознанія, и, слѣдовательно, разсудочнаго процесса состоитъ въ уничтоженіи безпрестанно вкрадывающихся въ него противорѣчій; но не такова сущность разума, который сознаетъ эти противорѣчія и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ неизбѣжность ихъ. Разсудокъ есть процессъ сознанія, а разумъ — сознаніе самого этого процесса, вѣрнѣе, самосознаніе разсудка. Разсудокъ есть совокупность фактовъ, пріобрѣтенныхъ сознаніемъ изъ опытовъ и наблюденій надъ внѣшнимъ міромъ. Въ разумѣ къ этому содержанію разсудка присоединяются еще наблюденія и опыты, которые сдѣлало сознаніе надъ собственнымъ своимъ процессомъ въ различныхъ областяхъ разсудочной дѣятельности“, и т. д. Изъ приведеннаго слѣдуетъ, что разсудокъ есть накопленіе знаній, а разумъ — умственный анализъ ихъ, слѣдовательно, разъединеніе собранныхъ знаній по времени, ихъ сравненіе и выводъ изъ нихъ общихъ понятій и идей. Все это свойственно только человѣку и отличаетъ его отъ животнаго, такъ что, чѣмъ выше развиты эти способности у человѣка, тѣмъ выше его развитіе въ смыслѣ человѣческихъ его проявленій.

Совершенно нельзя, однако, согласиться съ Ушинскимъ, когда онъ говоритъ, что „наука руководится разсудкомъ, но жизнь руководится разумомъ, для котораго наука только сред-

[1]) L. c. T. I, стр. 465.

ство, а не цѣль жизни". Наука не можетъ быть безъ анализа и обобщеній. Одно накопленіе знаній не будетъ еще наукою; напротивъ того, въ наукѣ собираются истины, съ указаніемъ метода для ихъ полученія и съ указаніемъ, какъ примѣнять эти истины для выясненія явленій, встрѣчающихся въ жизни. Мнѣніе Ушинскаго, что наука руководится разсудкомъ, а не разумомъ, и привело его къ тому, что, будто бы, наука имѣетъ мало отношенія къ жизни или даже расходится съ нею. Напротивъ того, научные выводы должны ложиться въ основаніе жизни; наукой вырабатываются истины, которыя должны содѣйствовать нравственному облагораживанію человѣка и увеличенію его благъ. Что вышеуказанное отношеніе къ наукѣ не удовлетворяетъ требованіямъ жизни, видно у самого же Ушинскаго, когда онъ говоритъ: „Въ наукѣ воспитатель можетъ увлекаться разсудкомъ, въ воспитаніи долженъ руководствоваться разумомъ". Понятно, что съ этимъ согласиться нельзя, такъ какъ всегда и вездѣ необходимо руководствоваться разумомъ, какъ высшимъ умственнымъ проявленіемъ человѣка, а въ наукѣ и подавно; точно также и въ наукѣ о воспитаніи, и въ воспитаніи на практикѣ.

Изъ всего сказаннаго о типѣ можно вывести такія заключенія:

1. Типъ ребенка находится въ зависимости отъ степени умственнаго и нравственнаго его развитія.

2. Развитіе нормальнаго типа ребенка возможно только при условіяхъ, содѣйствующихъ развитію умственныхъ и физическихъ его способностей.

3. Только постепенно и послѣдовательно увеличивающееся умственное и физическое развитіе можетъ привести къ гармоническому нормальному развитію.

4. Ничѣмъ не стѣсняемая личная иниціатива ребенка въ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ, возможность провѣрить у близкаго и любящаго лица свои сомнѣнія и недоразумѣнія и стремленіе преодолѣвать препятствія собственными силами какъ умственными, такъ и физическими должны составлять основные моменты для развитія нормальнаго типа.

5. Правдивость, искренность и постоянная дѣятельность бодрствующаго ребенка и, по возможности, такія же проявленія въ окружающихъ его лицахъ должны быть необходимыми условіями при нормальномъ развитіи ребенка.

6. Для правильнаго развитія ребенка необходимы еще гигіеническія условія, отсутствіе всякихъ понудительныхъ мѣръ, внѣшнихъ ласкъ и внѣшнихъ заученныхъ пріемовъ, не вытекающихъ изъ пониманія условій развитія ребенка; простое и прямое отношеніе къ окружающимъ, поддерживаемое только словомъ.

7. Развитіе отвлеченной умственной дѣятельности и въ соотвѣтствіи съ нею и нравственныхъ проявленій, основанныхъ на пониманіи истины и умѣньи ею руководствоваться при своихъ дѣйствіяхъ, должно составлять главное основаніе умственнаго образованія ребенка.

8. Умѣнье дѣйствовать соотвѣтственно своему умственному развитію и исполнять простѣйшимъ способомъ все необходимое подъ вліяніемъ внутренней потребности, новизны и интереса къ дѣлу должно составлять главное основаніе физическаго образованія ребенка.

9. Типы дѣтей могутъ быть различаемы между собой только по умственному и нравственному ихъ развитію. Поэтому всего удобнѣе, повидимому, различать: типъ опытно-рефлекторный, или лицемѣрный, — отсутствіе правды; типъ разсудочный, знающій, или честолюбивый, возбуждаемый опредѣленными сильно развитыми чувствованіями и условно-правдивый; типъ разумный, понимающій, или добродушный, правдивый, но съ несоотвѣтствующимъ умственному физическимъ развитіемъ. Угнетенные типы: мало-сознательный и мало-правдивый, или мягко-забитый; болѣе сознательный и условно-правдивый, или злостно-забитый, угнетенный произволомъ и несправедливыми отношеніями; сознательный и правдивый, или угнетенный, типъ — физическій трудъ превышаетъ умственный, мало отвлеченія. Нормальный типъ — разумный и идеально-правдивый; умственное и физическое развитіе въ полной гармоніи между собой.

10. Умственное развитіе возможно только при достаточномъ разъединеніи по времени отдѣльныхъ моментовъ сознательнаго акта.

11. Нравственныя проявленія находятся въ полной зависимости отъ умственнаго развитія, и именно, отъ развитія отвлеченнаго мышленія. Чѣмъ болѣе развито отвлеченное мышленіе, тѣмъ менѣе подражательныхъ (имитаціонныхъ) дѣйствій, и наоборотъ.

Различныя видоизмѣненія каждаго изъ приведенныхъ типовъ находятся непремѣнно подъ вліяніемъ темперамента. Впечатлительность (возбудимость) ребенка находится въ прямой зависимости отъ питанія, потому что основныя свойства элемента каждой ткани и органовъ человѣческаго тѣла составляютъ: явленія питанія, движенія и чувствительности; они находятся въ такой связи и зависимости другъ отъ друга, что измѣненіе въ одномъ явленіи непремѣнно должно вызвать измѣненіе въ остальныхъ. Ими руководствуются при опредѣленіи жизнедѣятельности у человѣка; повышеніе или пониженіе одного изъ нихъ непремѣнно указываетъ на повышеніе или пониженіе жизнедѣятельности лица. Но повышеніе или пониженіе чувствительности связано съ соотвѣтственной степенью возбудимости, и этимъ объясняется связь, существующая между темпераментомъ и типомъ. Лицемѣръ-флегматикъ и лицемѣръ-сангвиникъ рѣзко различаются между собой; ихъ можно хорошо различить, припоминая, что быстрота и сила возбудимости всегда находятся въ зависимости отъ темперамента. При выясненіи характера еще придется остановиться надъ распознаваніемъ всѣхъ этихъ видоизмѣненій.

3. Методъ.

Необходимо теперь разобрать различные методы воспитанія и выяснить, какой методъ выгоднѣе примѣнять въ семьѣ, и какой въ школѣ. Главныхъ методовъ два: одинъ — практическій, а другой — теоретическій, или систематическій.

Практическій методъ основанъ главнымъ образомъ на развитіи путемъ наблюденія размышленія надъ наблюдаемымъ и получаемой отсюда опытности. При этомъ необходимо самому натыкаться на явленія, самому пріискивать толкованія ихъ и самому вырабатывать пріемы своей дѣятельности. Опытность при этомъ вырабатывается неудачами, настойчивостью и усвоеніемъ всего добываемаго непосредственнымъ наблюденіемъ и провѣркою получаемыхъ впечатлѣній на дѣлѣ. Способъ этотъ самый трудный, связанный часто со страданіями и лишеніями и съ большою тратою силъ, но при слѣдованіи ему развивается способность иниціативы въ дѣйствіяхъ и самостоятельность. Для облегченія затрудненій, встрѣчающихся при слѣдованіи этому методу, прибѣгаютъ обыкновенно къ наблюдательности и опытности другихъ; но если ограничиваться повтореніемъ (имитаціей) дѣйствій окружающихъ и тѣмъ, что ими провѣрено, тогда уменьшается личное пониманіе, а также самостоятельность проявленій и логическая послѣдовательность дѣятельности. Это можно, повидимому, объяснить слѣдующимъ образомъ: развитіе какъ умственное, такъ и физическое состоитъ главнымъ образомъ въ разъединеніи отдѣльныхъ представленій и дѣйствій и въ сравненіи ихъ между собой. При стремленіи производить эти разъединенія собственными силами необходимо знакомиться со всѣми отдѣльными моментами всего акта разъединенія, изъ этихъ же моментовъ должно состоять и воспро-

изведеніе разъединеннаго. Сравненіями же подтверждается вѣрность воспроизведеннаго, и получаются общіе образы и истины; при неполномъ воспроизведеніи выводы окажутся невѣрными или нелогичными, потому что логичность вывода возможна только при полномъ воспроизведеніи фактовъ, находящихся въ извѣстной связи между собой. Чѣмъ сложнѣе положеніе, тѣмъ легче заблужденіе, ибо тѣмъ легче упустить изъ виду какой-нибудь относящійся къ дѣлу фактъ. Если же знакомиться съ результатами наблюденія, съ опытностью или работою другихъ въ видѣ уже готовыхъ выводовъ или произведеній, то не будетъ знанія отдѣльныхъ моментовъ или пріемовъ ихъ полученія или добыванія, а потому не будетъ возможности и видоизмѣнять ихъ, не будетъ, слѣдовательно, иниціативы, самостоятельной и логически-послѣдовательной дѣятельности. Всѣ выводы и положенія, которые не связаны въ логической послѣдовательности, не могутъ быть самостоятельно примѣнены или видоизмѣнены, точно такъ же, какъ невозможно произвести какую-либо работу, отдѣльные пріемы которой незнакомы, если не усвоены элементарные пріемы работы, необходимые для подобныхъ или сходныхъ произведеній. Поэтому, чѣмъ болѣе усвоены одни только выводы или отдѣльные пріемы, послѣдовательно не связанные между собой, тѣмъ меньше наблюдательности и опытности, и тѣмъ менѣе возможно ожидать собственной иниціативы и послѣдовательнаго проведенія какого-либо дѣла. Безъ наблюдательности и опытности возможно только исполненіе требованій другихъ, точно ими опредѣленныхъ и показанныхъ. Всего выгоднѣе поэтому можетъ быть примѣненъ практическій методъ развитія ребенка такимъ образомъ, что ему предоставляютъ самому преодолѣвать и справляться со встрѣчаемыми имъ препятствіями и затрудненіями, но не отказываютъ ему однакоже въ содѣйствіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ желаетъ провѣрить свои размышленія и дѣйствія или же требуетъ указанія болѣе простого способа, скорѣе ведущаго къ опредѣленной цѣли. Методъ этотъ выгоденъ для бо́льшаго развитія личныхъ качествъ и способностей ребенка, который при этомъ при нормальной впечатлительности непремѣнно будетъ отличаться наблюдательностью и опытностью, т. е. пріучится разъединять отдѣльныя получаемыя имъ представленія, сравнивать и провѣрять ихъ впечатлѣніями, получаемыми раз-

личными органами воспріятія, а также собственной своей дѣятельностью.

Систематическій, или теоретическій, методъ развитія состоитъ въ послѣдовательномъ и постепенномъ переходѣ отъ простого къ сложному, въ разъединеніи отдѣльныхъ представленій, сравненіи ихъ и въ выводѣ затѣмъ общихъ положеній и истинъ, а также въ примѣненіи этихъ положеній и истинъ къ выясненію встрѣчающихся явленій. Выработанныя и усвоенныя такимъ образомъ истины пріучаютъ еще провѣрять, гдѣ это только возможно, опытомъ, или экспериментомъ, и приложеніемъ математическихъ способовъ провѣрки. Точно такимъ же образомъ систематическій методъ долженъ быть примѣненъ и при физическомъ воспитаніи; именно, при разъединеніи движеній на элементарныя ихъ формы пріучаются соединять простѣйшія формы движеній въ болѣе сложныя, увеличивая постепенно ихъ силу и быстроту. Затѣмъ слѣдуетъ ознакомленіе съ пространственными отношеніями и съ распредѣленіемъ дѣятельности по времени, т. е. съ элементами всякой простой работы. Теоретическій способъ долженъ пріучить ребенка къ производству какъ умственной, такъ и физической работы съ наименьшею тратою силъ и въ наименьшій промежутокъ времени. Этотъ методъ основывается на наблюденіяхъ и опытности всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ поколѣній.

Примѣненіе систематическаго метода при преподаваніи могло бы указать занимающимся на существованіе закона однообразія проявленій въ природѣ, а потому и на возможность изслѣдовать и выяснять эти проявленія общими способами. Для знакомства съ этими способами избираются различные предметы или отрасли знаній, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ пріучаются изъ получаемыхъ представленій добывать общія положенія и истины и примѣнять ихъ къ выясненію встрѣчающихся въ жизни явленій. Истина должна быть провѣрена опытомъ, а, по возможности, и приложеніемъ математическихъ методовъ. „Въ опытномъ знаніи умъ долженъ доискиваться причины вещей не прежде, чѣмъ имѣетъ свидѣтельство фактовъ,— не долженъ отвергать факты потому только, что не можетъ оправдать ихъ умозаключеніемъ [1])“. Знакомство съ этими мето-

[1]) Дж. Льисъ. Исторія философіи. С.-Петербургъ. 1865, стр. 417.

дами и умѣнье прилагать ихъ даетъ возможность сравненіемъ получаемыхъ реальныхъ представленій получать отвлеченныя понятія, болѣе достовѣрныя, потому что провѣрками они, по возможности, лишены произвола и случайности. Отвлеченное же мышленіе составляетъ, безъ сомнѣнія, высшую способность человѣка, отличающую его отъ животнаго; только оно даетъ возможность сосредоточивать вниманіе на замѣчаемыхъ отклоненіяхъ отъ даннаго общаго образа, вслѣдствіе чего человѣкъ точнѣе знакомится съ встрѣчающимися явленіями; только оно даетъ критерій для ихъ выясненія и для провѣрки положеній и выводовъ. При отвлеченномъ мышленіи умственная дѣятельность, дѣйствительно, такъ сосредоточена и широкообъемлюща, что этимъ путемъ возможно произвести наибольшую работу въ наименьшій промежутокъ времени.

Примѣненіемъ практическаго метода развитія получается меньшая послѣдовательность, а поэтому и меньшая глубина мысли; здѣсь возможна бо̀льшая произвольность выводовъ, потому что они недостаточно провѣрены и установлены; кромѣ того, чѣмъ меньше при немъ пользоваться опытностью другихъ, тѣмъ болѣе онъ потребуетъ времени и все же легко можетъ довести до неточныхъ или даже ложныхъ положеній. Практическій методъ никогда не въ состояніи довести до такой глубины мысли и такъ провѣрить мысль, слѣдовательно, придать ей такую достовѣрность, какъ примѣненіе систематическаго метода. Систематическій методъ требуетъ для своего примѣненія уже нѣкоторой подготовки, возможно больше матеріала, собраннаго наблюденіемъ; онъ тогда легче примѣняется, и этотъ матеріалъ приводится имъ въ цѣльную систему. Поэтому при семейномъ воспитаніи гораздо выгоднѣе примѣнять исключительно практическій методъ, не отказывая при этомъ ребенку въ участіи и содѣйствіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они, по заявленію ребенка, окажутся необходимыми. Систематическій, или теоретическій, методъ необходимо примѣнять въ школѣ, и полнымъ усвоеніемъ его и умѣньемъ примѣнять его оканчивается общее образованіе человѣка, а широкое примѣненіе его при рѣшеніи извѣстныхъ частныхъ вопросовъ будетъ уже задачей спеціальнаго образованія.

Школа всегда представляетъ нѣкоторыя невыгодныя условія для воспитанія, главное, что въ ней обыкновенно недостаточно индивидуализируютъ каждаго отдѣльнаго ребенка, вслѣдствіе

чего онъ повторяетъ, или имитируетъ, за товарищами все то, что онъ не былъ въ состояніи усвоить самостоятельно. Это повтореніе понижаетъ самостоятельныя проявленія ребенка и содѣйствуетъ развитію стадности на счетъ развитія личныхъ его способностей. Кромѣ того, всякая заученная методика, которая буквально примѣняется въ школѣ при преподаваніи, есть несомнѣнно мертвый шаблонъ, неприспособленный къ личнымъ качествамъ ребенка и поэтому положительно вредный. Помимо того, у преподавателей легко является постоянное стремленіе производить свои занятія болѣе легкимъ путемъ, и именно, передачею занимающимся знаній, а не способа, ведущаго къ пониманію и къ умѣнью примѣнять ихъ къ выясненію встрѣчающихся явленій. Все это, вмѣстѣ взятое, понижаетъ личныя проявленія занимающагося, понижаетъ его впечатлительность и уменьшаетъ его способность къ самостоятельному умственному развитію. Это заставляетъ не торопиться помѣщеніемъ ребенка въ школу, надлежитъ же дѣлать это только тогда, когда ребенокъ уже въ семьѣ пріучился наблюдать и уже пріобрѣлъ извѣстную опытность, содѣйствующую установленію его типичныхъ проявленій и выгодно вліяющую на развитіе его характера.

Попытки систематизировать семейное воспитаніе, или собирать дѣтей въ школу съ того момента, какъ они начинаютъ ходить, какъ это дѣлается въ такъ называемыхъ дѣтскихъ садахъ Фребеля, оказываются невыгодными. Впослѣдствіи будетъ доказано, что вся эта система основана на совершенно произвольныхъ разсужденіяхъ, и вездѣ проглядываетъ недостаточное знакомство съ природою ребенка и съ условіями психическаго его развитія. При послѣдовательномъ анализѣ ребенка придется остановиться еще надъ этой системой и выяснить ея значеніе. Оставляя, слѣдовательно, теперь въ сторонѣ всѣ примѣняемые здѣсь пріемы, можно сказать, что преждевременное форсированіе развитія наблюдательности и опытности дѣтей рутиннымъ способомъ, путемъ собиранія ихъ въ школѣ, оказывается положительно невыгоднымъ; это содѣйствуетъ развитію въ нихъ имитаціи и стадности и противодѣйствуетъ всякимъ самостоятельнымъ проявленіямъ. Обычный способъ подготовки лицъ, знакомящихся съ пріемами этого метода, вводитъ только рядъ совершенно неподготовленныхъ и обыкновенно даже мало-развитыхъ молодыхъ людей въ такое въ выс-

шей степени серьезное и важное по своимъ послѣдствіямъ дѣло, какъ воспитаніе малолѣтнихъ. При этомъ они бываютъ снабжены только извѣстными пріемами, которыми они надѣляютъ всякаго встрѣчнаго ребенка, требуя отъ него повторенія ихъ въ такомъ же порядкѣ, какъ это имъ самимъ сказано и показано. Насколько можетъ быть полезно распространеніе неосмысленныхъ шаблоновъ, понятно каждому, имѣющему какое-либо отношеніе къ воспитанію.

Практическій методъ, дающій возможность всего лучше и свободнѣе развивать способности и личныя проявленія ребенка, содѣйствующій развитію наблюдательности и опытности его, долженъ, безъ сомнѣнія, пользоваться преимуществомъ въ семейномъ воспитаніи, и это до тѣхъ поръ, пока не установится типъ ребенка и нѣкоторыя черты самостоятельныхъ его проявленій, что можетъ быть около восьми—или десятилѣтняго возраста.

Мнѣніе, что въ школѣ необходимо усвоить возможно больше знаній и фактовъ, а способъ усвоенія ихъ можетъ быть оставленъ въ сторонѣ, совершенно невѣрно. Умственное и физическое развитіе ребенка, развитіе его творческихъ силъ идетъ очень медленно и не легко дается. Однообразныя дѣйствія скоро его утомляютъ; это утомленіе связано съ появленіемъ непріятныхъ ощущеній и чувствованій или страданій, отталкивающихъ ребенка отъ продолженія занятій и даже содѣйствующихъ пониженію его дѣятельности. Между тѣмъ при развитой наблюдательности и извѣстной опытности всегда легче усвоить себѣ аналитическій методъ и провѣрку его опытомъ. Способность же выяснять себѣ встрѣчающіяся явленія на основаніи усвоенныхъ истинъ и провѣрять, по возможности, свои положенія приложеніемъ математическихъ методовъ пріучаетъ занимающагося къ точности, ясности, основательности, послѣдовательности и строгости мышленія (Бенеке) и дѣйствій. Развить у человѣка такія привычки и способности не легко, здѣсь нельзя удовлетвориться только указаніемъ или выясненіемъ метода, а необходимо на дѣлѣ настолько усвоить себѣ его примѣненіе, чтобы постоянно имъ пользоваться во всѣхъ отношеніяхъ къ окружающей средѣ. Это возможно только при упражненіи и постепенномъ и послѣдовательномъ осложненіи при его примѣненіи, для чего необходимъ матеріалъ, состоящій изъ представленій, возбуждаемыхъ извнѣ. Поэтому примѣненіе

систематическаго метода какъ главнаго предмета преподаванія невозможно безъ соотвѣтственнаго увеличенія знаній, безъ наблюдательности и опытности.

На основаніи закона однообразія проявленій въ природѣ выработанный до настоящаго времени систематическій методъ долженъ быть примѣняемъ во всѣхъ случаяхъ преподаванія или изученія какого-либо предмета или явленія. Для наипростѣйшаго и кратчайшаго выясненія явленій неорганическаго міра, растительныхъ, животныхъ и психическихъ проявленій человѣка, а также всѣхъ видовъ общественныхъ проявленій,— вездѣ должны быть положены въ основаніе общіе истины и законы, а также должны быть примѣняемы общіе методы ихъ изученія. Достаточно поэтому познакомиться съ приложеніемъ систематическаго метода при изученіи нѣкоторыхъ предметовъ, чтобы затѣмъ умѣть прилагать его къ выясненію и другихъ предметовъ и явленій. Безъ привычки примѣнять этотъ методъ все, усвоенное памятью, даже всякое положеніе, истина или ученіе могутъ быть примѣняемы только въ извѣстномъ, указанномъ частномъ случаѣ; такія знанія останутся безъ всякаго вліянія на самостоятельныя личныя проявленія или же на проявленія какихъ-либо творческихъ силъ.

Лица, набравшіяся только различныхъ знаній, выводовъ и результатовъ различныхъ ученій и незнакомыя съ методами выработки ихъ, всегда отличаются большою самоувѣренностью и даже нахальствомъ: они быстро все рѣшаютъ на словахъ, все знаютъ и за все берутся безъ ученія и труда, постоянно глубокомысленно не соглашаются съ мнѣніями другихъ и высказываютъ свои сомнѣнія; сдѣлать же что-либо, серьезно провести или доказать какую-либо мысль они никогда не въ состояніи, они совершенно неспособны къ отвлеченному мышленію, равно какъ и не въ состояніи относиться серьезно и съ дѣйствительнымъ участіемъ къ какому-либо дѣлу, требующему анализа и пониманія. Причины такихъ явленій не трудно выяснить: при усвоеніи только однихъ выводовъ и положеній неизвѣстны отдѣльныя составныя части, изъ которыхъ данное положеніе получено, поэтому и примѣненіе его оказывается невозможнымъ. Кромѣ того, изученіе метода и самостоятельное примѣненіе его требуютъ много настойчивости, труда и времени, усвоеніе же памятью готовыхъ выводовъ и ученій гораздо легче; отсюда является привычка относиться ко всякимъ вы-

водамъ и истинамъ поверхностно и рѣшать все безъ подготовительнаго изученія.

Необходимо помнить, что если сознательная дѣятельность слабо проявляется, то человѣкъ только чувствуетъ и ощущаетъ, какъ это видно у наркотизованнаго человѣка, напримѣръ, у опьянѣвшаго; если же въ сознаніи человѣка собраны только одни представленія въ видѣ знаній, то они могутъ у него пробуждаться только на основаніи законовъ механической и логической ассоціаціи. Первый изъ этихъ законовъ формулируется такъ: „если два представленія или болѣе даны въ сознаніи одновременно или въ непосредственномъ преемствѣ, то вторичное появленіе въ сознаніи одного изъ этихъ представленій способствуетъ воспроизведенію другого“. Второй: „представленія, сходныя между собой по своему содержанію, способствуютъ вызову другъ друга въ сознаніи“. Такое возстановленіе собранныхъ знаній, совершенно не направленное никакими идеями или волевыми отправленіями, наблюдается и у душевно-больныхъ, постоянно переходящихъ отъ одной ассоціаціи къ другой, смотря по тому, подъ вліяніемъ какого представленія они находятся въ данный моментъ.

То, что замѣчается у отдѣльныхъ лицъ по отношенію къ частнымъ явленіямъ, является также и у ученыхъ по отношенію къ наукѣ. Въ такъ называемыхъ описательныхъ наукахъ, на первоначальной ступени ихъ развитія, только описывали предметы, ограничиваясь при этомъ главнымъ образомъ видомъ предметовъ, ихъ формой, положеніемъ и т. д. Это — реальный періодъ науки, собираніе разъединенныхъ фактовъ, нѣтъ еще отвлеченія, нѣтъ общихъ положеній и провѣрки научными методами, нѣтъ истинъ, которыя ложились бы въ основаніе дѣйствій и примѣнялись къ жизни. При изученіи такъ называемыхъ „описательныхъ наукъ“, гдѣ собраны только одни факты, послѣдніе при ихъ повтореніи обыкновенно только механически ассоціируются. Понятно, что такіе механически-ассоціированные факты не могутъ ложиться въ основаніе нашихъ дѣйствій и примѣняться въ жизни, потому что ихъ можно ассоціировать впопадъ, а иной разъ и совершенно не впопадъ.

Примѣромъ такого предмета можетъ служить такъ называемая „описательная анатомія“. Въ этомъ предметѣ нѣтъ общихъ положеній и истинъ, здѣсь только собраны факты,

полученные при разсѣченіи мертваго тѣла и настолько разъединенные между собой, что изъ нихъ не выходитъ ничего живого. Если инженеръ осматриваетъ зданіе, то онъ въ состояніи опредѣлить качество матеріала, изъ котораго зданіе построено, а также механическое значеніе соотношенія и расположенія отдѣльныхъ частей. Онъ въ состояніи опредѣлить предѣлы дѣятельности данной постройки и значеніе нарушенія отдѣльныхъ частей для всей постройки. Ничего подобнаго не въ состояніи сдѣлать занимающійся описательной анатоміей: онъ съ цѣльною постройкою и живой ея дѣятельностью не имѣетъ никакого дѣла, и всѣ собранные имъ факты могутъ быть только механически ассоціированы и оставаться такими же мертвыми, какъ и тотъ трупъ, изъ разсѣченія котораго они взяты. При преподаваніи такихъ предметовъ вошло въ обыкновеніе, что лекторъ для удержанія или привлеченія слушателей въ аудиторію прибѣгаетъ къ различнымъ анекдотамъ и разсказамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ преподаваемымъ предметомъ и служащимъ только для прибавочнаго раздраженія. Понятно, что подобный предметъ не можетъ имѣть никакого примѣненія къ жизни; каждый старается отдѣлаться отъ него возможно легчайшимъ способомъ, чтобы потомъ совершенно забыть о его существованіи. Въ Германіи господствовала въ свое время хирургическая школа, которая совершенно отвергала анатомію, и говорила, что знаніе анатоміи для хирурга вредно, потому что дѣлаетъ его трусливымъ; ему необходимо только помнить правило: мягкія части рѣжь, твердыя — пили, гдѣ кровь идетъ — перевязывай сосуды, и онъ можетъ производить всѣ необходимыя операціи. Хотя въ настоящее время такъ откровенно и не говорятъ, но въ сущности думаютъ и поступаютъ такъ же, и врачи находятъ возможнымъ оставлять безъ примѣненія научные методы и ограничиваться только наблюденіемъ и опытностью. Безъ пониманія строенія живого человѣческаго организма, безъ примѣненія научныхъ методовъ для изслѣдованія его строенія, безъ пониманія отвлеченныхъ идей и истинъ, лежащихъ въ основаніи этого строенія, невозможенъ научный анализъ больного и примѣненіе научныхъ методовъ къ выясненію его страданій. Анатомія какъ наука вмѣстѣ съ физіологіей должна ложиться въ основаніе изученія медицины и педагогики и даже всѣхъ соціальныхъ наукъ. Что анатомія можетъ быть изслѣдована

научными методами, это уже высказалъ и доказалъ Бишá подъ конецъ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, но несмотря на это и до настоящаго времени описательная анатомія преподается большею частью въ такомъ же видѣ, какъ и до Бишá, оставаясь совершенно безучастною къ выясненію постройки живого организма и ея значенія.

Какъ общее явленіе оказывается: чѣмъ менѣе умственно развитъ человѣкъ, чѣмъ менѣе онъ научился вырабатывать общіе законы и истины и примѣнять ихъ, тѣмъ болѣе онъ ограничивается одною внѣшностью и мелкими частностями, никогда не будучи въ состояніи смотрѣть глубже, постигать истины и предвидѣть явленія. Предвидѣніе есть отличительный и неотъемлемый признакъ пониманія. Когда можно предсказывать извѣстныя слѣдствія, и они случаются согласно этому предсказанію, то можно быть увѣреннымъ, что данное положеніе вѣрно.

Теорія только тогда имѣетъ значеніе, когда она оправдывается на практикѣ, когда она вполнѣ согласна съ практикою и служитъ руководящею нитью и указаніемъ для практики. Безъ теоріи невозможна никакая научная дѣятельность, точно также безъ теоріи невозможна и истинно-человѣческая жизнь, и практика отдѣльнаго лица должна вполнѣ согласоваться и вытекать изъ теоретическихъ его понятій.

Выяснивши въ общихъ чертахъ значеніе типа ребенка и условія его развитія, перейдемъ теперь къ опредѣленію характера.

4. Характеръ.

Кантъ въ своей „Антропологіи“ опредѣляетъ характеръ человѣка слѣдующимъ образомъ: „Характеромъ обозначается то качество воли, по которому человѣкъ обязуется держаться опредѣленныхъ практическихъ принциповъ (основаній), предписываемыхъ ему ненарушимо его собственнымъ разумомъ“. Будутъ ли эти основанія справедливы, истинны или ложны, это въ общемъ смыслѣ не имѣетъ отношенія къ опредѣленію характера. Кантъ говоритъ, что люди, дѣйствующіе по твердо установленнымъ основаніямъ, настолько рѣдко встрѣчаются, что составляютъ всегда нѣчто цѣнное и достойное удивленія. Характеромъ проявляется не то, что дано человѣку природой, а то, что онъ самъ изъ себя сдѣлалъ, такъ какъ вліяніе его природы выражается пассивно его темпераментомъ. Всѣ хорошія и полезныя качества человѣка имѣютъ, какъ полагаетъ Кантъ, свою внѣшнюю цѣну, характеръ же составляетъ внутреннее достоинство человѣка, стоящее выше всякой цѣны.

Всякое повтореніе, или имитація, даже нравственныхъ качествъ исключаетъ характеръ, ибо послѣдній состоитъ, какъ полагаетъ Кантъ, въ оригинальности мышленія и зависитъ отъ внутреннихъ качествъ человѣка. Мягкость, или такъ называемая доброта (природная слабость), темперамента безъ характера[1]) хуже расположенія къ рѣзкости (быстрое и сильное проявленіе темперамента) и даже злости, такъ какъ при развитіи характера послѣднее предрасположеніе темперамента

[1]) Die Gutartigkeit aus Temperament ist ein Gemälde aus Wasserfarben und kein Charakterzug. — I. Kant, Anthropologie. Leipzig. 1880 стр. 215.

можетъ быть сглажено. Косность и неподвижность въ предпринятомъ рѣшеніи составляютъ очень выгодное предрасположеніе къ развитію характера со стороны темперамента, но не будутъ еще проявленіемъ характера лица, потому что для послѣдняго необходимы принципы, выработанные разумомъ и имѣющіе нравственно-практическія основанія. Поэтому Кантъ не допускаетъ, чтобы злобность была проявленіемъ характера, такъ какъ человѣкъ никогда не одобряетъ въ себѣ злое, и поэтому, говоритъ онъ, не можетъ быть злобы по принципу, но только вслѣдствіе отступленія отъ послѣдняго, какъ безсознательное проявленіе темперамента. Здѣсь Кантъ смѣшиваетъ явленіе темперамента съ типомъ; первому можетъ принадлежать только рѣзкость (быстрота и сила) дѣйствія, а проявленіе злобы или злостности будетъ уже явленіе типичное, которое, безъ сомнѣнія, можетъ только задерживаться характеромъ. Дѣйствительно, нельзя допустить злостности по принципу, выработанному разумомъ. При злобѣ всегда будутъ участвовать чувствованія, которыя возбуждаются извѣстными условіями, и степень быстроты и силы проявленія которыхъ будетъ зависѣть только отъ темперамента.

Основанія, которыми обусловливается характеръ, Кантъ опредѣляетъ только отрицательнымъ путемъ, онъ приводитъ слѣдующія положенія:

1. Не говорить умышленно неправду; вообще, выражаться осторожно, чтобы не приходилось потомъ со срамомъ сознаваться въ своихъ несообразныхъ дѣйствіяхъ.

2. Не лицемѣрить: казаться наружно въ хорошихъ отношеніяхъ и дѣйствовать враждебно за спиною.

3. Не измѣнять данному обѣщанію, а также уважать бывшую дружбу и не злоупотреблять впослѣдствіи бывшею довѣренностью и искренностью другого лица.

4. Избѣгать близкаго обхожденія съ лицами злонамѣренными и ограничиваться развѣ только однимъ дѣловымъ къ нимъ отношеніемъ (Noscitur ex socio etc.).

5. Не стѣсняться поверхностными и злостными сужденіями другихъ людей, ибо противоположное дѣйствіе указывало бы на слабость; точно также слѣдуетъ умѣрять свой страхъ погрѣшности противъ моды, отличающейся большою легкостью и измѣнчивостью, и ни въ какомъ случаѣ не распространять ея вліянія на нравственность.

Единственнымъ доказательствомъ сознанія человѣкомъ своего характера, говоритъ Кантъ, можетъ служить правдивость въ своемъ самосознаніи и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ, принятая имъ въ основаніе всѣхъ его размышленій и дѣйствій.

Гербартъ [1]) въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ говоритъ, что характеромъ называется способъ рѣшимости человѣка (die Art der Entschlossenheit), т. е. то, чего человѣкъ хочетъ, въ сравненіи съ тѣмъ, чего онъ не хочетъ. Гербартъ обращаетъ уже вниманіе и на то, что отъ волевыхъ отправленій, связанныхъ съ характеромъ, необходимо отличать желанія и хотѣнія, не имѣющія ничего общаго съ характеромъ. Чтобы узнать человѣка, говоритъ Гербартъ, за нимъ наблюдаютъ и стараются остановиться на немъ, какъ на объектѣ. То же самое замѣчается и у отдѣльнаго человѣка: чтобы онъ понималъ другихъ, онъ долженъ быть въ состояніи понимать себя, т. е. долженъ быть въ состояніи слѣдить за собой, какъ за объектомъ. Поэтому Гербартъ различаетъ объективную и субъективную части характера человѣка. Человѣкъ наблюдаетъ за собой, направляетъ свои дѣйствія, выясняетъ ихъ себѣ, удовлетворяется ими или нѣтъ, относится, слѣдовательно, объективно къ различнымъ проявленіямъ сознательной своей дѣятельности. При воспитаніи, полагаетъ Гербартъ, возможно вліять только на объективную часть характера, потому что человѣкъ съ большимъ трудомъ вырабатываетъ свои основанія послѣ того, какъ у него уже установились извѣстныя наклонности и стремленія.

Бенеке [2]) говоритъ, что въ строгомъ смыслѣ никакое ощущеніе и душевное волненіе ребенка не остается безъ вліянія на развитіе его характера, и что этотъ послѣдній слагается изъ всѣхъ тѣхъ временныхъ впечатлѣній, которымъ не привыкли придавать какое-либо значеніе. Педагогика, по его мнѣнію, подвергнется такимъ же переворотамъ, какъ химія, въ которой въ свое время оставляли безъ вниманія все летучее и газообразное. Точно также впослѣдствіи научатся признавать и при воспитаніи незначительныя, повидимому,

---

[1]) Joh. Fr. Herbart. Pädagogische Schriften. Langensalza 1883. I ч. 3 изд., стр. 95.

[2]) Erziehungs- und Unterrichtslehre. T. I. Berlin. 1876, стр. 160 и 161.

преходящія, а потому мало значащія вліянія за истинный зачатокъ и основаніе (субстратъ) для развитія характера.

Въ древности уже хорошо подмѣтили условія, имѣющія вліяніе на развитіе характера человѣка. Тогда уже было хорошо извѣстно, какое значеніе имѣетъ на развитіе характера умѣнье воздерживаться отъ удовлетворенія различныхъ своихъ потребностей, связанныхъ съ ощущеніями и чувствованіями. При воспитаніи требовалось стойко переносить голодъ, жажду, жаръ, холодъ и различныя лишенія. Въ древней Персіи признавали обильныя выдѣленія тѣла за признакъ праздной и бездѣятельной жизни. Тамъ считалось въ высшей степени неприличнымъ не только сморкаться или плевать въ обществѣ, но также имѣть большой животъ или удаляться изъ общества для удовлетворенія какой-либо растительной потребности. Извѣстно суровое воспитаніе спартанцевъ, направленное главнымъ образомъ на развитіе характера молодого человѣка. Такъ называемый спартанскій супъ долженъ былъ содержать возможно больше питательныхъ веществъ, чтобы небольшимъ количествомъ его только возстановлять трату организма, но не содѣйствовать развитію въ немъ чувственныхъ проявленій, въ особенности чувства насыщенія. Во всѣхъ мѣрахъ, принимаемыхъ для содѣйствія развитію характера, руководствовались всегда отношеніемъ волевыхъ отправленій къ ощущеніямъ и чувствованіямъ; эти отношенія признавались всегда за самые существенные моменты для развитія характера лица.

Характеромъ можно назвать проявленіе воли человѣка, основанное на истинахъ, выясненныхъ и твердо установленныхъ разумомъ. Съ точки зрѣнія нормальныхъ проявленій человѣка, другого опредѣленія нормальнаго характера дать нельзя. Во всѣхъ враждебныхъ, злостныхъ или внѣшне-эстетическихъ проявленіяхъ всегда можно замѣтить вліяніе чувствованій, препятствующее чистому проявленію волевыхъ отправленій подъ вліяніемъ разума. Точно также дѣйствія съ честолюбивою или вообще личною, эгоистическою, цѣлью, или даже для соблюденія матеріальныхъ выгодъ извѣстной среды или общества связаны съ чувствованіями,—все это не допускаетъ проявленія того, что у нормальнаго человѣка можно назвать характеромъ. Это будетъ стремленіе, желаніе или хотѣніе, но не волевое проявленіе, какъ это выяснится на основаніи слѣдующихъ научныхъ данныхъ.

Изучая организмъ человѣка, обыкновенно раздѣляютъ его на отдѣльныя системы, состоящія изъ однородныхъ органовъ; эти послѣдніе состоятъ изъ извѣстныхъ тканей, которыя въ свою очередь составляются изъ опредѣленныхъ частицъ, или элементовъ. Каждая частица, отдѣльно взятая, въ состояніи при извѣстныхъ условіяхъ продолжать свою жизнедѣятельность [1]). Жизнедѣятельность въ каждомъ элементѣ выражается основными качествами, а именно: явленіями питанія, движенія и чувствительности; только при сосуществованіи этихъ явленій проявляется жизнь, ни одно изъ этихъ явленій не можетъ обнаружиться безъ остальныхъ; они всѣ связаны между собой по силѣ и быстротѣ своего проявленія. Процессъ питанія состоитъ главнымъ образомъ въ усвоеніи (ассимиляціи) вводимаго питательнаго вещества, при чемъ освобождаются живыя силы, которыя содѣйствуютъ поддержанію элемента въ извѣстномъ напряженіи и дѣлаютъ его способнымъ какъ воспринимать внѣшнія раздраженія, т. е. содѣйствуютъ проявленію чувствительности [2]), такъ и обнаруживать движеніемъ происходящую въ немъ дѣятельность. Всякое возбужденіе или раздраженіе ткани усиливаетъ и ускоряетъ ея дѣятельность, которая, суммируясь изъ отдѣльныхъ моментовъ, передается по нервнымъ проводникамъ и вызываетъ такимъ образомъ либо рефлекторную дѣятельность (мышечную или железистую), либо доходитъ до сознательныхъ центровъ и здѣсь проявляется въ видѣ ощущенія. Возбужденія, передаваемыя центрамъ, имѣющимъ отношеніе къ сердцу и сосудистой системѣ, передаются сознательнымъ центрамъ въ видѣ чувствованій и душевныхъ волненій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ главнымъ возбудителемъ являются тепловыя силы, связанныя съ усиленіемъ дѣятельности тѣхъ органовъ, гдѣ раздраженіе дѣйствовало. Сила и быстрота дѣятельности въ отдѣльныхъ элементахъ, отдѣльныхъ частяхъ всего организма совмѣстно съ индивидуальными особенностями въ строеніи сосудистой системы обусловливаютъ, какъ сказано выше, темпераментъ. Всякія проявленія, зависящія

---

[1]) П. Лесгафтъ. Основы теоретической анатоміи. Спб. 1905. Часть I, стр. 2 — 4.

[2]) Чувствительностью называется способность организма воспринимать возбужденіе и раздраженіе извнѣ, для элемента ткани — со стороны окружающихъ его частей.

сключительно отъ темперамента, будутъ выражаться въ видѣ растительныхъ или животныхъ проявленій; они обнаруживаются въ видѣ глухихъ, или такъ называемыхъ инстинктивныхъ, стремленій. Нѣсколько задержанныя или направленныя опытомъ или разсудкомъ, они проявляются въ видѣ хотѣній или желаній, но это все же исключительно животныя отправленія. При нормальныхъ условіяхъ они не должны господствовать надъ человѣкомъ, а должны служить лишь возбудителями дѣятельности разума и вызывать на основаніи этой дѣятельности волевыя отправленія; эти послѣднія будутъ уже явленія, не наблюдаемыя у животныхъ, а потому собственно принадлежащія къ чисто человѣческимъ отправленіямъ. Волевыя проявленія человѣка, направляемыя истиною при всѣхъ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, всегда высоко цѣнились людьми. Кантъ говоритъ: „воспитаніе, примѣръ и поученіе не могутъ постепенно возбудить стойкость и постоянство основаній, необходимыхъ для проявленія характера; эти послѣднія вырабатываются рѣдко раньше тридцатилѣтняго возраста и обыкновенно являются вслѣдствіе какого-то вдругъ прорывающагося взрыва, когда человѣкъ, такъ сказать, пресытился постоянно измѣнчивымъ состояніемъ своего инстинкта“. Утверждается же характеръ, по его мнѣнію, рѣдко раньше сорокалѣтняго возраста. Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. У ребенка, конечно, не можетъ быть проявленія характера; для этого необходимо развитіе его самосознанія, безъ чего и характеръ немыслимъ. Ребенокъ еще не отдѣляетъ себя отъ своего тѣла, по его понятію: „я есмь тѣло“. Необходимо, чтобы человѣкъ привыкъ къ отвлеченному мышленію, чтобы онъ понялъ изреченіе Сократа: „мое тѣло — только мое, но не я самъ“, чтобы это „я“ пріучилось управлять своимъ тѣломъ. Можно, понятно, и весь свой вѣкъ прожить безъ того, чтобы дойти до такого отвлеченнаго мышленія и самосознанія; но, чѣмъ раньше человѣкъ пріучается къ разсужденію, къ выясненію себѣ правды и къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ скорѣе онъ можетъ и безъ рѣзкихъ взрывовъ научиться направлять свои волевыя отправленія соотвѣтственно установленнымъ имъ основаніямъ или принципамъ.

Все сказанное относится къ проявленію характера въ истинномъ, идеальномъ, его видѣ въ нормальномъ организмѣ. На практикѣ же встрѣчаются люди, которымъ приписываютъ обла-

даніе характеромъ, но которые его развивали только подъ вліяніемъ однихъ внѣшнихъ условій. Собственно говоря, волевымъ проявленіемъ можетъ быть только дѣйствіе по внутреннему, собственному начинанію человѣка, т. е. дѣйствіе не по знаніямъ, удержаннымъ памятью, а на основаніи усвоенныхъ понятій и идей. Нельзя говорить о проявленіи воли, если стойко и послѣдовательно исполняется внѣшнимъ способомъ привитое дѣйствіе; это будетъ уже исполненіе чужой воли или дѣйствіе для удовлетворенія своихъ чувствованій, стало-быть, съ эгоистической цѣлью, а такія дѣйствія могутъ быть проявленіемъ развѣ только внѣшняго, или физическаго, характера. Условіемъ для развитія такого явленія будетъ какой-либо извнѣ дѣйствующій угнетающій моментъ и физическій трудъ, производимый не по слову, а по показаннымъ пріемамъ, а также какое-либо сильно развитое чувствованіе. Такъ называемое спартанское воспитаніе, военная дисциплина, физическія мѣры и, наконецъ, даже психическія или нравственныя мѣры могутъ являться тормозомъ инстинктивныхъ стремленій темперамента и пріучить человѣка строго и даже послѣдовательно исполнять извѣстныя дѣйствія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не только нѣтъ личной (самостоятельной) иниціативы, т. е. воли лица, а напротивъ того, она подавлена, и есть только исполнительность чужой воли. Воля есть активное субъективное проявленіе, или проявленіе даннаго лица; будетъ логической ошибкой, если допустить пассивную волю. Въ послѣднемъ случаѣ можно говорить только о „хотѣніи“ и „желаніи“, какъ о выраженіи потребностей, связанныхъ съ удовлетвореніемъ чувственныхъ отправленій лица, быстрота и сила проявленія которыхъ будетъ зависѣть отъ его темперамента.

Различіе между истиннымъ характеромъ, обусловленнымъ волей, и физическимъ, или внѣшнимъ, характеромъ огромное: въ первомъ главнымъ моментомъ проявленія будутъ выработанныя самимъ человѣкомъ условія, и именно, его нравственныя качества, во второмъ же—внѣшнія условія или сильно развитыя чувствованія, при устраненіи или неудовлетвореніи которыхъ уже нельзя ожидать дальнѣйшаго совершенствованія человѣка, а напротивъ того, наступаетъ даже ослабленіе той дѣятельности, которую онъ былъ вынужденъ проявлять, или которую онъ вообще проявлялъ.

Какія, спрашивается, существуютъ научныя данныя для выясненія проявленія характера лица? Извѣстно слѣдующее [1]):

1. Всякое возбужденіе, идущее извнѣ или отъ какой-либо части человѣческаго тѣла, будетъ передаваться по существующимъ проводникамъ (нервамъ) только къ мозговымъ центрамъ. Элементы, которымъ оно здѣсь можетъ передаваться, называются чувствительными (сензитивными) элементами. Въ центрахъ это возбужденіе можетъ по промежуточнымъ (центральнымъ) проводникамъ передаваться сосѣднимъ чувствительнымъ элементамъ и доходить до элементовъ, находящихся на поверхности полушарій большого мозга, гдѣ сосредоточены центры, съ которыми связана сознательная дѣятельность. Отъ элементовъ этихъ центровъ возбужденіе можетъ передаваться какъ другимъ подобнымъ центрамъ, такъ и элементамъ, отъ которыхъ идутъ проводники къ двигательнымъ аппаратамъ тѣла. Послѣдніе элементы называются двигательными (моторными) элементами.

2. Два единовременно дѣйствующія возбужденія могутъ оказать двоякій эффектъ: либо возбужденія встрѣчаются въ чувствительныхъ элементахъ и здѣсь понижаютъ другъ друга, или взаимно ослабляются, т. е. производятъ задерживающее вліяніе, или задерживающій эффектъ; либо они встрѣчаются въ двигательныхъ элементахъ и тогда могутъ слагаться, или суммироваться, т. е. произвести эффектъ усиленнаго движенія или дѣйствія.

Первая часть второго положенія согласна съ наблюденіями, что два болевыя ощущенія, вызванныя единовременно, ослабляютъ другъ друга или даже совершенно уничтожаются. То же самое замѣчается и въ отношеніи волевыхъ отправленій: возбудитель, дѣйствующій извнѣ или исходящій изъ самого тѣла, можетъ быть пониженъ или заторможенъ единовременно съ нимъ возбужденными волевыми отправленіями, и этимъ понизится или затормозится могущій быть эффектъ возбужденія. Такой же можетъ быть результатъ, если возбудителемъ пробуждаются слѣды (память) различныхъ мѣръ, которыя примѣнялись, или проявленій извѣстныхъ ощущеній или чувствованій, или слѣды различныхъ вынужденныхъ хотѣній и желаній. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, необходимо, чтобы были

[1]) W. Wundt. Untersuchungen zur Mechanik der Nerven und Nervencentren. Stuttgart. 1876. 2. Abth., стр. 133 — 138.

слѣды волевыхъ отправленій, и чтобы они всегда пробуждались съ возбужденіемъ какихъ-либо ощущеній и чувствованій. Эти же послѣднія поэтому не должны вызывать отраженныхъ, или рефлекторныхъ, движеній, а напротивъ, возбуждать дѣятельность разума и, соотвѣтственно этой дѣятельности, волевыя проявленія и какъ результатъ — дѣйствія, строго распредѣленныя по времени.

Такіе слѣды воли, или, по Гербарту, память воли (Gedächtniss des Willens), оставляются только упражненіемъ, т. е. работой, постепенно и послѣдовательно пріучающей человѣка владѣть своими ощущеніями и чувствованіями, а также направлять свою дѣятельность къ извѣстной опредѣленной цѣли. Поэтому цѣлесообразная разумная дѣятельность, не дающая развиваться чувственнымъ проявленіямъ, трудъ и работа составляютъ, повидимому, главные моменты для развитія характера человѣка, т. е. для развитія привычки самостоятельно и съ энергіей проявлять свою дѣятельность какъ умственную, такъ и физическую, видоизмѣняя свои дѣйствія на основаніи усвоенныхъ истинъ и сознательнаго знакомства съ элементами физическаго труда. Главною цѣлью работы человѣка надъ самимъ собою должно быть возможно большее проявленіе индивидуальныхъ творческихъ силъ и нравственное самосовершенствованіе.

Выше уже было сказано, что воля можетъ быть выработана только дѣятельностью разума и не можетъ состоять въ повтореніи (имитаціи) знаній, собранныхъ памятью, воспроизводимыхъ по ихъ ассоціаціи, не усвоенныхъ анализомъ и не провѣренныхъ опытомъ. Ясно, что для этого необходимо развитіе разума, а это возможно только при строгомъ разъединеніи получаемыхъ впечатлѣній по времени и постепенномъ и послѣдовательномъ усиленіи умственной дѣятельности какъ аналитической, такъ и синтетической, что будетъ въ зависимости отъ развитія типа человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно допустить проявленіе нравственнаго характера у человѣка лицемѣрнаго типа; ложь, обнаруживаемая имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, несогласима съ прямо противоположными истинами, необходимо лежащими въ основаніи характера. Точно также нельзя ожидать проявленія характера у лицъ заласканнаго типа: имъ не достаетъ собственнаго опыта и иниціативы, дѣйствія ихъ мало провѣрены и появляются по преимуществу подъ вліяніемъ случайно дѣйствующихъ причинъ. Проявленіе харак-

тера можетъ быть у лицъ честолюбиваго и злостно-забитаго типа: одинъ дисциплинируется своимъ желаніемъ первенствовать, другой внѣшними унижающими и оскорбляющими его мѣрами, вслѣдствіе чего у него является стремленіе (вѣрнѣе хотѣніе) не отставать отъ другихъ и защитить недостаточно, по его мнѣнію, признаваемое за нимъ личное достоинство (самолюбіе). Но это будетъ физическій (реальный) характеръ; свои желанія или хотѣнія люди обоихъ этихъ типовъ могутъ высказывать въ очень сильной степени, если для этого у нихъ будутъ личныя основанія; безъ нихъ же они могутъ проявлять лишь полную безхарактерность и дѣйствовать только соотвѣтственно своимъ чувствованіямъ. Если, слѣдовательно, внѣшніе стимулы для проявленія желаній или хотѣній у нихъ существуютъ, то они въ состояніи настойчиво и энергично дѣйствовать, хотя дѣятельность ихъ будетъ болѣе разсудочная, чѣмъ разумная. Они болѣе повторяютъ заученное и вообще все усвоенное памятью и отличаются небольшою аналитическою дѣятельностью, соотвѣтственно своимъ типичнымъ проявленіямъ. Лица добродушнаго типа, съ развитою дѣятельностью разума, обыкновенно отличаются недостаткомъ своего физическаго образованія; они мало привыкли къ настойчивому труду и такъ же мало привыкли владѣть своими чувствованіями, а потому они не въ состояніи достаточно проявить свой нравственный характеръ. Этотъ послѣдній сильно проявляется, но имѣетъ болѣе личное, менѣе широкое (въ особенности общественное) примѣненіе у лицъ угнетеннаго типа.

Такъ какъ проявленіе истиннаго характера связано съ извѣстною степенью умственнаго и нравственнаго развитія, то понятно, что типъ лица составляетъ нѣкоторое предрасположеніе къ развитію характера; но такъ какъ послѣдній складывается главнымъ образомъ изъ отношенія волевыхъ отправленій къ чувствованіямъ, изъ умѣнья дѣйствовать на основаніи понятыхъ общихъ положеній и усвоенныхъ элементовъ физическаго труда, чѣмъ и оттѣняется преобладающій у даннаго лица способъ его размышленія и дѣйствія, то, хотя бы и существовало предрасположеніе, характеръ все же не установится, если не будетъ умѣнья владѣть своими чувствованіями если дѣйствія не будутъ проявляться съ энергіей и съ индивидуальною особенностью. Поэтому необходимо строго отличать типъ отъ характера, какъ проявленія, рѣзко между собою

отличающіяся. Понятно, что наибольшее предрасположеніе къ развитію нормальнаго характера долженъ представлять нормальный темпераментъ съ нормальнымъ типомъ. Насколько существуетъ приближеніе къ этому темпераменту и типу, настолько вѣроятно предрасположеніе къ развитію нормальнаго нравственнаго характера.

Выше уже было приведено, что для развитія характера въ древней Греціи обращали вниманіе главнымъ образомъ на умѣнье владѣть своими ощущеніями и чувствованіями. Для этого пріучали стойко переносить всѣ тѣ чувствованія, которыя связаны съ отправленіями органовъ растительной жизни, пріучали переносить холодъ, жару и болевыя ощущенія. Всѣ эти условія имѣютъ особенное значеніе при воспитаніи въ семьѣ, и на нихъ нельзя не обратить вниманія и не выяснить себѣ истиннаго ихъ значенія.

На основаніи собственнаго опыта каждому извѣстно, что можно удовлетворить ощущеніе голода принятіемъ небольшого количества пищи, но можно привыкнуть и къ противоположному и удовлетворяться только чувствомъ насыщенія. При принятіи пищи можно удовлетворять чувствамъ вкуса, голода и насыщенія. Послѣднее зависитъ отъ мышечнаго чувства, получаемаго при большемъ или меньшемъ напряженіи брюшныхъ стѣнокъ. Чувство голода есть явленіе очень сложное, оно слагается изъ ряда ощущеній, связанныхъ съ дѣятельностью нѣсколькихъ органовъ, начиная съ мышцъ губъ, языка, жевательнаго аппарата и далѣе мышцъ глотки, пищепріемника внизъ до желудка; кромѣ того, здѣсь еще участвуетъ также раздраженіе, производимое продуктами выдѣленія железъ по всему протяженію этого пути до выхода желудка. Сложность чувства голода подтверждается наблюденіемъ надъ больными, у которыхъ появились страданія, препятствующія прохожденію пищи по пищепріемнику. При образованіи у нихъ оперативнымъ путемъ свища желудка и наполненіи послѣдняго пищею черезъ этотъ свищъ они жалуются на „верхній голодъ“, для удовлетворенія котораго они просятъ пожевать пищу, которую затѣмъ выплевываютъ; но и это не удовлетворяетъ чувства голода: послѣ удовлетворенія „нижняго“ и „верхняго“ голода остается еще неудовлетвореннымъ „средній“ голодъ. Чувство вкуса не способствуетъ отличію вредной пищи отъ полезной, имъ пріучаются руководствоваться только при

распознаваніи нѣкоторыхъ качествъ различной принимаемой пищи: эти качества припоминаются, а по нимъ и принятая пища. Сравненіемъ это чувство можетъ быть сильно развито и можетъ служить критеріемъ для точнаго опредѣленія и запоминанія качествъ пищи. Человѣкъ нуждается въ пищѣ только для возстановленія траты, связанной съ постоянно происходящею въ живомъ организмѣ дѣятельностью и усиливающейся вмѣстѣ съ усиленіемъ этой дѣятельности. Чувство голода очень скоро удовлетворяется, но обыкновенно оказывается, что принимаемою пищею стараются или сильнѣе возбуждать вкусовыя впечатлѣнія, или же вызывать чувство насыщенія. Ни къ тому, ни къ другому не слѣдуетъ пріучать ребенка, иначе это будутъ прибавочныя раздраженія, которыя, постепенно усиливаясь, потребуютъ со временемъ много энергіи, чтобы заставить себя преодолѣть ихъ. Дѣти обыкновенно охотно принимаютъ сладкія вещества, а также растительную пищу и большое количество питья; первыя сравнительно сильнѣе возбуждаютъ вкусовыя впечатлѣнія, а послѣднія растягиваютъ желудокъ и тѣмъ сильно напрягаютъ брюшныя стѣнки, вызывая этимъ чувство насыщенія. Насколько сильно и прихотливо бываетъ обыкновенно развито вкусовое чувство, видно изъ того, что въ такъ называемомъ интеллигентномъ классѣ дѣти во время ѣды отказываются то отъ одной, то отъ другой пищи, либо прямо подражая взрослымъ, либо выбирая постоянно то, что производитъ у нихъ болѣе рѣзкое вкусовое ощущеніе. То, что всего выгоднѣе для возстановленія ихъ траты, то, что содержитъ въ наименьшемъ объемѣ возможно большее количество питательныхъ веществъ, удобоперевариваемыхъ желудкомъ, какъ, напримѣръ, мясо, яйца, молоко, ими обыкновенно неохотно принимается, между тѣмъ какъ эти-то вещества и необходимы какъ для простого возстановленія постоянной траты, такъ и для процессовъ образованія (формаціи) и роста, происходящихъ въ дѣтскомъ организмѣ. Указанная пища въ простомъ видѣ, повидимому, менѣе раздражаетъ чувство вкуса, чѣмъ вещества сладкія; ею труднѣе наѣсться до чувства насыщенія. Чувство насыщенія у дѣтей вызывается также принятіемъ большого количества питья, чаще въ видѣ холодной воды. Не говоря уже о томъ, какъ невыгодны для правильнаго хода пищеваренія частыя перемѣны пищи различной температуры, такая перемѣна, напр.,

во время обѣда положительно вредна для зубовъ, какъ это выяснится послѣ при описаніи прорѣзыванія и замѣны зубовъ. Нормальный процессъ пищеваренія можетъ совершаться только при извѣстной температурѣ; холодная пища должна еще нагрѣться до нормальной температуры, и тогда только возстановится нормальный процессъ. Большое количество воды растягиваетъ желудокъ и этимъ вызываетъ также чувство насыщенія. Наконецъ, самый процессъ принятія пищи обыкновенно соединяется съ такимъ произвольнымъ разборомъ принимаемой пищи, что превращается въ актъ, содѣйствующій только развитію чувственныхъ проявленій ребенка. Прибавленіе къ пищѣ пряныхъ веществъ (горчицы, перцу, ванили и т. п.) или употребленіе различныхъ крѣпкихъ напитковъ (водки, пива, вина, ликеровъ и т. п.), — все это прибавочныя раздраженія, требующія постепеннаго ихъ усиленія, иначе и необходимые процессы не будутъ совершаться правильно.

Изъ всѣхъ этихъ мелкихъ явленій, которыя могутъ казаться второстепенными и ничего незначащими, на самомъ дѣлѣ складываются главныя условія для развитія физическаго характера лица, безъ котораго не можетъ сложиться и нравственный его характеръ. Какое большое значеніе имѣетъ чувствованіе, сопровождающее принятіе пищи, можно видѣть при нѣкоторыхъ страданіяхъ желудка и въ особенности при его хроническомъ катарѣ. При этой болѣзни стѣнки желудка покрываются густою, тягучею слизью, которая препятствуетъ непосредственному дѣйствію желудочнаго сока на содержимое желудка. Вслѣдствіе этого сокъ этотъ раздражаетъ стѣнки желудка, и принимаемая пища можетъ быть опять выведена наружу въ непереваренномъ видѣ. Постоянно поддерживающееся раздраженіе такъ безпокоитъ и тревожитъ больного, что онъ не въ состояніи сосредоточиться надъ своимъ дѣломъ: вездѣ ему кажутся неудачи, ничто его не удовлетворяетъ, и онъ постоянно отыскиваетъ причины своихъ страданій внѣ себя, во всѣхъ окружающихъ и въ своихъ дѣлахъ. Хорошій наблюдатель-клиницистъ, профессоръ Нимейеръ [1]), говоритъ, что люди съ такими страданіями желудка отличаются большою нерѣшительностью, недовѣріемъ къ своимъ силамъ, даже разочарованностью въ

[1]) Die Krankheiten der Digestionsorgane, der Leber und Milz. Berlin. 1859, стр. 449.

своемъ положеніи, въ своихъ дѣлахъ и т. д. Эта безвыходность состоянія опять исчезаетъ съ уничтоженіемъ болѣзни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ Нимейеръ, пришлось ему лѣчить одного богатаго человѣка съ хроническимъ катаромъ желудка и кишекъ, которому во время его болѣзни казалось, что онъ долженъ обанкрутиться. Онъ остановилъ постройку своего дома, такъ какъ полагалъ, что у него не хватитъ на это средствъ, и т. п. Послѣ четырехнедѣльнаго лѣченія у него опять возстановилась его прежняя увѣренность въ своихъ силахъ и богатствѣ, и онъ покончилъ постройку своего великолѣпнаго дома безъ препятствій.

Приведенные изъ медицинской литературы мнѣніе и случай ясно показываютъ, какое огромное значеніе имѣютъ постепенно усиливающіяся у человѣка чувствованія, если онъ не въ состояніи съ ними совладать; онъ имъ вполнѣ повинуется и такъ глубоко страдаетъ, что никакія слова не могутъ разувѣрить его въ его ненормальныхъ ощущеніяхъ. Кромѣ того, наблюдаемыя при этомъ явленія имѣютъ еще и другое значеніе: они показываютъ, что первоначально человѣкъ знакомится съ прямыми непосредственными впечатлѣніями и соотвѣтственно имъ и дѣйствуетъ, а затѣмъ производитъ такія же дѣйствія подъ вліяніемъ аналогичныхъ чувствованій и душевныхъ волненій, т. е., причины физическія могутъ вызывать такія непосредственныя проявленія, которыя впослѣдствіи могутъ быть вызваны психическими причинами, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ раньше всего будетъ отыскивать причины ихъ внѣ себя, въ окружающей его средѣ. Принимаемая пища не удовлетворяетъ потребностямъ, поддерживающееся раздраженіе переводитъ это неудовлетвореніе на все окружающее и даже на дѣятельность человѣка. Невозможность управлять своими потребностями, вслѣдствіе возрастающаго прибавочнаго раздраженія, отражается также и на психической дѣятельности: являются нерѣшительность, податливость всякому внѣшнему вліянію и подражательныя явленія. Это оказывается общимъ положеніемъ, которое можно хорошо прослѣдить и выяснить при изученіи мимики лица [1]). Здѣсь

[1]) См. П. Лесгафтъ. О генетической связи между выраженіемъ лица и дѣятельностью мышцъ, окружающихъ органы высшихъ чувствъ. Москва. 1881. Извѣстія общ. люб. естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. — Основы теоретической анатоміи. Спб. 1905. Часть I, стр. 314.

это положеніе, какъ уже сказано, выражается такимъ образомъ: „Пріучаясь относить сокращенія мышцъ, окружающихъ органы высшихъ чувствъ, къ получаемымъ ощущеніямъ или впечатлѣніямъ, производятъ такія же сокращенія подъ вліяніемъ чувствованій, соотвѣтствующихъ этимъ впечатлѣніямъ, при чемъ степень сокращенія и число участвующихъ мышечныхъ группъ прямо пропорціональны силѣ впечатлѣнія“.

Подобно тому, какъ принятіе пищи можетъ быть превращено въ чувственный актъ, то же самое можетъ быть и съ отправленіями дыхательныхъ органовъ. У входа въ дыхательные пути расположенъ органъ обонянія. Это чувство не можетъ служить для опредѣленія пользы или вреда вдыхаемаго воздуха; притомъ же у человѣка оно такъ слабо развито, что онъ можетъ отличать только болѣе рѣзкія впечатлѣнія. Упражненіемъ можно развить и это чувство, но далеко не до такой степени, какъ это замѣчается, напримѣръ, у собакъ, которыя по обонянію могутъ прослѣдить какъ извѣстнаго имъ человѣка, такъ и опредѣленное животное. При посредствѣ этого чувства человѣкъ, повидимому, въ состояніи распознавать различныя газообразныя вещества, отличающіяся своимъ запахомъ. Если въ помѣщеніи, гдѣ ребенокъ спитъ, или гдѣ онъ постоянно находится, поставить цвѣты съ сильнымъ запахомъ, или пульверизировать различными благовонными жидкостями, или душить ими платье и бѣлье, то ребенокъ легко пріучается къ этимъ прибавочнымъ раздраженіямъ до того, что безъ нихъ его необходимыя отправленія будутъ понижены. Всѣ эти благовонныя жидкости содержатъ въ себѣ эфирныя масла, которыя испаряются и вліяютъ на вдыхаемый воздухъ, при чемъ послѣдній въ такомъ случаѣ всего легче воспринимается. Въ такомъ воздухѣ дыханіе становится болѣе поверхностнымъ, и дѣятельность дыхательныхъ мышцъ постепенно понижается. Если привыкнуть къ такому воздуху, то переходъ въ воздухъ безъ этой примѣси, слѣдовательно, въ помѣщеніе, наполненное просто чистымъ воздухомъ, потребуетъ усиленной непривычной работы дыхательныхъ мышцъ, которая приведетъ скоро къ одышкѣ вслѣдствіе мышечнаго утомленія. Подобное же вліяніе, но только съ противоположнымъ смысломъ, будетъ имѣть наполненіе комнаты дымомъ какого-либо курева (табаку); это также прибавочный раздражитель, на которомъ наглядно (у привычныхъ курильщиковъ) видно, какъ трудно

освободиться отъ этихъ раздражителей, и какъ они понижаютъ сознательное управленіе чувствованіями. Подобно тому, какъ ростъ и образованіе (формацію) подъ вліяніемъ болѣе возвышенной температуры или подъ вліяніемъ только извѣстныхъ цвѣтныхъ лучей нельзя назвать нормальными, точно такъ же нельзя назвать такою и формацію ребенка подъ вліяніемъ вдыханія благовонныхъ испареній, являющихся уже прибавочными раздражителями.

Точно также всякія лишнія украшенія какъ у мальчика, такъ и у дѣвочки явятся прибавочными раздражителями и будутъ содѣйствовать только чувственнымъ проявленіямъ. Въ одеждѣ должна быть соблюдаема главнымъ образомъ простота и чистота, содѣйствующія всего болѣе правильному развитію и устраняющія прибавочные раздражители.

Одно изъ отправленій, сопровождаемыхъ самыми сильными чувствованіями, есть половое отправленіе. Эти чувствованія у ребенка въ тѣхъ случаяхъ по крайней мѣрѣ, гдѣ они развиваются до такой степени, что ими трудно владѣть, возбуждаются какимъ-либо внѣшнимъ раздраженіемъ. Прямое указаніе на раздраженіе половыхъ частей, имитація, тѣлесныя наказанія по ягодичной области, недостаточная чистота половыхъ частей, внѣшнія ласки, раздражающія чувствительную поверхность тѣла, и т. п. составляютъ главныя условія, содѣйствующія возбужденію полового чувствованія и искусственному поддержанію этого возбужденія. Наблюденія надъ появленіемъ этого чувства у дѣтей и надъ вліяніемъ его на ихъ дѣйствія наглядно показываютъ, что происходитъ съ ними при развитіи этихъ чувствованій. Такія дѣти часто просятъ, чтобы имъ завязывали руки и этимъ, по возможности, мѣшали имъ раздражать половыя части. Приходилось наблюдать 12-лѣтняго мальчика, который часто и быстро переходилъ съ мѣста на мѣсто, всѣ карманы его были наполнены камешками, которые набиралъ онъ себѣ въ ротъ и передвигалъ ихъ для раздраженія стѣнокъ полости рта; несмотря на мѣсто и присутствующихъ, онъ очень часто искусственно раздражалъ свои половыя части и такъ постоянно переходилъ отъ одного раздраженія къ другому. Ѣлъ онъ съ особенною жадностью и могъ съѣдать огромныя количества пищи. Сосредоточиться надъ какимъ-нибудь дѣломъ онъ не былъ въ состояніи и совершенно не могъ управлять собой. Бросить мячъ къ опредѣленному мѣсту или поймать брошенный ему онъ не имѣлъ

терпѣнія и не былъ въ состояніи этого сдѣлать. Вообще онъ не могъ заставить себя сдѣлать что-либо, все ему скучно; онъ такъ мало могъ сосредоточивать свое вниманіе на своихъ дѣйствіяхъ, что даже не интонировалъ своей рѣчи, а всегда какъ-то отрывисто произносилъ совершенно однообразные, глухіе звуки. Память у него вовсе не была развита, ни къ кому онъ не былъ привязанъ; онъ поѣстъ, быстро подвигается, а затѣмъ, сидя на стулѣ, скоро и крѣпко заснетъ. Всѣ его инстинктивныя стремленія были направлены только къ постоянному раздраженію себя, при чемъ онъ лишь переходилъ отъ одного вида раздраженія къ другому. Въ данномъ случаѣ не было и слѣда проявленія физическаго характера, здѣсь были только одни инстинктивныя стремленія.

Всѣ эти чувствованія, связанныя съ отправленіями органовъ растительной жизни, имѣютъ несомнѣнное отношеніе къ развитію физическаго характера человѣка: чѣмъ менѣе они развиты, тѣмъ легче человѣкъ можетъ съ ними справляться и покорять ихъ своей волѣ; пріучившись же справляться съ ними непосредственно, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріучается справляться со всѣми являющимися у него аналогичными ощущеніями и чувствованіями. Что касается полового чувствованія, то можно сказать, что чѣмъ позже оно возбуждается, тѣмъ легче съ нимъ справиться, въ особенности, если молодой человѣкъ уже пріучился хотя нѣсколько проявлять свои волевыя отправленія. Всѣ эти чувствованія, или растительныя ощущенія, не должны, слѣдовательно, появляться у ребенка въ такой степени, чтобы въ видѣ прибавочныхъ раздраженій задерживать или затруднять волевыя проявленія. Какимъ же образомъ слѣдуетъ предупреждать ихъ развитіе и появленіе?

Что касается пищи, то необходимо, чтобы въ ней отсутствовало все, что можетъ усиливать раздраженіе, всякія пряныя вещества и вообще излишніе вкусовые возбудители. Пища должна служить только матеріаломъ, необходимымъ для развитія и роста ребенка и возстановленія всѣхъ его тратъ, слѣдовательно, должна отличаться своею питательностью и не содержать веществъ, неперевариваемыхъ организмомъ въ извѣстный періодъ его развитія и вызывающихъ своимъ качествомъ или количествомъ прибавочныя ощущенія. Послѣ, въ частномъ отдѣлѣ будетъ разбираться вопросъ о болѣе выгодномъ способѣ питанія ребенка, и поэтому теперь не будемъ

входить въ подробности. То же можно сказать и въ отношеніи питья, воздуха, одежды и т. д. При выясненіи значенія всѣхъ этихъ условій необходимо, кромѣ того, помнить, что, чѣмъ болѣе ребенокъ привязанъ къ извѣстному лицу и чѣмъ болѣе его цѣнитъ, тѣмъ болѣе имитируетъ его дѣйствія, въ особенности, если онъ не привыкъ еще разсуждать надъ получаемыми впечатлѣніями.

Кромѣ чувствованій, соединенныхъ съ отправленіями органовъ растительной жизни, на развитіе физическаго характера ребенка вліяютъ еще и многія другія условія, какъ, напримѣръ, различныя развлеченія, разсчитанныя на сильное впечатлѣніе для взрослаго, въ которыхъ часто принимаютъ участіе и дѣти (балы, вечера, театры и другія публичныя развлеченія); они сильнымъ своимъ впечатлѣніемъ являются опять же прибавочными раздражителями, съ которыми трудно бороться ребенку. Справиться съ ними, отнестись сознательно и овладѣть возбужденнымъ ими чувствованіемъ онъ можетъ только тогда, когда уже пріучился управлять собою. Точно такое же значеніе имѣетъ привычка постоянно находиться въ возвышенной температурѣ, при чемъ послѣдняя является также прибавочнымъ раздражителемъ относительно средней температуры помѣщенія (около 14° R.). Постепенно и послѣдовательно пріучая ребенка къ дѣятельности какъ при пониженной, такъ и при возвышенной температурѣ, можно пріучить его справляться съ температурными вліяніями, что невозможно при постоянно однообразной возвышенной температурѣ. Всѣ эти условія имѣютъ, безъ сомнѣнія, огромное значеніе при развитіи характера ребенка, и ими, какъ уже выше было указано, пользовались въ древности и достигали несомнѣнныхъ результатовъ.

Существеннымъ условіемъ для развитія характера, кромѣ того, будетъ еще трудъ, послѣдовательная серьезная работа съ достиженіемъ опредѣленной цѣли, несмотря ни на какія препятствія. Если школа можетъ вліять на развитіе характера ребенка, то это можно ожидать главнымъ образомъ отъ систематически направленныхъ занятій, пріучающихъ простѣйшимъ путемъ справляться съ препятствіями. Понятно, что эти занятія не могутъ состоять исключительно только въ умственной работѣ, а непремѣнно должны заключаться также въ равной мѣрѣ и въ физическомъ трудѣ. Послѣдній долженъ научить молодого человѣка управлять своимъ организмомъ, при

чемъ онъ долженъ пріучиться какъ къ опредѣленію пространственныхъ отношеній, такъ и къ распредѣленію своей работы по времени и такимъ образомъ познакомиться съ элементами всякой простой работы. При всякой сознательной цѣлесообразной работѣ необходимо настолько владѣть собой, чтобы простѣйшимъ путемъ въ возможно меньшій промежутокъ времени достигнуть опредѣленной цѣли. Слѣдовательно, здѣсь необходимо умѣнье сосредоточивать свое вниманіе, а также направлять свою дѣятельность къ достиженію намѣченной цѣли. Здѣсь поэтому существуютъ всѣ условія для того, чтобы научиться управлять своими ощущеніями и чувствованіями, что именно и требуется для развитія характера человѣка.

Физическое образованіе, обыкновенно называемое гимнастикою, оставлено педагогами совершенно безъ всякаго вниманія, что можно объяснить только ихъ незнакомствомъ со строеніемъ человѣческаго организма и тѣсной взаимной связью между всѣми его отправленіями. Они полагаютъ обыкновенно, что для умственнаго образованія необходимо возможно большее накопленіе знаній, что нравственное воспитаніе можно вести наставленіями и выговорами, а физическое образованіе случайными упражненіями на какихъ-либо гимнастическихъ аппаратахъ подъ руководствомъ совершенно неподготовленныхъ къ педагогической дѣятельности лицъ. Съ такими мнѣніями ни въ какомъ случаѣ согласиться нельзя.

Физическое образованіе ребенка должно быть направлено къ тому, чтобы научить его владѣть и управлять проявленіемъ своихъ силъ и своими дѣйствіями и подготовить ко всякой элементарной работѣ настолько, чтобы по слову или по написанному наставленію онъ былъ въ состояніи сдѣлать все ему необходимое. Задачу физическаго образованія такъ же, какъ и задачу умственнаго образованія можно еще опредѣлить слѣдующимъ образомъ: оно непремѣнно должно содѣйствовать уменьшенію произвола въ дѣйствіяхъ человѣка и развитію самостоятельности его проявленій. Ребенокъ долженъ пріучиться владѣть собою настолько, чтобы съ наименьшею тратой силъ производить наибольшую работу въ возможно меньшій промежутокъ времени. Понятно, что эта цѣль не можетъ быть достигнута случайными движеніями и упражненіями на имѣющихся въ распоряженіи гимнастическихъ аппаратахъ. Здѣсь должна быть такая же послѣдовательность, какъ и при

умственномъ образованіи, и съ соблюденіемъ тѣхъ же педагогическихъ основаній, какъ и въ послѣднемъ случаѣ.

При семейномъ воспитаніи, гдѣ нѣтъ той теоретической систематичности, которою отличается школа, все только подготовляютъ, чтобы потомъ уже привести въ систематическую послѣдовательность. Если при этомъ воспитаніи избѣгаютъ, по возможности, всего, что содѣйствуетъ вліянію прибавочныхъ раздраженій, а затѣмъ предоставляютъ ребенку самому отыскивать себѣ занятія, то все же оказывается необходимымъ требовать, чтобы разъ начатое дѣло было непремѣнно доведено имъ до конца, и ранѣе не было предпринято ничего другого. Все нужное для ребенка, что можетъ быть исполнено имъ самимъ, и исполненіе чего соотвѣтствуетъ его умѣнью, должно быть предоставлено его самодѣятельности; такая мелкая работа, по возможности, точно исполненная, доставляетъ обыкновенно ему удовольствіе, всего лучше подготовляетъ къ болѣе сложной дѣятельности и придаетъ ему извѣстную увѣренность въ своихъ силахъ. Чѣмъ болѣе онъ дѣлаетъ себѣ самъ все необходимое, чѣмъ раньше являются у него извѣстныя обязательства, даже отвѣтственность въ дѣйствіяхъ, тѣмъ внимательнѣе онъ будетъ относиться къ своимъ занятіямъ, и тѣмъ точнѣе онъ будетъ ихъ исполнять. При всемъ этомъ онъ долженъ дѣйствовать, по возможности, не по частнымъ указаніямъ для каждаго отдѣльнаго случая, но непремѣнно по собственной иниціативѣ или только по кратко и просто выясненнымъ ему общимъ положеніямъ. Никогда и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ребенку показывать пріемы какой-либо работы, все онъ долженъ дѣлать по слову и выясненію. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо только начинать свои выясненія съ пріема, ему уже извѣстнаго, и затѣмъ съ послѣднимъ логически связать неизвѣстное. Показанный пріемъ перенимается ребенкомъ и можетъ быть повторенъ имъ совершенно механически; онъ мало сосредоточиваетъ на немъ вниманіе и поэтому недостаточно сознательно его воспринимаетъ. Между тѣмъ какъ прислушиваясь къ выясненію этого пріема, онъ долженъ представить себѣ сначала все по полученнымъ звуковымъ впечатлѣніямъ, а затѣмъ уже дѣйствовать соотвѣтственно этому сознательному умственному акту, видоизмѣняя при этомъ знакомый ему пріемъ, смотря по полученнымъ имъ новымъ представленіямъ. При этомъ дѣятельность его гораздо

болѣе разъединяется по времени; на ней сосредоточивается большее вниманіе, и происходитъ болѣе сознательное направленіе его дѣйствій. Все это будутъ самыя главныя условія для того, чтобы лучше управлять своими ощущеніями и чувствованіями и чтобы пріучиться къ волевымъ проявленіямъ.

Обыкновенно слишкомъ опасаются всякихъ препятствій, которыя ребенокъ можетъ встрѣтить при своей дѣятельности, и поэтому стараются устранить ихъ и облегчить ему работу. Этимъ, напротивъ, совершенно уничтожаютъ то, чего желали достигнуть данною работой, а именно, умѣнье преодолѣвать препятствія. Если ребенку показать какой-либо предметъ, то онъ при этомъ можетъ усвоить себѣ только форму этого предмета, но не можетъ составить понятія объ этой формѣ и понятія о самомъ предметѣ. Напротивъ того, если возможно просто и доступно выяснить ему предметъ одними только словами, такъ что сначала онъ себѣ представитъ этотъ предметъ изъ выясненія, а затѣмъ уже показать ему его для провѣрки составленнаго имъ представленія, то тогда онъ можетъ себѣ составить понятіе о самомъ предметѣ и его формѣ.

Въ первомъ случаѣ у ребенка нѣтъ акта сознательнаго представленія по слуховымъ впечатлѣніямъ, который именно и является для него главнымъ моментомъ, требующимъ всего болѣе напряженія и всего болѣе способствующимъ проявленію умственныхъ, а также волевыхъ его отправленій; облегчать его или избѣгать, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Твердость, рѣшительность и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ развиваются главнымъ образомъ при стойкомъ преодолѣваніи встрѣчающихся препятствій, которыя поэтому и не слѣдуетъ обходить какими-либо путями. Затрудненія, являющіяся при умственной работѣ, часто обходятся памятью, сильное развитіе которой всегда связано съ соотвѣтственнымъ недостаткомъ аналитической дѣятельности. Ребенокъ стремится всегда достигнуть опредѣленной цѣли возможно легкимъ способомъ; если поэтому у него какая-либо способность сильно развита, то онъ всегда и будетъ пользоваться ею. При сильно развитой памяти онъ скорѣе и легче всего можетъ все усвоить ею, и поэтому всегда будетъ избѣгать болѣе труднаго и продолжительнаго усвоенія анализомъ, требующимъ большаго распредѣленія производимой работы по времени. Точно также, если ему прямо показать какой-либо пріемъ, то онъ его меха-

нически повторитъ какъ болѣе легкій способъ производства, чѣмъ представленіе себѣ по слову и дѣйствіе соотвѣтственно этому представленію. Гораздо выгоднѣе для ребенка, если всѣ предметы своихъ занятій или развлеченій онъ самъ себѣ приготовитъ, чѣмъ если ему поднести приготовленныя и различнымъ образомъ украшенныя игрушки съ различными непонятными для него механизмами и превращеніями; онѣ только поразятъ его, и онъ ихъ сейчасъ же разломаетъ, чтобы доискаться причины замѣчаемыхъ имъ явленій. Разломанная игрушка не выяснитъ ему тайны замѣченныхъ имъ явленій, и самый предметъ потеряетъ для него всякое значеніе. Между тѣмъ какъ то, что онъ самъ сдѣлалъ, извѣстно ему во всѣхъ подробностяхъ, и созданное имъ цѣлое сохраняетъ для него свое значеніе какъ результатъ собственнаго труда, вполнѣ выясненнаго и усвоеннаго.

Главныя препятствія, всего труднѣе преодолѣваемыя человѣкомъ, это — чувственныя его стремленія, зависящія, какъ уже выше сказано, отъ тепловыхъ силъ, растительныхъ ощущеній и чувствованій и проявляемыя смотря по его темпераменту. Умѣнье преодолѣвать препятствія, порождаемыя организмомъ, именно и состоитъ въ сознательномъ направленіи этихъ силъ и возбуждаемыхъ ими ощущеній и чувствованій и въ дисциплинированіи своихъ дѣйствій. Всякая работа, состоящая въ преодолѣваніи ряда препятствій, пріучаетъ поэтому ребенка всего вѣрнѣе къ управленію собой; необходимо только, чтобы эти препятствія постепенно росли и осложнялись, и чтобы въ преодолѣваніи ихъ принимала участіе какъ умственная, такъ и физическая его энергія. Если ребенокъ пріучился управлять своими дѣйствіями, то необходимо еще условіе, подъ вліяніемъ котораго эти его дѣйствія проявлялись бы въ опредѣленномъ направленіи: это — понятіе о правдѣ, которой онъ долженъ руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Это выработанное имъ понятіе о правдѣ должно у него привычно возбуждаться каждымъ дѣйствующимъ на него раздражителемъ и направлять каждое его дѣйствіе. Всѣ эти привычки должны быть усваиваемы при семейномъ воспитаніи ребенка и должны ложиться въ основаніе развитія нравственнаго характера человѣка.

Выше уже было сказано, отъ какихъ условій зависитъ развитіе темперамента ребенка, и насколько послѣдній связанъ съ

условіями утробной жизни, а также съ условіями развитія растительной его жизни послѣ появленія его на свѣтъ.

Типъ ребенка находится въ зависимости отъ умственнаго его развитія и выясненія имъ себѣ понятія о правдѣ. Наконецъ, характеръ слагается изъ отношенія волевыхъ проявленій къ ощущеніямъ и чувствованіямъ (т. е. умѣнья размышлять и дѣйствовать не по заученнымъ правиламъ и инструкціямъ, а по общимъ положеніямъ и истинамъ, а также по усвоеннымъ общимъ способамъ дѣятельности) и направленія дѣйствій по выработаннымъ имъ нравственнымъ основаніямъ. Слѣдовательно, темпераментъ находится въ зависимости отъ гигіеническихъ условій, при которыхъ ребенокъ зарождается, растетъ и формируется; типъ—отъ вліянія окружающей среды и разнообразія впечатлѣній, которыя онъ получаетъ и усваиваетъ; характеръ — отъ умственной и физической самодѣятельности и умѣнья преодолѣвать препятствія на основаніи усвоенныхъ общихъ положеній и истинъ, а также общихъ способовъ дѣйствій, а нравственный характеръ—еще отъ постояннаго руководства принципомъ правды при преодолѣваніи этихъ препятствій.

Характеръ, говорятъ обыкновенно, развивается только при борьбѣ и затрудненіяхъ, и часто полагаютъ, что безъ такой борьбы не можетъ быть характера. Это вѣрно въ томъ отношеніи, что первоначально приходится бороться человѣку съ собственными слабостями, недостатками и привычками, приходится не только не удовлетворять своимъ ощущеніямъ и чувствованіямъ, но и превращать ихъ въ нормальныхъ возбудителей своей дѣятельности, затѣмъ продолжать эту борьбу въ видѣ умственной и физической работъ, провѣряющихъ, дополняющихъ и направляющихъ другъ друга. Все, что приходится усвоить возможно болѣе самостоятельною работой, всего сильнѣе вліяетъ на развитіе характера, такъ какъ при этомъ наиболѣе приходится слѣдить за всѣми своими дѣйствіями и владѣть своими ощущеніями и чувствованіями. Самостоятельность дѣйствій составляетъ при этомъ, понятно, очень существенное условіе, ибо только въ этомъ случаѣ дѣйствію предшествуетъ сознательная умственная работа, которою и направляются волевыя отправленія.

Борьба встрѣчается также и у животныхъ, но у нихъ она совершается только подъ вліяніемъ ощущенія или чувствованія и связана съ проявленіями ихъ темперамента. Животныя

могутъ быть также дисциплинированы, но только вліяніемъ внѣшняго возбудителя, а не самостоятельною умственною дѣятельностью. Хитрость, проявляемая животнымъ для скорѣйшаго достиженія своей цѣли, будетъ либо послѣдствіемъ имитаціи видѣннаго примѣра, либо послѣдствіемъ бывшаго опыта, сохраненнаго памятью. Если животное при стремленіи достигнуть извѣстной цѣли встрѣчается съ затрудненіями или страданіями, оно старается ихъ избѣгнуть и поэтому выжидаетъ момента, когда затрудненія эти отсутствуютъ, или когда оно можетъ достигнуть цѣли безъ всякихъ страданій. Разъ ему все это удается, оно повторяетъ то же самое во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а память о бывшихъ затрудненіяхъ или страданіяхъ является задерживающимъ моментомъ его дѣйствій. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нельзя говорить о какихъ-либо волевыхъ проявленіяхъ; поэтому у животныхъ можно встрѣтить проявленія, соотвѣтствующія физическому характеру человѣка, но не можетъ быть и рѣчи о существованіи у нихъ какого-либо подобія нравственнаго характера человѣка, связаннаго всегда съ размышленіями и съ отвлеченнымъ понятіемъ о правдѣ.

Всякое инстинктивное стремленіе, зависящее отъ темперамента, отличается своею шаткостью, измѣнчивостью и случайностью; оно находится въ полной зависимости, напримѣръ, отъ барометрическаго давленія воздуха, отъ качества принятой пищи, отъ неудовлетворенія какого-либо возбужденія. Ощущенія и чувствованія должны являться возбудителями сознательныхъ и волевыхъ отправленій, но они не могутъ быть непосредственными руководителями дѣйствій человѣка, иначе онъ оставался бы на уровнѣ растенія и развѣ возвысился бы только до уровня животнаго, но никогда не дошелъ бы до уровня человѣка, умѣющаго создавать себѣ идеалы и стремящагося приблизиться къ нимъ. Съ перваго момента внѣутробной жизни необходимо избѣгать примѣненія внѣшнихъ прибавочныхъ возбудителей, для чего необходимо пониманіе природы ребенка и терпѣливое къ нему отношеніе.

При первоначальномъ воспитаніи всего нагляднѣе можно видѣть все значеніе серьезно образованной матери. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть выше и цѣннѣе умной матери; можно сказать, что уровень развитія общества находится всегда въ прямой связи и прямой пропорціональности съ уровнемъ

развитія женщины. Чѣмъ выше образованіе женщины, тѣмъ серьезнѣе можетъ быть направлено семейное воспитаніе ребенка, имѣющее, безъ сомнѣнія, самое серьезное значеніе для всей жизни человѣка. Естественною руководительницей ребенка является прежде всего мать. Разумность и высокое образованіе женщины всего сильнѣе будетъ вліять на развитіе и образованіе нравственнаго характера ребенка. Только такая [женщина, никогда не допуская произвола, лжи или оскорбленія ребенка, будетъ въ состояніи содѣйствовать умственному его развитію и установленію его нравственнаго характера. Она не будетъ ограничиваться внѣшностью, а во-время сказаннымъ словомъ и разъясненіемъ сумѣетъ поддержать активную дѣятельность ребенка, а также будетъ содѣйствовать усвоенію имъ понятія о правдѣ. Она не будетъ поддерживать его чувственныхъ проявленій, а будетъ непремѣнно содѣйствовать развитію сознательной его дѣятельности.

При выясненіи условій развитія типа было сказано, что необходимо предоставлять ребенку самому наталкиваться на окружающія его явленія и выяснять себѣ ихъ значеніе. Относительно развитія характера теперь слѣдуетъ прибавить, что для этого необходимо поддерживать постоянную активную дѣятельность ребенка, также съ его собственною иниціативой, но только чтобы все дѣлаемое было имъ исполнено, по возможности, полнѣе и окончено, т. е., чтобы производимое дѣйствіе непремѣнно было доведено до конца. Все это должно быть исполнено по усвоенной привычкѣ, безъ нарушенія добраго отношенія къ ребенку со стороны матери или воспитателя. Въ сказанномъ необходимо придерживаться строгой послѣдовательности и не допускать ни малѣйшаго произвола. Необходимо помнить, что содѣйствовать развитію характера ребенка возможно только при умѣньи владѣть собой и при вполнѣ сознательномъ отношеніи къ своимъ дѣйствіямъ.

Изъ всего сказаннаго объ условіяхъ развитія характера оказывается, что самымъ существеннымъ моментомъ будетъ привычка справляться съ встрѣчаемыми препятствіями на основаніи усвоенныхъ общихъ истинъ и положеній, а также покорять свои чувствованія, которыя должны являться нормальнымъ возбудителемъ сознательной дѣятельности. Всего болѣе эти условія выполняются при настойчивыхъ упражненіяхъ въ самостоятельной дѣятельности какъ умственной, такъ

и физической. Необходимо, чтобы дѣйствія были цѣлесообразны, сознательны и составляли результатъ волевыхъ проявленій. Особенное значеніе при этомъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, всякая послѣдовательная физическая работа, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе она является результатомъ умственной работы, или служитъ для провѣрки послѣдней. Всякая подобная физическая работа требуетъ послѣдовательности дѣйствія, настойчивости, умѣнья владѣть своими силами и проявлять ихъ соотвѣтственно силѣ препятствія, которое приходится преодолѣвать. Систематическая подготовка къ такой работѣ принадлежитъ школѣ, гдѣ физическое образованіе на ряду съ умственнымъ должно подготовить занимающагося ко всякой элементарной работѣ, къ умѣнью по слову или написанному правилу приступить ко всякому дѣлу и къ исполненію всего необходимаго въ жизни. Въ семейной жизни ребенокъ долженъ быть, какъ это сказано выше, постоянно активнымъ; самъ долженъ отыскивать себѣ занятіе, умѣть ограничивать свои потребности и, по возможности, самъ исполнять все нужное. Практическая школа, или жизнь, при привычкѣ держаться правды и не опасаться труда всего болѣе содѣйствуетъ развитію характера въ борьбѣ съ нуждой и лишеніями. Но такія условія дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на умственную дѣятельность и этимъ нарушаютъ гармонію, послѣдовательность и нормальность отправленій. Въ ожесточенной борьбѣ отсутствуетъ постепенность, поэтому развивается крутой, суровый нравъ, дѣйствія не достаточно распредѣлены по времени, нѣтъ умѣнья тонко разъединять (дифференцировать) и эстетически проявлять свои дѣйствія; нѣтъ той чуткости, предупредительности и внимательности (деликатности), которыя характеризуютъ идейную любовь и привязанность. Систематическая (или теоретическая) школа должна бы содѣйствовать развитію характера полнымъ соотвѣтствіемъ между умственнымъ и физическимъ образованіемъ, пріучая серьезно работать и не отступать отъ усвоенныхъ истинъ, привычно связываемыхъ со всякимъ размышленіемъ и дѣйствіемъ. Такое соединеніе задачъ образованія и воспитанія, однако, трудно выполнимо въ школѣ; это возможно развѣ только при почти идеальномъ пониманіи и выполненіи своихъ обязанностей со стороны преподавателя, умѣющаго увлечь слушателей своимъ предметомъ и пріучить ихъ къ самостоятельной провѣркѣ

своихъ знаній, при этомъ необходимо тѣсное и хорошее товарищество. Все это настолько не выполняется обыкновенною школой, что условія, возбуждающія здѣсь къ дѣятельности, болѣе вліяютъ на развитіе типа, чѣмъ характера лица. Энергія, настойчивость и самостоятельность дѣйствій, составляющія самые существенные признаки проявленія характера, возможны только при вполнѣ сохраненной впечатлительности и умѣньи вполнѣ владѣть собой и направлять свою дѣятельность. Для развитія же нравственнаго характера человѣка необходимо еще, чтобы всякая его дѣятельность соединялась (ассоціировалась) съ направляющимъ вліяніемъ вполнѣ усвоенныхъ истинъ и полною правдивостью какъ въ своихъ размышленіяхъ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ томъ и состоитъ главное отличіе типа отъ характера лица, что въ типѣ видно преимущественно вліяніе окружающей среды на умственное и нравственное развитіе ребенка, а въ характерѣ самостоятельность, видоизмѣненіе и примѣненіе къ жизни всего усвоеннаго образованіемъ и стойкое слѣдованіе твердо установленнымъ основаніямъ, или принципамъ, никогда не расходящимся съ правдою.

До сихъ поръ еще очень распространено мнѣніе, что всякое слѣдованіе своимъ чувствованіямъ и инстинктивнымъ влеченіямъ всего менѣе ломаетъ натуру человѣка и составляетъ явленіе естественное. Затѣмъ часто приходится слышать даже отъ педагоговъ-практиковъ, что нравственное воспитаніе, т. е. воспитаніе нравственнаго характера лица, можетъ быть проведено наставленіями, выговорами, совѣтами и т. д. Такія мнѣнія очень не трудно опровергнуть. Растительныя чувствованія и такъ называемыя инстинктивныя влеченія являются результатомъ раздраженія, передаваемаго со стороны растительныхъ органовъ центрамъ сознательной дѣятельности. Здѣсь они возбуждаютъ обыкновенно не мыслительную дѣятельность, а только хотѣнія и желанія, которыя ведутъ къ животному удовлетворенію этихъ чувствованій, т. е. только къ растительнымъ или животнымъ проявленіямъ организма, выражающимся обыкновенно только отраженными (рефлекторными) дѣйствіями. Руководствоваться, слѣдовательно, въ своихъ дѣйствіяхъ одними растительными чувствованіями, или такъ называемыми инстинктами, значитъ оставаться исключительно въ состояніи животнаго и не возвышаться до разумной жизни, характеризующей человѣка и дѣйствительно содѣй-

ствующей его совершенствованію. При нормальныхъ условіяхъ ощущенія и чувствованія должны являться возбудителями сознательныхъ отправленій, выразителями которыхъ явятся уже волевыя дѣйствія. Только въ такомъ случаѣ „я“ будетъ объективно относиться къ своему тѣлу, направлять дѣятельность человѣка и уменьшать произволъ въ его размышленіяхъ и дѣйствіяхъ; иначе нельзя себѣ представить человѣка какъ сознательнаго члена общества, нельзя допустить самосовершенствованія человѣческаго общества. Только развитіемъ сознательной дѣятельности возможно дойти до отвлеченнаго мышленія, до созданія идеаловъ и стремленія къ ихъ достиженію, какъ существенной цѣли жизни. Чувственныя потребности всегда отличаются тѣмъ, что при своемъ удовлетвореніи онѣ легко доводятъ до насыщенія и даже до пресыщенія и отвращенія и затѣмъ требуютъ болѣе сильнаго возбужденія, иначе вызываютъ апатію, всегда связанную съ пониженіемъ чувствительности, слѣдовательно, съ ослабленіемъ жизнедѣятельности человѣка. Всѣ чувственныя возбужденія подлежатъ поэтому, какъ уже выше сказано, психо-физическому закону: для того, чтобы чувствованіе росло въ ариѳметической прогрессіи, раздраженіе должно усиливаться въ геометрической прогрессіи. Умственная же дѣятельность тѣмъ и отличается, что она никогда не можетъ дойти до полнаго своего удовлетворенія, слѣдовательно, не можетъ быть ни пресыщенія, ни отвращенія; напротивъ того, съ постепеннымъ и послѣдовательнымъ возбужденіемъ ея открываются все новые интересы, завлекающіе своимъ разнообразіемъ, логическою связью и глубиною мысли. Идейная жизнь настолько богата внутреннимъ своимъ содержаніемъ и видоизмѣненіями, что о границѣ ея, слѣдовательно, о пресыщеніи ею, не можетъ быть и рѣчи. Только она заставляетъ отыскивать основанія своихъ дѣйствій внутри себя, знакомиться съ собой, съ достоинствами и качествами своего „я“; этимъ обращеніемъ къ своимъ дѣйствіямъ человѣкъ и научается цѣнить идейную жизнь и ея значеніе выше эгоистической, реальной, животной жизни. Безъ идейной жизни невозможны волевыя проявленія, а, слѣдовательно, невозможны и проявленія истиннаго характера лица. Направляющимъ моментомъ при проявленіи такого характера будутъ опредѣленныя положенія или истины, настолько усвоенныя человѣкомъ, что они привычно связываются (ассоціируются) съ каждымъ ощущеніемъ и чувствованіемъ.

Теперь относительно второго мнѣнія. Понятно, что нравственное воспитаніе ребенка, при которомъ у него слагается понятіе о правдѣ, не можетъ состоять изъ наставленій, совѣтовъ, выговоровъ, дѣлаемыхъ ребенку, и т. д. Всего сильнѣе вліяютъ на ребенка, конечно, примѣры изъ его семейной жизни, а затѣмъ и совершенно объективное выясненіе общихъ положеній, логически слѣдующихъ изъ вполнѣ знакомыхъ ему фактовъ. Наиболѣе выгоднымъ оказывается, если такія общія положенія выводятся при систематическомъ преподаваніи, если они не связаны съ частными случаями, допускающими часто сомнѣнія въ объективности выводовъ. При всемъ этомъ необходимы еще довѣріе и уваженіе воспитанника къ преподавателю и умѣнье послѣдняго выводить общія положенія просто, понятно и въ полной логической связи. Одни же шаблонные указанія и совѣты воспитателей и наставниковъ обыкновенно остаются безъ всякаго вліянія, во-первыхъ, вслѣдствіе своей случайности и поэтому недостаточной логической связи съ фактическими знаніями ребенка; во-вторыхъ, часто отъ недостаточной своей объективности и убѣдительности для ребенка, легко заподозрѣвающаго вѣрность внушаемаго ему положенія; въ-третьихъ, вслѣдствіе обыкновенно допускаемыхъ выводовъ, болѣе или менѣе оскорбительныхъ для ребенка и поэтому уничтожающихъ всякое желаемое на него вліяніе, и въ-четвертыхъ, отъ частаго повторенія и однообразія, дѣйствующихъ утомляющимъ образомъ. Кромѣ того, за нравственное воспитаніе обыкновенно берется всякій, несмотря на собственные свои недостатки и отсутствіе требуемаго для этого образованія и опыта, а часто даже несмотря на недостатокъ правдивости и искренности въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ и вообще къ дѣлу. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ о нравственномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи, а напротивъ того, высказанные наставленія и совѣты имѣютъ даже неблагопріятное значеніе, потому что вызываютъ рядъ рефлекторныхъ явленій со стороны ребенка, или притупляютъ его впечатлительность къ слову наставника и этимъ понижаютъ вліяніе и значеніе послѣдняго. Во всякомъ случаѣ, нравственный характеръ лица складывается всего позже и только при установившемся понятіи о правдѣ, когда оно настолько уже утвердилось, что является привычнымъ регуляторомъ при всѣхъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ человѣка. Этому необходимо должна предше-

ствовать самостоятельная психическая работа, пріучающая человѣка относиться съ полнымъ самосознаніемъ ко всѣмъ появляющимся у него ощущеніямъ и чувствованіямъ и всегда контролирующая его дѣйствія сложившимися понятіями о правдѣ. И это самосознаніе, и эти понятія не могутъ быть усвоены путемъ внѣшнихъ вліяній, а могутъ составлять только результатъ анализа его собственныхъ проявленій и дѣйствій.

Нравственный характеръ лица можетъ развиваться, безъ сомнѣнія, и на основаніи наблюденій, опытности и разсужденій, т. е. практическимъ путемъ, но только на счетъ глубины и широты пониманія истины. Такое явленіе нерѣдко приходится наблюдать и у молодыхъ людей, въ особенности страстно увлеченныхъ какимъ-либо ученіемъ, изъ котораго они почерпаютъ основанія какъ для выясненія себѣ истины, такъ и для руководства въ своей практической дѣятельности. Но дѣло въ томъ, что, когда нравственный характеръ лица развивался подъ вліяніемъ постоянной активной самостоятельной дѣятельности, постепенно развивающейся привычки владѣть своими ощущеніями и чувствованіями и систематическаго развитія отвлеченнаго мышленія и понятія о правдѣ, слѣдовательно, при возможно болѣе широкомъ умственномъ развитіи и наибольшей самостоятельности въ своихъ проявленіяхъ, тогда, понятно, и дѣятельность такого лица должна быть полнѣе шире и настойчивѣе. Сектанты же, или увлеченные какимъ-либо ученіемъ, развивающіе свой характеръ только на основаніи наблюденія и опыта, слѣдовательно, практическимъ путемъ, никогда не будутъ отличаться той широтой разсужденія и дѣятельности, какъ въ первомъ случаѣ; ихъ идеалы уже, они усвоены ими по выясненію или ученію другихъ, здѣсь, слѣдовательно, должно быть менѣе самостоятельныхъ проявленій, дѣятельность должна быть уже, и основы менѣе тверды. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ главнымъ задерживающимъ и направляющимъ, или руководящимъ, моментомъ при дѣйствіи лица будутъ усвоенныя истины и понятіе о правдѣ, при чемъ слагается объективное отношеніе личнаго „я“ къ нашимъ ощущеніямъ, чувствованіямъ и стремленіямъ.

Такимъ же задерживающимъ моментомъ могутъ быть личныя, или эгоистическія, требованія лица или же внѣшнее вліяніе въ видѣ различныхъ мѣръ и преслѣдованій. Честолюбивый ребенокъ строго слѣдитъ за своими дѣйствіями и въ

состояніи удерживать и направлять ихъ, смотря по своимъ требованіямъ и нуждамъ, но все это только до тѣхъ поръ, пока его личныя стремленія и выгоды побуждаютъ его къ этому; какъ скоро у него такихъ побудительныхъ причинъ нѣтъ, онъ становится апатичнымъ и мало впечатлительнымъ. То же самое замѣчается во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ идейныхъ руководящихъ основаній, а есть только личные мотивы, являющіеся прибавочными возбудителями активныхъ дѣйствій, даже стойкихъ и послѣдовательныхъ, продолжающихся однакоже только до удовлетворенія этихъ прибавочныхъ возбудителей или мотивовъ. Это, слѣдовательно, только относительное проявленіе характера, нестойкое, ненадежное, всегда измѣняющееся вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій дѣятельности и отсутствіемъ личныхъ реальныхъ выгодъ. Здѣсь нельзя говорить объ отношеніи волевыхъ проявленій къ чувствованіямъ, ибо собственно воли, направленной истиной, нѣтъ, а есть односторонне-развитое чувствованіе; вся дѣятельность лица обусловливается желаніемъ поддерживать и удовлетворять это чувствованіе. Одностороннее, сильно нарастающее чувствованіе является въ такомъ случаѣ возбудителемъ, направляющимъ дѣятельность человѣка; такой реальный, или чувственный, характеръ складывается, слѣдовательно, изъ отношенія сильно развитого желанія, могущаго возрасти до страсти, къ остальнымъ ощущеніямъ и чувствованіямъ. Этотъ видъ мнимаго характера встрѣчается всего чаще и можетъ настолько походить на истинный, что всѣми обыкновенно и признается за истинный характеръ. Узнается онъ только въ такихъ случаяхъ, когда личныя эгоистическія стремленія не удовлетворены, оскорблены, или когда нѣтъ благопріятныхъ условій для ихъ возбужденія. Вмѣсто прежней силы и энергіи является апатія, погоня за перемѣной впечатлѣній, и взамѣнъ неудовлетвореннаго чувствованія или развившихся личныхъ потребностей замѣчается отыскиваніе различныхъ прибавочныхъ раздражителей, какъ карты, вино и тому подобныя возбуждающія средства. Нѣтъ большей муки, какъ апатія и отсутствіе руководящихъ моментовъ для дѣятельности; понижается вся жизнедѣятельность человѣка, и онъ самъ порой замѣчаетъ свое разложеніе и распаденіе.

Наконецъ, тормозящими, или задерживающими, условіями могутъ еще являться и внѣшнія мѣры, психическія или физи-

ческія. Такія внѣшнія дисциплинирующія мѣры всегда сводятся къ тому, чтобы болѣе сильными ощущеніями или чувствованіями затормозить дѣйствія ребенка или направить ихъ извѣстнымъ образомъ. Мѣры эти могутъ состоять въ сильныхъ слуховыхъ впечатлѣніяхъ, въ наставленіяхъ, выговорахъ, въ болевыхъ ощущеніяхъ, вызываемыхъ различными положеніями тѣла наказываемаго или тѣлесными наказаніями, въ оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ, въ арестахъ или лишеніяхъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ полагаютъ, что принятыми мѣрами направляютъ нравственное развитіе ребенка и содѣйствуютъ развитію его характера, т. е. пріучаютъ сдерживать свои рефлекторныя дѣйствія и владѣть своими чувствованіями. Относительно сильныхъ раздраженій или возбужденій можно сказать, что они понижаютъ, или останавливаютъ рефлекторныя явленія и вообще дѣйствуютъ задерживающимъ (тормозящимъ) образомъ на дѣйствія лица; этимъ объясняется вліяніе всякихъ физическихъ и нравственныхъ оскорбленій и мѣръ, такъ часто примѣняемыхъ для дисциплинированія и даже, какъ говорятъ, для направленія нравственнаго развитія ребенка. Изъ сказаннаго о развитіи нравственнаго характера человѣка уже извѣстно, что такими мѣрами и способами можно только понизить впечатлительность ребенка, а ни въ какомъ случаѣ не содѣйствовать проявленію его самостоятельности и развитію у него нравственныхъ качествъ.

Всякая внѣшняя дисциплина ни въ какомъ случаѣ не можетъ вліять на понятіе о правдѣ, а, слѣдовательно, не можетъ содѣйствовать и нравственному развитію. Она, какъ всякое рѣзкое дѣйствіе, можетъ только притупить впечатлительность ребенка и уменьшить или даже уничтожить всякое самостоятельное проявленіе: при такихъ условіяхъ не можетъ быть поэтому и рѣчи о развитіи характера.

Изъ всего сказаннаго видно, что главнымъ моментомъ для развитія характера будетъ привычка руководствоваться при мышленіи и дѣйствіяхъ вполнѣ усвоенными положеніями и истинами, являющимися для нихъ самымъ существеннымъ руководящимъ, или направляющимъ, вліяніемъ.

Отъ состава и питанія тканей, органовъ и частей человѣческаго тѣла, отъ силы и быстроты происходящаго въ нихъ обмѣна зависитъ энергія проявляемой тѣломъ дѣятельности. Самое проявленіе активной силы въ организмѣ находится въ

прямой зависимости отъ существующей при этомъ опоры. Изъ основныхъ положеній динамики, и именно изъ закона объ инерціи вещества и закона о равенствѣ дѣйствія и противодѣйствія, слѣдуетъ [1]), что на проявленіе физическихъ силъ въ организмѣ человѣка нельзя смотрѣть, какъ на однѣ только внутреннія его силы, дѣятельность которыхъ при обыкновенныхъ условіяхъ могла бы проявиться безъ внѣшней опоры со стороны почвы или укрѣпленныхъ на ней частей тѣла. Если вообразить человѣка помѣщеннымъ въ средѣ, которая не оказываетъ никакого сопротивленія, какъ, напр., въ безвоздушномъ пространствѣ, внѣ всякой опоры, то при такихъ условіяхъ для него не было бы возможности производить какія-либо движенія какою-либо частью тѣла. Проявленіе силъ въ тѣлѣ находится поэтому въ прямой зависимости отъ опоры, на которой оно стоитъ; эта послѣдняя есть, слѣдовательно, сила внѣшняя относительно нашего тѣла; она и является необходимымъ условіемъ при перемѣщеніи его центра тяжести [2]). Такимъ образомъ, съ одной стороны, отъ внутреннихъ условій питанія и развитія организма, съ другой, отъ внѣшней опоры будетъ зависѣть энергія проявляемыхъ организмомъ силъ. Пріучить давать опору частямъ, которыми производится движеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ производить всѣ возможныя въ нашемъ организмѣ движенія вполнѣ сознательно, цѣлесообразно съ необходимымъ напряженіемъ и съ соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ по времени—будетъ задача физическаго образованія человѣка. Индивидуальныя же видоизмѣненія всѣхъ этихъ движеній и волевыя проявленія будутъ уже въ зависимости отъ способа дѣйствія, преобладающаго у даннаго лица, и отъ его характера. Изъ этого сопоставленія должна выясниться зависимость дѣйствій человѣка отъ окружающей его среды, а также отъ темперамента, типа и характера.

Эти же законы динамики имѣютъ полное свое значеніе и при проявленіи умственныхъ силъ человѣка. Въ здоровомъ организмѣ возбудителями умственной дѣятельности являются всѣ окружающіе его предметы, дѣйствующіе на органы высшихъ чувствъ и на чувствительную поверхность тѣла. Актив-

[1]) См. П. Лесгафтъ. Основы теоретической анатоміи. Спб. 1905. Ч. 1, стр. 243 — 246.

[2]) Н. Вышнеградскій. Элементарная механика. С.-Петербургъ. 1860, стр. 223.

ныя умственныя силы являются поэтому также возбужденными извнѣ и подлежащими закону инерціи вещества. Ни одно ощущеніе и чувствованіе, ни одна мысль не являются у человѣка безъ вліянія посредственно или непосредственно извнѣ дѣйствующаго возбудителя. Здѣсь также должно быть равенство дѣйствія и противодѣйствія, при чемъ внѣшній міръ является опорой, безъ противодѣйствія которой невозможно никакое дѣйствіе. Мышленіе возможно только при строгомъ разъединеніи получаемыхъ впечатлѣній по времени, при чемъ такъ же, какъ при активно-физическихъ проявленіяхъ, будутъ имѣть свое значеніе законы о независимости силы отъ предшествовавшаго раздраженія и о независимости вліянія силъ, дѣйствующихъ одновременно, т. е., дѣйствующая сила вліяетъ совершенно независимо отъ состоянія тканей, на которыя она дѣйствуетъ: будетъ ли ткань ослаблена, или нѣтъ, сама сила отъ этого не измѣняется, измѣнится только эффектъ ея дѣйствія. Такъ что всѣ законы динамики, имѣющіе существенное значеніе при проявленіи физическихъ силъ, имѣютъ такое же значеніе и при проявленіи умственныхъ силъ. Если представить себѣ ребенка, отъ котораго устраняли всякое вліяніе окружающаго міра на органы его высшихъ чувствъ, то такой ребенокъ не могъ бы проявлять никакой сознательной дѣятельности: чѣмъ менѣе будетъ внѣшнее вліяніе на него, тѣмъ рѣзче у него будутъ замѣтны явленія слабоумія. При устраненіи отъ ребенка всего, что могло бы дѣйствовать на возбужденіе его умственной дѣятельности, эта дѣятельность, понятно, и не можетъ у него развиться; вслѣдствіе инертнаго его бездѣйствія должно понизиться питаніе въ соотвѣтственныхъ органахъ или центрахъ, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшится и способность воспринимать внѣшнія впечатлѣнія. Притупленіемъ впечатлительности обусловливается невозможность наблюденія, а также и появленія какой-либо опытности. На самомъ дѣлѣ, заласканный ребенокъ, котораго тщательно ограждали отъ всякаго вліянія окружающей его среды, дѣйствія котораго всегда предупреждали и все отъ него отстраняли, всегда представляетъ извѣстную степень слабоумія, смотря по тому, насколько удаляли отъ него всякія внѣшнія вліянія и ограничивали его дѣятельность. Вѣдь сравненіемъ различныхъ впечатлѣній, а именно, впечатлѣній, получаемыхъ органами высшихъ чувствъ, составляются у ребенка представленія о значеніи различныхъ влія-

ющихъ на него возбудителей, и вмѣстѣ съ этимъ у него появляется возможность отличать правду.

Всѣ приведенныя условія, содѣйствующія умственному и физическому образованію ребенка и умѣнью отличать правду, однако вліяютъ главнымъ образомъ на развитіе его типа; здѣсь могутъ не проявляться еще индивидуальныя, субъективныя его размышленія и дѣйствія. Типическія явленія какъ послѣдствія извѣстной степени сознательности и правдивости повторяются всегда съ замѣчательнымъ постоянствомъ, какъ скоро опредѣленныя условія вліяли на ихъ развитіе. Знакомство съ извѣстнымъ типомъ позволяетъ довольно точно предсказывать дѣйствія лица во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ, и, чѣмъ рѣзче такой типъ развитъ, тѣмъ опредѣленнѣе его дѣйствія. Но тутъ не достаетъ индивидуальныхъ проявленій воли, нѣтъ личныхъ дѣйствій, указывающихъ на умѣнье объективно относиться и справляться со своими ощущеніями и чувствованіями. Это неумѣнье объективно относиться къ своимъ ощущеніямъ и чувствованіямъ очень существенно; оно исключаетъ возможность самосовершенствованія и связано только со стадными проявленіями. Видоизмѣненія въ типичныхъ проявленіяхъ будутъ только въ зависимости отъ темперамента лица, волевыя же отправленія могутъ совершенно отсутствовать. Мода, внѣшность, подражаніе (имитація) полученнымъ впечатлѣніямъ и знаніямъ и тому подобныя стадныя явленія будутъ всегда преобладать надъ проявленіями воли.

Если при умственномъ образованіи усваивались не одни только знанія, а умственная работа была настолько разъединена по времени, что развилось отвлеченное мышленіе, усвоились общія понятія и истины, то несмотря на то, что поняты элементы, изъ которыхъ эти истины слагаются, а также способы, при посредствѣ которыхъ, руководствуясь этими истинами, возможно выяснить себѣ частныя явленія, все же необходимо еще, чтобы онѣ были провѣрены наблюденіемъ и жизненнымъ опытомъ, иначе эти истины не будутъ служить основаніемъ самостоятельныхъ, индивидуальныхъ проявленій человѣка. Истины, усвоенныя памятью и не провѣренныя опытомъ, при изученіи которыхъ, слѣдовательно, не были проложены пути къ тѣмъ сознательнымъ центрамъ, дѣятельность которыхъ необходима для ихъ самостоятельной выработки и провѣрки, не могутъ еще ложиться въ основаніе дѣйствій человѣка и служить

основаніемъ волевыхъ его отправленій, такъ какъ для этого необходимо полное ихъ усвоеніе, необходима подготовка, которою уясняется все ихъ значеніе и примѣняемость.

Характеръ въ отличіе отъ типа долженъ выражаться индивидуальными, субъективными проявленіями воли, слѣдовательно, не заученнымъ или повтореннымъ (имитированнымъ) дѣйствіемъ, а самостоятельнымъ видоизмѣненіемъ понятаго и вполнѣ усвоеннаго. Для развитія характера необходимо поэтому усвоеніе общихъ положеній и истинъ, необходима наблюдательность и опытность, умѣнье на основаніи ихъ дѣйствовать и проявлять въ своей дѣятельности свое личное, индивидуальное участіе, умѣнье видоизмѣнять свои дѣйствія, смотря по волевымъ своимъ отправленіямъ и условіямъ, при которыхъ приходится ихъ проявлять. Ошибки, неудачи, лишенія, а также всякія случайности должны только увеличивать опытность и содѣйствовать совершенствованію человѣка, ни въ какомъ случаѣ не понижая его дѣятельности и не вызывая у него бездѣйствія и апатіи. Совершенствованіе возможно только при объективномъ отношеніи къ требованіямъ своего организма и ко всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ это именно условіе чаще всего отсутствуетъ. Типичныя проявленія и стадность обыкновенно доходятъ до того, что человѣкъ нуждается въ готовыхъ формахъ и пріемахъ не только для одежды, молитвы, украшеній и развлеченій, но даже для рѣчи, письма, для всѣхъ своихъ душевныхъ проявленій и выраженій. Мода предписываетъ часто невозможныя и вредныя уродованія тѣла; она часто превращаетъ человѣка въ движущуюся вѣшалку, въ потерявшій человѣческій образъ манекенъ, и обыкновенно даже преслѣдуютъ людей, не слѣдующихъ модѣ и отличающихся простотой и непосредственностью своей внѣшности и своего обращенія. Внѣшность и мишурное приличіе, ложь и лицемѣріе, поддерживаемыя типичностью и стадностью, всего вѣрнѣе уничтожаются развитіемъ нравственнаго характера лица, индивидуальными самостоятельными волевыми его проявленіями, руководимыми правдой, и личною провѣркой усвоенныхъ истинъ. Образованіе должно развить у человѣка способность тонко разъединять (дифференцировать) получаемыя имъ впечатлѣнія, выяснять истину и сознательно, просто и цѣлесообразно дѣйствовать, чтобы индивидуальнымъ видоизмѣненіемъ своихъ дѣйствій и даже творчествомъ онъ всегда могъ самостоятельно про-

являть свою дѣятельность, свой характеръ. Только въ послѣднемъ случаѣ возможно самосовершенствованіе и разумная жизнь, исключительно принадлежащая человѣку и отличающая его отъ животнаго. *Самосовершенствованіе это и будетъ проявляться въ нравственномъ характерѣ лица, въ индивидуальныхъ самостоятельныхъ его дѣйствіяхъ, направленныхъ правдой, т. е. правдивостью въ своемъ самосознаніи и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ, принятою въ основаніе всѣхъ его размышленій и дѣйствій.*

На основаніи всего сказаннаго объ основныхъ проявленіяхъ человѣка можно прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Характеръ лица выражается его умѣньемъ руководствоваться въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ общими положеніями или истинами и проявлять на основаніи ихъ свою индивидуальную самостоятельную дѣятельность.

2. Эти общія положенія или истины вырабатываются либо наблюденіемъ и опытомъ, либо систематическимъ образованіемъ, но эти истины должны быть всегда выведены изъ ихъ элементовъ и провѣрены опытомъ и ни въ какомъ случаѣ не усвоены одною памятью.

3. Для провѣрки опытомъ необходимо знакомство съ физическимъ трудомъ, умѣнье владѣть своими дѣйствіями и привычка къ работѣ. Сознательно усвоенные общіе пріемы всякой физической работы должны быть настолько привычны, чтобы возможно было приступать къ провѣркѣ извѣстныхъ положеній со словъ или по писанному наставленію.

4. Сила и быстрота чувствованій и дѣйствій, проявляемыхъ лицомъ, суть выраженія его темперамента; это — проявленія безсознательныя. Отъ степени умственнаго и нравственнаго развитія лица зависитъ его типъ, проявленія котораго общи всѣмъ лицамъ, принадлежащимъ данному типу, и поэтому отличаются стадностью. Стадность эта тѣмъ сильнѣе будетъ проявляться, чѣмъ болѣе знаній и пріемовъ усвоено только памятью, и чѣмъ менѣе они послужили основаніемъ для выработки общихъ истинъ и идей и для возбужденія отвлеченнаго мышленія.

5. Темпераментъ, проявляемый безсознательно и находящійся въ прямой зависимости отъ явленій питанія и тепловыхъ силъ, выраженъ уже у новорожденнаго какъ явленіе врожденное. Онъ можетъ со временемъ измѣниться отъ измѣ-

неній въ составѣ и строеніи организма, а также направляться характеромъ лица. Типъ развивается подъ вліяніемъ окружающей среды, и проявляемая при этомъ дѣятельность (сила) вполнѣ выясняется законами динамики какъ въ умственномъ, нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Проявленія типа общія (стадныя) и соотвѣтствуютъ условіямъ, при которыхъ ребенокъ развивался; типъ устанавливается во время жизни въ семьѣ.

6. Умѣнье проявлять свою волю съ личною, эгоистическою, цѣлью и выгодой, не руководствуясь при этомъ понятіемъ о правдѣ, выражается физическимъ, или реальнымъ, характеромъ лица. Умѣнье объективно относиться къ своимъ дѣйствіямъ и отправленіямъ не связано въ данномъ случаѣ съ общими принципами, съ отвлеченнымъ идеаломъ.

7. Индивидуальныя, субъективныя проявленія воли, направленныя правдой, выражаются нравственнымъ характеромъ лица. Объективное отношеніе къ дѣйствіямъ и отправленіямъ своего тѣла связано при проявленіи нравственнаго характера лица съ правдивостью какъ въ самосознаніи, такъ и въ отношеніяхъ къ окружающимъ. Эти качества всегда указываютъ на выработанный самимъ лицомъ отвлеченный идеалъ и на стремленіе приблизиться къ нему въ своихъ размышленіяхъ и дѣйствіяхъ.

8. Характеръ лица, выражающійся въ личной иниціативѣ и самодѣятельности, связанъ съ умѣньемъ объективно относиться къ своимъ чувствованіямъ и ощущеніямъ и сознательно направлять свои дѣйствія. Проявленія характера индивидуальны; они могутъ быть направлены либо къ увеличенію личнаго тѣлеснаго своего благосостоянія (физическій характеръ), либо быть руководимы понятіемъ о правдѣ (нравственный характеръ). Характеръ лица развивается всего позже и, повидимому, только въ зрѣломъ возрастѣ, подъ конецъ установленія общаго образованія.

9. Самосовершенствованіе въ строгомъ смыслѣ возможно только при развитіи нравственнаго характера, ибо только тогда индивидуальныя волевыя проявленія направляются установившимися понятіями о правдѣ какъ относительно самосознанія человѣка въ его размышленіяхъ и дѣйствіяхъ, такъ и въ отношеніяхъ его къ другимъ.

10. Чѣмъ болѣе ребенокъ во время семейной своей жизни пріучился къ наблюденію и къ самостоятельному труду, тѣмъ

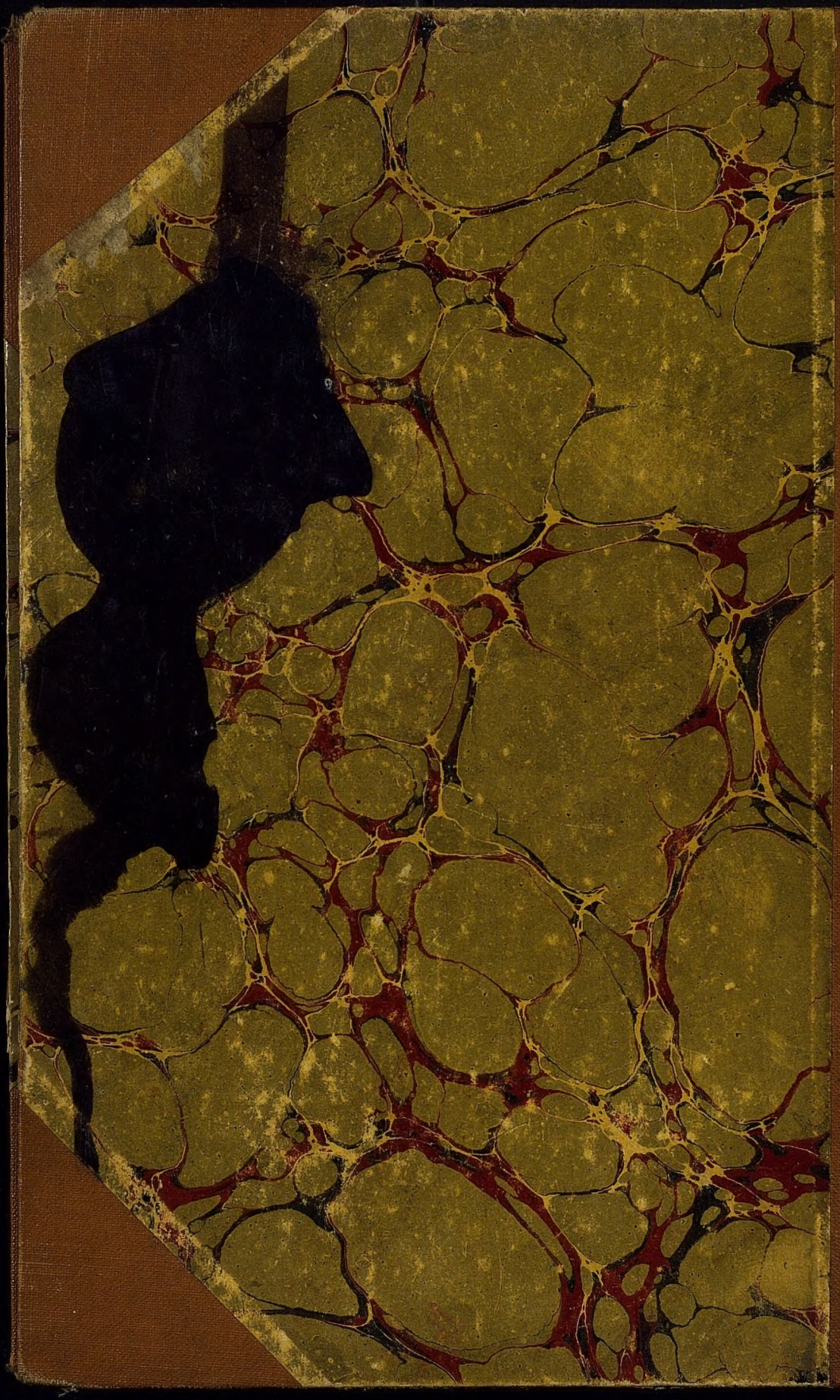
болѣе онъ подготовленъ къ развитію характера, а привычка его къ правдѣ располагаетъ къ развитію у него нравственнаго характера.

11. Ощущенія и чувствованія должны при нормальныхъ условіяхъ являться естественными возбудителями умственныхъ отправленій и увеличивать энергію ихъ проявленія.

12. При воспитаніи необходимо, чтобы ребенокъ находился всегда при условіяхъ, при которыхъ онъ можетъ свободно развиваться: онъ долженъ, по возможности, самъ преодолѣвать встрѣчаемыя имъ препятствія, пріучаться къ постоянной, но не однообразной работѣ съ опредѣленной цѣлью, понимать правду и, кромѣ прямо къ нему обращеннаго слова, не подвергаться никакимъ поощреніямъ или наказаніямъ.

13. Усваиваніе и самостоятельное примѣненіе общихъ положеній и истинъ возможно только при постепенномъ и послѣдовательномъ выясненіи элементовъ, изъ которыхъ эти истины выведены, и умѣньи провѣрять эти истины опытомъ или существующими научными методами. Истина, усвоенная памятью, никогда не можетъ быть самостоятельно примѣнена на дѣлѣ. Трудъ, необходимый для выводовъ и провѣрки усвоенныхъ истинъ, составляетъ самый главный моментъ для развитія объективнаго отношенія къ дѣйствіямъ. Безъ серьезнаго труда и работы развитіе характера невозможно.

14. Отвѣтственность лица за свои дѣйствія должна увеличиваться съ развитіемъ способности объективно относиться къ своимъ отправленіямъ и дѣйствіямъ, а въ особенности съ развитіемъ нравственнаго характера лица.

Связь между темпераментомъ, типомъ и характеромъ уже выясняется изъ всего сказаннаго.

3.50-00